М. БАЛАБАНОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

·ПРИБОЙ·

М. БАЛАБАНОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

„ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД
1929



ЧИТАТЕЛЬ!
Отзыв об этой книге пошли по адресу: Москва, Ильинка, 3, Госиздат, в редакцию журнала „Книга и революция“



Ленинградский Областлит № 36763
19 л. Тираж 10 000 (С, 70. 12675/Пр.)

О т а в т о р а

Первая часть настоящей работы (до 1905 г.) представляет собою сильно (больше чем на половину) сокращенную и местами переработанную книгу автора «История революционного движения в России», вторая же часть, отсутствовавшая в названной книге, написана заново. Как и в первой книге, автор, не преследуя задач самостоятельного исследования истории революционного движения, ставил своей целью дать читателю, имеющему некоторую общую подготовку, общий очерк этой истории, доведенный до революции 1917 г., т. е. охватывающий все прошлое революционного движения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОССИЯ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Революционное движение в России прошло длинный извилистый путь, пока господствующее положение в нем занял рабочий класс в его борьбе против самодержавного порядка.

Классовая борьба уже с давних времен принимала острые формы. Не говоря о борьбе дворянства с родовитою феодально-боярскою знатью, на протяжении веков активно вступало в борьбу и крестьянство. Восстания, руководимые Иваном Болотниковым, Степаном Разиным, Кондратием Булавиным, Емельяном Пугачевым,— таковы наиболее крупные проявления крестьянской борьбы, дополняемые бесчисленными волнениями крепостных крестьян во все время существования крепостного порядка. Сначала это была борьба крестьян против закрепощения, затем борьба с крепостничеством за земли, отнятые у крестьянства. Несмотря на то, что эта борьба принимала яркие формы революционной борьбы (вплоть до массовых вооруженных восстаний и гражданской войны), она не приводила к революционному кризису. Ленин устанавливал три условия, необходимых для того, чтобы создалась «революционная ситуация», без которой невозможна революция: 1) обострение нужды и бедствий угнетенных классов, 2) «кризис верхов», т. е. невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, и 3) значительное повышение в такой обстановке «кризиса верхов», активности масс. Из этих условий налицо тогда был, в сущности, только один — обострение до крайности нужды и бедствий угнетенного класса, крестьянства. В верхах не только не было кризиса, но господствующие классы обладали достаточной силой, чтобы и удерживать свое господство, и приводить крестьянство к «покорности». Крестьянская масса проявляла исключительную активность, на какую она была способна, но эта активность разбивалась силой дворянства, которое преодолевало сопротивление крестьянства утверждению дворянского господства в государстве. «Кризис верхов», как отражение глубоких изменений, происходивших в народном хозяйстве и в соотношении классов, стал обнаруживаться с начала XIX века, ко времени разложения крепостного порядка.

Процесс превращения натурального хозяйства в товарно-денежное уже во второй половине XVIII века начал разлагать крепостной порядок. Росла внутренняя торговля, завязывались все более тесные торговые отношения с Западом, увеличивалось число фабрик, сельское хозяйство захватывалось мировым рынком. В начале 90-х годов XVIII в. за границу вывозилось 233 тыс. четв. разных хле-

бов, в 1802 — 1804 гг. вывоз их поднялся до 2 млн четв. Очевидно, столь значительное возрастание вывоза возможно было только потому, что сельское хозяйство работало на рынок и выбрасывало для продажи все больше продуктов. Подпав под власть рынка, дворянское хозяйство старается усилить свою продукцию, оставаясь, разумеется, еще в границах крепостнических отношений. С другой стороны, капиталы, накопленные в дворянских руках, начинают приливать в промышленность: дворяне не гнушаются становиться фабрикантами, заводят свои предприятия, тем более, что это дает возможность усилить эксплоатацию крепостного труда. Проникают товарно-денежные отношения и в среду крестьянства. Крестьяне, по преимуществу из тех, которых помещики переводили на оброк, начинают заниматься торговлей, промыслами, процесс накопления дает и здесь свои, по тому времени разительные результаты: крестьянство, конечно, более зажиточное, становится столь активным купцом, что вызывает ропот со стороны купечества. Наконец, и купеческий капитал переливается в промышленность, число купеческих фабрик увеличивается, в особенности с того времени, как купцам было предоставлено право приобретать для фабрик земли с крестьянами.

Купеческие и дворянские капиталы — торговые капиталы — переходят в промышленность. Россия обзаводится своей индустрией, в ней зарождается свой промышленный капитализм. Если в XVIII веке можно было насчитать не мало крупных мануфактур, то теперь их число значительно увеличилось, и, сверх того, в производстве в немалых размерах начали применяться машины, конечно, далеко не совершенного типа (водяная и лошадиная силы), но такими машинами по преимуществу работал тогда и Запад. В одном из докладов своих (1823 г.) министр финансов Гурьев указывал, что «предрассудки фабрикантов касательно машин совершенно исчезли и что не только они к сему образу производства никакого отвращения не имеют, но даже изъявляют к тому большую возможность; нет ни одной значительной машины для сукноделия в Европе, которая не была бы в употреблении на русских фабриках». В это время фабриканты не только, как раньше, выписывают иностранных мастеров, но при содействии правительства принимаются за усовершенствование машин, в результате чего некоторые из них начинают изготовляться в России. Росту промышленного капитализма содействует и международная обстановка, — континентальная блокада Англии приводит к воспрещению ввоза английских изделий, что дает сильный толчок развитию промышленности. Если первая частная бумагопрядильная фабрика была основана в России в 1808 г., то в 1812 г. таких фабрик в одной Москве было 11; число шелковых фабрик с 194 в 1809 г. увеличилось до 210 в 1818 г., число бумажных фабрик с 25 в 1780 г. до 74 в 1814 г. и т. д. Несмотря на разрушительное действие войны 1812 г., промышленность продолжала расти и промышленный капитализм укрепляться.

Этот рост не мог, конечно, не отразиться на общественных

настроениях и, прежде всего, на активности зарождавшейся промышленной буржуазии. Фабриканты не сидят сложа руки, но все чаще пытаются оказать давление на правительство всякого рода записками и докладами. Основная мысль всех этих выступлений та же, какую выдвигал промышленный капитал против физиократов на Западе: на земледелии «народное богатство» не может быть основано, необходимо развитие промышленности. Когда после войны 1812 г. правительство переходит на более свободный таможенный тариф, это вызывает со стороны фабрикантов протесты, учащаются жалобы на иностранную конкуренцию, на невыгодную для капитала систему внешней торговли, учащаются и требования восстановления покровительственной системы. «Все государства, — говорилось, напр., в одной записке (в 1821 г.), исходившей от московских промышленных кругов, — восчувствовали почву и преимущества системы промышленной; все по мере сил и способов своих устремились на внутреннее хозяйство, дающее возможность располагать капиталами, умножающее доход народный и ведущее к независимости; все по мере способов и сил своих берут меры к остановлению перевеса иностранной торговли; и даже те государства, которые не могут явно брать меры сии, пользуясь патриотическим мнением своего народа, творят общества, которые изгоняют иностранную промышленность, всегда на плечах народа лежащую, и ободряют отечественную». Записка московского купеческого общества (1823 г.) указывает, что «при ограничении ввоза иностранных товаров фабрики достигнут до совершенства и возникнет много новых», и далее, в частности, говорит о том, что необходимо, «чтоб фабриканты поощрены были к распространению и улучшению своих заведений вниманием правительства и потреблением преимущественно отечественных изделий в казенных заведениях». Московские купцы далее выставляют ряд требований «для восстановления прав купечества», требуют, чтобы дворянство лишено было привилегий торговать без записи в купеческие гильдии, бросают явный вызов дворянам-фабрикантам, требуя, «чтоб дарованные разным фабрикам привилегии и другие преимущества обратились действительно к улучшению сих заведений, а не употреблялись бы по произволу содержателей на другие предметы», требуют, чтобы дворяне, извлекающие выгоду из торговли своих крестьян, отвечали бы в случае неплатежа последними долгов, и т. д.

Как видим, фабриканты выступили уже в это время с требованиями, с которыми в развернутом виде они выступали еще долгое время в будущем: основные интересы их и притязания уже тогда были сформулированы ими достаточно определенно. Характерно, впрочем, что о крепостном праве они говорят с большой осторожностью, а чаще всего совсем не говорят. Щекотливая это была тема, и можно было опасаться, что при заявлении требования об отмене этого права, можно было лишиться всех тех льгот, которых далеко не без успеха добивался промышленный капитал. Но это не значит, конечно, что последний не был заинтересован в отмене кре-

постного права. Напротив, все интересы его лежали по линии экономической свободы, возможности широко использовать вольный труд взамен принудительного, крепостного, уничтожения привилегий дворянства, интенсификации, в возможных тогда пределах, сельского хозяйства в смысле получения сырья для промышленности, установления таких правовых норм, которые открывали бы простор предпринимательству и которые входили в противоречие с нормами крепостного порядка, и т. д. Обо всем этом промышленные капиталисты заявили позже, а пока они, говоря словами Плеханова, имели возможность еще «дышать жабрами».

Формулировка и обобщение требований нарождавшегося промышленного капитализма, его идеологии, буржуазных тенденций развития не должны были обязательно исходить из кругов промышленного капитала. Это тем более не было обязательно, что и в среде помещичьего дворянства имелись такие слои, которые могли стать на точку зрения буржуазии и быть выразителями ее настроений, как и настроений помещиков. Крепостной порядок приходил в противоречие с развитием производительных сил не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Помещики выбрасывали хлеб на рынок, — и притом также на внешний рынок, — а чем выше были цены, чем выгоднее была хлебная торговля, тем больше стимулов было повысить продукцию поместий, сделать ее еще более прибыльной. Но на пути к этому лежало крепостное право, связанное с принудительным, малопроизводительным трудом. С другой стороны, покушения Павла на права и привилегии дворян поставило перед последними задачу добиться гарантии нерушимости своих прав, — отсюда убийство Павла и планы преобразований Сперанского, та общая атмосфера оппозиции, которая давала выход и более крайним настроениям. Таким образом, были слои дворянства,—далеко не все, конечно, дворянство, — которые могли заразиться «буржуазным духом», притязать и на свободу экономическую и на с нею связанные политические преобразования. Выразителями этих настроений, как и тех изменений, какие в общественные отношения вносил промышленный капитал, явились передовые, просвещенные слои дворянской интеллигенции.

Особенно сильный толчок проявлению таких настроений дала война 1812 г. и международная обстановка начала XIX века. Пройдя с войсками Европу, дворянское офицерство могло ознакомиться ближе и с другими порядками и с господствовавшими на Западе идеями Великой французской революции. Это было время также ряда военных переворотов и революций — неаполитанской, португальской, испанской, в результате которых оказалось,—как писал Пестель в своих показаниях, — «столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царей уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных». Передовые слои дворянской интеллигенции воспринимали все эти впечатления, сопоста-

вляли их со всеми мерзостями русской жизни, стоявшими в таком противоречии с тем буржуазным порядком, к необходимости признания которого приходили эти слои. С другой стороны, война 1812 г. отразилась очень тяжело на всем народном хозяйстве. Континентальная блокада затруднила внешнюю торговлю, курс рубля упал, цены сильно возросли, дефицит по государственному бюджету все увеличивался. Все это порождало недовольство самых широких кругов. «Я вам скажу,—писал графу Воронцову его сослуживец, — что при одном взмахе пера нас обеднили на две трети . . . Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведения и постоянные перемены окончательно поколебали то небольшое доверие, которое еще сохранилось к мерам правительства».

Как видим, обстановка в начале XIX века сложилась заново, радикально отличаясь от условий второй половины предшествовавшего столетия. Тогда — крестьянское, пугачевское восстание, грозное, массовое, но бессильное поколебать крепостническую власть, да дворцовые перевороты, революции, так сказать, в домашнем царском кругу, нисколько не создававшие и не проявившие «кризиса верхов». Теперь такой кризис намечался, как отражение глубокого кризиса, в который вступило все крепостное общество. Не было еще и речи о том, что господствующие классы (дворянство) неспособны удержать в неизменном виде власть, но образовалась уже трещина в твердой крепостной власти, потому что трещать начал самый крепостной порядок. Кризис крепостного хозяйства и порождаемые им новые тенденции, продвижение промышленного капитала, обосновывавшегося на позициях «отечественной» промышленности, вклинились в крепостные отношения, разбивали их былую стройность, выдвигали новые общественные силы с новыми настроениями,—силы, которые были недостаточно крепки, чтобы выступить претендентами на власть, но и не столь слабы, чтобы не дать крепостнической власти первое предостережение.

ДЕКАБРИСТЫ

1. БУНТ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА

Настроения крестьянства, протестовавшего и в восстаниях и в мелких волнениях против крепостной зависимости, не могли не передаваться солдатской массе. Военная служба тогда была в особенности тяжела, а изнурительная и длительная война с наполеоновскими войсками подавала солдатам надежду, что после войны станет лучше. По словам декабриста Бестужева, ратники, возвращаясь домой и находя, что ничего не изменилось к лучшему, говорили: «Мы проливали кровь, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа». К таким же неутешительным выводам должны были притти и солдаты. О том, что это не всегда и всюду была покорная, забитая и загнанная, бессловесная масса, показали волнения в Семеновском полку в Петербурге, происшедшие в октябре 1820 г.

Началось дело с того, что солдаты одной из рот полка, доведенные до отчаяния жестокостью полкового командира Шварца, решили принести на него жалобу начальству. Как водится, жалобы принять не пожелали, а роту завлекли обманным способом в штаб караула, а оттуда, арестовав, отправили в Петропавловскую крепость. С этого момента и начинаются собственно волнения в полку. Когда весть об аресте роты дошла до остальных солдат полка, они решили требовать освобождения арестованных. «Расспросив у них, — докладывал по начальству прибывший ночью в полк офицер, — причину такого их сборища в необыкновенный час и без дозволения на то начальства, получился от них ответ, что они покойными быть не могут без роты его величества.[1] Объяснив им, что не их дело растолковывать распоряжения начальников и входить в оные, я приказал им разойтись по командам и готовиться к караулу, на что они отвечали: что начальству сопротивляться никогда не хотели, что рады за меня и за всех офицеров умереть, что к караулу будут готовы, но не иначе, как с главою, то есть, с ротою его величества, ибо без нее не к чему пристраиваться; касательно же полковника Шварца единственно изъявляли они желание найти его и отомстить ему за все учиненное им зло. Некоторые голоса уже поговаривали, что в роте делать нечего и что надобно итти искать полковника». Дальнейшие убеждения всяческого началь-

[1] Т. е. без арестованной роты.

ства ни к чему не приводили: солдаты стояли на своем, пытались разыскать и разделаться со Шварцем, требовали освобождения арестованных. Когда же им объявили, что и они подлежат аресту, солдаты, с криками «где голова, там и ноги», все, в числе 800 человек, беспрекословно, не заходя в казармы, без оружия, в шинелях отправились в Петропавловскую крепость. Преданные суду, они и на следствии держались дружно, отрицая свою вину и не выдавая руководителей: «сколько комиссия могла заметить, — говорилось в постановлениях судебной комиссии, — то отрицание вообще происходит не от истинного незнания, а от сделанного между всеми условия, которые в продолжение 8 месяцев сделались твердыми и обдуманными». Осужденные судом, солдаты в числе 6 человек были прогнаны шесть раз сквозь строй и сосланы в работы на рудники, прочие же раскассированы по разным полкам вне Петербурга.

Семеновцы, как видим, проявили поразительную солидарность и выдержку. Принести жалобу на полкового командира — дело, даже не для первой четверти XIX века, далеко не шуточное. Дружно несколькими ротами поддержать арестованных товарищей, твердо стоять на своем перед грозным начальством, в царстве кнута и шпицрутена, — это должно было быть равносильно «восстанию» против власти. Чтобы осмелиться на такой протест, недостаточно было отваги отчаяния; требовалась, в особенности в то время, товарищеская спайка, значительная высота сознания, если не всей солдатской массы, то ее вожаков. Нужно думать, что и то и другое было. «Это был народ развитой, благородный и нравственный» — пишет о семеновцах один из офицеров Семеновского полка. Не менее замечательно, что волнения в Семеновском полку нашли свой отклик. Вскоре после этого были обнаружены в Преображенском полку три прокламации, — не печатные, разумеется, и не получившие сколько-нибудь широкого распространения, но, тем не менее, вполне показательные.

«Скажите, — обращается к преображенцам первая прокламация, наиболее пространная, предлагая им добиваться возвращения семеновцев, — что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать. Поймите всеобщую нашу глупость и сами спросите: кому вверяете себя и целое отечество, и достоин ли сей человек, чтобы вручить ему силы свои, да и какие его послуги могли показать, что он достоин звания царя... Удивительное заблуждение наше. У государя много войска, это вы сами и есть, а потому вы составляете силу государя, без вашего же к нему послушания он должен быть пастухом». Но зло не только в царе, который должен быть заменен «избранными от войска депутатами», но и в дворянах, и к последним прокламация возвращается несколько раз. «Не напрасно дворяне почитают воинов скотами...» «Люди всякого сословия подавлены дворянами...» «Для какой выгоды (царь) дает волю дворянам торговать подобными нам людьми...» «Дворяне указы печатают о делах с похвальбою о себе и с затемнением их варварских поступков...» И в качестве заключительного вывода,

такого рода обращение к солдатам: «Вы защищаете отечество от неприятеля, а когда неприятели нашлись во внутренности отечества, скрывающиеся в лице царя и дворян, то безотменно сих явных врагов вы должны взять под крепкую стражу и тем доказать любовь свою друг к другу».

Некоторые (Семевский) пытались доказать, что прокламация эта написана Сергеем Муравьевым, тогда офицером Семеновского полка, в будущем декабристом; возможно, что некоторое, хотя и не столь значительное, сходство между прокламацией и последующим воззванием Муравьева имеется, но имеется и вполне существенное между ними различие. Прокламация, как отмечено, говорит о дворянах, как о врагах народа и солдатской массы, и рекомендует взять под крепкую стражу царя, как и дворян. Но противодворянская агитация вовсе не входила в планы декабристов, не могли они объявить все дворянство внутренним врагом, тем более что в 1820 году, когда появилась прокламация, тайные общества, вообще, стояли еще на умеренной платформе. Впрочем, Семевский допускал и другое предположение: «Однако возможно, — пишет он, — что автор воззвания, будучи военным, принадлежа к простому классу, был распропагандирован членами тайного общества». Предположение это значительно более основательное. В рядах солдат тогда находились не одни крестьяне, но также мелкопоместные дворяне, «обер-офицерские дети», «бойкие семинаристы», по свидетельству Карамзина, и т.п. В этой среде, не связанной с дворянством, скорее всего могли зародиться революционные противодворянские идеи, получившие развитие в прокламации. Что это так, показывает вторая, во всех отношениях замечательная, прокламация, за сто лет предвосхитившая директивы «приказа № 1» Петроградского Совета мартовских дней 1917 года. «Воины! Дворяне из Петербурга рассылают войска, чтобы тем укротить справедливый гнев воинов и избегнуть общего мщения за их великие злодеяния», — так начиналась прокламация по поводу раскассирования Семеновского полка и далее предлагала: «1) Единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть. 2) Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата-солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих. 3) Вновь выбранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтоб поступили так же, а командированные, посланные полки возвратить в Петербург». Прокламация заявляет, что если по всем полкам старые начальники будут смещены и заменены новыми, то Россия останется «без пролития крови», в противном случае — «не миновать ужасной революции».

Совершенно очевидно, что обратиться к солдатам с таким советом — арестовать всех офицеров и заменить их выборными от солдат — не мог ни один даже самый радикальный из офицеров — будущих декабристов, по той простой причине, что сами они были офицерами и все свои планы заговоров строили на офицерстве. Дойти

до столь радикальных выводов и призывать солдат к такого рода действиям мог только тот, кто не был связан ни с дворянством, ни с дворянским офицерством. Таким мог быть тот же «разночинец», рассеянный в солдатской массе, близко с ней соприкасавшийся. И не под влиянием ли этих «новых» людей стали радикально мыслить и некоторые из прочих солдат? По крайней мере, известна еще одна прокламация, в общем малограмотная, обращенная от семеновцев к солдатам Преображенского полка. Прокламация, предлагая преображенцам «выручить» семеновцев, писала: «Что мы сделали, то и вы делайте». Автором прокламации оказался флейтист Преображенского полка Васильев, который показал, что «бумагу», действительно, написал он, но с единственной целью «привлечь к себе любовь» крестного отца своего Осипова, который, — об этом Васильеву, конечно, не было известно, — по поручению полиции, расспрашивал его, нет ли среди преображенцев какой-либо бумаги от семеновцев. Однако, рядовой Егоров, переписывавший «бумагу», показал, что считал автором ее рядового Моторова, который «сочинял подобных бумаг много, но никому не давал читать». Очевидно, ссылка Васильева на «любовь» крестного не вполне отвечала действительности, а подобного рода «сочинительством» занимались некоторые солдаты — конечно, из числа грамотных и научившихся «рассуждать».

Появление этих прокламаций, обращенных к преображенцам, показывает вместе с тем, что семеновские настроения не были чужды и солдатам других полков. Об этом имеются и другие свидетельства. Донесения полицейских агентов министру внутренних дел Кочубею говорят о том, что в дни семеновского волнения не было полка, солдаты которого оставались бы совершенно спокойными и безучастными к судьбам семеновцев. Во многих полках солдаты собирались небольшими группами, судили о событиях, открыто порицали деятельность начальства, царя, читали газеты, рассуждали даже о европейских событиях. Флигель-адъютант Бутурлин в письме к Волконскому сообщал, что преображенцы «громко роптали, горько оплакивали судьбу их братьев по оружию», солдаты Московского полка, встречавшие семеновцев на пути их в крепость, «обнимали их со слезами на глазах», лейб-гренадеры, стоявшие на карауле в крепости, говорили, что сегодня очередь Шварца, а завтра настанет очередь и для их командира Стюрлера, и даже егеря, наиболее надежные из всех пехотных полков, колебались и выражали полное нежелание итти против товарищей. А рядовой Егерского полка Гущеваров, — будучи пьян, как он показал в свое оправдание, — говорил солдатам, что «семеновцам за поступок их ничего не будет, да и быть не может, чтобы за одного им несносного человека, варвара Шварца, променяли целый полк: за нас вступится великий князь цесаревич, а коли не вступится, то вся гвардия взбунтуется и сделает революцию. Ведь здесь не Гишпания: там бунтуют мужики и простолюдины, их можно унять, а здесь взбунтуется вся гвардия — не Гишпании чета, все подымет».

Все эти волнения, разговоры, прокламации интересны не только в том отношении, что говорили о настроениях солдатской массы, но и в том, что все подобные солдатские выступления должны были

оказать сильное влияние на декабристов, некоторые из которых были и офицерами Семеновского полка. Движение семеновцев было исключительно движением солдат, и офицеры в нем не принимали участия. Но солидарность и смелость солдат не могла не произвести на офицерство сильного впечатления. «Жертвовать собой для товарищей есть случай, какого между солдатами не бывало», показывал суду один из офицеров. Общее недовольство солдат тяготами военной службы, влияние, оказанное на них войной 1812 г., было офицерам, конечно, и без того известно. Но возможность самостоятельного выступления их, активности их — это было ново. Нужно думать, что под влиянием таких событий не только принимали более радикальный характер тайные общества офицеров, но и созрели планы декабрьского восстания. Ибо расчеты опереться на армию должны были иметь под собою не одну надежду на популярность «добрых» офицеров, за которыми пойдут солдаты, не одно общее недовольство солдат службой, но и способность, готовность солдат выступить, доказанную на деле.

2. ВОЗЗРЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Новые настроения передовой части дворянской интеллигенции, сложившиеся в результате тех изменений в общественных отношениях, о которых мы сказали, вызвали возникновение тайных обществ, в которых эта интеллигенция (по тому времени офицерство), делилась мыслями, вырабатывала свои воззрения, а затем — и планы действий.

Первым возникло в начале 1817 года тайное «Общество истинных и верных сынов отечества», основанное Александром и Никитой Муравьевыми, Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами, Якушкиным и Пестелем. Это общество просуществовало недолго и сменилось другим обществом, «Союзом благоденствия», которое также закрылось и уступило место двум обществам — Северному и Южному. Северное общество действовало в Петербурге и в Москве, Южное — в районе расположения второй Южной армии (главным образом, Киевская губерния); к Южному обществу близко стояло другое общество — «Соединенных славян».

Первое по времени общество — «Общество истинных и верных сынов отечества» (его называли также «Союзом спасения») — сначала ставило своей целью освобождение крестьян, а затем выдвинуло установление в России конституционной монархии, причем члены общества должны были стараться подготовить все сословия к представительному правлению. «Союз благоденствия» считал обязанностью своих членов «распространение между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения, споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия». Оба общества были больше мирного, чем революционного характера, склонялись к конституционно-монархи-

ческому правлению и даже в области крестьянского вопроса пытались больше смягчить крепостное право как личным примером, так и изобличением крепостников. Только борьба Пестеля, революционно настроенного, против умеренных течений привела к образованию радикального Южного общества и толкнула северян на более решительный путь.

Члены Северного и Южного обществ — в историю они вошли под именем декабристов — не были единодушны в своих взглядах. Задачей своей, в противоположность союзам «Спасения» и «Благоденствия», они ставили борьбу за преобразование России, но расходились во взглядах, в чем должно выразиться это преобразование.

Со взглядами «северян» можно ознакомиться по проекту конституции, составленному Никитою Муравьевым. По проекту, Россия должна была стать конституционной монархией, построенной на началах федерации. Россия разделялась на области (державы), из которых каждая должна была иметь свой «палату выборных» и «думу», которые вместе составляют высший орган — «правительственное собрание». Для всей России высшей законодательной властью является «народное вече», также состоящее из двух палат: «верховной думы» и «палаты народных представителей». Монарху принадлежит верховное начальство над армией, он соединяет в себе всю исполнительную власть, ему принадлежит право неутверждения законов, принятых палатами. Избирательную систему Муравьев строил на имущественном цензе. Избирательное право предоставлялось тем, кто владеет недвижимым имуществом, оцененным в 500 руб. сер., или движимым в 1 000 руб. сер. Чтобы быть избранным в областные «палаты выборных», особого ценза не требовалось, но для избрания в областную «державную думу» требовался ценз при недвижимом имуществе в 15 тыс. руб. и при движимом в 30 тыс. руб. Точно так же ценза не требовалось для избрания в члены «палаты представителей» народного веча, но для избираемых в члены «верховной думы» ценз повышался до 30 тыс. руб. при недвижимом имуществе и до 60 тыс. руб. при движимом. Бывшие крепостные крестьяне избирательного права вообще лишались, а прочие крестьяне (удельные, вольные хлебопашцы и пр.) получали избирательное право на началах двустепенных выборов, избирая выборщиков по одному на каждые 500 жителей мужского пола.

По другому острому вопросу — об освобождении крестьян — Муравьев сперва предполагал освободить помещичьих крестьян без земли («земли помещиков остаются за ними», говорилось в его конституции), крестьяне же не помещичьи (экономические, удельные и др.) получали земли в общинное владение. В последующем Муравьев допускал предоставление помещичьим крестьянам домов и огородов, но землю оставлял за помещиками; и, наконец, в последнем проекте принимал наделение крестьян землею по 2 дес. на двор «для оседлости» их.

«Южане» шли значительно дальше. Проект, выработанный Пестелем, исходил из требования для России республиканской формы

правления. Все граждане каждой волости составляли «земское народное собрание» (нечто вроде волостного схода), на котором должны были избираться члены «наместных» собраний (уездных, окружных, губернских). Таким образом, выборы здесь производились прямые, и никакого имущественного ценза для избирателей не устанавливалось. Высшее законодательное собрание республики составляло «народное вече», члены которого избирались на окружных наместных собраниях, т. е. путем двустепенных выборов. Исполнительная власть в республике вверялась «державной думе» (директории) в составе 5 членов, для избрания которых требовались двустепенные выборы. Высшую контрольную власть в государстве осуществлял «верховный собор», который должен был состоять из 120 «бояр», избираемых пожизненно народным вечем из кандидатов, избранных губерниями. Таким образом, в противоположность конституции Муравьева, Пестель не устанавливал имущественного ценза для избирателей, хотя также допускал двустепенные выборы. Не устранил он и влияния дворянской аристократии: его «верховный собор» с пожизненными боярами должен был укрепить консервативное начало в республиканском правлении.

Что касается крестьянского вопроса, то Пестель стоял за освобождение крестьян с землей путем принудительного отчуждения помещичьей земли. По его проекту, при освобождении помещичьи крестьяне получали половину земли помещика, причем для более крупных поместий (владеющих 1 000 душ и более) устанавливался такой порядок отчуждения: если в имении на крестьянскую душу приходится более 10 дес., то земля отчуждается безвозмездно; если земли приходится от 5 до 10 дес. на душу, то казна возмещает помещика деньгами или землею с тем, чтобы всего земли у помещика было 5 т. десятин; если на душу приходится менее 5 дес., то помещик получает от казны такое же количество земли, какое от него отчуждено. При освобождении казенных крестьян земля каждой их волости делится на две части, из которых одна, в качестве общественной земли, передается волости и не подлежит ни продаже, ни закладу, другая же часть остается в собственности казны и может продаваться в частную собственность. Иначе говоря, половина земли переходила в общинное владение волости, другая половина могла быть продаваема частным землевладельцам. За общественную землю крестьяне должны были платить оброк в течение 10 — 15 лет, т. е. в такой форме должны были землю выкупить.

Какой социально-экономический строй сложился бы в России, если бы восторжествовали эти планы декабристов? Конституция Муравьева, устанавливая высокий избирательский ценз, отдавала господство крупному и среднему дворянству. Освобождение крестьян, как его предполагал Муравьев, также делалось в интересах дворян-помещиков, в руках которых оставалась вся земля и к услугам хозяйств которых предоставлялась масса безземельного крестьянства. Пестель разрешал вопросы более радикально, но далеко не до конца. Он требовал республики, но с доверием относился

к дворянству, принимая двустепенные выборы и создавая касту «бояр». Крестьянскую и земельную реформу он также строил на более радикальных началах, чем Муравьев, но все-же руководящим началом для него, как он писал, было то положение, что «освобождение крестьян от рабства не должно лишать дворян доходов, ими от своих поместий получаемых». Он охранял интересы крупных и средних помещиков, но не крупнейших, которых считал представителями «аристократического» начала. Пестель отдавал предпочтение общинному землевладению не потому, что возлагал на него какие-нибудь надежды в смысле общественных преобразований, но потому, что исходил из мысли, что каждый должен иметь «клочок» земли для «пропитания», т. е. потому, что, с одной стороны, не хотел образования безземельного пролетариата, а с другой — считался с собственническими стремлениями крестьян.

Такой же характер имели предположения Пестеля и относительно развития промышленности. В одной из более ранних работ Пестеля занимал вопрос о надзоре власти за качеством товаров, вопрос, который в те годы живо интересовал купцов и фабрикантов: купцы заинтересованы были качеством товаров в целях развития торговли, фабриканты, в особенности крупные, говорили о том же под влиянием конкуренции мелкого производства. Проектируя «правила, утверждающие свободный ход промышленности», Пестель отстаивал не только свободу промышленной деятельности, но и таможенные тарифы, если они «защищают народную промышленность от внешних подрывов», т. е. становился на сторону фабрикантов. Требуя освобождения приписных к фабрикам крестьян, он рекомендовал заменить их «людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разного рода». Все эти предположения вполне отвечали условиям роста промышленного капитала, вплоть до желания Пестеля обеспечить капитал рабочей силой, не пренебрегая даже трудом преступников. Мы можем поэтому признать, что Пестель, — а с ним в той либо иной мере и прочие декабристы,— последовательно шел навстречу буржуазному порядку, расчищая путь, через упразднение феодально-крепостнических отношений, развитию капиталистических отношений. «Северяне» были более умеренны, более тесно связаны с дворянством (к ним принадлежали офицеры из родовитых дворян) и потому разрешали задачи с наибольшей охраной интересов дворянства. «Южане» были более радикальны, менее связаны с дворянством (к ним принадлежали офицеры из мелкопоместных дворян), и потому они могли более приблизиться к тому, чтобы выразить интересы нарождавшегося буржуазного общества. Наиболее радикально разрешал задачи Пестель, расчищая, через упразднение и в «политике» и в «экономике» феодально-крепостнических отношений, путь развития капиталистических отношений. но и он не мог отделаться от всех интересов и традиций дворянства.

3. ПЛАНЫ ДЕКАБРИСТОВ

Декабристы не только мечтали о преобразовании России, но и готовились к революционному делу. И здесь также не было единодушия между умеренными из «Северного» общества и радикальными из «Южного».

К революции декабристы шли путем офицерского заговора, рассчитывая на поддержку войск. В этом для того времени не было ничего удивительного: в нескольких странах (Италии, Испании, Португалии) тогда имели место военные перевороты, а в прошлом России нередки бывали дворцовые революции, в которых активную роль играло офицерство. Входило в планы декабристов и цареубийство, в чем также ничего исключительного не было: организаторы дворцовых революций, бывших в их памяти, не останавливались перед убийством царя.

Подробного плана революции выработано не было, но основы его были намечены. По одному плану, революция начинается в Петербурге восстанием армии и флота. Первым актом ее должен быть арест всех членов императорского дома, причем арестованные увозятся на кораблях за границу. Если бы флот не примкнул к восстанию, то должны быть приняты меры к тому, чтобы, в случае бегства членов императорского дома, они не увезли с собой казны. Затем через сенат должен был быть обнародован манифест о совершившемся перевороте с поручением «временному правлению» ввести новый порядок или с созывом «народных представителей», которые принудили бы сенат принять конституцию. Удобнее всего предполагалось начать революцию после естественной смерти Александра, но, если бы обстоятельства того потребовали, допускалось и убийство императора.

По другому плану, который поддерживался частью южан, восстание должно было начаться не в Петербурге, а на юге, в 1826 году, во время предположенного смотра Александром войск. Первым актом здесь должно было быть убийство Александра, за которым должны были последовать два обращения — к войску и к народу. Предполагалось, что войска пойдут на Киев и Москву в надежде, что к ним по дороге присоединятся другие войска. Северное общество должно было тем временем поднять гвардию и флот, а часть южных войск занять Киев. Затем, как имелось в виду и при осуществлении первого плана, члены императорского дома должны были быть отправлены за границу, а сенату предстояло опубликовать манифест о перевороте. Второй план, как видим, был более радикален, так как исключал ожидание естественной смерти Александра и назначался на определенный срок.

Что касается цареубийства, то большинство северян его отрицали, — на крайний случай они соглашались вывезти царя за границу. Иные настроения были на юге. Пестель решительно настаивал на цареубийстве и предлагал с этой целью выделить даже

особую группу членов. Наиболее пылких сторонников цареубийство находило среди членов «Общества соединенных славян»: здесь даже не спорили об этом, а прямо наметили лиц, готовых убить царя. На юге и в этом вопросе колебаний не было.

Главную опору декабристы надеялись найти в войске, крестьянское же движение в их планы совсем не входило. «Наша революция будет подобием революции испанской, — говорил Бестужев-Рюмин. — Она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одной армией, без участия народа». Рассчитывая на солдат, декабристы думали, что те пойдут за ними, как за хорошими офицерами, либо подчиняясь дисциплине. О подготовке солдат, об агитации среди них поэтому думали мало. Впрочем, и в этом отношении члены «Южного общества» действовали все же более энергично, чем северяне.

Сергей Муравьев — «южанин» — составил для солдат «Катехизис», о котором можно судить по его заключительной части. На вопрос, «что же, наконец, подобает делать «христолюбивому российскому воинству», следовал ответ: «Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христовского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России. А кто отстанет, тот, яко Иуда-предатель, будет анафема проклят. Аминь». Словом, во имя бога и «веры» должны были солдаты бороться за свободу: «Да будет всем один царь на небеси и на земли — Иисус Христос» — проповедывал «Катехизис» Муравьева. Между тем, по свидетельству одного из декабристов, солдат интересовали не только вопросы неба: «Какое-то темное желание изменить существующий порядок вещей волновало их умы и сердце; настоящее положение было им тягостно; они хотели перемены, но какой — они в том не могли себе сначала дать ясного ответа». Но и «катехизис» такого ответа не давал.

«Катехизис» предназначался, впрочем, для массы. Если в Северном обществе об агитации среди солдат думали мало, то в Южном, и, в особенности, в «Обществе соединенных славян» делались попытки заручиться содействием более сознательных солдат, и в этом отношении особенные надежды возлагались на солдат Семеновского полка, переведенных после волнения в полку на юг: активность солдат мыслилась южанами прежде всего как активность семеновцев, за которыми могут последовать и прочие.

По словам Пестеля, декабристы «говорили с семеновскими солдатами об их положении и заметили сильный между ними дух неудовольствия», как и вообще «из семеновского происшествия видно было единодушие солдат сего полка». Руководители восстания Черниговского полка, Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, в своих показаниях также не только не отрицали сношений с семеновцами, но и назвали некоторых из них. «Я с ними разговаривал, — показывал Муравьев, — о тягости службы, бранил ее; вспомнил им

старый полк; спрашивал их, помнят ли они своих старых офицеров, помнят ли меня; говорил им, что уверен, что они от своих старых офицеров никогда и нигде не отстанут, и тому подобные говорил им речи; особенного же с них какого обещания не брал». Бестужев-Рюмин на вопрос, к каким полкам принадлежали солдаты, приходившие к Муравьеву, отвечал: «По мере того, как семеновские солдаты узнавали, что С. Муравьев в лагере, они к нему приходили. Все изъявляли величайшее негодование, мы же им говорили, что если у них духу станет, то их участь скоро переменится; чтобы теперь они ничего не предпринимали, но, когда им действовать прикажем, они бы все то делали, что нами повелено будет».

О беседах Муравьева и Бестужева с семеновцами рассказал на следствии и один из последних, Анойченко: «Тут они оба мне говорили, что служба тяжела, что государь не хочет ничего сделать в наше облегчение, причем Муравьев произносил против его особы дерзкие слова, непристойные ругательства. Говорили, что немного надо потерпеть — и все переменится, что тогда солдаты будут жить в изобилии, будут иметь деньги и прочее». «Мы обещались ему, — добавил Анойченко, — склонять прочих армейских нижних чинов — лучших в полку, чтобы они пристали к его, Муравьева, делу, которому он, однако ж, названия никакого не давал, но я, как и все без исключения семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое от Муравьева, понимали, что это должно склониться к бунту против царской власти».

Декабристы на юге, таким образом, прилагали активные усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону солдат. Агитация эта, однако, не приняла широких размеров, затронув одних семеновцев, и не носила определенного характера, да и не было по этому вопросу должного единодушия. Члены Южного общества подходили к солдатам с большей осторожностью, «Соединенные славяне» — с меньшей.

Различие настроений, как мы видели, отражалось и на планах революционных выступлений. Северяне склонялись к ожиданию смерти Александра. На юге, напротив, готовы были пользоваться всяким поводом для того, чтобы начать восстание. Три раза положение было здесь близко к тому, что взрыв должен был произойти. Летом 1823 года в Бобруйске ожидали Александра, и этим хотели воспользоваться Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, чтобы арестовать царя, поднять войска и пойти на Москву. Летом 1824 года предполагался смотр войскам в Белой Церкви и в связи с этим снова составили план убийства Александра и восстания. Пестелю удалось во всех этих случаях убедить своих товарищей по обществу в нецелесообразности задуманного дела. В конце концов, как мы видели, и южане сошлись на том, что готовиться нужно к восстанию летом 1826 года.

4. 14 ДЕКАБРЯ 1825 Г.

Но обстоятельства решили дело иначе. 27 ноября 1825 года в Петербурге получено было известие о смерти Александра I (он скончался в Таганроге), которая явилась неожиданностью. Дело осложнилось еще и тем, что Александр не оставил прямых наследников, так что престол должен был перейти к старшему из оставшихся братьев его, Константину. Последний, однако, отказался от престола, Николай присягнул сам Константину и приказал привести к присяге войска, а затем начались переговоры его с Константином, продолжавшиеся более двух недель. Только 14 декабря издан был манифест об отречении Константина и о вступлении на престол Николая. Войска должны были снова присягнуть новому императору.

Со смертью Александра, естественно, настало время для выступления Северного общества: ведь уже давно именно к этому моменту предполагалось приурочить восстание. Однако на первых же совещаниях было решено поднять восстание только в том случае, если престол перейдет к Николаю, если же царем станет Константин — общество закрыть, продолжая лишь действовать в его духе. Такое решение было обусловлено тем, что Константин был наместником в конституционной Польше, почему предполагалось, что с его воцарением и Россия станет конституционной, а это удовлетворяло, в общем, более умеренных северян. Окончательное решение выступить было принято после того, как 10 декабря членам общества стало известно об отречении Константина. С этого времени началась спешная подготовка к восстанию: вербовали новых членов, старались выяснить, на какие части войск можно рассчитывать, намечали план действий. Сделаны были попытки и агитации среди солдат. Рылеев с Бестужевым решили ходить ночью по городу и распространять в народе и войсках слухи о том, что от народа скрывают завещание Александра, в котором говорилось о вольности крестьян и о сокращении срока солдатской службы до 15 лет. Эта агитация имела успех — агитаторов жадно слушали, но продолжалась агитация не долго, всего две ночи. Положение облегчилось несколько тем, что войска уже присягали Константину, а теперь должны были присягать Николаю, а это не могло не порождать среди солдат слухов и подозрений. Основываясь на этом, предполагалось сказать солдатам, что их обманывают, так как Константин от престола не отказывался, почему и присяга, ему принесенная, остается в силе, и от сената нужно потребовать объяснений, на каких основаниях отменяется присяга Константину. Руководители восстания, основываясь на отказе войск от новой присяги, должны были заставить сенат созвать народных представителей для определения формы правления и избрания императора.

В остальном, в особенности поскольку дело касалось самого восстания, никакого выработанного плана, повидимому, не было. Само восстание сложилось совсем не так, как оно рисовалось его

участникам. Причиною тому, помимо отсутствия плана, послужили как слабость Северного общества, когда далеко не на высоте оказались даже некоторые руководители его, так и в особенности весьма скромные связи его с частями столичных войск.

С утра 14 декабря — дня, назначенного для присяги Николаю, братья Бестужевы бросились в казармы Московского полка, чтобы увлечь его за собой. После борьбы с противниками выступления это им удалось, и часть полка со знаменем была приведена на Сенатскую площадь. Затем к ним подошли часть морского экипажа и позже три роты лейб-гренадеров — всего до двух тысяч человек. Это было не много, но у Николая войска на площади было сначала еще меньше. Хуже было то, что и собравшимися частями некому было руководить, а те, кто оставался с солдатами на площади, не брали на себя ответственности за решительные действия. Трубецкой, которого намечали в главные руководители восстания, не только не явился на площадь, но и скрылся из дому, чтобы его не нашли. Рылеев был сперва на посту, но затем ушел за подкреплениями и больше не возвратился. Якубович, много раз порывавшийся убить Николая, пришел на площадь, но не решился выстрелить в царя.

Пришедшие на площадь части расположились против здания сената. Николай собрал некоторые части из присягнувших ему войск. Обе стороны ничего не предпринимали, — восставшие потому, что ими некому было распорядиться, правительственные потому, что Николай с небольшими силами ничего не мог предпринять и выжидал подкреплений. Чтобы оттянуть время, Николай пытался воздействовать на солдат словами убеждения. Когда генерал Милорадович начал уговаривать солдат, Каховский пустил в него пулю. Но это было единственное решительное действие за весь день восстания. Николаевские пушки стояли без зарядов, их легко можно было отнять, но этого не сделали. Ничего не было сделано и для того, чтоб втянуть в борьбу толпу, которая собралась на площади и явно сочувствовала восставшим частям. Рабочие и разночинцы говорили, что солдатам нужно продержаться и все пойдет ладно. Толпа бросала камни в царские войска, сочувственными криками ободряла солдат, набросилась на проходившего генерал-адъютанта Бибикова, но Кюхельбекер его освободил.

Когда начало темнеть, правительственные войска получили серьезные подкрепления: подвезены были снаряды. Николай решил действовать. Однако первый выстрел должен был сделать офицер, так как команда отказалась стрелять в своих. Картечь сделала свое дело — восстание было подавлено. На площади осталось множество трупов, которые полиция бросила в Неву. Начались аресты лиц, причастных к революции.

5. ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА

Между тем, в Южном обществе еще ничего не знали о петербургских событиях. Но о заговоре на юге Александр узнал незадолго

до смерти и распорядился об аресте Пестеля и других. О распоряжении этом дошли сведения до членов Южного общества, и еще в конце ноября Пестель имел сведения о том, что заговор раскрыт и предстоят аресты. Полученные затем известия о болезни Александра ускорили подготовления к восстанию, которое намечалось в начале 1826 года. По предположению Пестеля, восстание должно было начаться, когда Вятский полк, которым он командовал, займет караул в главной квартире Южной армии. Однако планы эти, к осуществлению которых Пестель уже приступил, были разрушены арестом Пестеля. Все же начались более оживленные сношения между членами общества, и настроение становилось все более повышенным. Известие о внезапной смерти Александра призывало к немедленному восстанию, а затем, 23 декабря, узнали о подавлении в Петербурге революции 14 декабря. Сергей Муравьев поехал по местам расположения частей, чтобы выяснить положение дел, Бестужев собрался в Киев, оттуда в Петербург. Когда на 24 декабря в Черниговском полку назначена была присяга Николаю, члены «Общества соединенных славян» решили действовать. Они хотели собрать свои роты в боевой амуниции и двинуться на Киев, в надежде, что Муравьев, узнав о начале восстания, присоединится к ним. Предполагалось одновременно с началом восстания издать прокламацию об освобождении крестьян. Но отсутствие Муравьева и вестей от него поселило и здесь нерешительность и сомнения, так что, в конце концов, решили ожидать возвращения Муравьева.

Тем временем получен был приказ об аресте Сергея Муравьева и брата его, и оба они были арестованы. Об этом сейчас же узнали другие члены общества, и так как дело происходило в глухой деревне, то им не стоило труда отбить арестованных. Арест, а затем освобождение Муравьевых положили конец колебаниям. Подняв две роты, Муравьев двинулся с ними к Васильkову (под Киевом). Здесь Муравьев готовился к дальнейшим действиям, встретив сочувствие как среди офицеров, так и среди солдат. В день выступления в поход священник, по предложению Муравьева, прочел солдатам его «катехизис», а затем Муравьев обратился к солдатам с речью, в которой, объяснив цели восстания, предложил тем, кто не хочет добровольно следовать за ним, остаться. Когда солдаты спросили Муравьева, куда он их ведет, он ответил, что ведет их, чтобы службу им убавить и освободить от рабства.

Муравьев выступил с отрядом, в составе которого насчитывалось 970 солдат. Перед ним лежало три дороги: на Киев, на Белую Церковь и на Житомир. Муравьев избрал последний путь в надежде, что таким образом он будет на близком расстоянии и от Киева, где он ожидал восстания, и от Житомира, откуда могла притти помощь со стороны соединенных славян. Однако, далеко не дойдя, он поворачивает на Белую Церковь, полагая поднять там пехотные части. Когда выяснилось, что войска ушли из Белой Церкви в Сквиру, Муравьев снова меняет план и двигается к Житомиру. Все это говорило о том, что определенного плана у него

не было, а время, которое должно было многое решить, оказалось не на его стороне. Муравьева настиг отряд царских войск. Несколько залпов картечью рассеяли восставших, тем более, что первым же выстрелом был ранен Сергей Муравьев, брат его Ипполит и преданный ему офицер Кузьмин, а другой офицер, поручик Щепилло, был убит, — этим выбывал из строя почти весь командный состав. Сергей Муравьев, раненый в голову, пытался вскочить на коня, но был схвачен. Арестованные, среди которых были Сергей и Матвей Муравьевы и Бестужев-Рюмин, были перевезены в село Трилесы.

Николай мог праздновать победу: в Петербурге, как и на юге, восстание было подавлено. Арестованных свезли в Петербург, где начался, по существу, первый русский политический процесс. Верховный уголовный суд, которому были преданы 121 человек, приговорил: Пестеля, Сергея Муравьева-Апостола, Рылеева, Бестужева-Рюмина и Каховского к смертной казни четвертованием, 31 человека — к казни отсечением головы, 17 — к вечной каторге, прочих к разным наказаниям, от каторги до отдачи в солдаты с выслугой. Николай заменил 17-ти казнь вечной каторгой, участь же первых пяти предоставил суду, с пожеланием, чтобы казнь состоялась «без пролития крови». Суд заменил им четвертование — повешением, «заменив колесо виселицей». В ночь с 12 на 13 июля 1826 года Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский были повешены на валу кронверка Петропавловской крепости.

Из солдат преданы были на юге суду 133 человека, из которых трое (Михей Шутов, Прокопий Никитин и Олимпий Борисов) были прогнаны шпицрутенами через строй в 1 000 человек по 12 раз и сосланы вечно на каторгу, а прочие частью также прогнаны через строй, сосланы на каторгу, частью наказаны ударами палок и отправлены в Кавказские войска. Священник Даниил Кайзер, читавший солдатам «Катехизис», был лишен сана, дворянского звания и сослан в арестантские роты Бобруйской крепости.

Так закончилось восстание декабристов. По выражению Покровского, одни — на севере — его «простояли», другие — на юге — его «проходили». Ближайшей причиной такого, в конечном счете, трагического топтанья на месте было отсутствие плана и неподготовленность к нему. Это сознавали и участники его. «В это самое время, — показывал Муравьев, — началось возмущение, но без всякого приготовления . . . Нижние чины никогда не были приготовлены, и также офицеры, которые участвовали, ничего не знали о том. Мне кажется, что армия теперь в таком положении, что она готова двигаться, лишь бы только не оставаться в нынешнем положении». Муравьев разумел, конечно, что «теперь» армия готова «двигаться» во всяком случае не в том направлении, в каком это движение началось в Василькове. Но могли ли они двигаться за вос-

ставшим офицерством? Могли, но для этого нужно было иметь не только план восстания, не только к нему приготовиться, но и строить эти план и подготовку на активном выступлении масс, искать опоры в этих массах.

Мы видели, что волнения в Семеновском полку свидетельствовали и о недовольстве, и о солидарности, и об активности солдат. Сношения бывших семеновцев с декабристами, значительное число солдат, оказавшихся прикосновенными к восстанию и еще большее число не раскрытых судом благодаря тому, что солдаты их не выдавали, говорят о том же. Когда фельдфебель Шутов, имя которого мы назвали среди осужденных, шел с рядовыми в Васильков, чтобы примкнуть к восставшим, и по дороге встретил дивизионного генерала, то, несмотря на предупреждение генерала о том, что происходит в полку, ответил: «Знаю, и за тем именно туда иду»; не за генералом, а за Шутовым пошли и рядовые. Анойченке, как по его словам, и прочим семеновцам, из разговоров с Муравьевым было ясно, что дело идет о «бунте против царской власти», и они соглашались итти за Муравьевым. И, разумеется, не слепо выступали солдаты Черниговского полка из Василькова, не повиновение офицерскому приказанию здесь сыграло роль, а ответы Муравьева и офицеров на вопрос их, куда они идут: «Избавить народ от рабства, вам службу убавить». Настроение крестьянства, по опыту прошлых его восстаний и беспрерывных волнений, едва ли могло дать основания для сомнений в том, что оно поднимется против крепостников, в особенности вслед за восставшими полками. Имеются сведения и о сочувственных откликах, какие восстание черниговцев встретило среди других солдат полков и крестьянства ближайших мест Украины, отклики после подавления восстания, а по мере распространения последнего они могли бы быть не только сочувствующими, но и содействующими. Но для того чтобы восстание распространилось, требовалось, помимо более многочисленного ядра его, сознание необходимости распространения его на массы. А Муравьев бросил в массы избавление от рабства только после того, как увидел, что прочитанный «Катехизис» не произвел на солдат должного впечатления. В Петербурге же не было ни этого лозунга, ни даже «Катехизиса».

Буржуазия в своем прошлом не раз использовала движение масс и на спинах рабочих и крестьян приходила к власти. Но вызвать движение масс и разжечь их на борьбу — не в ее интересах. Декабристы, в движении которых выявились буржуазные тенденции общественного развития, шли против феодально-крепостнического порядка и за утверждение буржуазного порядка. В таком своем качестве они не рассчитывали на движение масс, строили свои планы на заговоре, цареубийстве и, в лучшем случае, на пассивном содействии солдат. Вызвать движение в массах, либо использовать движение тем меньше могло входить в их расчеты, что не все из них и не в равной степени порывали с дворянскими интересами и могли рискнуть поставить дворянские поместья перед лицом восставших

крестьян. В итоге получилось положение, когда при наметившемся «кризисе верхов», при бесспорных нужде, бедствиях и недовольстве угнетенных классов не было силы, которая претворила бы возмущение масс в восстание. История революционного движения в последующем, когда усиливались и «кризис верхов» и бедствия угнетенных классов, и свелась сперва к поискам революционной интеллигенцией революционного класса, а затем к выступлению и борьбе этого революционного — рабочего — класса, который, в конце концов, превратил «революционную ситуацию» в революцию.

ТРИДЦАТЫЕ И СОРОКОВЫЕ ГОДЫ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВИЖЕНИЯ

Время, которое обыкновенно называют эпохой Николая I, т. е. тридцатые и сороковые годы прошлого века, было временем дальнейшего внедрения в народно-хозяйственную жизнь капиталистических отношений и окончательного разложения крепостного порядка. С 40-х годов промышленный капитализм еще более продвинулся вперед, и текстильная промышленность, напр., не только широко применяет машины, но и сокращает привоз пряжи и увеличивает ввоз хлопка для собственного производства: если к концу 20-х годов ввоз хлопка составил 74 тыс. пудов, то к концу 40-х годов он составил свыше 1 млн пудов. Рост промышленности и увеличение ее продукции требовали и роста производительности труда, замены крепостного, подневольного труда свободным. Фабриканты охотно переходят на вольнонаемный труд, и когда в 1840 г. им предоставлено было отпускать на волю своих посессионных рабочих, то этим правом воспользовалась половина фабрикантов. Промышленность переходила на «свободные» капиталистические отношения.

Одновременно помещичье хозяйство переживало глубокий кризис. Экономисты того времени доказывали, что помещичье хозяйство, связанное всей системой крепостничества, не может приспособиться к условиям рынка, что застывшие в крепостничестве производственные отношения мешают использовать выгодную конъюнктуру хлебного рынка. Это противоречие между капиталистическими формами товарного обращения, в которые втягивались также крестьянские хозяйства, и крепостническими отношениями в производстве обостряет и борьбу крестьянства против крепостного порядка. Крестьянские волнения в николаевское время значительно усилились: историки насчитывают для этого времени свыше 500 волнений целыми волостями и деревнями, но в действительности их было еще больше.

Все эти глубокие изменения и противоречия в народно-хозяйственных, производственных отношениях привели, в конце концов, к крушению крепостного порядка. Но и в своем развитии эти противоречия обостряли классовые отношения, выдвигали вперед новый класс — буржуазию, как носительницу новых, капиталистических отношений, порождали новую идеологию, которая приходила в непримиримое противоречие со старой, крепостнической

идеологией. Под покровом крепостнических отношений, в тисках крепостничества зреет буржуазная культура — не только внешний лоск ее (в костюмах, домашнем быту и т. п.), но и в литературе, науке, искусстве.

В это же время вырабатывается революционная идеология, и с этого времени,—что для нас особенно важно,—революционное движение захватывает интеллигенцию, и на протяжении значительного времени — почти полувека — это движение остается движением исключительно интеллигенции. Почему же так сложились обстоятельства, почему интеллигенция — в определенных слоях своих — стала на значительное время единственной участницей революционного движения, революционной борьбы?

Каждый класс вырабатывает свои интересы и их отстаивает, каждый класс выдвигает свой передовой отряд, своих идеологов, которые формулируют, выражают и наиболее активно защищают интересы своего класса. Идеологи каждого класса вырастают в среде каждого класса, в особых условиях его существования, воспринимая его интересы, питаясь его настроениями, находясь под влиянием и воздействием своего классового окружения, оттачивая классовую идеологию на том материале, который дает это «свое», классовое окружение.

Но классовое общество живет и развивается в условиях классовой борьбы, столкновения и перекрещивания классовых отношений. Особенные условия общественного развития и классовой борьбы могут изменять положение отдельных, конечно, промежуточных классов. «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса относил, напр., крестьян к консервативному и даже реакционному элементу, но допускал, что они могут быть и революционны и именно тогда, когда «они покидают свою собственную точку зрения, чтобы перейти на точку зрения пролетариата». Это значит, что в условиях классовой борьбы, под влиянием борьбы рабочего класса, крестьянство, оставаясь еще классом мелких производителей, может изменяться в своем классовом характере, в своей классовой идеологии, покидать свою точку зрения мелкого производителя и переходить на точку зрения рабочего класса. Тем более такое воздействие может иметь место по отношению к отдельным слоям какого-нибудь класса и, прежде всего, к его интеллигенции.

Буржуазная интеллигенция связана, конечно, со своей буржуазией многими узами, в некоторых своих слоях прямо служит капиталу (инженеры и т. п.), но в то же время она живет продажей своего труда («трудовая интеллигенция») и в этом отношении отличается от буржуазии, которая живет за счет дохода, получаемого от эксплоатации труда других. Интеллигенция, таким образом, подобно всей мелкой буржуазии, занимает промежуточное положение между пролетариатом и буржуазией. В качестве промежуточного элемента, она для защиты своих интересов может примкнуть к тому или иному классу, смотря по тому, как расценивает она свои интересы и какими путями их защищает. В качестве промежуточной группы

она, по аналогии с крестьянством, может испытать на себе влияние другого класса (напр., рабочего класса) и, покинув точку зрения своего класса, стать на точку зрения пролетариата, активно помогать ему в борьбе. «В тот период, — читаем в «Манифесте Коммунистической партии», — когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри старого общества принимает такой сильный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, держащему в своих руках будущее. И, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так и теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, особенно часть буржуа-идеологов, которые поднялись до теоретического понимания всего исторического движения». Маркс и Энгельс разумели здесь две стороны одного и того же процесса: когда классовая борьба приближается к развязке, к победе пролетариата, это вынуждает часть буржуазии переходить на его сторону, как победителя, но и до такой развязки часть буржуазии, особенно ее интеллигенция, также переходит к рабочему классу. В последнем случае Маркс и Энгельс не видели ничего загадочного (ведь и сами они не только «перешли», но и сформулировали точку зрения пролетариата), и переход этот объясняли не какими-нибудь особыми классовыми интересами этой буржуазной интеллигенции, а пониманием ею всего исторического движения, т. е. воздействием, так сказать, на интеллект этой интеллигенции движения, борьбы рабочего класса. «Когда человек, принадлежащий к господствующему классу, — пишет Плеханов, — переходит на сторону класса угнетенного, тогда он доказывает этим не то, что он освободился от всякого вообще классового влияния, а только то, что он вышел из-под влияния одного класса и попал под влияние другого».

Если на движении декабристов мы могли наблюдать переход части дворянской интеллигенции на точку зрения буржуазии, то с тридцатых-сороковых годов такой разрыв интеллигенции с классовыми традициями и переход на иную точку зрения принимает более глубокий и широкий характер, находя свое продолжение и в последующее время. Добролюбов восторженно заносил в дневник свое перерождение: «Понявший ничтожность и пустоту того кружка, в котором так любили и ласкали меня, наконец, вырвавшись из него на свет божий и смело взглянувший на оставленный мною мир, увидевший все, что в нем было возмутительного, ложного и подлого, — я чувствую теперь, что более, нежели кто-нибудь, имею силы и возможности взяться за свое дело». Чернышевский рос в обстановке мещанских будней и, попав в Петербург, через короткое время с удивлением констатирует, что он стал человеком крайних убеждений. И таких переродившихся, вырвавшихся на свет божий, дошедших до крайних убеждений было не мало. Под каким же влиянием и в каком направлении происходило перерождение?

По сравнению с недавним прошлым, прежде всего радикально изменился самый состав интеллигенции в соответствии с ростом

буржуазных отношений в стране. Это была уже интеллигенция, выходившая не только из среды дворянства, но также из среды откупившегося на волю крестьянства, купечества, фабрикантов, мелкого не-дворянского чиновничества и т. п. — разночинная, как тогда говорили, интеллигенция. Это была учащаяся (и притом малоимущая) молодежь, служилый люд, продававший свой труд. По всему своему положению она должна была бороться с крепостным порядком, с самодержавием и добиваться такого порядка, в котором труд интеллигенции мог бы получить широкое применение, а в этой борьбе она должна была искать опоры, союзников. С другой стороны, не связанная по своему классовому происхождению с крепостным порядком, но, напротив, ему враждебная, не имевшая, в отличие от декабристов, никаких связей в дворянстве, как оплоте крепостного порядка, она этим также, так сказать, предрасполагалась к борьбе с крепостничеством, за раскрепощение страны. Но направление этой борьбы, как и направление борьбы, продиктованной интересами самой интеллигенции, могло быть различно. Как вышедшая из буржуазии, либо с ней связанная, эта интеллигенция могла пойти по буржуазному пути борьбы с крепостничеством, противопоставить последнему проповедь либеральных идей не только в политике, но и в экономике, дать прямое идеологическое выражение интересов буржуазии. Таких было не мало — они заполняли ряды либерального чиновничества, либеральных журналистов, экономистов, профессоров и т. п. Но не мало было и таких, которые пошли по пути иному и отдавали себя служению не буржуазии. Очевидно, на них должно было воздействовать что-то другое, не только классовое происхождение их или связь с вырастающей буржуазией. Такими другими факторами, действовавшими на некоторые слои разночинной интеллигенции, были положение и борьба крепостных крестьян, та классовая борьба, которая велась в деревне, в самых недрах крепостного общества. Крепостное право находилось в противоречии со всеми запросами общественного развития, со всяким движением вперед. Но разночинная интеллигенция, хотя и жила под сильнейшим впечатлением всего бесконечного гнета крепостного рабства, могла воспринимать его иначе, чем все прочие «противники» крепостного права. Она жила под впечатлением не только бесчеловечия крепостного права, не только противоречия его общественному развитию, но и под впечатлением борьбы крестьянства, его волнений, восстаний, его не только страданий, но и активной воли к свободе. Крестьянская борьба не встречала и не могла встретить сочувствия даже наиболее свободолюбивых дворян, связанных со своим «сословием». Декабристы не только не помышляли об использовании крестьянских восстаний, но и к солдатской массе подходили более, чем с осторожностью: насилие в свержении крепостного порядка допускалось ими только как проявление их силы, но не силы крестьянства или хотя бы солдат. Разночинная интеллигенция, не связанная с помещичьими-дворянскими интересами, ни в каком смысле не заинтересованная в сохранении крепост-

ного права, не заинтересованная и в том, чтобы уничтожение крепостничества произведено было в интересах помещика и обязательно мирным путем, но, наоборот, заинтересованная в его скорейшем крушении, могла видеть и видела в крестьянстве ту силу, которая может сбросить крепостное право, которая должна его сбросить, которая борется против него и которой в борьбе нужно помочь и для того, чтобы помочь себе. В борьбе между крестьянами и помещиками эта интеллигенция становится на сторону крестьянства — крестьянство ее к себе «притягивает»; от крестьянской массы, ее страданий и борьбы идет влияние, которое противодействует исключительному завладению умами интеллигенции со стороны влияния, идущего от буржуазного сектора общественности.

Но и при таком положении пути интеллигенции могли быть различны. Крестьянство, борясь против крепостничества, ни объективно, ни субъективно не имело перед собой задачи переустройства общественного порядка — оно боролось за то, чтобы получить в свою собственность все помещичьи земли, которые оно считало своими. Интеллигенция, радевшая о массах крестьянства и возлагавшая надежды на его борьбу с крепостничеством, могла стать именно на его точку зрения, дать прямое идеологическое выражение его интересов, бороться за то, чтобы крестьянская формула, обращенная к помещикам: «мы — ваши, земля — наша» — была развернута в требование: свободные крестьяне на «свободных» своих землях, т. е. за буржуазный порядок, который мог быть и в интересах интеллигенции. Однако революционная интеллигенция не принимала такой формулы, хотя последняя была бы по своему времени революционной, и ни в каком виде не окрашивала свои воззрения в цвета буржуазного либерализма или радикализма.

Она шла дальше, и шла потому, что испытывала на себе влияние еще одного классового фактора, не российского, а европейского происхождения, — фактора, который уже тогда влияние свое распространил за пределы одной какой-либо страны, приобретая силу международную. Этот фактор — выступление на историческую сцену рабочего класса, борьба рабочих в передовых европейских странах, активное участие их в политической и революционной борьбе и в связи с последней, распространение социалистического учения Чартистское движение в Англии, французская революция 1830 г., революции 1848 г. во Франции и в Германии, позже — Первый интернационал и Парижская коммуна, — таковы впечатления, приходившие из Европы. Запад не только развертывал величественную картину потрясающих старый порядок переворотов, не только приносил вести о новой революционной силе, но и приносил новые мысли, новые учения — Оуэна, Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, Прудона. Прислушиваясь к нужде крестьянства в своей стране, испытывая на себе его влияние, интеллигенция всматривалась и в то, что происходит на Западе. Борьба рабочих, с которой связывался социалистический идеал, давала не только пищу для ума, но и материал для ориентировки в собственных настроениях. Она

подсказывала мысль, что массовое крестьянское восстание может быть направлено не против лишь крепостного порядка, но и против всего порядка общественного неравенства, что она может принести с собой новый мир, новое общество, не знающее неравенства и эксплоатации, тот мир, за который борятся и рабочие на Западе. Разбуженная крестьянством, привлеченная к активности его нуждою и борьбой, мысль передовой интеллигенции, через влияние европейского рабочего движения, приходит к социализму.

Каким мог быть этот социализм? Если к революционной борьбе передовые слои интеллигенции были приведены не какой-то присущей им жаждой свободы, а особыми условиями классового общества, в котором эта интеллигенция жила, и перекрещивающимся воздействием на нее, как на промежуточное классовое звено, классовой борьбы, то и к определенного характера социализму она приходила не работою только своей мысли, не от «чистого разума», а в результате все тех же классовых соотношений в стране. Она не связывала социализма с рабочим движением, потому что в крепостной России рабочего движения совсем не было, а в пореформенной, по крайней мере до конца 70-х годов, оно существовало в самом зачаточном виде; волнения крепостных и вольнонаемных рабочих в крепостное время, конечно, происходили, но они малым отличались от крестьянских волнений, так как и сама рабочая масса не выделялась из крестьянской массы настолько, чтобы выступить как резко отличный от нее класс; революционная интеллигенция и в это и в последующее время также не выделяла особо рабочих и смотрела на них только как на более развитой слой крестьянства, временно выброшенный из деревни на фабрику. При желании и стремлении связать социализм с трудящейся массой, его можно было связать только с крестьянством, с «трудовым народом». Но так как крестьянство само по себе революционно-социалистическим классом не является, то для того, чтобы соединить его борьбу с борьбою за социализм, нужно было крестьянство идеализировать, наделить его такими качествами, какими оно не обладало, выделить в крестьянской жизни такие элементы, которые могли бы быть положены в основу социалистического учения. Энгельс объяснял возникновение утопического социализма недоразвитостью общественных отношений, когда «пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, составлял лишь зародыш будущего класса», «являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспомощности ждать избавления от какой-нибудь внешней, высшей силы». «Незрелому капиталистическому обществу, — писал Энгельс, — невыясненности взаимного положения классов соответствовали и незрелые теории. Приходилось изобретать, а не открывать решение общественных задач, еще окутанных туманом недоразвитых экономических отношений. Очевидны были только недостатки общественного строя, найти же средство к их устранению казалось задачей мыслящего разума». Утопический социализм был творением «мыслящего разума» на почве недоразвившегося рабочего

движения, — русский, тоже утопический, социализм был творением, как позже говорили, «критически-мыслящей личности» на почве социально отсталой России. Революционная интеллигенция, в лице своих, в особенности, таких выдающихся представителей, как Чернышевский, Герцен, Бакунин, проделали такую же работу «разума», как утописты Запада. Они, в отличие от последних, не изобретали самой совершенной системы человеческих отношений, но находили ее в крестьянской общине, в крестьянском «мире», в факте коллективного владения землей и общинного самоуправления, идеализируя и то и другое, наделяли их такими качествами, чтобы они могли быть положены в основу самой совершенной системы человеческих отношений.

Революционная интеллигенция шла в народ с проповедью социализма, хотя бы утопического. Сущность народнически-революционных программ Ленин видел в том, что они ставили своей целью «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества». «Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством»,[1] — писал Ленин о народниках-революционерах, с воззрениями и деятельностью которых нам предстоит познакомиться. Этот утопический социализм, которым окрашено было революционное движение до начала 80-х годов прошлого века, мог привиться в условиях русской жизни только потому, что эти условия были социально-отсталыми: промышленный капитализм еще не настолько развился, чтобы в условиях его мог развиться и рабочий класс, как класс в капиталистическом обществе единственно и до конца революционный. Когда промышленное развитие России подвинулось вперед и подвинулся рост рабочего класса, революционное движение потеряло и свой интеллигентский характер и свою утопически-социалистическую окраску.

Не следует, однако, представлять себе дело так, что вся интеллигенция вступила в революционную борьбу и что вся она была одинаково окрашена в цвета утопического социализма, и в особенности, что таковой она вся оставалась на всем протяжении движения. Как мы уже отмечали, большая часть интеллигенции, будучи связана с буржуазией, этой буржуазии и служила. Та часть, которая покидала точку зрения своего класса, также не представляла собою совершенно однородного целого: одни не порывали всех связей с господствующим классом и представляли собою более умеренное крыло революционной интеллигенции, другие эти связи рвали окончательно. Одни были сторонниками по преимуществу мирного образа действий (просветительная деятельность, пропаганда и т. п.), другие — революционного (вплоть до восстаний). Одни в большей степени поддавались влиянию рабочего движения на Западе, другие—

[1] Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 3-е, стр. 164.

в меньшей. С течением времени, в ходе революционного движения, по мере усложнения общественных отношений, расслоения крестьянства и более активного выступления буржуазии и рабочего класса, одни покидали позицию утопического социализма и эволюционировали в сторону буржуазного демократизма, другие, напротив, совершали эволюцию в сторону научного социализма, социал-демократии. Но на протяжении всего времени, до начала 80-х годов прошлого века, при всех этих оттенках, революционное движение остается утопически-социалистическим движением, главным образом, интеллигенции.

Мы ближе всего подойдем к пониманию этого времени, если ознакомимся с тем, как складывалось мировоззрение Герцена и Бакунина, этих самых блестящих и деятельных представителей эпохи.

2. А. И. ГЕРЦЕН

Герцен рос в дворянской среде. Детство его прошло под впечатлениями крепостного права и восстания декабристов. «Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души», — писал Герцен о себе, когда ему было 14 лет, когда он дал клятву «отомстить казненных» и обрекал себя «на борьбу с этим тираном». Эти юношеские мечты окрепли с поступлением в университет. Главной чертой кружка Герцена и его друзей было, по его словам, «отчуждение» от среды их окружавшей и «вместе с тем стремление выйти из нее». А среда эта — душная атмосфера крепостничества, бесправия, пошлости мещан в дворянстве. Тысячу вопросов рождала российская действительность в голове молодежи — и ни одного не давала ответа. Как уничтожить неправду крепостного порядка? Казалось бы, после клятвы отомстить за декабристов Герцену мог бы улыбаться их путь борьбы. Но времена изменились. Дворянское офицерство больше не «бунтовало» и меньше всего было заражено идеями Герцена и его близких. Мысль за ответом обращается к Западу, где ищут путей к лучшему и, казалось, его находят. А с Запада для таких ищущих громче всего слышался один ответ — утопического социализма.

«Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном» — писал Герцен. Революцию 1830 г. он принимает как социалист, ждет «социального переворота» и притом именно во Франции, стране Великой революции. Поездка за границу разочаровала Герцена в его надеждах на Запад: он увидел торжество плутократии, биржевого азарта, всяческой спекуляции. Но это же укрепило его в вере, что «экономический переворот» неизбежен, что должен наступить «93-й год социализма».

Весть о февральской революции 1848 года произвела на Герцена, конечно, сильное впечатление. «Новые силы пробудились в душе, — писал он, — старые надежды воскресли и какая-то мужественная готовность на все снова взяла верх». Он считал изменой

своим убеждениям не быть в это время в Париже и поспешил туда. Но вместо «93-го года социализма» он столкнулся с контр-революционной буржуазией. Учредительное собрание, провозглашавшее буржуазную республику и изгнавшее из состава временного правительства социалистов Луи Блана и Альберта, подавление восстания 15 мая, — все это глубоко потрясло Герцена. «Июньские дни, дни, шедшие за ними, были ужасны; они положили черту в моей жизни» — писал он впоследствии. Черта эта заключалась в том, что из переживаний, связанных с 1848 годом, Герцен вышел как бы раздвоенным. Революция должна была поставить на очередь «экономический вопрос», привести к социальному перевороту. Но она не привела к торжеству социализма и закончилась реакцией, кровавой расправой с пролетариатом. Отсюда напрашивался Герцену вывод, что Европа не в состоянии разрешить задачу социального переворота, что она гибнет, что «все горит, как в огне, — предания и теория, религия и наука, новое и старое». Однако Герцен вместе с тем не терял веры в свой социалистический идеал. Он продолжает думать, что перед Европой только два выхода: разложение или социализм.

И Герцен, как он пишет, «не пришел в отчаяние», не возвел реакцию в окончательный удел человечества. В качестве утописта-социалиста он не мог до конца понять то, что произошло в 1848 г., движущая революционная сила в лице пролетариата осталась от него скрытой, классовая борьба — непонятой. Потеряв опору для социалистического идеала на Западе, он стал искать ее в России. Это не было отказом от утопического социализма, это было его приспособлением к условиям русской действительности. Герцена, по его словам, «спасла вера в Россию». Эта вера не была новостью; ее проповедывали славянофилы, говорившие о «гнилом Западе» и об особых путях развития России. Герцен в молодости с ними спорил, не соглашался. Теперь он брал их идею, но приспособлял ее к своим социалистическим исканиям. Опору он находит в русской крестьянской общине. «Общинное владение землей, мир и выборы составляют почву, на которой легко может возрасти новая общественная жизнь,— пишет он, — почву, которой, как нашего чернозема, почти нет в Европе. Вот почему я середь мрачного, раздирающего душу реквиема, середь темной ночи, которая падает на усталый больной Запад, отворачиваюсь от предсмертного стона великого бойца, которого уважаю, но которому помочь нельзя, и с упованием смотрю на наш родной Восток, внутри радуясь, что я русский». Община ведет к социализму, и потому не только не беда, но счастье в том, что Россия — страна отсталая. «Какое это счастье для России, — писал Герцен, — что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания». Но если счастье в том, что Россия отстала от

Европы, то безусловным счастьем будет, если она и дальше за ней не последует, а пойдет «своими» путями.

Все это должно было подготовить Герцена к тому, чтобы поставить впервые основной вопрос, который долгие десятилетия будет захватывать русскую социалистическую мысль: должна ли Россия пройти капиталистическую стадию развития прежде, чем она перейдет к социалистическому порядку, или она может миновать эту стадию и войти в социализм непосредственно из общины и «общинного духа» крестьянства? «Должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития, или ее жизнь пройдет по иным законам?» — спрашивает Герцен и отвечает: «Я совершенно отрицаю необходимость этих повторений. Мы, пожалуй, должны пройти трудным и скорбным испытанием исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит до рождения все низшие ступени зоологического существования». А эти стадии зародышевого состояния Россия уже прошла в развитии ее общественной мысли, в духовном росте ее интеллигенции. «Мы прошли все фазисы политического воспитания, начиная от немецкого конституционализма, от английского канцелярского монархизма, до поклонения 93-му году, — пишет Герцен. — Народу русскому не нужно начинать снова этот тяжкий путь, зачем ему проливать кровь свою для достижения тех полурешений, до которых мы дошли и в которых вся важность состоит только в том, что мы через них дошли до новых вопросов, до новых стремлений? Мы за народ отбыли эту тягостную работу, мы поплатились за нее». «Мы» за народ проделали всю эволюцию, положенную законами исторического развития. Благодаря тому, что «мы», т. е. передовая интеллигенция, постигли величие социалистической идеи, общинник-крестьянин также становится социалистом.

Таковы пути, пройденные Герценом. Бедствия крепостного крестьянства, стремление вырваться из окружающей среды, искание выхода, борьба европейского пролетариата в 1848 г., утопический социализм, приспособление его к русской действительности — вот путь развития, пройденный Герценом. А в итоге такой эволюции — вера в общину, хранящую в себе элементы социализма, вера в то, что, — как думал Герцен, — «человек будущего в России — мужик, точно так же, как во Франции, — работник», вера в особые, не капиталистические пути развития России — все то, что, как мы увидим, составило основу утопического революционного народничества.

3. М. А. БАКУНИН

Бакунин, друг молодости Герцена, выделялся страстной, бурной, неугомонной натурой. «В моей природе, — писал он о себе, — всегда был крепкий недостаток, — это любовь к фантастическому, необыкновенному, к неслыханным приключениям, к предприятиям, открывающим горизонт безграничный и которым никто не может

предвидеть конца». В молодости Бакунина волновали те же вопросы, что Герцена, но до переезда за границу он не считал еще себя социалистом. В Европе он ищет приложения своей силе, увлекается славянским вопросом, мечтает о борьбе за освобождение славян. Революция 1848 г. и на Бакунина произвела потрясающее впечатление. «Этот огромный город, — пишет Бакунин о Париже, куда он поспешил, как только узнал о революции, — центр европейского просвещения, обратился вдруг в дикий Кавказ: на каждой улице, почти на каждом месте баррикады, взгроможденные как горы и достигавшие крыш, а на них, между каменьями и сломанною мебелью, как лезгинцы в ущельях, работники в своих живописных блузах, почерневшие от пороха и вооруженные с ног до головы; из окон выглядывали боязливо толстые лавочники, épiciers, с поглупевшими от ужаса лицами; на улицах, на бульварах ни одного экипажа; исчезли все молодые и старые франты, все ненавистные львы с тросточками и лорнетами, а на место их мои благородные увриеры торжествующими, ликующими толпами, с красными знаменами, патриотическими песнями, упивающиеся своей победой».

Можно было думать, что Бакунин найдет себя, бросится в борьбу. Он, действительно, переживал события 1848 г. не со стороны, как Герцен, но и не с парижскими рабочими. Мысль его еще сильнее обратилась к России, к славянству. Он ждал и хотел революции в России. «Я не имел и не мог иметь определенных надежд, — пишет об этом времени Бакунин, — ибо находился вне всякого прикосновения с Россией, но готов был ухватиться за всякое средство, которое бы мне представлялось: заговор в войске, возмущение русских солдат, увлечение русских пленных, если б такие имелись, для того, чтоб составить из них зачаток русского революционного войска, наконец, и возмущение крестьян».

Но в России было тихо. И Бакунин задумывает революцию в Богемии, в надежде оживить революционное движение в Европе и завоевать независимость славян. На кого же он хотел опереться? Конечно, не на рабочих. Как и Герцен, Бакунин видел классовую борьбу, но не понимал и не принимал ее. Свою «опору» он привез из России — крепостной, крестьянской России. На Западе он также надежды возлагает на крестьянство, видит ошибку европейских «демократов» в том, что они ограничиваются городами, благодаря чему села остаются «равнодушными зрителями революции». Богемское крестьянство волнуется — не ходит на барщину, отказывается платить подати — «при таком расположении легко было подвинуть его к восстанию», думал Бакунин.

Чего же хотел Бакунин? «Я хотел изгнать всех дворян, все враждебно расположенное духовенство и, конфисковав без разбора все господские имения, отчасти разделить их между немецкими крестьянами, для поощрения их к революции, отчасти же превратить их в источник для чрезвычайных революционных доходов». Далее должно было последовать разрушение всех замков, уничтожение всех правительственных, в том числе судебных документов, объ-

явление поземельных долгов, не превышавших определенной суммы, погашенными». «Одним словом, — пишет Бакунин, — революция, замышляемая мною, была ужасна, беспримерна, хотя и обращена более против вещей, чем против людей». «Она бы в самом деле, — повторяет он свою основную цель, — все так бы переворотила, так бы въелась в кровь и жизнь народа, что, даже победив ее, австрийское правительство не было бы никогда в силах ее искоренить, не знало бы, что начинать, что делать, не могло бы ни собрать, ни даже найти остатков старого, навек разрушенного порядка и никогда бы не могло помириться с богемским народом». Богемия примером своим должна была заразить других, стать «революционным лагерем», создать силу, которая могла бы действовать наступательно вне Богемии, возмущая все славянские племена и «призывая все народы к бунту»; в итоге и «германская революция, бывшая до тех пор революцией городов, мещан, фабричных работников, литераторов и адвокатов, сама бы превратилась в общенародную».

Как видим, Бакунин пошел той же дорогой, что и Герцен. Он также оторвался от дворянства, крестьянские бедствия на него действовали еще сильнее, он также ищет «правды-справедливости». И его «спасает», в конце концов, вера в Россию. Если Герцен допускал, что во Франции человек будущего — рабочий, то Бакунин полагал тогда, что и на Западе и в России человек будущего — крестьянин. В 40-х годах Бакунин еще не сложился окончательно, но в основных своих воззрениях он уже сочетал утопический социализм с анархизмом — духом разрушения — и более близко, чем Герцен, подошел к настроениям русской революционной молодежи.

4. ПЕРВЫЕ КРУЖКИ. — ПЕТРАШЕВЦЫ

Дорогою Герцена и Бакунина пошли многие, многие другие. Не все получили такое образование, не все имели возможность побывать за границей, но на всех действовали те же условия русской жизни, и все искали активности. Кружки, которые образовала молодежь, не были еще революционными кружками: они не ставили перед собою революционных задач и не приступали к революционному делу. Это были кружки больше самообразования, выработки убеждений, или собрания единомышленников, которые делятся мнениями, совместно обсуждают всех одинаково волнующие вопросы: крепостное право, общее русское бесправие, движение на Западе.

Одним из таких кружков 40-х годов был кружок «петрашевцев», во главе которого стоял Буташевич-Петрашевский. Кружок этот не представлял собою никакой организации: люди собирались раз в неделю — не всегда даже одни и те же — и беседовали на разнородные темы. Сам Петрашевский, стоявший в центре кружка, увлекался утопическим социализмом, системой Фурье; таковы же были настроения прочих, среди которых был и Достоевский. Петрашевский видел трудность примирения социализма с русскими усло-

виями, но выход находил легкий. «Несчастная случайность, — писал он, — нашего рождения привязала нас к почве русской и сделала представителями социализма в невежествующем и страждущем от невежества нашем отечестве . . . Социализм и Россия — вот две крайности, два понятия, которые друг на друга волком воют, сказал бы Прудон, и согласовать эти две крайности должно быть нашей задачей». А разрешить эту задачу не трудно, так как «мы имеем эту звезду путеводную в учении Фурье». Социалистам остается один труд — «труд применения тех общих начал, которые выработали нации на Западе, к нашей действительности, высших формул быта общественного». Однако Петрашевский не разрешал задачи даже так, как разрешал ее Герцен. Последний старался приспособить утопический социализм к русской действительности, а Петрашевский просто верил в систему Фурье, в силу разума. Революционного в его учении было мало, да и сам он, несмотря на увлечение утопическим социализмом, был человеком умеренных воззрений. Реальная политика его сводилась к тому, что преобразование надо начать с суда и цензуры, а отмену крепостного права можно отодвинуть. Своих крепостных крестьян, — их у него было 40 человек, — он убеждает зажить по Фурье в одной общей избе, построил даже такую избу, но крестьяне сожгли ее, так как усмотрели в ней, вероятно, новую форму закрепощения.

Умеренных воззрений были и многие другие петрашевцы, но не все. Некоторые были настроены значительно более активно, революционно. К таким принадлежал Спешнев, который был сторонником решительного образа действий. Объясняя планы задуманного им тайного общества, он писал в своих показаниях, что «есть три неправительственных пути действия — иезуитский, пропагандный и восстанием; что каждый из них не верен, и оттого больше шансов, если взять все три дороги, что для этого надобно один центральный комитет, которого занятие будет состоять в создании частных: комитета товарищества для устройства школ пропаганды фурьеристской, коммунистической и либеральной, и, наконец, комитет для создания позади всего этого тайного общества на восстание». Спешнев заводил разговоры с либеральным золотопромышленником Черносвитовым, хорошо знакомым с Уралом и Сибирью, о возможности поднять в этих местах восстание. Петрашевский, по словам Спешнева, относился к этим планам отрицательно и говорил, что он «на своем веку надеется еще видеть и жить в фаланстере».

Студент Филиппов составил с агитационной целью пояснения к десяти заповедям Моисея. Третья заповедь толковалась, между прочим, так: «Царь, который забыл свой долг, не хочет заступиться за народ, унять господ и начальников, тот враг богу и людям, и власть его не от господа бога, а от сатаны». По поводу четвертой заповеди Филиппов писал: «Пришел праздник господень, и рад был мужик справить его по-христиански, да глядишь, то сено не убрано, то хлеб пора жать, то дров навозить, а дома и холодно, и голодно. Как быть? Нешто, станешь делать. Пошел мужик на работу, и празд-

ник ему не в праздник. А кто причина, что мужик не справляет праздника божия? Господин».

У поручика Григорьева найдена была составленная им «Солдатская беседа». В ней старик, побывавший в походах 1812 года за границей, рассказывает с восторгом о порядках во Франции: «Нет там графов или господ, все равны. Говорят, после и у них стало было жутко. Король, слышь, только деньги мотал, богачей любил, а бедных обижал. Да вот в прошлом году, как поддался народ да солдаты, из булыжника в городе сделали завалы, да и пошла потеха. Битва страшная. Да куда ты, король с господами едва удрал. Теперь они не хотят царей и управляются, как мы в деревне. Миром сообща и выборными». Старик рекомендует и русским солдатам последовать примеру французов: «Нас больше, чего бояться чудо-богатырям, залихватским, разудалым добрым молодцам, удалым братцам солдатикам. Умереть, так умереть, лишь не дать в обиду богачам да нехристям своих кровных и свою волюшку».

Для настроений некоторых кругов интеллигенции наиболее характерно признание студента Толстова, также причастного к кружкам петрашевцев, сделанное им на судебном следствии. Заявляя, что все кругом казалось ему дурным, Толстов писал: «Кто причиной? Один: это государь мой. Он виновен во всем, я думал, слышал, что кто-нибудь брал взятки, виноват был государь, зачем ставит таких чиновников. Встречал оборванного нищего, опять виноват был государь, зачем сорил деньги в Палермо. Одним словом, во всем, во всем виноват был государь мой; я ни в чем не хотел оправдать его, ни одна мысль не приходила в голову к его защите. И не залюбил я моего государя, как иудей . . . Если случалось, что я видел его портрет на Невском, я говорил, что бессовестно льстят его лицу. Если я встречал его идущим, завернувшись в шинель, с надвинутой на чело каской, он казался мне скрытым злодеем, мрачным тираном». «И если не составил положительного, обдуманного в голове плана, — выкладывал свою душу Толстов, — как истребить царскую фамилию, то не потому, чтобы имел сожаление о ней, а потому, что считал это бесполезным до тех пор, пока не будет приготовлен к этому народ, — пока народ не убедится в том, что нет необходимости в царе, что все равно выберут другого, пожалуй. И если, может быть, не совершил бы сам своеручно смертоубийства, то только потому, что в сердце моем оставалось еще несколько капель чистой крови, и подобное злодеяние казалось слишком кровавым; а если бы нашел человека, способного на это, и если бы знал, что я тут не могу попасться, я бы не преминул его настроить».

Настроения у «петрашевцев» были, таким образом, разные. Имелись между ними умеренные, имелись и революционно-настроенные. Одни думали о просвещении и мирной пропаганде, другие — о восстании, «драке», цареубийстве. Особенно характерны настроения раскаявшегося Толстова: они говорят о силе протеста, ненависти к царю, как воплощению гнета, о чувствах, широко захватывавших молодежь. Кружок Петрашевского и представляет интерес с той

стороны, что знакомит нас с переживаниями молодежи, с эволюцией ее от мирной проповеди новых идей до революционной активности. Революционного дела у этой интеллигенции еще не было никакого, но разговоров и планов было уже не мало.

Кончилось для петрашевцев дело тем, что в их среду подослан был шпион, который всех и выдал. По приговору суда 21 из них были присуждены к казни, которая заменена была ссылкой в каторжные работы (Петрашевский — бессрочно, Спешнев на 10 лет, Достоевский на 4 года). Не довольствуясь таким жестоким наказанием, правительство подвергло осужденных предсмертной пытке. Их повели на место казни, поставили у столбов, облачили в саваны, священник обратился к ним со своими «пастырским» словом, солдаты взяли ружья на прицел, раздалась команда к залпу, — и только в этот последний момент, за секунду до смерти, осужденным объявлено было о замене казни другими наказаниями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

1. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Освобождение крестьян очистило пути капиталистического развития России. Падение крепостного порядка открыло простор капиталистическому накоплению, раскрыло пред капиталом — торговым и промышленным — широкие возможности. Условия крестьянской реформы, проведенной в интересах помещиков, обеспечивали и промышленность и помещичьи хозяйства дешевой рабочей силой. Капиталы, накопленные раньше, направились на всякого рода предпринимательство — строились железные дороги, промышленные предприятия, учреждались банки. Но все это было еще очень далеко до расцвета капитализма. Несмотря на то, что пореформенная Россия радикально отличалась от крепостной, в ней еще много осталось и социально-отсталого вообще и крепостнических пережитков, закрепленных реформой 1861 г. Буржуазия, перед которой были все возможности эксплоатации народных масс, могла еще дышать «жабрами», рабочий класс еще только складывался и ничем не проявлял себя, крестьянство, выбравшееся из крепостной кабалы, попало в новую кабалу к помещикам.

Если передовая интеллигенция крепостного времени жила под впечатлением бедствий крепостного крестьянства и надеждами на его восстание, то теперь она возлагала надежды на крестьянское движение в новых, созданных реформой 1861 г. условиях. Реформа эта была проведена в интересах помещиков, крестьяне, получившие недостаточные земельные наделы, за которые должны были платить выкуп, оставались еще на положении «временно-обязанных» по отношению к помещикам. Примирилось ли крестьянство с такой новой жизнью? Конечно, нет. Волновавшееся при крепостном праве крестьянство должно и на такие условия «освобождения» ответить восстанием, недовольство крестьян должно вылиться в крестьянскую революцию, которая не ограничится передачей земли помещиков крестьянам, но, на основе общинного владения землей, приведет к социализму. Эту крестьянскую революцию нужно поддержать, крестьянству надо помочь подняться — в этом обязанность тех, кто сознает свой «долг» перед народом. Утопический социализм, вообще предпочитавший мирный образ действий, на русской почве приобретает черты революционной активности. От кружковых разговоров революционная интеллигенция переходит к делу.

Учителем и лучшим выразителем настроений этой лучшей части революционной интеллигенции был Чернышевский.

Чернышевский, разночинец по происхождению (отец его был священником в Саратове), рос в мещанской обстановке, как многие другие, и, как многих других, она могла засосать и его. Но Чернышевский, подобно Герцену, Бакунину, оторвался от своей среды и пошел в среду другую. И пути, которыми он шел, и воздействие, которое он испытал, были те же. Отличие состояло лишь в том, что, совершенно не связанный с дворянством, он мог с еще большей страстностью броситься на борьбу с крепостным порядком и более остро воспринимать страдания крестьянской массы.

Переломным моментом и в жизни Чернышевского была революция 1848 г. Он с жадностью ловил вести из Парижа (тогда он был еще молодым студентом), и все симпатии его были, конечно, на стороне революционеров, «крайних» социалистов. «Страшно, какой я стал человек крайней партии» — заносит Чернышевский в свой дневник. А затем идут такого рода мысли: «В сущности я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства и довольства, уничтожения нищеты и порока. Если бы только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если бы убежден был, что восторжествуют они, то даже не пожалел бы, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только буду в этом убежден».

Наблюдая революцию, Чернышевский желает развития борьбы, чтобы раскрылась вся непримиримость интересов угнетателей и угнетенных. «Пусть начнется угнетение одного класса другим, — пишет он в дневнике, — тогда будет борьба, тогда угнетенные узнают, что они угнетены при настоящем порядке вещей, но что может быть другой порядок вещей, при котором они не будут угнетены; поймут, что их угнетает не бог, а люди; что нет им надежды ни на правосудие, ни на что, потому что между угнетающими их нет людей, стоящих за них . . . Тогда не будет святых, а будет: ты подлец, взяточник, грабитель, жестокий притеснитель, пиявка, развратник, и ты тоже, и он тоже, — и нет между вами никого, кто променяет свой класс на наш класс, кто стал бы за нас против вас, и стал бы искренно, с убеждением, без своекорыстной цели, который тотчас же, как достигнет, чего хотел, ломает свои орудия, и развил бы свои убеждения до того, до чего они должны быть развиты, до их крайних последствий».

Остро переживая все эти впечатления революции 1848 г., Чернышевский обращается мыслью и к России. Побывав у петрашевца Ханыкова, он записывает в дневник: «Более всего говорили о возможности и близости у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавши мне множество элементов возмущения, напр., раскольников, общинное устройство удельных крестьян, неравенство большей части служащего класса и проч., так что в самом деле массы я не заметил». Теперь от петрашевцев он узнал,

что и в России может быть революционная масса — крестьянство, как под влиянием знакомства с петрашевцами знакомится и с утопическим социализмом (Фурье). Мысль о крестьянстве, которое нужно поднять, все крепнет в Чернышевском, и позже (в 1850 г.) он уже задумывает написать «воззвание к восстанию» крестьян — «демагогическим языком описать положение (крестьян) и то, что они сила, и только они сами через эту силу могут освободиться от этого». Решение это (осуществленное многим позже) принято было с таким внутренним убеждением в необходимости восстания крестьянина, что Чернышевский почувствовал себя перерожденным, способным «на поступки самые отчаянные, самые смелые, самые безумные». И в объяснениях со своей будущей женой он уже прямо предупреждает ее, что «у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем».

Так вырастал Чернышевский в революционера и социалиста. Восприняв, под влиянием петрашевцев (к которым, по его словам, он непременно примкнул бы, если бы знал об их кружке), учение Фурье, он стал, в основных своих воззрениях, утопистом-социалистом. Но человек громадного ума, больших и разносторонних знаний, материалист по философским взглядам, Чернышевский самостоятельно воспринимает утопический социализм, многое видит и понимает из того, что не все утописты понимали.

Чернышевский понимал классовую борьбу и видел, какую роль в ней играет пролетариат. Он пишет, что долгое время «простолюдины» не стремились к самостоятельному историческому действованию и были лишь орудием буржуазии в борьбе ее с дворянством. Но это было раньше, а теперь «в Англии мы видим, что работники составляют между собою громадные союзы для самостоятельного действования в политических и особенно экономических вопросах», теперь «среднее сословие и работники издавна держат себя уже и в Англии как две разные партии, требования которых различны», а «открытая ненависть между простолюдинами и средним сословием во Франции привела к экономической теории коммунизма». Чернышевский возражал приэтом тем английским экономистам, которые утверждали, что в Англии нет «коммунизма»: «В практике промышленные союзы работников, — писал он, — представляют очень много соответствующего теориям, которые у французов называются коммунистическими». Понимал Чернышевский и то, что пролетариат является продуктом нового, капиталистического общества, что раньше его не было. «До XIX столетия, — писал он, — бедных, нуждающихся в общей помощи было, может быть, больше, чем теперь, но о пролетариате не было речи. Он — плод новой истории».

Подходя к вопросу о путях развития России, Чернышевский допускал и предвидел возможность ее капиталистического, по примеру других стран, развития. «Нельзя скрывать от себя, — пишет он, — что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся

почти чуждым влияниям тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе. Скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции». И Чернышевский показывает, что Россия уже вступает на путь капиталистического развития, которое вносит радикальные изменения в народный быт: строятся железные дороги, растет внешняя торговля, цены на хлеб растут. «Достоверно, — продолжает он, — что развитие экономического движения, заметным образом начинающееся у нас пробуждением духа торговой и промышленной предприимчивости, постройкою железных дорог, учреждением компании пароходства и т. д., необходимо изменит наш экономический быт, до сих пор довольствовавшийся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею, мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы. До сих пор семейство наших поселян покупало только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и проч., и проч., все остальное производилось домашним хозяйством: и сукно, и ткань для женского платья и для белья, и обувь, и мебель, и самая изба с печью. Скоро будет не то: домашнее сукно сменится на поселянине покупным фабричным (мы не знаем, будет ли он покупать фабричное сукно лучшего сорта, нежели покупает теперь, но в том нет сомнения, что его жена разучится ткать сукно, — льняные и посконные ткани домашнего изделия сменятся хлопчатобумажными), которые, очень может быть, будут не выше их добротою, но все-таки вытеснят их своею дешевизною, и т. д., и т. д. Все это совершится еще на глазах нашего поколения в селах, как до сих пор совершалось только в больших городах. Мы говорим это только для примера, чтобы разъяснить мысль о том, что неизбежны перемены в экономическом быте нашем, не решая того, каковы именно будут они».

Эти мысли были тем более замечательны, что они совершенно расходились с господствовавшим и шедшим от Герцена мнением, что Россия может пойти по пути капиталистического развития. Эти мысли, как и мысли о классовой борьбе, показывают, что Чернышевский был близок к тому, чтобы в воззрениях своих стать в уровень с веком, с тем учением, которое исходило от Маркса и Энгельса. Но он был только близок к этим взглядам, до них не дойдя. В условиях социально-отсталой России он не мог отделаться от предрассудков утопического социализма и в основном остался им верен. На общину он смотрел приблизительно так же, как и Герцен. «Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, — писал он, — еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта. Существовал некогда он и на Западе, по крайней мере, во многих странах Запада, но утрачен там в одностороннем стремлении к полновластной собственности отдельного лица». Чернышевский соглашается с славянофилами, поскольку они защищают общину, и, полемизируя с Герценом, который во всем противопоставлял Россию

Западу, доказывает, что если Россия действительно отличается чем-либо от Запада, то единственно тем, что сохранила общину. Вместе с тем Чернышевский ставит вопрос о том, должна ли Россия обязательно пройти через стадию разрушения общины, прежде чем перейдет в высший социалистический порядок, и отвечает отрицательно, допуская, что община может при известных условиях непосредственно привести к социализму: «Под влиянием высокого развития, — писал он, — которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей ступени прямо на высшую, минуя средние логические моменты». И потому, допуская возможность устранения общины под влиянием преобразований в экономическом быту, Чернышевский призывал: «Но каковы бы ни были эти преобразования, да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшею жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием, — да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями — на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы. Их пример да будет нам уроком». Чернышевский отстаивал общину, в частности и потому, что она предупреждает развитие пролетариата, а «пролетариат» он считал «язвой», социальным бедствием. Таким образом, при всем сочувствии борьбе рабочего класса на Западе, Чернышевский не дошел до того, чтобы понять революционную роль пролетариата, не видеть в пролетариате одну лишь «бедность», перед которой все преимущество имеет сидящий на земле крестьянин. Поэтому же, строя свою «теорию трудящихся», Чернышевский видит последнюю не в борьбе классов, а создает, как все утописты, свою «утопию», в основу которой кладет промышленно-земледельческое «товарищество трудящихся», возникающее при поддержке государства, обслуживающее все нужды свои, сооружающее по своему плану дома для своих членов и т. п. в духе утопии Фурье.

Практическую задачу дня составляли, однако, не утопии. В центре внимания Чернышевского стоит крестьянство, его судьба, его будущее. Он следит за крестьянской реформой, в статьях своих отстаивает интересы крестьян. Когда реформа 1861 г. осуществилась и, разумеется, не так, как думал Чернышевский, он еще более укрепился в мысли, что и неизбежна, и необходима крестьянская революция. Когда Герцен в своем журнале «Колокол» напечатал статью, в которой выражал надежды, что правительство и дворянство могут мирно разрешить крестьянский вопрос, в ответ на неё в «Колоколе» же появилась статья, которую приписывают Чернышевскому (1862 г.). «Крестьяне, — говорится в этой статье, — которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением, готовы с отчаяния взяться за топоры, а либералы проповедуют в эту пору умеренность, исторический постепенный процесс и, кто их знает, что еще. Что из этого выйдет? Выйдет ли из этого,

в случае, если народ без руководителей возьмется за топор, путаница, в которой царь, как в мутной воде, половит рыбки, или выйдет что-нибудь и хорошее, но вместе с Собакевичами и Ноздревыми погибнет и наше всякое либеральное поколение, не сумевши пристать к народному движению и руководить им». О гибели либералов автор не жалеет, но первый исход считает ужасом. И он упрекает Герцена в том, что тот поддерживает иллюзию, веру в царя, в мирное развитие. «Нет, не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы . . . Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет». «Вы все сделали, — заканчивается статья, — что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат. К топору зовите Русь».

Мы увидим в дальнейшем изложении, что в воззвании к крестьянам Чернышевский становится на тот же революционный путь.

К сближению с крестьянством, к помощи крестьянам, к революционной работе призывал Чернышевский и молодежь. «Никаких особенных штук», — писал он, — «для сближения с крестьянством не требуется; говорите с мужиком просто и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие». В своем романе «Что делать», который имел долгое время громадное влияние на молодежь, Чернышевский изобразил «новых людей», усвоивших демократические убеждения и готовых служить народу, и среди них — «особенного человека», революционера Рахметова. Показывая героев своего романа, Чернышевский писал по адресу молодежи: «Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. Наблюдайте, думайте о том, что человеку можно быть добрым и счастливым».

Чернышевский был для молодежи и великим просветителем, и агитатором. Если сам он не мог дойти до научного социализма и остался на уровне социализма утопического, то тем менее это могли сделать его многочисленные последователи. Своим авторитетом Чернышевский укрепил то, что молодежь слышала от Герцена, придал новую силу народническим воззрениям. Призывы его подняться из «трущобы» и пойти на «вольный белый свет» революционной работы падали на благоприятную почву — молодежь ждала, чтобы ей указали путь, по которому ей нужно пойти.

2. ПЕРВЫЕ ПРОКЛАМАЦИИ

Чернышевский развивал свои мысли в легальной литературе. Но уже в самом начале 60-х годов вышло несколько прокламаций, говоривших полным голосом и потому лучше выражавших настроения

их авторов, чем легальная печать. Среди авторов этих прокламаций были такие, как Чернышевский и писатель Шелгунов.

Летом 1861 г. под названием «Великорусс» вышло три нелегальные листка. Кто авторы их — до сих пор неизвестно. В центре внимания этих листков стоял, конечно, крестьянский вопрос. «Великорусс» сначала обращался к «образованным классам», рекомендуя им взять реформу в свои руки и передать крестьянам без выкупа земли, которыми они пользовались до освобождения (с оставлением, стало быть, части земель в руках помещиков). Далее «Великорусс» требовал созыва «депутатов» для составления конституции, но на республике не настаивал. Для достижения этих целей рекомендовалось отправлять адреса царю с изложением требований. Если же «образованные классы» выступить не пожелают, тогда, — писал «Великорусс», — «нам не останется выбора: мы будем действовать на простой народ, и с ним принуждены будем говорить уже не таким языком, не о таких вещах». «Великорусс» предупреждал при этом, что если «не оставят образованные классы мирную оппозицию», то в 1863 г., — ко времени завершения крестьянской реформы, — будет поздно: «народ неудержимо поднимется летом 1863 г.». «Отвратить это восстание, — говорил листок, — патриоты не будут в силах и должны будут позаботиться только о том, чтобы оно направилось благоприятным для нации образом». Как видим, «Великорусс» предпочитал «мирную оппозицию» и только в целях последней угрожал «образованным классам», т. е. дворянству, крестьянским восстанием.

Прокламации Шелгунова и Чернышевского стояли на другой точке зрения. Шелгунов осенью 1861 г. написал две прокламации «К молодому поколению» и «К солдатам». Прокламация «К молодому поколению» повторяла мысли Герцена. Неудача революции 1848 г. ничего не говорит против возможности «других порядков» в России. «Разве у них существует и возможна земледельческая община? Разве у них каждый крестьянин и каждый гражданин может быть земельным собственником? Нет! А у нас может. У нас земли столько, что достанет ее нам на десять тысяч лет. Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастья, ее безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата, ее аристократизма, ее государственного начала, ее императорской власти». Прокламация Шелгунова требует «полного обновления страны», то есть прежде всего «полного уничтожения следов крепостного права», уничтожения «неравенства в землевладении», уничтожения сословий и затем — республики, свободы печати, гласного суда, уничтожения тайной полиции, амнистии и т. д. Наряду с другими требованиями, подробно излагаются требования аграрной реформы: «Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало; чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту; чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был,

мог сделаться членом земледельческой общины, т. е. или приписаться к общине существующей, или несколько граждан могли бы составить новую общину. Мы хотим сохранения общинного владения землей с переделами через большие сроки . . .»

Какими же путями добиваться этих целей? Прокламация говорит, что не хочет, чтобы дело непременно дошло до насильственного переворота, но не отказывается и от него и готова звать «революцию на помощь к народу». «Если для осуществления наших стремлений, — читаем в прокламации, — для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого». Революция может быть осуществлена прежде всего молодежью, — «народной партией из молодого поколения», — а затем всеми угнетенными — чиновниками, этими «фабричными» канцелярий, войском и крестьянством. «Мы обращаемся к вам, — говорит прокламация молодежи, — потому что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию, вы настоящая ее сила, вы вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сделанное нам императорской властью». «Довольно дремать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку . . . Пора приступить к делу теперь же, не теряя ни минуты, — призывает прокламация, обращаясь к молодежи. — Говорите чаще с народом и солдатами, объясняйте ему все, чего мы хотим и как легко всего этого достигнуть; нас тысячи, а злодеев сотни. Стащите с пьедестала в мнении народа всех этих сильных земли, недостойных править нами, объясните народу всю незаконность и разврат власти, приучите солдат и народ понять ту простую вещь, что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как и из носа мужицкого».

Прокламация Чернышевского, озаглавленная «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», распространения не получила, так как попала в руки жандармов через предателя до напечатания. Написана она была популярно, доступно пониманию каждого крестьянина. Подробно выясняя, к чему свелось освобождение крестьян, прокламация приходила к такому выводу: «Так вот оно, к чему по царскому-то манифесту да по указам дело поведено — не к воле, а к тому оно идет, что в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонешней». Сделал это царь с помещиками, потому что и сам царь — помещик. «Вы у помещика крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не съест. Ну, царь и держит барскую сторону». Этому обману воззвание противопоставляет европейские порядки, в особенности швейцарские, где «царь, значит, для всего народа староста, и народ, значит, над этим старостою, над царем-то, начальствует», где «народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается и царем не зовется, просто зовется народным старостою, а по-ихнему, по-иностранному, президентом».

Но как же добыть такую волю? Можно добыть и «не очень трудно»: «надо только единодушие между собою иметь мужикам, да сноровку

иметь, да силой запастись». Особо воззвание указывает на солдат, которые должны быть на стороне своего брата-мужика («когда воля мужикам будет, каждому солдату тоже воля объявится»), и на «добрых офицеров», которые «за народ стоять будут». Главное, надо мужикам иметь согласие и быть заодно, когда придет время действовать. «А покуда пора не пришла, — вразумляет воззвание, — надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит, спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорит, что один в поле не воин. Что толку-то ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет. Это значит, только дело портить, да себя губить. А когда все готовы будут, значит, везде поддержка подготовлена, ну, тогда дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй, да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уже увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ, да что народ. Вот мы и знаем, что покудова еще нет приготовленности. А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлем такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов будет и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу подготовка у тебя идет».

Как видим, воззвания эти разнятся друг от друга. «Великорусс» стоит еще на умеренной платформе и восстанием только угрожает. Прокламации Шелгунова и Чернышевского зовут к восстанию, к революции и в мирные, «оппозиционные» пути не верят. Имеются указания, что к «Великоруссу» был причастен Чернышевский. Если это так, значит, к «Великоруссу» примыкали и умеренные и революционные элементы, а программа его была построена на соглашении, компромиссе: угроза бунтами тогда шла от Чернышевского. Когда же Шелгунов и Чернышевский выступили самостоятельно, они об «оппозиции» ничего не говорят, но говорят о восстании крестьян. Особенно подробно рисует план крестьянской революции Чернышевский, разрабатывая свою юношескую мечту о бунте. Восстание должно быть централизовано: организация, о которой говорит Чернышевский, должна иметь своих людей по всем местам, позаботиться о «приготовленности», призвать к восстанию, когда все будет готово, — и тогда «доброе дело» начнется.

Прокламация Чернышевского из рук автора чуть ли не непосредственно попала в руки жандармов, но идея крестьянской революции получила распространение и продолжала еще долго владеть умами революционной интеллигенции.

3. ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ».

Мы видели, что первые прокламации говорили о двух течениях, умеренном и революционном. По этому же разделению возникли и первые революционные организации 60-х годов.

Вместо кружка «Великорусс» осенью 1862 г. организовано было общество «Земля и воля». К нему примыкали эмигранты Герцен и Огарев, далее получивший впоследствии известность Лавров, писатель Елисеев и др. Общество стояло на компромиссной платформе: «в деле народного освобождения должны сглаживаться спорные оттенки одной и той же свободолюбивой партии», писал журнал «Земля и воля». Иначе говоря, все острые углы должны быть сглажены, и все должны сойтись на каком-нибудь компромиссе.

Платформа общества излагалась в листке Огарева «Что нужно народу». На поставленный вопрос Огарев ответил: «Очень просто, народу нужны земля и воля». Что касается земли, то листок заявлял, что помещиков «народ обижать не хочет», и потому отдавал крестьянам за выкуп те земли, которыми они владеют; прирезка допускалась только в тех случаях, когда крестьяне имеют недостаточно земли. В области политических требований листок Огарева также не выходил из пределов умеренности. Он требовал созыва народных представителей (избираемых при многостепенных, а не прямых выборах) для утверждения бюджета; о свержении царской власти листок не говорил, хотя и называл царя первым врагом народа. О путях борьбы говорилось в таких выражениях: «Шуметь без толку и лезть под пулю в разбивку нечего; а надо молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтобы можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, против царя и вельмож, землю мирскую, волю народную да правду человеческую, выступая на борьбу с правительством за права народные». «Организация, — говорит листок, — в настоящее время ставит себе одною из задач — привлечение образованных классов на сторону интересов народа, и, значит, их собственных», чтобы этим «предотвратить или, по крайней мере, ослабить то кровопролитие, которое правительство вызовет своим дальнейшим существованием». Чернышевский, — он не примыкал к обществу, но помогал ему, — и здесь выдвигал идею организации для восстания, предлагая разделить общество на районы (северный, южный и т. д.), в каждом районе должен был быть свой комитет, которые объединялись в центральном комитете.

Программа «Земли и воли», как первой организации, строилась на компромиссе, давала сильный уклон в сторону умеренности, объединяла и умеренных и более радикальных. Аграрная и политическая часть программы не могла удовлетворить более крайних, оппозиция со стороны которых несомненно имелась и оказывала некоторое влияние. В 1863 г. Огарев, под влиянием таких недоволь-

ных программой общества, составил воззвание «Всему народу русскому», которое было распространено, однако, не от имени «Земли и воли». «Не пеняй же, государь-батюшка, Александр Николаевич, если народ и без твоего соизволения сам свою землю и волю возьмет, сам свой земский собор созовет». Когда поляки, подготовляя восстание в Польше, обратились за содействием к «Земле и воле», комитет последней отказался на том основании, что она находится еще в периоде собирания сил. В Казани часть членов общества, однако, выразила готовность вызвать восстание в помощь поляков, и один из этих готовых к поддержке, Черняк, выступил от имени левой части «Земли и воли». На одном совещании Черняк говорил полякам: «Я должен признаться вам, господа, что мы приготовляем дело восстания независимо и тайно от той партии («Земли и воли»), которая хочет ограничиться одной пропагандой. Ее не дождаться. Она, пожалуй, десять лет будет вести пропаганду и все станет говорить, что еще не время».

Общество «Земля и воля», просуществовав год, умерло естественной смертью. Такая участь постигла его не только потому, что тогда вообще трудно было рассчитывать на широкую деятельность, но и потому, что самый характер общества не обещал успеха: умеренная, построенная на компромиссе программа не могла удовлетворить (и в действительности не удовлетворяла) наиболее активную молодежь, на которой только и могло держаться движение.

4. «МОЛОДАЯ РОССИЯ» ЗАЙЧНЕВСКОГО

О настроении этой наиболее активной молодежи говорит действовавший в Москве в 1861 г. кружок студентов Зайчневского и Аргиропуло. Кружок обзавелся даже типографией («Первая русская вольная типография», дано было ей название), в которой печатались произведения Герцена и Огарева. Зайчневский в кружке представлял собою исключительную фигуру. Он считал своим долгом распространять свои убеждения всюду, где только возможно, — «перед дворянами в клубе, на дому у них, и перед мужиками, и вообще везде, где есть общество». Так он и поступал, а перед следственной комиссией после ареста признал: «Я ставил себе задачею распространение мнений, составляющих мое убеждение».

Воззрения кружка были изложены в прокламации «Молодая Россия», составленной Зайчневским и отпечатанной в 1862 г. после его ареста. «Молодая Россия» прежде всего отмежевывается от рассмотренных нами выше прокламаций. Герцену ставится в упрек, что он потерял в 1848 г. веру в насильственные перевороты и стал конституционалистом. «Великорусс» не удовлетворяет потому, что отвечает желаниям «либерального общества, т. е. массы помещиков, стремящихся хоть чем-нибудь нагадить правительству и опасающихся в то же время даже тени революции, грозящей поглотить их самих». Этим умеренным течениям «Молодая Россия» противо-

поставляет свою программу. В России две партии — «императорская», в которую с царем входят «все имущие, все, у кого есть собственность родовая или благоприобретенная», и другая партия, «всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия, партия — народ». Между ними идет борьба, которая не прекратится, «пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие владеющие капиталом являются распорядителями участи остальных». Прокламация видит выход в одном — «революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

Чего же требует «Молодая Россия»? Демократической федералистической республики, с выборными судами, с заменой армии национальной гвардией, с правом каждой области решить, желает ли она войти в федерацию. Такой революции политической должна соответствовать и революция социальная. Частная земельная собственность уничтожается; каждый приписывается к какой-либо земледельческой общине, получая землю в пожизненное пользование. Все остальное имущество членов общины остается в собственности их лишь в продолжение их жизни и по смерти делается достоянием общины. Далее, требуется устройство «общественных фабрик», управляемых выборными лицами, и кооперативных лавок. Воспитание детей должно стать делом общественным, и до конца учения дети должны содержаться на счет общества. Женщины должны быть уравнены во всех правах с мужчинами, брак должен быть уничтожен, как упразднена должна быть и семья.

Прокламация предвидит, что революционной партии, которая станет во главе правительства, нужно будет сохранить власть, чтобы «при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени». Поэтому революционная партия «должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем». В особенности выборы в национальное собрание «должны происходить под влиянием правительства, которое должно позаботиться, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если они только останутся живы)».

Какими силами может быть произведена революция? «Забитый и ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива, а войску и нашей молодежи», отвечает прокламация. И «Молодая Россия» призывает офицеров вспомнить «славные действия в 1825 году» и в особенности призывает молодежь, которая должна стать во главе движения, готовиться к славной деятельности. «Скоро, скоро наступит день, — читаем дальше в прокламации, — когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика русская, двинемся на Зимний дворец истребить живущих там». Возможно, что дело кончится «одним истреблением императорской фамилии»,

но возможно, и даже более вероятно, что на защиту царя станет вся «императорская партия». «В этом последнем случае, с полною верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик «в топоры», и тогда . . . тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам. Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против нас; кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами. Но не забывай при каждой новой победе во время каждого боя повторять: да здравствует социальная и демократическая республика русская».

Как видим, «Молодая Россия» резко отличается от «Великорусса», прокламаций Шелгунова и Чернышевского. Обе последние также желают революции, и притом не только политической. Но Зайчневский ставит вопросы определенно и разрешает их до конца. Его программа — радикальное уничтожение старого порядка, социально-экономический переворот, полное народовластие и упразднение собственности. Иные и пути революции. Решит дело, конечно, народ, но инициатива должна принадлежать молодежи и войску, захватить власть должна партия, которой принадлежит и диктатура. Зайчневский представлял себе, таким образом, революцию в виде заговора партии, действующей при посредстве войска (поэтому он вспоминает и декабристов). На этих воззрениях сказалось влияние якобинцев Великой французской революции и сторонников заговора в последующих революциях (Бланки). Вера в возможность социалистической крестьянской революции роднит Зайчневского с утопическими социалистами.

Программа «Молодой России» не получила общего признания. Идея заговора и захвата власти возродилась позже, в программе народовольцев, господствовавшие же до них, на всем протяжении 70-х годов, народнические воззрения исходили из того, что освобождение народа должно быть делом самого народа. Народники строили свои планы на крестьянском восстании, которое приведет к социализму. Но цельность воззрений Зайчневского, неисчерпаемая революционная активность, радикализм в постановке и разрешении задач безусловно отражали настроения, господствовавшие в лучшей, передовой части революционной интеллигенции.

5. КРУЖОК ИШУТИНЦЕВ. — Д. В. КАРАКОЗОВ

Под непосредственным влиянием идей «Молодой России» возникла первая, действительно революционная организация, кружок так называемых ишутинцев. Собственно, это не была сложившаяся организация (во главе ее стояли Ишутин и Худяков), и вся она находилась еще в стадии построения. Но цели кружка намечались по прямой традиции, шедшей от Зайчневского.

Предполагалось, после свержения самодержавия, захватить власть в свои руки, уничтожить крупных землевладельцев и капиталистов и построить общество на социалистических началах, организовав государство по системе Соединенных штатов Америки,— иначе говоря, ишутинцы принимали, по примеру Зайчневского, захват власти «революционной партией», истребление «императорской партии» и образование республиканско-федеративного социалистического государства. Впрочем, нужно иметь в виду, что здесь не было не только выработанной программы, но и общего настроения. Среди членов общества было не мало и таких, которые верили в мирное развитие, возлагали надежду на организацию артелей и т. п. Другие, главным образом Ишутин, были сторонниками решительного, революционного образа действий. Ишутин организовал особый кружок—«Ад», целью которого должно было быть, по его словам, «цареубийство, в случае, если правительство не согласится с требованиями». Члены «Ада» должны были всецело отдать себя делу борьбы: каждый член должен «вести жизнь только для одной исключительной цели», а цель эта — «бесконечная» любовь и преданность родине и ее благу; для нее он «должен потерять свои личные наслаждения и взамен получить и сосредоточить в себе ненависть и злобу ко злу и жить и наслаждаться этой стороной жизни». Члены «Ада» должны были наблюдать за деятельностью членов «Организации» и понуждать их к выполнению своих обязанностей, карать их за отступление от выполнений принципов общества; «Ад» должен был продолжать действовать и в случае революции «неусыпно следить за действиями вожаков и ни в каком случае не допускать популярности вожаков в том объеме и направлении, при которых можно бы забыть основные принципы революции». Таким образом, Ишутин был сторонником не только террора, но и диктатуры в ходе революции небольшого кружка отборных революционеров. Повидимому, террор, но не в таком развернутом виде, как Ишутин, принимали и другие члены «Организации».

Под влиянием таких настроений и планов о цареубийстве выполнить последнее взялся Каракозов, двоюродный брат Ишутина, студент Московского университета, раньше исключенный из Казанского университета за участие в студенческих беспорядках.

4 апреля 1866 года, когда Александр II, после прогулки в Летнем саду, направлялся к карете, Каракозов выстрелил в него из револьвера на близком расстоянии. Царь остался невредим. По одним рассказам, его спас мастеровой Комиссаров, ударивший по руке стрелявшего Каракозова, по другим — Каракозов просто промахнулся. При Каракозове нашли порох, пули, яд и рукописное воззвание «Друзьям-рабочим». В воззвании этом Каракозов объяснял мотивы, побудившие его на цареубийство. Он пишет о тяжелом положении крестьян, которых царь обманул своей волей. От помещичьей земли отрезали крестьянам малый кусок, да и за него нужно платить, и стало крестьянам еще хуже прежнего: «за неплатеж откупных денег в казну, за недоимки у крестьян отнимают последнюю

лошаденку, последнюю корову, продают скот с аукциона и трудовыми мужицкими деньгами набивают царские карманы». Виноват царь-помещик, окруживший себя чиновниками и дворянами, и его надо уничтожить,—тогда струсят все помещики, и крестьяне добудут себе землю и волю. «Дастся мне мой замысел, — пишет Каракозов, — я умру с мыслью, что смертью своей принес пользу дорогому моему другу — русскому мужику. А не удастся, то все же я верю, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось — им удастся».

И то, что говорит Каракозов крестьянам, он говорит и царю. Из крепости, приговоренный к казни, он пишет Александру II о том, что побудило его на покушение. Он пошел на это, «чтобы сделать счастливым огромное большинство людей, жизнь которых проходит в постоянных тяжелых трудах, почти без всякого вознаграждения за эти тяжелые труды, в постоянном невежестве, болезнях и всевозможных лишениях, страданиях физических и моральных, преступлениях, грабежах, воровстве». Положение это сохранится до тех пор, «пока не падет совершенно ныне существующий экономический порядок и установятся прочные земельные отношения, основанные на равном разделе земель и равномерном вознаграждении за труд». Каракозов верит, что «скоро придет время, когда никакие в мире законы, ни государи не будут в состоянии удержать порыв народного гнева и злобы», что, «где бы ни вспыхнуло рабочее движение — в Англии, Франции, или Германии или, наконец, у нас в России, оно, как пламя, охватит всю Европу пожаром».

Каракозов сперва назвал себя вымышленным именем, показывал, что у него нет сообщников и что покушение — его единоличное дело. Случайность привела жандармов на след Ишутина, а затем раскрыли и личность Каракозова. Его казнили 3 сентября 1866 года. Ишутину казнь заменена вечной каторгой; из прочих членов организации восемь было сослано в Сибирь, остальные заключены в крепость.

6. С. Г. НЕЧАЕВ

Каракозовский выстрел произвел сильнейшее впечатление на революционно настроенную молодежь. «Тот, кто не прожил в среде русской молодежи это многозначительное время, тот едва ли поймет теперь ее стремления, — читаем в первом номере «Народной расправы», вышедшем летом 1869 года. — С этой поры, — продолжает листок, — начинается в молодежи сознание своих революционных сил. Быстро разносились рассказы об этих людях и, охватывая душу огнем, быстро развивали крепость, энергию и готовность безраздельно отдаться делу освобождения . . . Мощные образы ишутинцев крепко запечатлелись в головах юношества и сделались образцами».

Эти слова современника свидетельствуют о роли, которую сыграл

каракозовский выстрел, и принадлежат они Нечаеву, с именем которого связана попытка на почве студенческого движения создать организацию, имеющую целью непосредственное революционное дело. Как видно из приведенных только что суждений «Народной расправы», Нечаев сам считал себя прямым продолжателем дела ишутинцев. «Почин сделали ишутинцы. Пора начинать и нам, пока не остыли их горячие следы», писала «Народная расправа».

Все знавшие Нечаева отзывались о нем как о выдающейся личности, и таков он был на самом деле. Фанатически преданный делу революции, он жил только ее идеей и ради нее готов был на все. Задумав создать на почве студенческих волнений 1869 г. революционную организацию, он неожиданно уезжает за границу, пустив слух, что был арестован и бежал из крепости. За границей он сближается с Бакуниным, которому выдает себя за руководителя большой революционной организации. Такие, далеко не похвальные приемы, зная теперь всю мученическую жизнь Нечаева, можно объяснить только его фанатизмом: желая заручиться содействием Бакунина для своих революционных замыслов, никому неведомый учитель приходской школы думал, что лучше всего он достигнет своей цели, если явится к Бакунину в качестве уже известного революционера.

По возвращении в Россию, Нечаев организует общество «Народная расправа», и, когда он пришел к заключению, что один из членов этого общества готов расстроить планы, он убивает его. Нечаев вторично бежит за границу, но по настоянию русского правительства швейцарские власти выдают его России как уголовного преступника, обвиняемого в убийстве. Царский суд приговорил Нечаева к 20-летней каторге, которая фактически была заменена заключением в Петропавловской крепости, где он и пробыл с 1873 года по день своей смерти (1883 г.). Но и здесь Нечаев оставался верен себе: он тщетно, при самых тяжких условиях, добивался пересмотра своего дела, доказывая, что должен быть судим как политический преступник, завладел доверием крепостной стражи, через которую установил связи с «Народной волей», посылая из крепости свои советы действовавшим на воле революционерам.

Чего же желал Нечаев? Он считал, что единственным революционным элементом является учащаяся молодежь и потому нужно расширить студенческое движение до движения общереволюционного. «Программа революционного действия», исходившая от одного из нечаевских кружков, все бедствия приписывала «дурному экономическому строю», который допускает господство сильного над слабым, богатого над бедным. Этот строй должен быть уничтожен, и его уничтожит народ, когда сознает, что право и сила на его стороне. «Полная свобода обновленной личности лежит в социальной революции, — говорила программа, — но пока будет существовать настоящий политический строй общества, экономическая реформа невозможна; единственный выход — это политическая революция, истребление гнезда существующей власти, государственная реформа.

Итак, социальная революция — как конечная цель и политическая — как единственное средство для достижения этой цели».

В этой программе — знакомые нам настроения наиболее радикальных революционных кружков 60-х годов. Но Нечаев не только продолжал старые настроения. Еще до поездки за границу он был знаком со статьями Бакунина, который, как мы увидим, был тогда анархистом; побывав за границей и поближе познакомившись с учением Бакунина, он возвратился в Россию анархистом. Основанное Нечаевым общество «Народная расправа» всецело принимает анархическую программу.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО 70-Х ГОДОВ

Как мы видели, о революционном движении 60-х годов можно говорить в весьма условном смысле. Собственно движения — организации и революционного дела — почти не было. Если в последующее время движение захватывает по преимуществу ограниченные круги интеллигенции, то в 60-х годах круг участников движения был еще уже. Революционные кружки возникают сравнительно редко и возникают в начале 60-х годов, главным образом, в связи с той обстановкой, которая создана была освобождением крестьян — с условиями этого освобождения и ожиданием крестьянского восстания. В движении сразу намечаются два течения: одно — более умеренное, другое — более революционное, одно возлагавшее надежды на «образованные классы», на мирный образ действий, другое — связывающее дело революции с крестьянской революцией и с революционной молодежью как передовым отрядом революции. Первое течение представляло собою, собственно, радикальное крыло буржуазии и скоро в буржуазном движении и растворилось. Итог 60-х годов в этом отношении — первоначальное размежевание в среде интеллигенции, образование первых революционно-социалистических кадров. В то же время складываются основы воззрений, которые получили название народнических и которые шли от Герцена. Россия не обязана пройти капиталистический путь развития, дорога к социализму может быть иная — через крестьянскую общину, чрез крестьянский общинный быт. Мы видели, что здоровые зерна, которые рассыпаны в сочинениях Чернышевского и из которых могло вырасти учение, устраняющее народничество в корне, не дали всходов: всех выводов не сделал сам Чернышевский, и тем более не сделали его последователи. Перефразируя слова Герцена, можно сказать, что народничество легло в основу убеждений революционеров и неизменно осталось в существенном до того времени, когда начала отходить в прошлое социальная отсталость России и наряду с капитализмом не вырос рабочий класс, выступления которого сразу обесценили всяческие учения утопического социализма.

Наследие 60-х годов — первые кадры революционеров и народническое учение — получило в 70-х годах дальнейшее развитие. Основным фактором, определявшим настроения революционной интеллигенции, продолжало оставаться крестьянство, но влияние, шедшее от него, несколько изменилось. Проходили все сроки, а крестьянство не восставало. Если оно молчало, то, конечно, не от того,

что благоденствовало. Напротив, положение крестьян ухудшилось: давало о себе знать малоземелье для одних, безземелье — для других, тяжесть податей, крепостнические остатки в отношениях к помещику, политический гнет. Для недовольства была пища достаточная. Отсюда делался вывод, что восстание среди крестьян, конечно, возможно, даже неизбежно, но его нужно вызвать, к нему нужно крестьянство подготовить, как и нужно найти пути, которыми интеллигенция могла бы наиболее близко к крестьянству подойти. При этом осталась, понятно, идеализация крестьянства, вера в общину как зародыш социализма и т. п. С другой стороны, изменяется и влияние, идущее с Запада. Полоса подавленности после поражения революции 1848 г. проходила и сменялась на Западе полосой подъема рабочего движения. В Германии глубокий след оставила агитация Лассаля, возник Интернационал, как первая попытка объединения международного пролетариата во Франции, вслед за нарастанием революционной борьбы против режима Наполеона III и вслед за франко-прусской войной пришли короткие дни Парижской коммуны. Теперь, в противоположность тому, что было в 1848 г., Россия уже не была отделена от Запада китайской стеной. Если в конце 40-х годов только немногие кружки жили под впечатлением европейских событий, то теперь воздействию революционной борьбы на Западе стали доступны широкие круги интеллигенции. Особенно сильное впечатление произвела, как мы увидим, Парижская коммуна.

Под влиянием этих новых условий — новой ориентации на крестьянство, вызванной пореформенными условиями его существования, и оживления борьбы рабочих на Западе — складываются и революционное движение, и революционная идеология. Мы познакомимся с последней по учению тех, которые имели на молодежь наибольшее влияние — Бакунина, Лаврова и Ткачева.

1. БАКУНИН — АНАРХИСТ

Бакунин, как мы видели, усвоил некоторые элементы анархизма еще в 1848 г. В 60-х годах, по возвращении после бегства из Сибири за границу, у него окончательно складываются анархические воззрения. Исходя из анархических взглядов, т. е. из разрушения государства и всего связанного с ним порядка, строил Бакунин и свое учение о социальной революции в России.

«В русском народе, — писал он, — существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать как на необходимые условия социальной революции. Он (народ) может похвастаться чрезмерной нищетой, а также рабством примерным. Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с страстным и глубоким отчаянием, выразившимся уже два раза исторически двумя страшными взрывами, — бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом, — и не перестающим поныне проявляться

в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов». Таким образом, чрезмерная нищета и рабство примерное приводят крестьянство к восстанию.

Приведет ли это восстание к социальной революции? Говорят, что народу нужна земля и воля. Но, — рассуждает Бакунин, — если народу нужна вся земля, стало быть, надо уничтожить дворянство и притом не одно дворянство, но и всех вообще помещиков, хотя бы они не были дворянами. Если народу нужна воля и настоящая воля, значит, нужно уничтожить армию и бюрократию, т. е. государство. Может ли народ выполнить эту задачу? И, прежде всего, выработал ли он свой идеал? На вопрос, существует ли народный «идеал» Бакунин отвечает: «Нет сомнения, что существует и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты». «Идеал» русского народа сводится к следующему: «Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственным трудом. Вторая столь же крупная черта — что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами. Третья черта, одинаковой важности с двумя предыдущими, это — quasi-абсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству».

Таким образом, в основу народного идеала Бакунин кладет общину и в этом отношении повторяет Герцена. Но он наделяет вместе с тем общину ценным в его глазах качеством — враждебным отношением к государству. «Народ наш страстно и глубоко ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они пред нами ни являлись», пишет Бакунин. Вся прошлая история России представляется ему как «бунт нескончаемый чернорабочего люда» против государства. Эти народные движения, в особенности Разина и Пугачева, доказывают, что «в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится». Если народные бунты заканчивались неудачей, то это показывает, что в народном идеале «есть существенные недостатки, которые местами и мешают успеху». Эти недостатки, по мнению Бакунина, заключаются в патриархальности, в поглощении лица миром и в вере в царя. Если помочь народу преодолеть отрицательные черты его идеала, то ничто не помешает торжеству последнего. Обязанность оказать помощь народу и лежит на молодежи, которая тем более может ее оказать, что сам народ борется со своими недостатками.

Помочь нужно не словом, не просвещением, а делом, и делом таким может быть только стремление вызвать в народе революцию, бунт, который разрушит государство и на развалинах его откроет перед народом возможность строить жизнь по своему идеалу. «Он (народ) находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню, — пишет Бакунин. — Но хотя и

всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять все деревни». Готовиться здесь не к чему, так как народ уже готов: «он выработал свой идеал, в нем крепка вера в свое право, он может похвастать чрезмерной нищетой, а также рабством примерным», а мы знаем, что, по мнению Бакунина, этих сочетаний достаточно, чтобы социальная революция стала близкой и неотвратимой. Поэтому остается лишь вызвать в народе революцию, организовать ее. «Надо, — говорил Бакунин, — связать лучших крестьян всех деревень, волостей и, по возможности, областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира, между собою, и там, где это возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством... Надо убедить прежде всего этих передовых людей из крестьянства, а через них если не весь народ, то, по крайней мере, значительную и наиболее значительную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, даже и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело. Надо их убедить, что в народе живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может, и что если она до сих пор не освободила народа, то это только потому, что она могуча, только когда собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно, и что до сих пор она не была собрана. Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и с одной целью всенародного освобождения».

Вот эта задача организации бунта и ставилась Бакуниным перед революционной молодежью. Требуется агитация действием, бунтом, организация «боевых дружин» путем объединения «естественных революционеров русского крестьянского мира» всех деревень, волостей, областей для того, чтобы вызвать общее народное восстание. С этой целью молодежь должна итти в деревню, в народ.

Таковы взгляды Бакунина. В них — смесь анархизма с «русским социализмом», который проповедывал Герцен, с народничеством. Всеразрушающая сила народная создает «вольные общины», на развалинах государства осуществляются народные идеалы, социалистические. Задачи политической борьбы, завоевания политической свободы отпадали, поглощались без остатка основной задачей разрушения государства. Путь к этому — через крестьянскую революцию, всекрестьянское восстание, через создание крестьянских революционных организаций, которые подняли бы все деревни.

Революционное народничество 70-х годов в период своего расцвета было бакунистским. В различные периоды движения революционеры шли в народ, становились «бунтарями», устраивали деревенские поселения, чтобы «утопиться» в народе, как писал Бакунин, слиться с ним, агитировали на почве повседневных крестьянских нужд — испытывали всякие пути, которые могли бы привести к крестьянскому восстанию.

2. П. Л. ЛАВРОВ

Лавров, в противоположность Бакунину, не создал стройного учения. Он был эклектиком, т. е. соединял в своем учении разные положения, мало заботясь об их внутренней связи.

Жизнь за границей, участие в Парижской коммуне, личное знакомство с Марксом позволили Лаврову усвоить кое-что из научного социализма, но не дали воззрениям его цельности, не дали ему возможности успехами европейского социалистического движения осветить условия борьбы в русской действительности. Лавров внимательно следил за рабочим движением в Европе, знакомил с ним русских читателей и этим оказывал большие услуги революционному движению. Но не все то, что здорово для Запада, признавалось им здоровым и для России.

Лавров понимал, что развитие капиталистических отношений ведет к крушению капиталистического общества. «Вследствие самой сущности буржуазного строя, — писал он, — чем больше будет развиваться капиталистическое производство, тем быстрее и сильнее будет итти разрушение принципа частной собственности». Разрушение это «есть историческая необходимость, вытекающая из всего развития экономической жизни человечества, и совершает это разрушение сама буржуазия, самый ход буржуазной жизни». Однако, с другой стороны, оказывается, что «социализм есть высший фазис нормального исторического развития борьбы за существование», «развитие идеи, заложенной в нормальном стремлении человека к нравственному идеалу». Марксистское понимание исторического процесса борьбы за социализм у Лаврова мирно уживается с идеалистической точкой зрения.

Естественно, что столь зыбкая «марксистская» почва немедленно исчезает, как только речь заходит у Лаврова о России: если развитые общественные отношения Запада позволяли ему воспринять в эклектических комбинациях некоторые положения научного социализма, то на родине он всецело поддается влиянию неразвитых общественных отношений России и остается во власти утопического социализма.

Лавров ставит вопрос о путях социального развития России и, с одной стороны, склонен признать, что пути эти не могут отличаться от тех, какие пройдены другими странами. «Социальный переворот, — писал он, — сам собою подготовляется в России, как во всем «цивилизованном» мире, самыми успехами капиталистического строя», капиталистические же условия наступили в России «с освобождением крестьянства и с нарезкой ему наделов, которые недостаточны для обеспечения его существования при увеличившихся налогах». Таким образом, казалось бы, этим вопрос и разрешается: раз капиталистические отношения развиваются и «социальный переворот» этим развитием подготовляется, стало быть, иная, прямо противоположная, точка зрения исключается. Но, с другой сто-

роны, оказывается, что возможна и другая постановка вопроса: «Для русского социализма почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землепользованием, — отвечает Лавров. — Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы широки они ни были, и никак не выйдет из-под эксплоатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота, — вот специальные русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству».

Таким образом, после признания капиталистического пути развития России Лавров возвращается к герценовской постановке вопроса. Крестьянство сохранило общину, артель, самоуправляющийся мир — на этой основе, если ее развить, может быть построен социалистический порядок. Лавров приходит к выводу, что социальная революция в России пойдет не от города, а от деревни, и пытается нарисовать детальную картину этого переворота. Революция произойдет под руководством организованных членов социально-революционного союза, состоящего в огромном большинстве из крестьянства, и эта организованная народная группа «сознательных представителей программы рабочего социализма» составляет естественное зерно нового строя. «Им нечего будет создавать что-либо новое, искусственное, — поясняет Лавров, — они члены существовавших и народом исторически усвоенных групп, общин и артелей», т. е. в народной жизни уже имеются элементы социализма, которые нужно развить, создавать же их не приходится. Лавров не допускает даже временного сосуществования социалистического строя и частной собственности и потому признает возможным немедленное упразднение всякой крестьянской собственности (скота, орудий труда, запасов и т. п.) и перехода ее в общую собственность. Словом, как видим, Лавров приближается к точке зрения Бакунина, с его «народными идеалами», которые нужно освободить только от гнета государства, чтобы на их основе восторжествовал социалистический порядок.

Если Россия на почве народных идеалов может непосредственно перейти к социалистическому порядку и отпадет необходимость пройти капиталистическую стадию, стало быть, отпадает и необходимость борьбы за политическую свободу. И Лавров прочно стоит на такой точке зрения. «Все политические партии, — пишет он, — с их конституционными идеалами, более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, — все это нам враждебно в своем основном строе». Только для Запада

«вопрос об участии рабочих в современном политическом движении» Лавров оставлял «открытым», — для России, при возможности перехода к социализму от общины, политическая борьба отрицалась.

Отсюда недалеко и от того, чтобы отрицать и государство вообще, даже в качестве переходной, временной формы. «Нельзя и не должно ждать постепенного ослабления и вымирания политического элемента, но следует разом путем самой радикальной социальной революции не только разрушить существующий порядок, но и устранить всякую форму восстановления государственной принудительной власти». Предусматривая ход социальной революции в России, Лавров утверждал, что «требование проведения в общественную жизнь начал рабочего социализма предполагает и подготовление будущего строя, вполне осуществляющего эти начала, следовательно, заменяющего во всех общественных сферах элемент государственной власти элементом свободной федерации личностей и групп для каждого отдельного дела». В этом отношении вопрос для Лаврова стоял не иначе, чем для Бакунина.

Однако Лавров отличался от Бакунина в понимании методов подготовки революции. Если для Бакунина крестьянство подготовлено ко всеобщему бунту и требуется лишь организация последнего, то Лавров предполагал необходимой более или менее длительную подготовку восстания. При этом он отводил выдающуюся роль интеллигенции, личности, так как вообще полагал, что исторический прогресс заключается в воплощении в жизни идеала, который вырабатывает «критически-мыслящая личность», являющаяся, таким образом, двигателем прогресса. «Критически-мыслящие личности» из интеллигенции и крестьянства и должны заняться подготовкой революции.

«Убежденные социалисты интеллигентного класса, — писал Лавров, — должны найти себе товарищей среди рабочего народа, действующего в общине и артели, и сами должны стать членами общин и артелей, чтобы пропаганда, распространяющая число более или менее понимающих задачи рабочего социализма, чтобы агитация, увеличивающая число сочувствующих практическим требованиям социальной революции, шла не извне первичных центров народной солидарности жизни, а изнутри их». Эти народно-революционные группы должны связаться между собой по всей стране, и из них должна разливаться «волна пропаганды, уясняющая начала рабочего социализма, волна агитации, возбуждающей массы, неуверенные в своих силах, против порядка, который обрек их на страдания и на гибель». Таким образом, в противоположность Бакунину, Лавров не думал, что революция может произойти в любой момент, без предварительной подготовки. В его представлении революционному взрыву должно было предшествовать создание широкой народно-революционной организации, охватывающей всю страну, а созданию такой организации должна была, в свою очередь, предшествовать длительная пропаганда начал «рабочего социализма».

5. П. Н. ТКАЧЕВ

Ткачев — талантливый публицист, привлеченный по делу Нечаева, затем эмигрировавший и издававший за границей журнал «Набат», — явился представителем особого течения нашей революционой мысли.

В вопросе о путях социального развития России Ткачев в общем разделял господствовавшие тогда в революционной среде взгляды. Социальная отсталость России и сохранение в ней общины делает ее, по мнению Ткачева, более близкой к социализму, чем Запад. Община, — писал Ткачев, — «краеугольный камень того будущего общественного строя, о котором все мы мечтаем». Русский народ «проникнут принципами общинного владения, — он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции», поэтому «народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада». Городского пролетариата в России нет, но зато в ней нет и буржуазии, так что русские рабочие «должны будут бороться лишь с политической силой — сила капитала находится у нас только в зародыше». Но и государство, с которым русским рабочим и крестьянам приходится иметь дело, — сила призрачная: «она не имеет корней в экономической жизни; она не воплощает в себе интересов какого-либо сословия»; высшие сословия в России не представляют собой силы ни экономической, ни политической; они обязаны своим существованием государству, которое «само не имеет ничего общего с существующим социальным порядком».

Мы знаем, что Лавров и Бакунин возлагали большие надежды на меньшинство, т. е. на революционную интеллигенцию, но, по их мнению, революцию должны были совершить народные массы. Ткачев всю активную роль отводит исключительно меньшинству, предусматривая лишь поддержку со стороны народа. Меньшинство должно «делать» революцию и, «в силу своего более высокого умственного и нравственного развития, всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством». В отличие от Лаврова и Бакунина, Ткачев не стоит на точке зрения отрицания государства, но, наоборот, государственной власти придает решающее значение в деле осуществления задачи социальной революции: «Социалистические идеалы, — писал он, — несмотря на всю свою истинность и разумность, до тех пор останутся несбыточными утопиями, пока не будут опираться на силу, пока их не прикроет и не поддержит авторитет власти». Поэтому Ткачев выдвигает задачу не уничтожения государства, а превращения государства консервативного в революционное путем захвата власти революционной партией. Истинная революция, по его мнению, «может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами, ближайшая, непосредственная цель революции должна заключаться не в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственной властью и превратить

данное консервативное государство в государство революционное».

Захват власти является только вступлением к революции. В дальнейшем революционная власть, с одной стороны, уничтожает консервативные элементы общества, выполняет задачу революционно-разрушительную, и, с другой стороны, вводит в жизнь новый порядок — выполняет задачу революционно-устроительную. В разрушительной работе Ткачев рекомендует крайние террористические меры: «Русская революция, как и всякая другая революция, не может обойтись без вешания и расстрела жандармов, прокуроров, министров, купцов, попов». Устроительная деятельность должна заключаться в ряде реформ, которые революционная власть проводит с целью осуществить переход к социалистическому порядку. Что касается России, то «положительные идеалы нашего крестьянства еще не революционны», и «даже и в деле разрушения революционная сила нашего народа может иметь лишь относительное значение». Поэтому революционной власти приходится преобразовывать общественный порядок, «пользуясь своею силою и своим авторитетом», она не должна рассчитывать на активную поддержку народа и может предполагать лишь его поддержку пассивную. А в таком случае Ткачев неизбежно приходил к диктатуре революционного меньшинства, осуществляющего свою власть независимо от «народной воли» и «народного разума». «Необходимо выбрать одно из двух, — писал он, — или интеллигенция должна захватить после революции власть в свои руки, или она должна противодействовать, задерживать революцию до той блаженной минуты, когда «народный взрыв» не будет более представлять опасностей, т. е. когда народ усвоит результаты мировой мысли, приобретет недоступные ему знания». Ткачев отдавал предпочтение первому, т. е. захвату власти меньшинством, независимо от того, подготовлены народные массы к революции или нет.

Сам Ткачев считал Россию вполне подготовленной для социалистической революции и потому не допускал никакой отсрочки борьбы за ее победу. «Всякая революционная партия, — писал он, — считает и должна считать ренегатом и отступником человека, который, принадлежа к ней, в то же время проповедует невозможность и бесполезность революции в настоящем, при данных условиях данной общественности». Придавая положительное значение социальной отсталости России, он опасался, что момент для революции может быть упущен, так как капитализм начал свою работу и в России. Ткачев указывал на то, что «нарождаются новые формы — формы буржуазной жизни, развивается кулачество, мародерство, воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного, наглого эгоизма .... Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Сегодня мы сила ... Сегодня наши враги слабы, разъединены. Против нас одно правительство со своими чиновниками, и солдатами ... Но что будет завтра». «Теперь, или очень не скоро, быть может, никогда» — таков был лозунг Ткачева, в точности соответствовавший его позиции.

*

И Бакунин, и Лавров, и Ткачев представляли различные течения «русского социализма», утопически-народнического: Бакунин вливал в него сильную струю анархизма, приспособленного к русской действительности, Лавров развивал идеи Герцена в смешении с западным социализмом, Ткачев, продолжая идеи Зайчневского, проповедывал «якобинство», приспособленное к социальной революции в отсталой России. При всех этих расхождениях, воззрения их имеют в основе много общего. Все они исходили из того, что путь развития России — особый, отличный от Запада, что ей не предстоит пройти через стадию капиталистического развития, но она может непосредственно при данных ее экономических отношениях перейти к социализму. Все они залог этой особенности видели в крестьянской общине, которая является «зародышем» социализма, в народных «идеалах», которые делают крестьян коммунистами по духу. Предстоящую России революцию все они мыслили, как социалистическую, которой ни в каком смысле не должна предшествовать буржуазная революция; они отвергали поэтому необходимость борьбы за политическую свободу, за замену самодержавного порядка буржуазно-демократическим; по их представлениям, новые общественно-политические условия, сближающие Россию с Западом, принесут лишь одно зло, разрушат общину, уничтожат народные «идеалы» и тем отдалят наступление социалистического порядка. Все это общее, что было в основе учения Бакунина, Лаврова и Ткачева, вошло в народничество, в котором бакунизм, лавризм и «якобинство» составляли отдельные течения, в различное время пользовавшиеся различным влиянием.

4. КРУЖКИ ЧАЙКОВСКОГО И ДОЛГУШИНА

На оживление революционного движения в начале 70-х годов оказало влияние каракозовское покушение, дело Нечаева и в особенности Парижская коммуна. Атмосфера тогда, как вспоминает Чарушин, «была довольно накаленная: с одной стороны, будоражил публику нечаевский процесс, а с другой — поражение Коммуны. Публика волновалась и невольно настраивалась революционно». Тот же Чарушин пишет о Коммуне: «Эти полные драматизма события, разыгравшиеся во Франции, без сомнения не остались без влияния на рост революционного настроения и у нас в России». «Для меня лично, — писал Лавров, — сотни мелких фактов и впечатлений сливаются в несомненное убеждение, что русское социалистическое движение 1873 г. и следующих годов было косвенно вызвано впечатлениями, произведенными и на русские умы событиями Коммуны». О том, какие это были впечатления, рассказывает Кравчинский (Степняк) в «Подпольной России»: «Наступил 1871 г. Телеграфные проволоки и ежедневные газеты дают возможность современнику быть как бы вездесущему. И вот перед юношей возникает картина громадного города, восставшего на защиту народных прав. С захватывающим дух волнением следит он за всеми перипетиями

страшной драмы, которая развертывается на берегах Сены. Он видит потоки крови, он слышит предсмертные вопли женщин и детей, расстреливаемых на улицах Парижа. Но зачем эти слезы и кровь? За что умирают эти люди? Они умирают за освобождение рабочего — за великую социальную идею нашей эпохи. И в то же время до его слуха долетает песня русского крестьянина, созданная веками страданий, нищеты, угнетения. Вот он стоит перед ним, этот «сеятель и хранитель» русской земли, подавленный безысходным трудом и нуждою, вечный раб то бар, то чиновников, то своего же брата кулака. Правительство умышленно держит его в невежестве, и всякий грабит, всякий тычет его в грязь, и никто не подает ему руки помощи. Никто! Так нет же, нет! Юноша знает теперь, что ему делать. Он протянет крестьянину свою руку. Он укажет ему путь к свободе и счастью... Он сбросит с себя свой барский наряд, прикосновение которого жжет его тело, наденет грубый крестьянский армяк и лапти и, покинув богатый дом родных, в котором ему душно как в тюрьме, он отправится в народ, в какую-нибудь затерянную в глуши деревушку, и там, слабый, изнеженный барчонок, он будет исполнять тяжелую крестьянскую работу, будет подвергать себя всевозможным лишениям, чтобы только внести в эту несчастную среду слово утешения, евангелие наших дней — социализм... Так родился социалист-революционер 1872 — 1874 годов».

Кравчинский и на собственном опыте и на опыте других подвел эти итоги перерождения юношей в революционеров. Факторы, под влиянием которых происходило перерождение, — те, на которые мы указывали: крестьянство («страдание, нищета, угнетение» его) и борьба рабочих на Западе. Если в 1848 г. последний фактор еще преломлялся через призму буржуазной революции, то теперь, в дни Парижской коммуны, он выступил как борьба рабочих за социализм. Этим светом для юношей освещалась и жизнь русского крестьянства — к нему надо понести «евангелие наших дней — социализм». И юноши понесли это евангелие так, как они его, в условиях отсталой России, только и могли понимать. В итоге, несмотря на то, что революционная интеллигенция не поднялась до понимания исторической роли пролетариата, сама она складывала свои воззрения именно под влиянием его борьбы, развертывавшейся на Западе (Первый интернационал и Парижская коммуна).

Одним из первых и сыгравших крупную роль кружков был кружок так называемых чайковцев (по имени основателя его Чайковского), возникший в 1869 г. в Петербурге. Целью этого кружка было создать среди молодежи кадры революционно-социалистической, или, как тогда говорили, «истинно-народной» партии, для чего предполагалось вести среди молодежи пропаганду, устраивать кружки самообразования, землячества и «коммуны», сплачивавшие уже связанных между собою товарищей. Дело шло пока о подготовке к серьезной работе мысли, о выработке устойчивости, твердости характера, готовности жертвовать всем для революционного дела. И, нужно сказать, что в кружках чайковцев объединялось

все, что было лучшего в революционной молодежи того времени, и основное ядро их дало богатое собрание имен, прочно связавших себя с историей нашего революционного движения. Достаточно напомнить, что к чайковцам принадлежали Софья Перовская, Желябов, Кропоткин, Аксельрод, Клеменц, Кравчинский, Фроленко, Морозов, Шишко, Саблин, Натансон и др.

Чайковцы начали свою деятельность с содействия самообразованию путем распространения лучшей литературы легальной, как и нелегальной. Они закупали у издателей книги и распространяли их по кружкам как Петербурга, так и провинции; пытался кружок и сам издавать книги. Распространялись таким образом сочинения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, «Исторические письма» Лаврова, первый том «Капитала» Маркса и первый том сочинений Лассаля, вышедшие тогда в русском переводе, «Положение рабочего класса в России» Флеровского, лучшая беллетристика того времени и т. п.

Однако на такого рода просветительной деятельности чайковцы держались недолго. К этому времени относятся те впечатления, о которых писал Кравчинский, и под несомненным влиянием Парижской коммуны чайковцы переходят к пропаганде среди рабочих. В 1872 г. кружок, по словам Кропоткина, «не имел в себе ничего революционного», но, — пишет далее Кропоткин, — «с течением времени, под влиянием общего хода событий и побуждаемый вестями, прибывшими из Западной Европы, о быстром росте рабочего движения, кружок все более становится центром социалистической пропаганды среди учащейся молодежи, а затем наступил день, когда преграда, отделявшая студентов от работников, рухнула, и завязались прямые сношения с петербургскими и отчасти провинциальными рабочими». К этому же времени начинаются горячие споры в кружке о том, что делать, как дальше вести работу: «Некоторые, — рассказывает Кропоткин, — стояли за радикальную и социалистическую пропаганду среди молодежи. Другие же держались того мнения, что у кружка должна быть одна цель: подготовить людей, которые могли бы поднять громадную, косную рабочую массу, и потом стояли бы за перенесение центра агитации в среду крестьян и городских работников». О том же пишет Тихомиров: «Одни, которых называли образованниками, считали необходимым развивать и вырабатывать людей в образованном классе; другие, народники (слово тогда в первый раз сочиненное), говорили, что выработку и пропаганду следует перенести в народ, в рабочую среду... Я в то время стоял еще за выработку лиц из рабочих».

Что представляли тогда собою рабочие? В самом начале 70-х годов рабочие делали только первые шаги в своем движении, стачки бывали, но редко. В мае 1870 г., напр., 63 рабочих Невской бумагопрядильной фабрики в Петербурге забастовали, требуя повышения заработной платы. Стачка протекала совершенно мирно, но рабочих предали суду. В 1872 г. на Кренгольмской мануфактуре (в Нарве), на почве недоразумений с предпринимателем, рабочие составили

жалобу губернатору; зачинщиков этого дела арестовали, рабочие забастовали и пытались освободить арестованных. Чайковцы об этих волнениях рабочих, конечно, знали — о суде над рабочими Невской бумагопрядильни сообщалось в газетах, а один из участников Кренгольмской стачки, рабочий, был членом кружка чайковцев. Несомненно, что эти волнения подавали чайковцам надежду на успешность пропаганды среди рабочих, а так как волновались в этих случаях текстильные рабочие, то на них и обращено было преимущественное внимание. Пропаганда приспособлялась к уровню рабочих. «Фабричных» (т. е. текстильных рабочих) обучали сперва грамоте, занимались с ними в вечерних школах, а затем переходили к социалистической пропаганде. С «заводскими» (т. е. более квалифицированными) рабочими сразу начинали с серьезной постановки кружковой работы. Кравчинский читал им, напр., лекции по истории, излагал первый том «Капитала», Кропоткин знакомил с рабочим движением на Западе и с Первым интернационалом. Из этих кружков вышло не мало рабочих, игравших затем видную роль в движении.

Революционное движение готово было как будто начаться с рабочего движения, но скоро оно пошло по иному пути. Рабочему характеру движений мешала отсталость, значительная еще пассивность рабочей массы, находившая свое объяснение в недоразвитии капитализма. В таких условиях в центре внимания кружка чайковцев оставались крестьяне, а не рабочие, и на пропаганду среди рабочих они смотрели не как на дело развития классового сознания в рабочих, направленную не к тому, чтобы вызвать рабочее движение по примеру Запада, а к тому, чтобы получить в лице распропагандированных рабочих пропагандистов в среде крестьянства. Рабочему легче подойти к крестьянину со словом пропаганды, чем интеллигенту,— за рабочих и нужно прежде всего приняться. Поэтому же предпочтение отдавалось «серым», «фабричным» рабочим, которые связаны с землей и летом отправляются в деревню. Пропаганда среди рабочих, начатая на правильном пути, сворачивала на старую дорогу — к крестьянству.

Одновременно с кружком чайковцев возник в Москве кружок долгушинцев, который собственно и был непосредственным продолжением революционных кружков 60-х годов. На даче, приобретенной Долгушиным в Московской губернии, а затем в Москве, на ручном типографском станке долгушинцы печатают прокламации, обращенные к крестьянам и к интеллигенции. В прокламации, озаглавленной «К интеллигентным людям», интеллигенция приглашалась «итти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства». «Да, нигде, нигде вы не будете так полезны, как в роли народного пропагандиста новой лучшей жизни, — говорилось дальше в прокламации. — Неужели мы не представим в один прекрасный день новое зрелище людей убежденных и непреодолимых в своих верованиях, вместе с тем решительных и постоянных в своем предприятии. Докажем, что мы искренни, что наша вера

горяча — и наш пример изменит лицо земли. Так пусть люди, которым дорога правда, для которых проводить истину в жизнь стало органической потребностью, пусть эти люди идут в народ, не страшась ни гонений, ни смерти...» Долгушинцам не пришлось самим «пойти в народ» — кружок вскоре был разгромлен, — а прокламации их не получили широкого распространения, в особенности в крестьянстве. Но брошенный ими лозунг — «в народ» — сказался в ближайшем повороте революционного движения.

К выводу, сделанному долгушинцами, — о необходимости понести революционную пропаганду в широкие массы крестьянства — приходили и чайковцы. Занятия в рабочих кружках продолжались с несомненным успехом, росло число кружков и завязывались все новые связи. Осенью 1873 г. был поставлен на очередь вопрос о выработке программы кружка. Программа, составленная Кропоткиным, исходила из того, что для подготовки социального переворота должна быть образована революционная организация, которая, прежде всего, стремилась бы увеличить число своих единомышленников в среде крестьянства и городских рабочих: последние признаются наиболее надежными революционерами. Для подготовки таких агитаторов из народа члены партии должны поселяться между крестьянами и вести постоянную пропаганду, сближаясь с народом. Из учащейся молодежи допускаются в организацию только те, которые, бросив науку, отправятся в народ для пропаганды, отрешившись от всей своей прежней жизни, оставив все свои привычки и поставив себя вполне в положение рабочего. Особенное внимание Кропоткин уделял пропаганде среди городских рабочих, которые, возвращаясь в деревню, могли нести с собой в крестьянство революционную пропаганду.

Таким образом, прежняя задача выработки отдельных сознательных личностей среди учащейся молодежи и рабочих сменялась новой — непосредственной пропагандой в крестьянской массе, и место кружков городских рабочих должно было занять «хождение в народ», пропаганда и агитация в деревне. Движение из кружкового и просветительного пыталось стать массовым и революционным. Если лозунг «в народ» был не нов и раздавался еще в 60-х годах, то лишь теперь он начинает претворяться в дело.

5. «ХОЖДЕНИЕ В НАРОД»

Настроение, которое прежде всего сказалось у долгушинцев, а затем и у чайковцев, охватило широкие круги революционной интеллигенции и к весне 1874 г. приняло характер массового «хождения в народ». «Ничего подобного не было ни раньше, ни после, — писал об этом движении Кравчинский, один из самых деятельных его участников. — Казалось, тут действовало скорее какое-то откровение, чем пропаганда. Сначала еще мы можем указать на ту или другую книгу, ту или другую личность, под влиянием которых тот или другой человек присоединяется к движению, но потом это

становится уже невозможным. Точно какой-то могучий клич, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, призывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества».

Приучив себя к физическому труду, революционеры шли в деревню — одни, как Кравчинский, пильщиками, другие, как Дейч, сельскими батраками, третьи, как Брешковская, в качестве разносчицы полотен или мастерихи, прочие же в качестве мастеров, продавцов и т. д. В некоторых местах для прикрытия устраивали мастерские (сапожные, кузнечные, столярные, бондарные), которые служили и конспиративными квартирами. Движение охватило, по жандармским данным, 37 губерний, и когда начались аресты, захвачено было свыше тысячи человек — это показывает, что движение было массовым, хотя, конечно, основное, подлинно-революционное ядро было многим, многим меньше. Движение не было вместе с тем распыленным: кружки стремились связаться, поддерживать друг друга, оказывать поддержку друг другу и одиночкам. Из Петербурга большинство двинулось в Поволжье, из Киева и Одессы — по югу России. В Москве действовала типография Мышкина, печатавшая нелегальщину, которая рассылалась на места и раздавалась крестьянам.

Само собой разумеется, что пропаганда имела целью вызвать восстание крестьян. «По нашему плану, — рассказывает Дебагорий-Мокриевич, — одни должны были действовать на Днепре, другие на Волге. Вызывая стычки и местные бунты, во время которых выдвигаются обыкновенно из массы более смелые и энергичные личности, мы думали таким образом наметить годных для дела людей и привлечь их в революционную организацию. А раз вспыхнуло бы восстание в одной местности, мы надеялись, что оно, подобно пламени, распространится и охватит всю Россию». Фроленко и Шишко отправились на Урал, где они надеялись организовать боевой отряд из тех, кто бежал из Сибири.

Но все это были предположения и надежды, а дело ограничивалось социалистической пропагандой. Если бакунисты (бунтари) отправлялись в народ, чтобы поднять его на восстание, а последователи Лаврова (лавристы) имели в виду более длительную пропаганду, то и те и другие одинаково ограничивались пропагандой. «Пропагандистская волна, унесшая такую массу молодежи в народ, перетасовала там в народе все направления, уничтожив все различия и оттенки революционных фракций: революционеры, точно сговорившись, делали в народе одно дело — пропагандировали идеи социализма. И вышло, что все были тогда пропагандистами: и «бунтари» и «лавристы», — пишет Аптекман.

Столь широко развившаяся революционная пропаганда была сравнительно скоро раскрыта правительством. К осени 1874 года большинство ушедших в народ было арестовано. Всего было арестовано, как сказано, свыше тысячи человек, но суду было предано 193 человека. Суд над ними особого присутствия сената продолжался

свыше четырех месяцев, с 18 октября 1877 по 23 января 1878 года. Многие из обвиняемых до суда находились по 3 — 4 года в предварительном заключении, до 70 человек в тюрьме умерли и сошли сума. Даже царский суд принял во внимание эту варварскую пытку и постановил одним засчитать предварительное заключение, а о смягчении участи других ходатайствовать перед Александром II, но царь на «милость» не пошел. Приговор был в общем чрезвычайно суров: Мышкин, Войнаральский, Ковалик, Рогачев и Муравский были приговорены к 10 годам каторги, Синегуб, Стаховский, Добровольский, Квятковский, Ливанидов, Чарушин, Шишко, Зарубаев, Союзов и Чернявский — к 9 годам, Макаревич, Сажин, Чудновский, Брешковская — к 5 годам и т. д. Из 90 оправданных около 80 были арестованы и сосланы в административном порядке.

Вскоре после приговора осужденные, за полными своими подписями, послали из Петропавловской крепости в заграничный журнал «Община» обращение к «товарищам по убеждениям», в котором, между прочим, писали: «Мы попрежнему остаемся врагами действующей в России системы, так как в экономическом отношении она эксплоатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом — отдает труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол «личного усмотрения». Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям итти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха».

6. РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО — «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

«Хождение в народ», которое для одних означало вести среди крестьянства социалистическую пропаганду с целью подготовки восстания, а для других — подготовку восстания же отдельными бунтами, на деле свелось к пропаганде. Однако пропаганда эта не развивалась успешно, и по той простой причине, что крестьянство, которое, — как казалось революционерам, — должно было само творить социализм, к социалистическим речам оставалось совсем глухим.

Аптекман рассказывает, «как холодно относился народ к социализму и, наоборот, с какой горячностью и страстностью дебатировались те вопросы, которые касались его неотложных нужд и потребностей, которые не выходили из обычного круга его представлений и понятий о лучшей крестьянской жизни, о лучшей доле». «Легче восстановить крестьян против царя, чем убедить их в том, что не надо частной собственности», — говорил на одной из революционных сходок о своих впечатлениях Боголюбов, который был, по словам Плеханова, очень опытным и умелым пропагандистом. А другой пропагандист рассказывал, что один крестьянин, убежденный им в необходимости поголовного народного восстания и отобрания

земли у помещиков, воскликнул с восторгом: «Вот будет хорошо, как землю-то мы поделим! Тогда я принайму двух работников, да как заживу-то».

Словом, крестьяне, как того и следовало ожидать, не воспринимали ни бунта, ни социализма, и на проповедь революционеров откликнулись с точки зрения своих представлений о «лучшей доле», т. е. с точки зрения мелких собственников. «Крестьянин, — писал об этом времени Плеханов, — охотно и внимательно слушавший рассказы пропагандиста на тему о малоземельи, о тяжести податей, о произволе администрации, о бессердечии помещиков и жадности попов, о хищничестве купцов и т. п., в массе оказывался глух к проповеди социализма. Социалистические идеалы не только не влекли его к себе, но прямо не укладывались в его голову, потому что в идеалах, подсказываемых ему его собственными производственными отношениями, было очень много буржуазного индивидуализма».

Не видеть всего этого было трудно даже при всех народнических предрассудках. Но видеть, что поднять крестьян на «бунт» не так легко, а подойти к ним со словом социалистической пропаганды ничуть не легче, — не значит еще понять, почему силы, затраченные на пропаганду, пропадают впустую. Для революционной интеллигенции становилось все более ясным, что к крестьянству надо подойти как-то иначе. Вынужденная пересмотреть некоторые из своих позиций, она не покинула утопической точки зрения, но с ее же помощью пыталась найти выход из положения. Один из этих выводов напрашивался сам собою, из всей практики «хождения в народ»: если крестьяне весьма охотно прислушиваются к беседам на их повседневные нужды, то агитацию нужно вести на почве этих нужд. Но дальше равнодушие крестьян к социалистической пропаганде объяснялось не господством среди крестьян мелкособственнических интересов, а только тем, что не с надлежащей стороны к крестьянам в пропаганде подходили. Основа при этом оставалось старая: стремление крестьян к социализму вырастает из самых условий крестьянской жизни, это стремление осуществится полностью, если община получит дальнейшее развитие, а для того, чтобы она получила возможность развиваться, надо уничтожить все, что препятствует ее развитию.

Пересмотр взглядов после неудачи «хождения в народ» начался в 1876 г., когда уцелевшие от разгрома народники собрались в Петербурге. Осенью 1876 года выработка программы была закончена, и на основе ее была создана новая организация, «северная революционно-народническая группа», получившая с 1878 года название «Земля и воля», — первая в России революционная партия, так как раньше существовавшие кружки не имели ни самостоятельно выработанной программы, ни сколько-нибудь определенных организационных форм. Землевольцы издавали свой орган «Земля и воля», на страницах которого была подробно развита программа организации.

Наиболее обстоятельно подошел к обоснованию этой программы Плеханов, который был одним из редакторов «Земли и воли». Пле-

ханов ставит основной вопрос, должна ли Россия пройти, по примеру других более передовых стран, стадию капиталистического развития, и за исходную точку берет известное положение Маркса о том, что «когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные фазы своего развития, ни отменить их при помощи декретов, но оно может облегчить и сократить мучения родов». Плеханов соглашался, что раз общество напало на след естественного развития, оно не может перескочить через естественные стадии этого развития. Но отсюда он делает и обратный вывод: пока общество еще не напало на след закона своего развития, прохождение стадий этого развития для него необязательно. Весь вопрос сводится, таким образом, для Плеханова к тому, напала ли Россия на след капиталистического развития или нет. На этот вопрос Плеханов отвечал отрицательно, ибо, «пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой стадией на пути его прогресса». Поэтому и социалистическая пропаганда в России вовсе не преждевременна, но только ее исходная точка и практические задачи не те, что на Западе. Перед революционерами в России стоит задача — устранить все то, что мешает развитию общины, т. е. «развращающее влияние современного государства». А оно,—добавляет Плеханов,— «может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле». «Таким образом,—заканчивает Плеханов, —мы пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие. Мы пришли к «Земле и воле».»

«Земля и воля» поддерживала и другой взгляд, — что освобождение народа должно быть делом самого народа. «Революция — дело народных масс, —писал журнал. — Подготовляет их история. Революционеры ничего исправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований, поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам природы, совершается в данный период. Вне этой роли, они — ничто; в пределах ее они — один из могущественных факторов истории».

Что касается тактических задач работы в крестьянстве, то «Земля и воля» требовала, чтобы «революционер в народе становился мирским человеком, мирским радетелем, агитатором на почве всех крестьянских интересов». Желает ли крестьянин отстоять клочок земли, леса, покоса, отсрочить платеж повинности, отделаться от чересчур бессовестного урядника,— все это и «тысячи подобных мелких вопросов» должны быть близки революционеру, и на их почве нужно

вести агитацию. «Пять лет тому назад, — говорилось в другой статье «Земли и воли» на эту же тему, — мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь же видим, что этого мало, пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу». Вызвать «могучую, истинно-мужицкую революционную организацию» можно, только «исходя из местных крестьянских интересов».

Разумеется, при такой программе, политическая борьба отвергалась — дело шло об упразднении государства и торжестве на его развалинах «народных идеалов», социализма. Поэтому «Земля и воля», хотя и признает террор, но только, как меру революционной обороны, но не политической борьбы. «До тех пор, — писала газета, — пока остается в действии нынешняя система, основанием которой служит произвол отдельной личности, начиная от царя и кончая будочником, произвол всевозможных размеров, оттенков и видов, произвол, регулируемый, усиливаемый, ослабляемый опять же произволом, — до тех пор врагами нашими, врагами человечества, интересы которого олицетворяет социализм, являются отдельные личности. Поэтому мы будем вести самую беспощадную войну против этих личностей». Но, добавляет «Земля и воля», «не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбою против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс, разрушить систему может только сам народ».

В землевольчестве мы имеем вторую, вслед за хождением в народ, стадию революционного движения 70-х годов, — так называемое революционное народничество (землевольцы назвали себя «революционерами-народниками»). В основных своих чертах революционное народничество является прямым продолжением бакунизма. Бакунин, как мы видели, исходил из того, что община может развиться в социалистическое общество, но развитию этому мешает государство, которое и должно быть поэтому разрушено. Эта основная черта бакунизма воспринимается революционным народничеством, но подвергается дальнейшему развитию. По Бакунину, крестьянство всегда готово к социальному перевороту, и бунт можно вызвать в «любой» деревне. Но опыт хождения в народ показал, что дело обстоит много сложнее, что крестьянство не готово бунтовать по всякому поводу. С другой стороны, так как крестьянство не откликается на каждый призыв к бунту, то революционную агитацию нужно вести на почве непосредственных местных нужд крестьянства, постепенно революционизируя крестьянскую массу и подготовляя ее к восстанию. Для того, чтобы вести такого рода агитацию, нужно стать к крестьянству еще ближе, изучить его нужды, жить и работать в крестьянской среде. Таким образом, в отличие от предшествующего периода хождения в народ с его надеждами на полную подготовленность крестьянства к социалистической пропаганде и к восстанию, теперь революционеры отступали перед трудностями пропаганды в деревне как социализма, так и непосредственного, немедленного

восстания. Если отказ от социалистической пропаганды заменялся верой в «самопроизвольное» развитие общины, т. е. укреплял утопическую сторону бакунизма, то отказ от мысли немедленно вызвать восстание крестьянства приводил к агитации на почве непосредственных крестьянских нужд и открывал больший простор революционной работе среди крестьянства. Перестраивая свою деятельность в крестьянской массе в направлении большего сближения с последней, революционное народничество прочно усваивало вместе с тем положение, что освобождение народа может быть делом самого народа — обстоятельство, которое сыграло свою крупную роль в дальнейшей эволюции русской революционной мысли.

7. ДЕРЕВЕНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Главной своей задачей революционеры-народники считали агитацию в крестьянстве, а так как агитация эта должна была вестись на почве местных крестьянских нужд, то, прежде всего, следовало организовать в деревне свои «поселения», чтобы войти в курс жизни крестьян и сблизиться с ними. Программа «Земли и воли», как ее излагает Михайлов, на этот счет гласила: «Устройство в народе, в возможно большем числе, постоянных поселений, с целью сближения с крестьянством, отыскания вожаков народных и сплочения их, во имя движения «Земли и воли», для более единодушного действия; приэтом по возможности расширение их мировоззрения. С помощью поселений и другими возможными способами принять участие в местных движениях, причем стараться организовать движение, расширить его и вызывать требование «Земли и воли». Подобные случаи более всего способствуют выдвигаться истинным народным вожаками распространяться широким народным требованиям».

По сравнению со временем хождения в народ революционная работа в деревне теперь существенно изменилась и должна была протекать в другой обстановке. Деревенские поселения имели в виду длительную агитацию на почве разнообразных местных нужд крестьянства и потому требовали сближения с крестьянами в таких формах, которые обеспечивали доверие деревни. Опыт хождения в народ показал, что и с этой стороны не все обстояло благоприятно. Крестьяне, по словам Аптекмана, привыкли почитать «материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность», а революционеры часто скитались по деревням под видом бездомных батраков, не внушавших крестьянам никакого доверия. Поэтому теперь «настоятельной необходимостью считалось занять такое положение, в котором революционеру, при полной материальной самостоятельности, открывалась широкая возможность притти в наибольшее соприкосновение с жителями данной местности, входить в их интересы и пользоваться влиянием на их общественные дела». Революционеры стали устраиваться в деревнях хозяйственным образом, заводили фермы, мельницы или занимали должности сельских писарей, учителей, фельдшеров, врачей.

Судя по всему, деревенские поселения не получили сколько-нибудь широкого развития. Операционной базой, как и при хождении в народ, были избраны Поволжье и Дон, где, предполагалось, еще живы традиции Пугачева и Разина. Поселения были организованы в губерниях Саратовской, Самарской, Нижегородской, Воронежской, Астраханской, на Дону и Кубани. В деревню было двинуто основное ядро землевольцев, к которому присоединились местные группы. Из видных землевольцев в поселениях участвовали Плеханов, Александр Михайлов, Аптекман, Вера Фигнер, Попов, Квятковский и др.

По словам Михайлова, образ действия «деревенщиков» сводился к следующему. Они старались «выставить как можно более деятелей в народе», образуя поселения в различных районах группами и в одиночку; многие находили удобным избегать открытых столкновений крестьян с властью («создавать оппозицию на легальных основаниях», как пишет Михайлов), не доводя сразу дело до бунта, т. е. давать крестьянству на повседневных столкновениях его с властью уроки политграмоты; «для мира такая борьба, — пишет Михайлов, — должна была служить воспитательным и освещающим истинный облик власти средством; результат успешной подготовительной деятельности — восстание должно было произойти только тогда, когда оппозиционная сила народа и исторические обстоятельства указали бы к тому время». Ближайшим образом ставились две задачи: способствовать противодействию эксплоатации со стороны кулаков, помещиков, чиновников, и выработка из среды крестьян «народных вожаков».

Несмотря на неистощимую энергию, вложенную в дело, агитация и в новых ее формах подвигалась медленно. «Каждый раз, — рассказывает о своей работе в деревне Вера Фигнер, — приходилось говорить об условиях крестьянской жизни, о земле, об отношениях к помещику, к власти, входить в крестьянские нужды, выслушивать их сетования, надежды, сочувствовать их горю, разделять симпатии и антипатии». «Мы учили народ,—пишет в своих воспоминаниях Аптекман, — и притом не как пришлые, чуждые ему люди, а как свои — лечащие его, учащие его, радеющие о нем люди, — в амбулаториях, в сельских и народных школах, на базарах, площадях, в трактирах и мастерских, — учили его, как он должен освободиться от вековечного гнета. Мы будили дремлющее в нем чувство протеста, мы бросали лучи света в темное еще тогда сознание его. Это не была простая культурная работа, как иные изображают ее весьма наивно, это была работа подготовительно-революционная, так как, повторяю, верховным принципом нашей многосторонней культурной деятельности была революция: освобождение народа самим народом».

Но нужно признать вместе с тем, что и эта «подготовительно-революционная» работа не приняла широких размеров. Причиною тому была, по словам Аптекмана, неподготовленность масс в революционном отношении, с одной стороны, и слабость сил революционеров, с другой. Что касается наличных революционных сил, то они

были более, чем скромны. По подсчету Аптекмана, в 1876—1877 гг. основное ядро «Земли и воли», если присоединить к нему все силы харьково-ростовского кружка, состояло максимум из 50 человек, в поселениях же, по словам Фигнер, «новых людей почти не было, а были нелегальные из предшествующего периода». Черпать силы приходилось из ограниченного круга революционеров, которых к тому же нельзя было всех отправить в деревню, потому что была работа и в городе. Фигнер прибавляет, что, живя в 1877 г. в Петербурге, она тщательно искала людей, которых можно было бы направить в деревню — таких не нашлось. Очевидно, массовое увлечение хождением в народ прошло, интеллигенция отхлынула от революционного движения, а те революционные силы, которые остались, предпочитали по тем или иным причинам работать в городе — мы увидим, что такие причины, действительно, были. В общем, поселения скоро отцвели, не успевши расцвесть. Основная причина крушения и этой новой стадии революционного движения 70-х годов заключалась, конечно, в том, что крестьянство вообще не представляло собою тогда революционной силы. Как ни подходили революционеры к крестьянству — хождением в народ или поселениями, вызвать крестьян на восстание или бунт не удалось потому, что распыленная, собственнически настроенная масса не была в состоянии проявить активность, а рабочий класс, который мог повести за собой крестьянство, тогда еще и сам не вступал в борьбу.

8. «ЧИГИРИНСКИЙ БУНТ»

Не больше успеха приносила и бунтарская работа, которая должна была увенчать собою практику «деревенских поселений». Эту сторону движения достаточно ярко осветило так называемое чигиринское дело, предпринятое по почину Стефановича и Дейча.

В Чигиринском уезде (Киевской губернии) крестьяне давно волновались. При освобождении крестьяне получили здесь те участки, которыми они владели раньше, как государственные крестьяне. Наделы эти были явно недостаточны, и потому на почве распределения их обострилась борьба между более состоятельными крестьянами и беднотой. Само собой разумеется, пошли слухи о том, что царь на стороне «душевиков», а министры и чиновники держат руку сильных. Обманутые чиновниками душевики решили послать ходока к царю-заступнику и выбрали в ходоки своего более толкового человека Фому Прядко, а к нему еще нескольких. Когда противная партия донесла об этом начальству, пошли репрессии и аресты. Зимой 1875/76 г. в Киеве по участкам уже сидело не мало чигиринских крестьян.

Вот этими-то волнениями и задумал воспользоваться Стефанович, чтобы вызвать восстание крестьян. Назвавшись крестьянином Дмитрием Найдой, он завел сношения с некоторыми из арестованных крестьян, которым сказал, что он также избран ходоком к царю и

предлагал продолжать дело совместно. «Я задался целью, — рассказывает Стефанович, — прежде всего внести в этот тупой протест революционный элемент: возбудить сознание необходимости активного образа действий, внушить надежду не на постороннюю помощь, а единственно на свои собственные силы. Короче, на значительно уже подготовленной почве я задумал попытаться создать революционную организацию, на знамени которой были бы начертаны желания народа — «Земля и воля», желания, к которым нам пока нечего прибавлять». Конечно, целью тайного крестьянского общества должно было быть восстание.

Так как крестьяне связывали свои надежды с именем царя, то к такому «характеру крестьянского миросозерцания» приурочил и Стефанович свой план действий. Он добился того, что крестьяне послали его ходоком с прошением к царю. Но что же делать дальше? Стефанович отвечал на это: «Все мои наблюдения утвердили меня в той мысли, что только авторитетное начало может гарантировать принятие задуманной мною организации, а таковым в данном случае могло быть только имя царя Александра II». Иначе говоря, крестьяне не проявляли ни малейшего революционного рвения, и если могли пойти против дворянско-помещичьего порядка, то только по призыву царя. Поэтому Стефанович решил принести крестьянам от царя в ответ на их прошение план революционной организации. Так он надеялся убедить крестьян в том, что они должны полагаться «единственно на свои собственные силы»!

Отправившись якобы в Петербург к царю, Стефанович спустя некоторое время возвратился к крестьянам, которым показал долгожданный манифест от царя. Это была — «высочайшая данная грамота» от самого Александра II. Грамота объясняла крестьянам, что царская воля при освобождении состояла в том, чтобы «оставить помещикам только усадьбы и такое же количество земли и леса, какое придется бывшему их крепостному по равному подушному разделу». Но дворяне, во главе с наследником царским, Александром Александровичем, воспрепятствовали выполнению царской воли, «хитростью и обманом» захватили крестьянские земли и наложили на крестьян выкуп. «Непрестанная 20-летняя борьба наша за вас с дворянством, — обращается «царская» грамота к крестьянам, — убедила нас, наконец, что мы единолично не в силах помочь вашему горю и что только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжелых угнетений и непосильных поборов, если единодушно с оружием в руках восстанете против ненавистных вам врагов и завладеете всей землей. Руководясь сим убеждением, всем вам, крестьянам, а также и мещанам, верным нам, а не недостойному наследнику нашему, Александру Александровичу, с его союзниками, дворянами и великими князьями, повелеваем: соединяйтесь в тайные общества, именуемые «Тайные дружины», с тем, чтобы подготовиться к восстанию против дворян, чиновников и всех высших сословий. Когда кончится борьба с дворянами, тогда, — говорит грамота, — вся земля, с лесами и сенокосами станет таким же бес-

платным достоянием вашим, как вода, свет солнечный и всякий другой дар божий, созданный для человека; не будет ненавистного вам дворянского начальства, не знающего сострадания к вам, и воцарится тогда свобода и благоденствие на земле русской». «Итак, — заканчивала грамота, — осени себя крестным знамением, православный народ, и призови благословение божие на святое дело твое. Помни, как заповедь, сии слова, сказанные тебе царем, доброжелателем твоим». К грамоте был приложен «Устав крестьянского общества «Тайная дружина», высочайше утвержденный его императорским величеством государем императорам Александром Николаевичем», и текст присяги.

Крестьяне такого царского подарка совсем не ожидали. По рассказу Стефановича, на первом сходе, когда крестьяне ознакомились с грамотой, они не дали никакого ответа; затем ему удалось склонить троих, но, смущаемые другими, они снова стали колебаться, некоторые видели в этом дворянский подвох, а один высказал даже предположение, не польская ли это штука. Однако, в конце концов, крестьяне уверовали и начали приносить присягу. Несмотря на предупреждение Стефановича действовать осмотрительно, запись в дружины приняла широкие размеры. Один из крестьян собрал в степи 300 человек и при свете фонарей, ночью, привел их к присяге; по деревням пошли слухи, что желающие освободиться от панско-чиновничьей неволи должны записываться в какое-то общество, а затем один из дружинников в пьяном виде разболтал тайну отставному солдату, который доложил обо всем начальству. Начались аресты. Задержан был и Стефанович с товарищами, Дейчем и Бохановским, но им удалось бежать из тюрьмы при содействии Фроленко, который, поступив в тюрьму надзирателем, устроил побег.

Разумеется, не все действовали именем царя, хотя такой прием и допускался. Но «чигиринское дело» хорошо иллюстрирует бунтарскую тактику. Так как в бунтарской природе крестьян никто из народников не сомневался, то было второстепенным вопросом как вызвать к жизни бунт — можно действовать также именем царя, тем более, что, по Бакунину, крестьянство враждебно всякой власти, и, пойманное на «царскую» удочку, против царя и пойдет. Применил Стефанович и тактику использования местных нужд крестьянства, умело выбрав самый острый для чигиринцев вопрос. Но задуманное дело бунта сорвалось, и не потому только, что донес отставной солдат. Сорвалось бы оно все равно, так как масса, способная принять за чистую монету призыв царя к истреблению дворян, могла бы оказаться способной только на кратковременную вспышку. Если самозванство к последней четверти XIX века явно устарело, то с поддельным царским манифестом тем меньше можно было надеяться на успех.

Таковы были итоги деятельности революционеров-народников в крестьянстве, как они сказались в деревенских поселениях и в бунтарстве. Посмотрим теперь, какова была их деятельность в среде рабочих.

9. РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Работа в деревне составляла главную, но не единственную задачу землевольцев. Они уделяли силы и внимание также городу, где вели пропаганду среди учащейся молодежи и рабочих.

Мы выше познакомились с пропагандой чайковцев среди городских рабочих и видели, что на эту работу пропагандисты начала 70-х годов смотрели как на подсобную: из рабочих предполагалось подготовить агитаторов для деревни, своего рода посредников между революционной организацией и крестьянством. Такое отношение к пропаганде среди рабочих вполне соответствовало общему утопическому мировоззрению революционной интеллигенции. Ведь она верила в то, что Россия может миновать стадию капиталистического развития и сразу поставить в порядок дня социалистическую революцию, а в таком случае все значение придавалось крестьянству, но не промышленному пролетариату.

Но достойно внимания, что, несмотря на это, работа среди фабричного пролетариата не прекращалась и велась довольно усердно. В период хождения в народ сделана была даже попытка расширить эту работу и повести ее более организованно. В конце 1874 года в Москву переселились некоторые члены петербургских рабочих кружков, среди которых был, между прочим, рабочий Петр Алексеев, который приобрел потом громкую славу своей речью на суде. Вскоре к ним присоединились приехавшие из Цюриха студентки, Софья Бардина, Лидия Фигнер, Бети Каминская, Евгения Субботина, Ольга и Вера Любатович и др. Руководящую роль в этой группе играл Джабадари, усилиями которого была образована «Всероссийская социально-революционная организация», как назвал себя кружок. Главной задачей своей эта организация поставила пропаганду среди рабочих. Скоро установлены были связи на 20 московских фабриках, в мастерских Курско-Харьковской ж. д. и на многих мелких предприятиях. Когда в Москве работа наладилась, признано было необходимым основать кружки в других городах — в Иваново-Вознесенске, Серпухове, Шуе, Киеве, Одессе и т. д. Однако провал положил конец всей организации, и только часть членов женского кружка отправилась в Иваново-Вознесенск, где также скоро были произведены аресты. Многие члены кружка были преданы суду и судились по так называемому процессу 50-ти (в 1877 г.).

На этом процессе рабочий Алексеев произнес свою известную речь. «Русскому рабочему народу, — сказал Алексеев, — остается только надеяться самому на себя, и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи... Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи». Свою речь Алексеев закончил словами: «И она одна (т. е. молодежь) пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдат-

скими штыками, разлетится в прах». Рабочий Агапов в своей речи сказал: «Я много думал о средствах улучшить быт рабочих и, наконец, сделался пропагандистом. Цель моей пропаганды заключается в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться существенного улучшения своего положения. Я не раскаиваюсь в своих поступках, я твердо убежден в том, что не сделал ничего дурного, а только исполнил свой долг честного рабочего, искреннего, всей душой преданного интересам своих бедных замученных собратий». По этим речам можно судить, до какого сознания доходили лучшие рабочие того времени под влиянием революционной пропаганды.

Московский кружок поставил работу на новых началах, применяя к пропаганде среди рабочих методы «хождения в народ». Не довольствуясь занятиями в рабочих кружках, члены организации поступали рабочими на фабрику, чтобы таким образом завязать более прочные связи с рабочими. Работницами поступили на фабрики Бардина, Каминская, Ольга Любатович и др. Такое сближение с рабочими естественно должно было привести к тому, что пропаганда приспособлялась к интересам рабочих данной фабрики. Вот что читаем мы, напр., о характере пропаганды, какую вела Бети Каминская: «Она пользовалась всевозможными предлогами, чтобы свести разговор на желательную тему. Вот, напр., она видит в руках одного парня рабочую книжку, выдаваемую от хозяина, где содержатся правила, определяющие обязанности в отношении к нему. Каминская читает ее вслух, разбирает значение каждого правила и указывает рабочим, как все эти правила клонятся к их ущербу и к пользе одних только хозяев. Она указывает им факты из жизни западных рабочих, на солидарность и борьбу с хозяйской эксплоатацией, и мало-по-малу, увлекаясь, вдается в историю, рассказывает из революции Франции и других стран и т. д.». Таким образом, хотя пропагандисты шли на фабрику вовсе не для того, чтобы толковать о рабочих книжках, все же им по необходимости приходилось начинать с непосредственных нужд рабочих; игнорируя классовую борьбу, они все же должны были отдать должное отношениям труда к капиталу и на этих отношениях строить свою пропаганду. Но этим самым они, вопреки своим намерениям, содействовали росту именно классового сознания рабочих.

Непосредственное соприкосновение с рабочей массой в ее повседневной жизни должно было заставить пропагандистов попытаться сделать и еще шаг вперед — к организации самой рабочей массы. Такая попытка в 1875 году была сделана в Одессе Евгением Заславским и его кружком. По инициативе кружка Заславского была организована ссудо-сберегательная касса, к которой примкнули рабочие некоторых заводов. На собраниях кассы Заславский вел с рабочими беседы, раздавал им литературу, так что задачи собственно кассы постепенно отходили на задний план. Когда число участников кассы возросло, он сообщил, что в Ростове на Дону образовалась такая же организация, и предложил присоединиться к ней, орга-

низовав «Южно-Российский союз рабочих». Мысль эта была принята, был выработан устав Союза, который предусматривал существование двух обществ — одесского и ростовского, причем каждое из них образуется из групп в 15 — 20 человек; каждая группа избирает своего депутата, а депутаты, собираясь еженедельно, составляют центральный орган Союза. В Одессе было образовано 6 — 7 групп, в каждой из них было 5 — 6 преданных делу рабочих; всего Союз насчитывал 150 — 200 членов. Союз развил пропагандистскую работу, но в конце 1875 года был ликвидирован мерами жандармерии.

Общая цель Союза была формулирована в уставе в следующих выражениях: «Сознавая, что установившийся экономический и политический порядок не соответствует истинным требованиям справедливости, что этот порядок может быть изменен только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие преимущества и привилегии и поставит труд основой личного и общественного благосостояния, что этот переворот может совершиться только после сознания рабочими их безвыходного положения и после полного их объединения, — мы, рабочие южно-российского края, соединяемся в союз под названием «Южно-Российский союз рабочих», ставя себе целью: а) пропаганду освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов; б) объединение рабочих южно-российского края, в) будущую борьбу с установившимся экономическим и политическим порядком». Как видим, программа ничего не говорит об особых задачах рабочего класса и вообще не заключает в себе ничего такого, что не могло бы быть отнесено и к крестьянам. Она объявляет установившийся общественный порядок несоответствующим «истинным требованиям справедливости» и уничтожение его ставит в зависимость от «сознания» рабочими их безвыходного положения. Но совершенно то же самое программа могла бы сказать и о крестьянах. Точно так же Союз, не принимая точки зрения классовой борьбы, не ставил перед рабочими никаких особых задач борьбы, вытекающих из особого положения рабочего класса, но имел в виду исключительно цели пропаганды. Поэтому одесский союз не был еще новой формой рабочего движения, но был лишь новым выражением старых методов пропаганды: последняя велась теперь, вместо отдельных, разрозненных кружков, в рабочем союзе.

Несомненно, что если при своих воззрениях, возлагавших все надежды революции на крестьянство, народники все ближе подходили к пропаганде среди рабочих, то они делали это не только потому, что, по их мнению, рабочие могли быть лучшими пропагандистами в деревне, но и потому, что на них оказывало влияние рабочее движение, хотя бы в своей еще только начальной стадии.

Процесс образования рабочего класса подвигался вперед и, в меру своего продвижения, обнаруживал некоторые особенности борьбы рабочих. Забастовки постепенно распространяются во всю первую половину 70-х годов; они носят, по преимуществу оборонительный характер, — рабочие оказывают сопротивление ухудшению условий труда, — но это не мешает, конечно, тому, что во всем

рабочем движении все более отчетливо начинают выступать особые интересы рабочих именно как фабричных рабочих, хотя бы еще и связанных с землей. Тот самый «полурабочий, полукрестьянин», о котором говорили народники, поскольку он работал на фабрике и сталкивался с капиталом, вынужден был защищать свои интересы как рабочего, а не как крестьянина: злобу дня его приобретали вопросы не о земле, а о заработной плате, штрафах, рабочем дне и т. д. Как ни хотели пропагандисты видеть в рабочем «мирской дух русской деревни», они должны были видеть в нем и рабочего, стоящего в особых отношениях к капиталу, считаться с его интересами как фабричного и к этим интересам применять свою пропаганду. При всей слабости, рабочее движение не укладывалось в рамки утопического подхода к рабочему классу. И мы видели, что московский кружок Джабадари, расширяя связи с рабочими, агитирует на почве их непосредственных нужд, а в Одессе Заславский задумывает более широкую организацию рабочих, начиная с ссудо-сберегательной кассы, с первичной формы материальной взаимопомощи.

Землевольцы продолжали работу в среде рабочих и, говоря словами Михайлова, «считали необходимым двигать рабочих на борьбу с хозяевами за свои насущные интересы». По мере усиления рабочего движения, воздействие его все больше увеличивалось, приводя к последствиям более глубоким, чем изменение приемов агитации в рабочей среде. Это в особенности сказалось на стачках петербургских рабочих в 1878 — 1879 гг., когда впервые забастовки охватили ряд крупных фабрик, — явление до того небывалое, — а рабочая масса живо откликнулась на дело помощи бастовавшим.

В феврале 1878 г. в Петербурге бастовали 2 000 рабочих Новой бумагопрядильной фабрики, в конце того же года произошли забастовки на прядильной фабрике Кенига и на двух табачных фабриках; в начале 1879 года снова забастовали рабочие Новой бумагопрядильни и фабрики Шау. Замечательной особенностью этих забастовок, о которых, между прочим, рассказывает Плеханов в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении», было не только то, что забастовки вызвали живой отклик среди рабочих многих фабрик, собиравших деньги для поддержки стачечников, но и то, что в руководстве забастовками близкое участие принимали землевольцы, как содействием рабочим при выработке требований, так и выпуском печатных воззваний. Руководили забастовкой Плеханов, Попов, Н. Лопатин, деятельно помогал им, в особенности по сбору денег, Ал. Михайлов.

К этому времени относится одна из первых прокламаций, обращенных к рабочим и написанная Плехановым. «Покуда рабочие не поймут, что должны помогать друг другу, — говорилось в этой прокламации, — покуда они будут действовать врозь, до тех пор будут они в кабале у хозяина. А когда они будут стоять друг за дружку, когда во время стачки на одной фабрике рабочие других фабрик станут помогать им, тогда не страшны им будут ни хозяин, ни полиция. Вместе вы — сила, а в одиночку вас обойдет каждый городовой».

А во время забастовки 1879 г. прокламация была выпущена и самими рабочими; она призывала «надавить на хозяина, подлеца, посильней» и стоять дружно «все за одного, один за всех».

Забастовки эти произвели на землевольцев сильное впечатление. Они и раньше, как мы сказали, вели среди рабочих агитацию, для чего организована была особая группа. «Рабочая группа, — свидетельствует Михайлов, — пользуясь связями, наблюдала за настроением фабрик и заводов и не упускала случая протянуть руку помощи тем из них, где слишком нахальная эксплоатация вызывала сильное недовольство и открытый протест. В последнем случае она являлась обыкновенно непосредственно или через рабочих организатором сопротивления и бюро для сбора пожертвований в пользу стачечников». В таком виде, по словам Михайлова, проявилась деятельность группы и во время стачек 1878—1879 гг. Землевольцы главным средством борьбы рабочих считали стачки. Лавристы же, если и не отвергали стачек, то смотрели на них как на средство ненадежное. «Стачечная борьба, — передает их точку зрения Ширяев, — увлекая рабочих на путь жалких сделок, примиряет их с принципами эксплоатации, проникающими насквозь все современные экономические отношения, отвлекает от настоящей социалистической деятельности — уяснения себе форм справедливости общественных отношений и приобретая союзников и сочувствующих товарищей». Это расхождение проистекало из основных воззрений лавристов и землевольцев. Лавристы уделяли преимущественное внимание пропаганде и в этом, главным образом, видели подготовку к социалистическому перевороту. Землевольцы смотрели на стачки как на один из способов агитации среди рабочих на почве их непосредственных нужд, как с точки зрения непосредственных нужд подходили они в агитации и к крестьянам. Но и землевольцы не усматривали в стачках элемента классовой борьбы и средства к классовому сплочению рабочих.

Забастовки 1878 — 1879 гг. поставили перед землевольцами ряд новых вопросов, так как они впервые столкнулись теперь с массовыми выступлениями рабочих. На эти вопросы пытался тогда-же в «Земле и воле» дать ответ Плеханов. В своей статье Плеханов заявляет, что коснуться вопроса о рабочих его «заставляют волнения фабричного населения, постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня». Постановка пропаганды среди рабочих, как она велась до тех пор, Плеханова не удовлетворяет. «В прошлом, — пишет он, — не без некоторого основания мы обращали все свои надежды, употребляя все усилия, на деревенскую массу. Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил. В городе пропаганда велась между делом в минуту, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притом исключительно с целью выработать из городского рабочего пропагандиста для деревни же. Такое отношение к делу, естественно, исключало возможность как настойчивой, систематической пропа-

ганды, так, в особенности, организации городских рабочих, и в настоящее время дает себя чувствовать очень плачевными результатами». Эти печальные результаты сказываются как в слабом участии революционеров в стачках, так и в недоверчивом отношении к ним рабочих, и причина этого лежит в неправильном подходе к рабочей массе. «Надо было относиться к городским рабочим,—пишет Плеханов, — как к целому, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средства влияния на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей». Требуется иное: «Конкретный ум рабочего плохо поддается на отвлеченные логические соображения, для него гораздо понятнее пропаганда фактами, тем более, что эта пропаганда фактами по необходимости должна стать на почву обыденных и осязательных его интересов . . . Эта агитационная деятельность может вестись ежедневно и ежечасно на самых мелких даже фактах жизни рабочего, но особенный смысл и значение приобретает она во время стачек». «Каждый раз, — продолжает Плеханов, — когда рабочие той или другой фабрики сговариваются действовать заодно, вопрос об отношении к ним различных классов общества, до верховной власти включительно, ставится ребром. Рабочая масса на деле узнает своих друзей и врагов . . . Совместная борьба рабочих с хозяевами развивает в них способность к согласному, единодушному действию . . . Идея солидарности интересов всего рабочего сословия и противоположность их интересам привилегированных классов имеет превосходную иллюстрацию в каждой стачке рабочих, в каждом столкновении их с нанимателями». И Плеханов призывает своих товарищей: «организуйте массу для борьбы, путем борьбы и во имя борьбы; только таким образом создадите вы в ней самодеятельность, самоотверженность и стойкость, каких она не имела до сих пор и благодаря отсутствию которых десяти городовых бывает часто достаточно, чтобы разогнать и навести ужас на целую толпу рабочих». Все это не исключает привлечения отдельных лучших рабочих — «влияйте на них, — пишет Плеханов, — развивайте сколько позволит ваше время и ваше собственное развитие,— это даст вам агитаторов более выработанных, ораторов более убедительных, но помните, что это только средство для лучшего достижения вашей цели — агитации в массе».

Это был подход к деятельности среди рабочих, готовый перевернуть вверх дном вчерашнюю тактику. Ведь раньше пропаганда имела в виду отдельных рабочих, теперь Плеханов рекомендует завоевание массы, агитацию в массе; раньше, когда имели в виду отдельных рабочих, можно было игнорировать интересы рабочей массы, теперь рекомендуется в агитации исходить именно из повседневных нужд рабочего. Но не следует думать, что этот новый подход диктовался новой точкой зрения Плеханова. Это было лишь применением общих положений революционного народничества к рабочему движению. Если агитация среди крестьян ведется на почве их непосредственных нужд, то на таких же началах должна быть постро-

ена и агитация среди рабочих; если нужно завоевать влияние на крестьянскую массу, то речь должна итти о завоевании и рабочей массы. Мысли Плеханова замечательны не потому, что они устанавливают новую точку зрения, а потому, что Плеханов пытается их развить последовательно, поскольку это доступно народнику. Анализ особых интересов и особого положения фабричных рабочих приводит его к отчетливой постановке вопроса о классовой борьбе и о классовом сознании, которое развивается в процессе этой борьбы. Но дальнейших выводов Плеханов не делает; чтобы сделать их, ему нужно было подвергнуть пересмотру самые основы народничества, а не ограничиваться только новым применением их к рабочему движению. Плеханов же всецело продолжает оставаться на старой точке зрения и потому в дальнейшем повторяет то, что говорили народники и раньше. Рабочие, по его словам, те же крестьяне, фабрика для них является только видом отхожего промысла, не отрывая их от деревни, и потому вопросы общинной самостоятельности, земли и воли одинаково близки как рабочим, так и крестьянам. Словом, рабочие — «не оторванная от крестьянства масса, а часть того же крестьянства». Поэтому они снова превращаются у Плеханова в «союзников» крестьян, которые, разойдясь по селам и городам, сыграют роль «воровских прелестников», оказавших столько услуг разиновскому и пугачевскому движению. Завоевание рабочей массы, в глазах Плеханова, таким образом, остается задачей подсобной — поле зрения его все еще занято крестьянством.

Если петербургские стачки оказали такое влияние на Плеханова, — как и на других землевольцев, — то тем более сильно они должны были воздействовать на передовых рабочих. Мы уже отмечали, что из народнических кружков вышло много выдающихся рабочих, игравших крупную роль в революционном движении; еще более было таких, которые в кружках получили знания, развивались умственно, могли смотреть на мир иначе, чем они смотрели раньше. Если пробуждалась, как это показали стачки 1878 — 1879 гг. рабочая масса, то этот, хотя еще и тонкий передовой слой рабочих должен был тем более остро поставить перед собой задачу рабочей борьбы. Народники смотрели на рабочих как на подсобную по отношению к крестьянству революционную силу и никаких особых интересов за ними не признавали. Но рабочие все же имели свои интересы и пытались их защищать, как могли. В этой защите рабочие также сталкивались не только с хозяевами, но и с полицией, со всей правительственной системой, с политикой, а народники политическую борьбу отрицали. Это противоречие между учением, которое проповедывалось рабочим, и их движением не сказывалось до тех пор, пока не начиналось массовое движение. Каждый в отдельности передовой рабочий при общей пассивности массы мог чувствовать себя высоко поднявшимся, приобщившись к социалистическому идеалу, хотя бы утопическому. Но, соприкасаясь с массой, приходившей в движение, он не мог не видеть бессилия своего и массы разрешить проклятые вопросы рабочей жизни в общем смешении рабочих

и крестьянских интересов, при руководстве общей утопической и аполитической программой народников. Как говорил Плеханов, рабочее движение здесь уже начинало перерастать революционное учение.

Так передовые рабочие дошли до мысли организовать свой рабочий союз со своей программой. Это были слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин, основавшие в Петербурге «Северный русский рабочий союз». Союз этот возник в конце 1878 г. под несомненным влиянием стачек начала этого года и образовался из слияния нескольких отдельных рабочих кружков, раньше существовавших. Организован он был непосредственно рабочими; по словам Ширяева, интеллигенция непосредственного участия в организации союза не принимала — так ему говорили и рабочие, и лавристы, и народники. Инициаторы союза, Обнорский и Халтурин, были деятельными членами революционных организаций и выдающимися рабочими. Обнорский успел побывать за границей, где имел возможность наблюдать борьбу рабочих. Халтурин, в сравнении с землевольцами, был, по словам Плеханова, крайним западником, мало ценившим «самобытность» русской действительности: «Ум его до такой степени исключительно поглощен был рабочими вопросами, что ему едва ли когда случалось заинтересоваться пресловутыми «устоями» крестьянской жизни». Удивлению интеллигентов-землевольцев, вероятно, не было конца, когда они узнали, что Халтурин принялся даже за изучение европейских конституций — вопросы политической свободы, которую отвергали народники, интересовали его не только теоретически.

«Союз» быстро вырос в стройную организацию. «Уже с первых недель своего существования, — рассказывает Плеханов, — он насчитывал не менее 200 членов, а вокруг него группировалось по крайней мере столько же сочувствующих, но еще не посвященных в организационную тайну рабочих. Большинство членов его принадлежало к «заводским». В каждом значительном рабочем квартале Петербурга были особые кружки, составлявшие местную ветвь Союза. Каждая ветвь имела свою кассу и свою «конспиративную» квартиру. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет. Члены местного комитета были в то же время членами центрального кружка, который собирался через известные промежутки времени по общим делам Союза. В распоряжении центрального кружка находилась особая касса, а также союзная библиотека. Центральная касса, как и местные кассы, пополнялась членскими взносами». Ко времени второй стачки на Новой бумагопрядильне в кассе было руб. 150 — 200, которые все ушли на поддержку стачечников.

Союз развил особенно широкую деятельность во время петербургских стачек 1879 г., о которых рассказано выше, выпустил ряд прокламаций, поддерживал стачечников материально и т. д. Союз поставил свою типографию и приступил к изданию своей газеты «Заря рабочего». Однако скоро Союз был ликвидирован: в марте 1880 г. была арестована типография вместе с набором пер-

вого номера газеты, еще раньше арестован был Обнорский, а Халтурин отошел от Союза и отдался делу террора.

Замечательна программа «Союза», опубликованная в январе 1879 г. В программе своей Союз заявлял, что примыкает по своим задачам «к социал-демократической партии Запада», а далее в формулировке ближайших требований программа гласила: «Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть: 1) свобода слова, печати, право собраний и сходок, 2) уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям, 3) уничтожение сословных прав и преимуществ, 4) обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях, 5) уменьшение количества постоянных войск и полная замена их народным вооружением, 6) право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления, 7) уничтожение паспортной системы и свобода передвижения, 8) отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству, 9) ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда, 10) учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам».

Этой частью своей программы «Союз» радикально расходился с воззрениями революционного народничества. Последнее, как мы знаем, рассчитывая на непосредственную социалистическую революцию, отвергало борьбу за политическую свободу, считая последнюю даже вредной, так как буржуазный свободный порядок разрушил бы общину и с ней все крестьянские «устои». «Союз», напротив, требовал политической свободы, которая обеспечивает решение социального вопроса, т. е. является необходимой предпосылкой борьбы за социальный переворот. Этим самым авторы программы впервые становились на ту точку зрения, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что, следовательно, противопоставление социализма «политике», борьбы за социализм — борьбе за политическую свободу не только не приближает, но отдаляет «разрешение социального вопроса», не облегчает, но осложняет борьбу рабочего класса за освобождение. Понятно поэтому, что такое понимание «Союза» должно было встретить отпор со стороны народников. И, действительно, в «Земле и воле» появилась статья, специально посвященная «Союзу», в которой программе посылается упрек в том, что она заимствует свои положения из «катехизиса немецких социал-демократов». «Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплоатируемых с эксплоататорами, — заявляла «Земля и воля», — посвящается слишком много времени, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле, а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе даже не дебатируются». Иначе говоря,

«Земля и воля» желала бы, чтобы программа «Союза» говорила не о политической борьбе, а о вопросах «бунтарской тактики».

Авторы программы «Союза» не только не смутились этими упреками, но и напечатали в «Земле и воле» свои возражения. Они заявляют, что ожидали порицания за смешение «социалистических требований с конституционными», но сами не видят в таком смешении ничего нелогичного. «Разве мы сами не знаем, — пишут они, — что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище св. Антония, добиваться свободы? Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью истории и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения». «Наша логика в данном случае коротка и ясна, — продолжают они, — нам нечего есть, негде жить — и мы требуем себе пищи и жилищ; нас ничему не учат, кроме ругательств и подневольного подчинения,— и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать «с умилением», как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратий по миру. И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильно развить наше мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха этой свободы, требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений». Такое требование тем более выполнимо, что оно по вкусу говорунов — этих деятелей будущей всероссийской говорилки — следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно». Таким образом, эта полемика дала возможность «Союзу» сформулировать свою мысль еще более ясно. Рабочие должны добиться политической свободы, чтобы получить возможность более успешно вести борьбу, она нужна им для сбережения сил и скорейшего успеха. Не зараженные «мирским духом», они не боятся свободы, но уверены, что в условиях более свободного существования они лишь более энергично и с большим успехом поведут борьбу за свое освобождение. Они думают даже, что в борьбе с самодержавием им временно будет по пути с «говорунами», т. е. с той частью буржуазии, которая враждебна самодержавному порядку.

Но, как говорил Плеханов, в те времена трудно было уберечься от «прилипчивой болезни» народнических утопий. И программа «Союза» отдает ей дань. Она требует учреждения «свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права», т. е. выдвигает анархический идеал и в основу своих социалистических надежд кладет все ту же крестьянскую общину. Недоразвитость общественных отношений мешала организаторам «Союза», как и Плеханову, вместе с переоценкой некоторых старых позиций подвергнуть пересмотру самые основы на-

родничества с его верой в самобытные пути развития России, без чего не могла быть воспринята со всею последовательностью классовая точка зрения. Благодаря этому и программа «Союза» получила только социал-демократическую окраску, но не была социал-демократической.

Как видим, петербургские стачки в качестве первого проявления массового рабочего движения произвели настоящую революцию в умах некоторых народников-революционеров. Плеханов поставил на очередь вопрос о пересмотре задач агитации в рабочей среде, но не был еще в состоянии разрешить этот вопрос до конца. Передовые рабочие пошли еще дальше — отчетливо поставили вопрос о классовой борьбе рабочих и завоевании политической свободы, хотя и они оставались еще в плену народнических предрассудков. Перерастая революционное учение, рабочее движение предъявляло свои требования, требовало ответа на свои запросы, выдвигало свои задачи — и этим оказывало сильнейшее влияние на эволюцию народнических взглядов. Можно сказать, что в это время впервые с особенной силой сказалось воздействие рабочего движения на революционное движение интеллигенции и что именно к этому времени относится поворот в самом революционном движении: последнее еще не стало, как в будущем, по преимуществу рабочим движением, но первое же более или менее массовое движение рабочих нанесло народническим утопиям более сильный удар, чем неудача их работы в крестьянстве.

Разумеется, не все поддавались этим новым влияниям. Если «Земля и воля» выступила с критикой программы «Союза», то часть землевольцев, работавшая среди рабочих, замышляла и более решительную борьбу с новаторами. Ширяев передает, что народники проектировали организовать новую рабочую группу — «противопоставить пропагандистским программам свою народническую, быть противовесом лавристам и «Северному рабочему союзу». Намечалась, таким образом, борьба за влияние в рабочей среде, борьба вокруг принципиального понимания задач рабочего движения. Здесь были уже элементы и программного и даже организационного раскола, и не случайность, а глубокий исторический смысл заключался в том, что раскол этот вызывался отношением к рабочему движению. И если в ближайшее время народники раскололись по другой линии, то и на этом расколе, хотя и не в прямом виде, сказалось влияние того же рабочего движения.

10. РАСКОЛ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

Программа «Северного русского рабочего союза» заключала в себе определенное требование политической свободы, выдвигала задачи политической борьбы. Если не все народники, то часть их — и притом рабочие — должны были констатировать, что их точка зрения, отрицавшая политическую борьбу, на одном, так сказать, секторе революционной работы — на секторе рабочего движения, потерпела явное крушение. Действуя в рабочей среде, приходилось ставить вопросы не только экономические, но и политические.

Такое же крушение происходило и на других секторах работы. Агитация, которую вели народники, повсюду сталкивала их не с каким-то отвлеченным государством, разрушить которое они собирались, а с самодержавно-полицейским государством. Каждый созданный ими кружок, каждое деревенское поселение, каждая попытка агитации — все это было, хотели они или нет, актом политической борьбы, толкавшим в том же направлении политики. Каждый акт правительственных репрессий возбуждал чувство протеста, которое требовало выхода и могло его найти также в политической борьбе. Актом такой еще не осознанной борьбы была, напр., демонстрация, организованная по почину рабочих, 6 декабря 1876 г. в Петербурге у Казанского собора. На этой демонстрации Плеханов произнес речь об участи Чернышевского и о политических репрессиях, а рабочий Потапов поднял красное знамя с надписью «Земля и воля». Не оставались землевольцы в стороне и от студенческого движения. Когда в 1878 г. студенчество волновалось на академической почве, землевольцы поддержали хождение студентов с адресом к царскому наследнику, а после избиения выпустили прокламацию. Все это были политические выступления.

С другой стороны, если революционеры отказались от политической борьбы, то правительство от борьбы с ними не желало отказываться. Оно их арестовывало, держало годами в тюрьмах, судило, ссылало на каторгу. Судебные процессы 50-ти и 193-х были прямым вызовом революционному движению, объявлением ему войны. Ответить ли на этот вызов? Горсть самоотверженных людей, не имевшая поддержки в движении народной массы, при таких условиях могла, прежде всего, думать о самозащите, о борьбе теми средствами, которыми она сама могла располагать. Таким средством был террор, как акт самозащиты и как метод «дезорганизации правительства».

Летом 1877 г., по распоряжению петербургского градоначальника Трепова, избит был содержащийся в доме предварительного заключения революционер Боголюбов, осужденный на каторгу за казанскую демонстрацию. Эта зверская расправа в особенности глубоко потрясла Веру Засулич, о которой Кравчинский писал, что у нее—«душа, полная высочайшей поэзии, глубокая и могучая, богатая любовью и негодованием». Она решила приковать внимание всех к этому надругательству над личностью пленника. 24 января 1878 г. Засулич стреляла в Трепова в приемной комнате градоначальника, нанеся ему тяжелую рану. Суд присяжных оправдал Засулич, и такой приговор произвел не меньшее впечатление, чем выстрел в Трепова.

Это был первый акт террора, который впервые ставился в порядок дня. А за ним последовали другие.

30 января 1878 г. в Одессе жандармы ворвались в квартиру, где хранилась тайная типография и где собирался кружок Ковальского. Последний принадлежал к горячим сторонникам «дезорганизации». Когда жандармы, заняв силою квартиру, приступили к опросу задержанных, он решил убить руководившего обыском жандармского

офицера, но револьвер дал осечку. В общей свалке Ковальский нанес офицеру удар кинжалом. Всех передали военному суду для суждения по законам военного времени. Ковальский был повешен.

Это вооруженное сопротивление послужило как бы переломом в тактике землевольцев. 2 февраля 1878 г. Валериан Осинский покушается на жизнь товарища прокурора киевского окружного суда Котляревского, 25 мая 1878 г. в том же Киеве Попко убивает жандармского офицера Гейкинга. «Дезорганизаторская» группа «Земли и воли» к этому времени преобразуется, получает фактическую независимость от общего центра, выпускает свои воззвания от имени «Исполнительного комитета». Правительство отвечает новыми репрессиями, казнью Ковальского. Тогда Кравчинский 4 августа 1878 г. убивает кинжалом шефа жандармов, главного руководителя политической полиции, Мезенцова.

Так, политика врывалась по всем направлениям. Все это приводило, однако, к признанию террора не только орудием самозащиты, но и средством политической борьбы, и возводило политический террор в систему, которой организация должна посвятить свои силы. Если политическое убийство — одно из главных средств борьбы с деспотизмом, то естественно, что это средство нужно применить до конца и направить его против деспота-царя. Такая мысль ставится в порядок дня. Вера Фигнер рассказывает, что к ней приехал в деревню Соловьев, чтобы посоветоваться о своем плане убить Александра II. Почва для перехода к террору была уже подготовлена.

Получив одобрение своего плана, Соловьев поехал в Петербург с твердым намерением привести его в исполнение и заручился там одобрением «дезорганизаторской» группы. Но вопрос был все же поставлен на обсуждение совета «Земли и воли», хотя мнение последнего ничего изменить не могло, так как решение Соловьева оставалось непоколебимым. Обсуждение вопроса в совете впервые со всею остротой вскрыло разногласия, назревшие в рядах «Земли и воли». Плеханов в своих воспоминаниях передает, что собрание стало в особенности бурным «после того, как выяснилось, какие препятствия поставит на пути нашей деятельности попытка Соловьева. Так, напр., решено было, что, в виду неизбежного белого террора, наша типография должна будет временно перестать функционировать и что все нелегальные должны будут уехать из Петербурга, а это последнее решение означало, что должны будут прекратиться «занятия» в петербургской рабочей среде. Плеханов возражал против террора, потому что последний наносит удар самому главному делу — агитации в массах, отвлекая силы от деревни. Он видел, что, с одной стороны, мысль об агитации в массах совсем перестала увлекать революционную интеллигенцию, а с другой — террор обещал еще больше отвлечь силы от деревни, и потому даже те из землевольцев, которые раньше горячо сочувствовали террору, стали столь же горячо против него возражать. Но доводы эти были мало убедительны для тех, которые как раз в терроре видели «осуществление

революции в настоящем», т. е. покидали уже позицию народничества, усматривавшего единственное «осуществление» революции в восстании народной массы. Во всяком случае, заседание совета «Земли и воли» показывало, что в организации имеются два враждебных течения, которые примирить трудно. «Мы, народники, — рассказывает Плеханов об этих итогах совещания, — шли по домам, унося с собой убеждение, что старое, некогда образцовое единство общества «Земли и воли» было разрушено и что теперь каждое направление пойдет своей дорогой, не заботясь, да уже и не имея нравственной возможности заботиться, об интересах целого».

И Плеханов не ошибся. 2 апреля 1879 г. Соловьев неудачно стрелял в Александра II, был схвачен и затем казнен. Неудавшееся покушение еще больше сплотило сторонников террора, которые решают довести до конца начатое дело: цареубийство становится их ближайшей задачей.

Все эти разногласия вносили столько раздора и осложнений в жизнь «Земли и воли», что решено было созвать съезд для того, чтобы разрешить спорные вопросы. Сторонники террора и здесь проявили более настойчивости и организованности. Еще до съезда, назначенного в Воронеже, они собрались на предварительное совещание в Липецке, где обсуждали очередные вопросы, столковались и наметили основы будущей программы своей деятельности, которая, по словам Фигнер, сводилась к ниспровержению в результате вооруженной борьбы самодержавного строя и завоеванию политических свобод. Устроила несколько предварительных совещаний и другая сторона. По словам Аптекмана, здесь общее настроение было таково, что соглашение будет достигнуто и целость организации сохранена.

Воронежский съезд состоялся в конце июня 1879 г. На нем присутствовали наиболее активные землевольцы: Плеханов, Ал. Михайлов, Перовская, Вера Фигнер, Попов, Аптекман, Морозов, Тихомиров, Фроленко и др. Кроме землевольцев на съезде были и некоторые другие революционные деятели 70-х гг., до сих пор стоявшие в стороне от «Земли и воли», напр. Желябов, Ошанина.

Наиболее острым вопросом был, конечно, вопрос о терроре вообще и о цареубийстве в частности. Выразителями крайних точек зрения выступили: с одной стороны — Желябов, с другой — Плеханов; большинство принадлежало к «примиренцам», что с наибольшим правом можно сказать о «деревенщиках». Наиболее бурный момент прений Аптекман излагает таким образом: «Чего добиваетесь вы, — обратился он (Плеханов) прямо с вопросом к террористам, — на что вы рассчитываете?» — «Мы получим конституцию, — неожиданно, в пылу спора, выпалил Желябов, — мы дезорганизуем правительство и принудим его к этому». Но действительно ли Желябов заговорил о конституции только в пылу спора и неожиданно? Повидимому, нет. По словам Плеханова, Желябов доказывал, что революционеры должны сблизиться с либералами для борьбы за политическую свободу, т. е. за ту же конституцию, и даже утверждал, что для того, чтобы облегчить дело сближения, они должны на время

оставить всякую мысль о борьбе классов. Желябов, по словам Плеханова, стремился «к объединению всех противников самодержавия», вследствие чего классовые интересы «крестьянского и даже рабочего сословия» потеряли в его глазах всякое самостоятельное значение. Когда Желябову напомнили, что во время петербургских стачек землевольцы деятельно помогали рабочим и что, стало быть, если он требует отказа от классовой борьбы, то должен возражать и против помощи стачечникам, Желябов ответил, что в России стачки есть также и факт политический и что, не сочувствуя борьбе рабочих с предпринимателями, можно поддерживать борьбу стачечников с полицейским государством.

Плеханов возражал в особой записке съезду, в которой указывал, что, если «Земля и воля» усвоит новый прием борьбы, а особенно поставит своей целью цареубийство, то неумолимой логикой фактов она вынуждена будет посвятить ему все силы и средства. Уже теперь, когда террор еще не сделался систематическим, «Земля и воля» должна была значительно сузить круг своей агитации, вследствие чего приток новых сил уменьшился. Кроме того, террор дезорганизует не правительство, а самих революционеров, а в случае даже полного успеха цареубийства, приведет к перемене лица, но не политической системы, так как террор ровно ничего не изменяет в соотношении общественных сил. Плеханов сознавал, что доводы его не подействуют на сторонников террора, так как тактика их была сильна своей односторонностью. Что касается деревенщиков, настроенных примирительно, то их убедить в решительной борьбе с террором было еще труднее, потому что они, по словам Плеханова, принимали и террор, и агитацию в крестьянстве.

Съезд сошелся на компромиссном решении: политический террор был признан, как форма борьбы, лишь в качестве крайней меры для данных специальных случаев. Сторонники террора с таким решением могли согласиться, так как этим открывался простор толкованию специальных случаев, а главное потому, что политический террор был вообще признан. Поэтому, когда речь зашла о том, может ли печатный орган «Земли и воли», как это случилось раньше, возводить террор в систему, большинством голосов было признано, что это право ему, принимая во внимание особенности данного момента, принадлежит. Плеханов правильно понял это решение, как одобрение террора не только для «специальных» случаев, и покинул съезд, заявив о выходе из организации.

Остальные рассмотренные съездом вопросы острых споров не возбуждали. Раз признан был террор для «специальных» случаев, то решили предоставить средства и людей для подготовки цареубийства. Программу «Земли и воли» сохранили неизменной, но включили в нее применение аграрного террора, который допускали и деревенщики, в том числе Плеханов. Избрали руководящий центр и редакцию печатного органа — и все уехали со съезда, по словам Аптекмана, «успокоенные и примиренные».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗЛОЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

1. «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

На Воронежском съезде сохранено было только внешнее единство «Земли и воли». Разногласия, по существу, были непримиримы и касались самой основы революционного народничества. Последнее исходило, во-первых, из того, что освобождение народа должно быть делом самого народа, и, во-вторых, из отрицания политической борьбы. С первым положением было связано понимание революции, как крестьянской революции, произведенной самим крестьянством для осуществления им самим его «идеалов», социалистических, конечно. Второе положение естественно истекало из задач разрушения государства, построения в непосредственном результате революции безгосударственного строя — федерации «вольных общин». Но оба эти положения оспаривались если не на словах, то на деле сторонниками террора. Возведение террора на положение одного из главных средств борьбы с деспотизмом не только, как того опасался Плеханов, грозило поглотить все силы революционеров и привести к отказу от прочих средств борьбы, но и выдвигало вместо активно действующей массы активно действующую группу отдельных борцов: надежды на успех связывались не с агитацией в массах с целью поднять их на восстание, а с удачей, уменьем, отвагой террористов. С другой стороны, террор, направленный не на дезорганизацию правительства, а на борьбу с ним, принимал все черты «политического террора», т. е. террора, имеющего целью либо свалить правительство, либо добиться от него уступок,—и в том, и в другом случае это была политическая борьба, если и не отдалявшая социальную революцию, то непосредственно с ней не связанная.

Очевидно, новые настроения трудно было примирить со старым народничеством. И потому уже вскоре после воронежского съезда разногласия обострились, и, хотя внешне выражались в спорах, на что употребить деньги и типографию — на дело террора или на работу в деревне, — привели к окончательному расколу. Осенью 1879 г. сторонники террора образовали новую партию «Народная воля», а оставшиеся верными старому народничеству — «Черный передел». При расколе условлено было, что название старой партии «Земля и воля» не будет присвоено ни одной стороной.

Какие же воззрения были положены в основу «Народной воли»?

«Народная воля» приняла террор не как акт самозащиты или «дезорганизации», но как метод политической борьбы, а отсюда уже

было недалеко до более основательного пересмотра некоторых старых позиций революционного народничества. Поставив своей задачей борьбу с правительством, народовольцы должны были поставить на очередь и борьбу за власть в государстве. Этим они покидали анархическую точку зрения, шедшую от Бакунина, и становились «государственниками». Бакунисты-народники требовали уничтожения всякого государства, народовольцы говорили об уничтожении современного им самодержавного государства и о замене его государством, которое осуществляло бы народную волю. По их воззрениям, государство может быть не только фактором угнетения, но и фактором революционным, смотря по тому, кому принадлежит власть в государстве. Все это означало полное признание политической борьбы.

Значит ли это, однако, что народовольцы обрели возможность примирить социализм с политической борьбой и отошли также далеко от прочих народнических позиций? Нет, не значит. «По основным убеждениям мы—социалисты и народники,—заявляет программа «Народной воли», и далее говорит:—В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемыми, традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободу совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление, в народном духе всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраивать так, как он хочет, сообразно своим собственным наклонностям». Таким образом, основная народническая утопия остается в неприкосновенности: начала нового общественного порядка заложены в крестьянстве, и нужно лишь дать им возможность развиться. Но сохранение одной утопии ведет за собой сохранение и другой. В одной из своих статей «Народная воля» полемизирует как с якобинцами (ткачевцами), которые, путем захвата власти, стремятся провести сверху в жизнь народа социалистические принципы, так и с чернопередельцами, которые считают бесполезной и даже вредной политическую борьбу, возлагая все надежды на экономический переворот. Сама «Народная Воля» полагает, что политическая революция может использовать государственную организацию для совершения экономического переворота, т. е. политический переворот может совпасть с экономическим переворотом, однако в том лишь случае, если этот переворот подготовлен историей, фактическим соотношением экономических сил. Но так как в России эти условия имеются налицо в виде «народных идеалов», выработанных прошлой историей, то политическая революция может непосредственно привести к социалистической.

Как это может произойти? Собирается Учредительное собрание, а в нем, по предложению «Народной воли», 90% депутатов будет от крестьян, или, если народовольческая партия «действует с достаточной ловкостью»,—от партии. «Что может постановить такое собрание?»—спрашивает «Народная воля», и отвечает, что оно дало бы полный переворот всех экономических и государственных отношений:

*

«мы знаем принципы, которые развивал в своей жизни народ на Дону, на Яике, на Кубани, на Тереке, в сибирских раскольничьих поселениях, везде, где устраивался свободно, сообразуясь только с собственными наклонностями; мы знаем великий лозунг народных движений. Право народа на землю, местная автономия, федерация — вот постоянные принципы народного миросозерцания. И нет в России такой силы, кроме государства, которая имела бы возможность с успехом становиться поперек дороги этим принципам. Устраните государство, и народ устроится, может быть, лучше, чем мы даже можем надеяться». Таким образом, народная воля, выраженная в Учредительном собрании должна была привести к «устранению государства» — «убрать» государство это и значит, как думали народники всегда и раньше, дать крестьянству возможность реализовать и развить заложенные в нем социалистические стремления.

При таких грандиозных задачах, какое место уделялось активности самой крестьянской массы? Вполне скромное. «Народная воля», утверждая, что деятельность в народе «затруднена», и является «наполнением бездонных бочек Данаид», приходила к выводу, что «самые условия жизни народа отнимают у него возможность организоваться для борьбы». Поэтому в программе «Народной Воли» рекомендовалось: «В отношении крестьянства следует занимать места, где возможно близкое соприкосновение с массами, заслуживать их уважение своим поведением, помогать им, защищать их интересы, опираясь на содействие чиновных и влиятельных лиц партии. Не ведя массовой пропаганды, должно однако сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников партии, знакомя их с ее целями». Таким образом, речь шла только о привлечении в партию отдельных крестьян и о том, чтобы получить влияние в крестьянстве и действовать на него со стороны. Что касается рабочих, то и здесь допускалась рабочая организация, как часть партии — рабочая масса также оставалась в стороне, на нее можно было рассчитывать как на силу, которая может поддержать, но не осуществить революцию. Но если устранялась в качестве активной революционной силы рабочая и крестьянская масса, то на кого же выпадала задача произвести переворот? Больше никого не оставалось, кроме самой «социально-революционной партии», т. е. «Народной воли». Придя, на основании предшествующего революционного опыта, к заключению, что крестьянство не представляет собой революционной силы, народовольцы, вместо того, чтобы пересмотреть основы народничества и поискать те силы, которые в данных общественных отношениях являются носителем революции и борьбы за освобождение труда, приходили к выводу, что переворот может быть произведен силами революционной партии.

Наиболее удобным моментом для переворота «Народная воля» считала народные бунты, сами собой возникающие, неудачную войну, государственное банкротство, словом, всякие осложнения в жизни государства, которыми партия может воспользоваться для того,

чтобы действовать. Но и более неблагоприятное стечение обстоятельств не должно смущать, так как «партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия». Создать же этот благоприятный момент может во всякое время — террор. «Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10 — 15 человек, столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действия и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения». Террор дезорганизует правительство, возбудит народные массы — нападать же будет партия. Но если партия должна нападать, то ей же предстоит захватить власть, и захватить власть она сможет только путем заговора. Отсюда в центре планов заговор, как путь к перевороту, и захват власти партией, как ближайшая его цель, с достижением которой в порядке дня ставится и «экономический переворот». «Когда революционная организация будет в силах произвести политический переворот, — писала «Народная воля», — народ сумеет совершить переворот в экономической системе, а захватившему власть временному революционному правительству придется лишь санкционировать экономическое равенство, отвоеванное народом у вековых угнетателей и эксплоататоров». В этом наиболее благоприятном случае политический переворот совпал бы с экономическим, причем последний был бы произведен самим народом. Но «Народная воля» предусматривала и другой случай. «Если обстоятельства сложатся менее благоприятно, — писала она, — в таком случае временное революционное правительство, рядом с политическим освобождением народа, рядом с установлением новых политических учреждений, произведет экономический переворот: уничтожит право частной собственности на землю и на орудия крупного производства. Тогда на созванный Земский собор явятся истинные представители народа, освобожденные политически и экономически, и народная жизнь станет регулироваться неподтасованною народною волею». Таким образом, при неблагоприятном стечении обстоятельств, т. е., очевидно, в том случае, когда сам народ не совершит революции в экономических отношениях, эту революцию совершит революционное правительство, т. е. социально-революционная партия, захватившая власть.

Однако, возможен ведь и случай, когда земский собор, составленный даже сплошь из подлинных представителей крестьянства, выскажется против «экономического переворота». «Народная воля», предусматривая это, отвечала, что в таком случае необходимо «вполне» подчиниться народной воле, т. е. отказаться от экономического переворота. Таким образом, по основному вопросу — социалистической революции — допускались различные возможности — от полного от нее отказа до реализации ее партией, захватившей власть.

Остановимся пока на этом изложении взглядов народовольцев и посмотрим, в чем выразилась их террористическая борьба.

2. ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Плеханов был прав, когда в споре с будущими народовольцами доказывал, что, став на путь террора, они отдадут ему все силы. Действительно, террор, и в особенности цареубийство, поглотил все внимание, все силы и все средства «Народной воли».

После неудачного покушения Соловьева главные усилия народовольцев направляются на цареубийство. В течение $2^1/_2$ лет против Александра II направляются восемь террористических актов. Эта полная героизма и самоотверженная борьба ведется, в конце концов, небольшим кружком — Исполнительным комитетом партии «Народной воли».

Осенью 1879 г. Александр II должен был возвращаться из Крыма в Петербург через Одессу. Первое покушение организуется поэтому в Одессе. Здесь Фроленко, при содействии Веры Фигнер и Златопольского, получает место железнодорожного сторожа и поселяется в железнодорожной будке вместе с Лебедевой. Из будки начинают делать подкоп под полотном железной дороги, чтобы заложить мину. Однако, приходит известие, что Александр II через Одессу не проедет, но направится в Петербург другой дорогой — на Александровск. Работа в Одессе прекращается.

В Александровск, под видом купца Черемисова, едет Желябов. Городская управа отводит ему участок земли под постройку кожевенного завода. Под видом жены Черемисова поселяется в Александровске Якимова, к работе привлекаются рабочие Тихонов и Окладский. Наполненные динамитом цилиндры были заложены на 4-й версте от Александровска по дороге в Лозовую, недалеко от д. Софиевка. Для наблюдения за Александром II был отправлен в Симферополь Пресняков, который, возвратясь в Александровск, сообщил, что царь проедет 18 ноября. В этот день, когда царский поезд приблизился, по команде Преснякова «жарь», Желябов сомкнул цепь. Однако взрыва не последовало, и Александр II благополучно проехал, не подозревая, что был на краю гибели.

Тем временем в Москве подготовлялось новое покушение. Сюда приехал Ал. Михайлов, который недалеко от полотна железной дороги купил дом на имя Гартмана, жившего под фамилией Сухорукова. В доме под видом жены Гартмана поселилась Софья Перовская. Выселив, под предлогом необходимого ремонта, всех жильцов, начали рыть подкоп, причем в работах участвовали Гартман, Перовская, Михайлов, Исаев, Морозов, Ширяев, Баранников, Гольденберг и Арончик. Когда работы были закончены, все уехали, за исключением Перовской и Ширяева. Мины были заложены на третьей версте от Москвы по Московско-Курской железной дороге. 19 ноября 1879 г. был произведен взрыв царского поезда, но в нем находилась только царская свита; багажный вагон перевернулся вверх колесами, восемь вагонов сошли с рельсов, но никто из пассажиров не пострадал. Александр II проехал раньше в другом поезде.

Тогда же было задумано и еще одно предприятие, казалось, более верное. Мы упоминали выше, что Степан Халтурин, основатель «Северного русского рабочего союза», примкнул к террористам. Когда летом 1879 г. одному из членов Союза предложено было занять во дворце место столяра, Халтурин, после некоторых колебаний, решил занять это место, чтобы убить Александра II. Поступить во дворец Халтурину было не трудно, так как он раньше служил на царской яхте и зарекомендовал себя прекрасным столяром. Жил он, разумеется, по фальшивому паспорту, на имя крестьянина Степана Баташкова. Познакомившись с расположением комнат, Халтурин убедился, что подвал, в котором он жил вместе с другими столярами, находится как раз под царской столовой. С этой стороны все благоприятствовало удаче покушения, и Халтурин постепенно принялся за работу.

5 февраля 1880 г. в царской столовой должен был состояться обед в честь приехавшего принца Гессенского. В этот день Халтурин привел к концу свой план. Встретившись на Дворцовой площади с Желябовым, он спокойно бросил фразу: «готово». Через секунду страшный грохот подтвердил его слова. Взрыв разрушил помещение главного караула и смежной с ним части дворца и повредил паркетный пол царской столовой. Убито было 11 солдат, ранено до 56 человек, но Александр II снова уцелел: в момент взрыва он встречал принца Гессенского, прибывшего во дворец.

Все эти неудачи заставили Исполнительный комитет еще больше сосредоточиться на плане цареубийства. Решено во что бы то ни стало и в короткий срок покончить с Александром II. Этому предшествовали, однако, еще две попытки. Осенью 1880 г., когда в Одессе ожидался царь, туда приехали Перовская и Саблин, которые при содействии Исаева, Фигнер и Якимовой начали подкоп под Большую Итальянскую улицу. Однако Александр II приехал в Одессу значительно раньше, и план этот пришлось оставить. Безрезультатными оказались и приготовления к покушению в Петербурге летом 1880 г., когда при ближайшем участии Желябова, Тетерки и Баранникова были заложены мины под Каменный мост через Екатерининский канал по Гороховой улице.

Осенью 1880 г. созрел план решительных действий. Под руководством Перовской была организована группа из пяти человек, которые должны были наблюдать за выездом Александра II. Вместе с тем решено было нанять на одной улице, по которой проезжает царь, лавку, и из нее делать подкоп так, чтобы произвести взрыв в момент царского проезда.

Лавка была нанята на углу Малой Садовой улицы и Невского, в районе Михайловского манежа, куда царь ездил обыкновенно по воскресеньям. Под видом мужа и жены Кобозевых, торговцев сырами, в лавке поселились Богданович и Якимова. Подкоп под середину улицы велся Желябовым, Сухановым, Колоткевичем, Фроленко, Баранниковым, Исаевым, Саблиным, Лангансом, Дегаевым и Меркуловым. Работу нужно было производить чрезвычайно осторож-

но, чтобы не навлечь подозрения, и сопряжена она была с техническими трудностями, так что велась медленно. Между тем начались аресты некоторых членов Исполнительного комитета. В конце февраля арестован был Желябов, что наносило делу тяжкий удар. Лавку Кобозевых, находившуюся в месте частого проезда царя, стала навещать полиция, осматривая ее, как и другие лавки. Можно было ожидать удара и с этой стороны.

28 февраля члены Исполнительного комитета собрались, чтобы обсудить положение. Решено было завтра, во что бы то ни стало, действовать. Бомбы должны были быть к утру заряжены, и наряду с миной или независимо от нее должны были быть пущены в ход. Исаеву было поручено ночью же заложить мину на Малой Садовой. Метальщиками бомб должны были быть Гриневецкий, Рысаков, Тимофей Михайлов и Емельянов, которыми должна была руководить Перовская: если бы взрыв не удался, царь должен был быть убит бомбами. Метательные снаряды за ночь были приготовлены Кибальчичем, Сухановым и Грачевским и доставлены в условленное место.

1 марта 1881 г. Александр II по Садовой не поехал, так что все подготовительные работы по подкопу снова оказались бесцельными. Тогда, по знаку Перовской, метальщики направились к Екатерининскому каналу, по которому, как предполагалось, проедет царь. На этот раз план был рассчитан верно. Когда в третьем часу Александр II, возвращаясь из Михайловского манежа, повернул с Инженерной улицы на Екатерининский канал, под карету его Рысаковым была брошена бомба. Раздался страшный взрыв, которым были ранены казак и мальчик. Александр II вышел из кареты и направился к задержанному Рысакову, который, на вопрос царя, назвал себя мещанином Глазовым. Когда царь возвращался к карете, раздался второй взрыв бомбы, брошенной Гриневецким. Взрывом смертельно был ранен царь, и убит сам Гриневецкий.

Двухлетняя напряженная борьба «Народной воли» привела, наконец, к цели: Александр II был убит.

Благодаря предательству Окладского, Меркулова и Рысакова, а раньше и Гольденберга, организация вскоре после 1 марта была в руках правительства почти целиком. Всех судили в различное время, по нескольким процессам. Желябов, арестованный до цареубийства, потребовал, чтобы его присоединили к делу 1 марта и был казнен вместе с Перовской, Кибальчичем, Тимофеем Михайловым и Рысаковым. Из участников покушений казнены были Пресняков раньше (в ноябре 1880 г.), Халтурин позже, по делу об убийстве Стрельникова. Прочие погибли на каторге или в Шлиссельбургской крепости, за исключением немногих, которых возвратила на свободу революция 1905 г.

«Народной воле» в годы сумерек ее удалось совершить еще два крупных акта — убийство военного прокурора Стрельникова и известного жандармского офицера Судейкина.

Киевский военный прокурор Стрельников, получивший особые полномочия по ликвидации революционных организаций в Одессе

и Киеве, арестовывал массами лиц, причастных и непричастных к движению, издевался при допросах, прибегал ко всяческим угрозам и т. д. Исполнительный комитет постановил его устранить. 18 марта 1882 г., когда Стрельников, совершая послеобеденную прогулку, сидел на одном из одесских бульваров, неизвестный человек, подойдя близко к нему, вынул револьвер, прицелился и спустил курок. Неизвестный бросился бежать к белой лошади с пролеткой, которая ждала его у спуска. Многие из публики погнались за ним, чтобы преградить ему дорогу. Тогда другой неизвестный, ждавший у пролетки, бросился к товарищу на помощь. Обоих схватили и через два дня судили в военном суде. Оба отказались назвать себя, были осуждены на казнь и повешены, как «неизвестные». То были — Желваков и Степан Халтурин; первый стрелял, второй ждал у пролетки.

Убийство Судейкина по мотивам своим и обстановке было многим сложнее и отчасти связано с попытками народовольцев иметь своих людей во вражеском стане, чтобы знать о тайнах жандармской полиции. В годы расцвета «Народной воли» в Третьем отделении с одобрения партии долго служил Клеточников, который держал организацию в курсе жандармских тайн. Но и Клеточников был, в конце концов, арестован. Тогда сделана была попытка заменить его другим. К народовольцам близко стоял Сергей Дегаев, артиллерийский офицер, а затем студент Института путей сообщения. Как-то младший брат Дегаева, Владимир, был арестован, и Судейкин предложил ему стать агентом. Юноша, после колебаний и по совету с одним из членов Исполнительного комитета, согласился, предполагая, что он заменит Клеточникова. Однако молодой Дегаев, по неопытности своей, оказался неподходящим для роли «агента», и Судейкин от услуг его отказался. Тогда возникло предположение убить Судейкина, для чего через брата должен был свести знакомство с Судейкиным Сергей Дегаев. Знакомство это состоялось, но ближе с Судейкиным Дегаев не сошелся, и дело кончилось впустую. Арестованный в Одессе в декабре 1882 г., Дегаев стал предателем. Судейкин устроил Дегаеву побег, разумеется, фиктивный, и Дегаев, продолжая связи с оставшимся центром партии, выдал все, что мог, организовывал кружки и предприятия, которые затем сам же предавал, и т. п.

В мае 1883 г., когда вся почти народническая организация была ликвидирована, Дегаев сам явился в Париж и рассказал о своем предательстве находившимся там членам Исполнительного комитета. По его словам, устрашенный грозившей ему казнью, он, чтобы спасти себя и партию, решил ценою предательства войти в доверие Судейкину и затем нанести правительству решительный удар. Когда же планы его, кроме предательства, не удались, а Судейкин, выведав все, что нужно, держал его на положении мелкого агента, он, мучимый угрызениями совести и опасаясь, что его позорная роль будет раскрыта, решил отдаться на суд Исполнительного комитета. Таковы ли были действительные мотивы Дегаева, или он догадывался, что есть люди, которые подозревают его в предательстве и от которых ему снисхождения ждать не приходится, — сказать трудно.

Исполнительный комитет постановил, как было сказано в его сообщении, казнить Судейкина, но непременно руками Дегаева, ибо этот неутомимый сеятель разврата должен был, по мнению Комитета, погибнуть в той самой яме, которую он рыл другим, оставив собственной гибелью вечный памятный урок о том, как ненадежно все, основанное на предательстве». Дегаев медлил с выполнением этого приговора, но прибывший из-за границы в Петербург Лопатин ускорил развязку. 16 декабря 1883 г. Судейкин пришел на конспиративную квартиру для свидания с Дегаевым и здесь был убит последним, при участии Стародворского и Конашевича.

3. РАСПАД «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

После первых схваток с самодержавием — к 1 марта 1881 г. — народовольцы оказались разбитыми: из 23 старых, испытанных членов Исполнительного комитета на свободе после 1 марта осталось всего восемь человек. Предполагалось, что убийство царя приведет к чрезвычайным последствиям, к революции. Этого не случилось. 1 марта не всколыхнуло Россию. Либеральная буржуазия трусливо лепетала об «увенчании здания» (реформ), а на деле создала обстановку, благоприятную расправе правительства с народовольцами. Молчало крестьянство. Молчали рабочие.

Разгром партии сразу понизил настроение даже самых смелых. Вера Фигнер рассказывает, что в первые же дни после 1 марта окончательно еще не разгромленный центр народовольцев (на свободе оставались Перовская, Кибальчич, Исаев) узнал, что Александр III проедет по Малой Садовой улице, где лавка с заложенной миной еще не была ликвидирована. Возникла мысль убить Александра III, когда он проедет по этой улице. На совещании это предприятие отстаивала одна Вера Фигнер. «У меня, — рассказывает Фигнер, — вырвался возглас: «Это трусость!» Тогда Тихомиров и Ланганс, стоявшие рядом со мной, с гневным жестом подняли крик: «Вы не имеете права говорить так!» Остальные молчали, и дело было снято с очереди». После этого, — добавляет Фигнер, — даже самый вопрос о цареубийстве не подымался. И не по трусости, конечно, — мужество этих людей было безгранично, — а потому, что чувствовался уже тупик, к которому приходило народовольчество.

Тупик сказывался не только в том, что, в силу разгрома «Народной воли», террор не мог получить продолжения, но и в том, что в тупике оказалось все народовольчество. Последнее наиболее ярко выявилось в тех воззваниях, которые опубликовала «Народная воля» тотчас после убийства Александра II.

Воззвание «К честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому», между прочим, гласило: «Великий грех на душе царя, когда он не заботится о своем народе. Великий грех и на его советниках, министрах да сенаторах: окружили они царя и не допускают до него мужицких слез. Ныне вступает на престол новый

царь, Александр Третий. Он должен загладить грех отца своего и облегчить несносную народную тяготу. Православные крестьяне! Подавайте все миром государю прошение, посылайте к нему ходатаев, откройте государю, как на Руси мужик мается, хуже, чем в татарской неволе. Собирайтесь всем миром и пишите прошения. Прошения такие: 1) пусть государь прикажет новую нарезку земли без всякого выкупа; 2) пусть уменьшит подати; 3) пусть в мирские дела не вступают ни чиновники, ни полиция; 4) пусть государь призовет в сенат для совета и указания выборных мирских людей от деревень и от всего народа, чтобы впредь царскими советниками были не господа, а крестьяне: и пусть без ответа этих выборных царь ничего не делает, — ни податей не назначает, не ведет войн. Православные! Когда царь уважит эти ваши прошения, воссияет правда на земле, исчезнет кривда и горе».

Итак, что же предлагается делать крестьянству, которое, по представлениям народников, должно было решить судьбу революции восстанием и революционным путем реализовать свои «идеалы», конечно, социалистические? Крестьянству рекомендовалось обращаться к царю с прошениями о прирезке земли и о созыве советников царских. И ко всему этому крестьянам внушается мысль «раскрыть» царю мужицкую нужду, как будто он о ней не знает. Конечно, весьма возможно, что и эта программа, как она изложена в воззвании, могла показаться крестьянам слишком радикальной. Но характерно не это приспособление, а то, что в такой решительный момент «Народная воля» ничего другого сказать крестьянам не могла, и сама тушила возможные «бунты» рекомендацией «петиционной кампании».

И для рабочих нашлись слова столь же безнадежно пассивные. В прокламации «От рабочих» (2 марта 1881 г.) говорилось: «Помните, братья, что покоряться мучителям — тяжкий грех, через это терпит горе весь народ. Братья рабочие! Довольно мучилась вся Русская земля. Настала пора, когда правда воцарится на земле. Нужно только, чтобы рабочий народ действовал смело, как действовали Петр Алексеев, Пресняков, Тихонов, Ширяев, Окладский. Все эти наши братья - социалисты — из крестьян и мещан, не убоялись никакой муки, ни каторги, ни самой смерти, стоя за правду. Так и все должны делать, и тогда все выйдет хорошо и не будет на Русской земле ни нищеты, ни слезного горя». Никакого непосредственного отклика рабочих на 1 марта не предполагалось и не предлагалось. Такой же характер носит воззвание к «Славному казачеству войска донского, уральского, оренбургского, кубанского, терского, астраханского, сибирского и иных войск», с тем еще отличием, что «вольное казачество» объявляется «колыбелью русской свободы», а казаки — «народными витязями», славными потомками Стеньки Разина.

Одновременно с изложенными воззваниями, Исполнительный комитет обратился с письмом к Александру III. Это письмо и было, собственно, формулировкой требований, изложением оценки «Народной волей» создавшегося положения. Из этого положения Ко-

митет видел два выхода, о которых писал: «Или — революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предупредить никакими казнями, или — добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что, как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы». И далее выставляются два общих требования: амнистия и «созыв представителей всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями»; для гарантии же правильности выборов требуется всеобщее избирательное право, свобода избирательной агитации при свободе печати, слова и собраний. «Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития, — говорилось в письме. — Заявляем торжественно, перед лицом родной страны и всего мира, что наша партия, с своей стороны, безусловно подчинится решению Народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, сконструированному Народным собранием. Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же можем только просить судьбу, чтобы ваши разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразно с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страною».

Здесь мы снова встречаемся с тем, чего так трудно было ожидать. Требование Учредительного собрания заменено требованием созыва царем народных представителей «для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни». Вместо захвата власти — «обращение верховной власти к народу». Во всех требованиях этих нет ничего, под чем не мог бы подписаться последовательный земский либерал.

Что же произошло? Потому ли только народовольцы заговорили другим языком, что увидели свое бессилие вызвать восстание? Или, быть может, и воззвания эти не отступали от принятой ими тактики и были агитационными приемами, вызванными всей обстановкой? Конечно, не в этом дело. Мы видели, что программа «Народной воли» была внутренно противоречива, что кризис народнических воззрений в ней полностью сказался еще до того, как был совершен суд над Александром II. «Народная воля» стала на путь политической борьбы. Она не только приняла террор, как основное средство борьбы с самодержавием, но и ближайшей целью своей ставила «передачу власти народу», народное полновластие в государстве — задачу чисто демократическую. Но вместе с тем она сохранила все утопические

представления, связанные с народническим пониманием социальной революции: «экономический переворот», который наступит непосредственно после политического переворота в духе «народных идеалов» и «упразднение государства», как анархический идеал. Одно с другим внутренне примирить нельзя было, их можно было соединить только механически — к старому присоединить новое. Народничество было цельным, хотя и утопическим, воззрением, отрицание политической борьбы в нем органически было связано с пониманием крестьянской революции, как непосредственно социалистической. Механически связать старое с новым могли только те, кто от старого отказывался и совершал эволюцию к новым воззрениям. Была ли эта эволюция и какой она была?

По словам Плеханова, одного из самых надежных свидетелей, в народовольческой организации, наряду с чистыми народниками, были «радикалы в западно-европейском смысле», т. е. сторонники политического раскрепощения России. Точку зрения одного из таких радикалов, Желябова, Тихомиров излагает следующим образом: «Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно было всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и, по каким бы то ни было причинам, оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет «идейная борьба». В виду этого мы должны остановиться, как на ближайшей цели, на чем-нибудь таком, достижение чего давало бы прочные основания политической свободе и стремление к чему могло бы объединить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности». Желябов, таким образом, думал, что революционной партии нет дела до «политики» и что добиваться политических реформ — задача либералов. Но так как политическая свобода необходима, а либералы бессильны, то революционная партия должна сама взять на себя почин борьбы за политическую свободу и для этой цели объединить все элементы, т. е. и либеральные. Отступление на этом не кончается. Чтобы добиться ближайшей цели, нужно объединить все элементы, способные к политической активности, т. е. также и либералов, а это предполагает дальнейшие уступки. «Таково положение вещей, — писал Желябов в 1880 г. украинскому радикалу Драгоманову, — что, исходя от реальных интересов крестьянства, признаешь его экономическое освобождение за существеннейшее благо, а ставишь ближайшей задачей требования политические, видишь спасение в распадении империи на автономные части и требуешь Учредительного собрания. Не велики заслуги перед отечеством аскета, хранителя общественного идеала. Мы, по крайней мере, предпочли быть мирянами».

Таким образом, Желябов, — и не только он, так как в письме к Драгоманову он пишет не только о себе, — пришел к отказу от «экономического освобождения крестьян», т. е. от социализма, во имя политического раскрепощения России. «Можно ли, — спрашивает он Драгоманова, — в программу ближайших требований вносить такие, за которыми нет реальной поддержки?» А так как за социалистическими требованиями такой поддержки, в особенности, в «обществе» нет, то народовольцы предпочитают быть «мирянами», а не аскетами-хранителями идеала.

И так смотрел не один Желябов. Мы имели ряд показаний видных народников (Ширяев, Михайлов, Квятковский, Грачевский), стоявших на такой же точке зрения. Наиболее определенно, и как бы обобщая все эти настроения, высказал свою точку зрения Александр Михайлов, вполне разделявший, как это сейчас видно будет, воззрения Желябова. В своих показаниях (1881 г.) Михайлов писал: «Как ни уклонялись русские социалисты в продолжение почти восьми лет от столкновения с централизованным политическим строем, как ни пугала их возможность быстрого роста буржуазии, а с нею и всех зол капиталистического строя при конституционном правлении, в конце концов оказалось необходимым выдвинуть на первый план политическую свободу и народоуправление. В таком постепенном видоизменении направления русских социалистов нельзя не видеть национализирования их идей. Выступив с светлой теорией против нищеты и порабощения народа, они борьбою и обстоятельствами были приведены к определению, существеннейшей в данный момент истории, потребности своей родины: политическое права народу, с помощью их он себя устроит. Это лозунг уже не социалиста только, а всякого развитого и честного русского гражданина, а потому, нет сомнения, им определяется для России ближайший шаг прогресса». И в письме, переданном из Петропавловской крепости на волю друзьям, Михайлов высказал те же мысли еще более определенно: «Условия жизни и революционная деятельность привели Россию к такому моменту, когда всеми здравомыслящими и честными гражданами должны быть сознаны и выдвинуты насущнейшие вопросы дальнейшего гражданского прогресса России, ее дальнейшего человеческого существования. Все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Социалистические и федералистические идеалы должны отступить на второй план дальнейшего будущего . . . Лозунгом вашим должно стать — минимум желательного, но с максимальной настойчивостью. Земское учредительное собрание при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок — вот минимум желательного. Для него отдайте все ваши силы, все ваши знания, и вы воздвигнете себе в близком будущем нерукотворные памятники в сердце народа».

К этому можно прибавить еще свидетельство Прибылевой об обсуждении Исполнительным комитетом весной 1880 г. вопроса об Учредительном собрании. На вопрос, как быть в том случае, если Учредительное собрание восстановит свергнутое партией самодержавие,

Комитет единогласно принял такое решение: «В видах избежания анархии в стране ни в каком случае не нарушать и не умалять верховной власти Учредительного собрания, а, следовательно, признать даже царское правительство в случае, если оно будет восстановлено Учредительным собранием, но сохранить за партией право пропаганды республиканской идеи и это право отстаивать всеми доступными партии средствами». Мы видели, что программа «Народной воли» требовала подчинения Учредительному собранию, если оно выскажется против социалистического переворота. Исполнительный комитет пошел дальше и признал необходимым подчиняться «верховной власти» его даже в том случае, если оно восстановит самодержавие, отстаивая для партии лишь право пропаганды республиканской идеи. Очевидно, члены Комитета (Михайлов, Желябов, Кибальчич, Баранников и др.) выступали как демократы чистой воды.

Таким образом, эволюция народовольчества началась еще до 1 марта 1881 г., и еще до этого времени назревало противоречие между программой партии и настроениями руководящих членов последней. В основном эволюция эта заключалась в том, что задача политического раскрепощения страны ставилась на первое место — эволюция совершалась в сторону «радикализма в западно-европейском смысле», буржуазного демократизма. Но народовольцы не переставали еще быть социалистами. Когда в программе «Народной воли», они говорили: «мы социалисты и народники», — это не было социалистической фразой, которой прикрывался голый «радикализм». Когда Михайлов писал друзьям из крепости, что «социалистические и федералистические идеалы должны отступать на второй план дальнейшего будущего», он не отказывался от социалистических идеалов, как он их понимал, но только откладывал их на второй план перед очередной задачей завоевания политической свободы. На виселицу народовольцы шли с верой не только в грядущую свободу, но и в грядущий социализм. Не сознавая еще смысла эволюции, которую они совершали, они действовали, однако, как демократы, подпадавшие под влияние усиливавшегося как раз в то время буржуазного либерализма. В декабре 1878 г. до раскола «Земли и воли», в Киеве, по инициативе земских либералов, состоялось совещание их с землевольцами (Осинским, Дебагорием-Мокриевичем и др.); земцы предлагали революционерам действовать сообща для завоевания конституции, ставя условием отказ революционеров от террора, но такой уступки землевольцами сделано не было, и переговоры закончились безуспешно. Мы видели, что Желябов находил необходимым «объединить все элементы сколько-нибудь способных к политической активности», в том числе либералов. На воронежском съезде Желябов говорил, что если народовольцы рассчитывают найти союзников в либералах, то не следует запугивать их аграрным террором. А Михайлов писал друзьям: «Постарайтесь завести хотя отдаленные связи с либеральными влиятельными людьми, которые легче могут непосредственно пользоваться вашим успехом. Наблюдение за ними или хотя

косвенное влияние, и в решительный момент настойчивое давление и даже угроза могут произвести великие последствия».

В политическом завещании своем Михайлов не забывает о либералах и развивает тактическую линию Желябова. Либеральная буржуазия может использовать в своих интересах успех террористов — необходимо влиянием на либералов, давлением и, когда нужно, угрозой заставить их содействовать успеху народовольцев. «Великих последствий» Михайлов ожидал, очевидно, потому, что верил в силу совместных действий либералов и революционеров, как верил и в то, что либеральная буржуазия может действовать совместно с народовольцами. Под влиянием такого рода воздействий народовольцы, и сами приходившие к необходимости борьбы за политическую свободу, умерили свои требования, свертывали свое социалистическое знамя и в воззваниях своих после 1 марта, как и в письме к Александру III, явно рассчитывали на поддержку либералов, которых умеренность требований не должна была запугать. Это означало эволюцию данного крыла народничества в сторону мелкобуржуазного радикализма, эволюцию, которая позже привела к завершенному буржуазному радикализму.

4. «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ»

После раскола «Земли и воли» в организацию «Черный передел» вошли землевольцы, оставшиеся верными старому народничеству. В отличие от народовольцев, они продолжали отрицать «политику», стояли за необходимость вызвать крестьянскую революцию, как революцию социалистическую, и твердо держались положения, что освобождение народа должно быть делом самого народа.

По словам Аптекмана, «Черный передел», как организация, просуществовал недолго, несмотря на то, что в него вошло много выдающихся землевольцев: Плеханов, Засулич, Дейч, Аксельрод, Игнатов, Стефанович, Попов, Аптекман и др. Все складывалось для «Черного передела» неблагоприятно. Деревенских поселений к концу 1879 г. уже не было — все они распались. Приостановился и приток свежих сил в организацию: неудача агитации в деревне отражалась и на пропаганде среди молодежи, которую уже трудно было вдохновить на деревенскую работу. Не лучше обстояло и дело с городскими рабочими. Перед покушением Соловьева, многие из наиболее активных революционеров должны были на время покинуть Петербург, а когда они вернулись, то оказалось, что связи с рабочей средой ослабели, в особенности с «Северным русским рабочим союзом». Нужно было снова наладить дело, и за это взялся Плеханов. На созванном совете чернопередельцев он горячо убеждал товарищей направить свои силы в среду рабочих. «В живой, яркой и сильной речи обрисовал Плеханов наше тогдашнее положение, — рассказывает Аптекман. — Мы — народники, но в народе у нас теперь точек опоры нет, фактически нет. Деревня — вне нашего революцион-

ного воздействия. Мы в этом не виноваты. Нас так мало, а новые силы не прибывают к нам . . . Настроение наличных революционных сил молодежи не в пользу систематической работы в деревне. Настроение толкает молодежь на другой путь, на путь террористической деятельности. Но мы не должны падать духом. Есть работа и для нас, работа народническая. Нас зовут городские рабочие. Разве они не те же крестьяне? Для этой работы у нас хватит своих сил, а за ними в этой работе пойдет и молодежь».

Но поправить положение становилось все более трудно. Степан Халтурин отошел от «Северного русского рабочего союза», отдав себя делу террора, и связи с рабочими становились все слабее. «Когда чернопередельцы стали заводить связи с Союзом и через Союз с прочими рабочими, — рассказывает Аптекман, — союз, как рабочая организация, висел уже на волоске: гибель его уже была близка, а с его гибелью рушились и все наши начинания среди петербургских рабочих». Усилившийся белый террор заставил в начале 1880 г. выехать за границу Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича, так что «Черный передел» сразу лишился наиболее крупных своих руководителей. В начале же 1880 г., из-за предательства одного рабочего, была арестована типография «Черного передела». Организация фактически была разгромлена и в сколько-нибудь значительном размере больше не возрождалась.

С другой стороны, как ни хотели чернопередельцы быть староверами революционного народничества, это им не удавалось, и они должны были сдать некоторые свои существенные позиции. Однако радикального сдвига они не сделали, и основ народничества их критика не коснулась. «В настоящее время только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляют практически осуществляемую в России часть социалистической доктрины», писал Плеханов в «Черном переделе», усматривая по-старому в общине и в артели «зародыш» социализма. И как в «Земле и воле» Плеханов призывал к «идеалам» Разина и Пугачева, так и теперь он приходит «к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др.». Оставаясь верным основному положению революционного народничества, что освобождение народа должно быть делом самого народа, чернопередельцы находили необходимым попрежнему уделять все силы работе среди крестьянства: говоря об условиях и способах социалистической деятельности в России, Плеханов подчеркивал, что имеет в виду главным образом крестьянство. «В настоящее время, — писал Плеханов в конце 1880 г., — промышленное развитие России ничтожно, и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство». Плеханов не отрицает и «значения революционной работы в наших промышленных центрах», отказываясь «определять заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России». Но это признание остается таким же неуверенным и несвязанным с общими воззрениями, ка-

Пл.

ким было признание необходимости агитации в рабочей массе, изложенное Плехановым в известной нам статье «Земли и воли». В своих статьях в «Черном переделе» Плеханов, как и раньше, доказывает, что агитация среди крестьян должна вестись на почве их непосредственных нужд, стараясь обобщать и расширять их требования в социалистическом духе.

Многое основное, таким образом, в воззрениях чернопередельцев сохранилось, но не все, проделали и они эволюцию. Как ни спорили они с народовольцами по вопросу о политической борьбе и о терроре, но, в конце концов, признали и то, и другое, с теми или иными оговорками, в том или ином понимании.

Обобщить этот сдвиг в воззрениях чернопередельцев пытался Аксельрод в составленной им программе Северно-русского общества «Земли и воли», которое должно было заменить «Черный передел». Программа признает, что крестьянство составляет в России «коренную силу в экономическом и численном отношении», что община при переходе земли в руки народа обеспечивает уничтожение частного землевладения, и замену его коллективным, что артельная организация промыслов является следствием «общинных привычек» народа, — иначе, программа признает крестьянские «идеалы» и «общинные привычки» зародышем грядущего социализма. Поэтому «скорейшее совершение ожидаемой народом аграрной революции было бы весьма существенным, как переходная ступень для нового переустройства общества на социалистических основаниях, в связи с чем главной задачей остается сосредоточение всех сил в деревне с целью агитации на почве требований земельного передела и организации народно-революционных сил». Что касается рабочих, то по своей малочисленности они «не могут даже начать борьбы за свои интересы помимо союза с крестьянством», и потому деятельность в среде промышленных рабочих является лишь «необходимым дополнением к революционной деятельности в деревне».

До сих пор никаких отступлений от народничества нет, но они следуют дальше. «В виду того, — говорится в программе, — что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплоатирующего меньшинства, что современное Российское государство является самым беззастенчивым и самым грубым выразителем этой тенденции — общество «Земля и воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т. е. необходимость так называемого террора политического. Однако, общество «Земля и воля» признает, что сосредоточение на этой борьбе не только всех, но даже и главных его сил поставило бы его в противоречие с указанными выше задачами аграрной революции». Наконец, допуская возможность конституционного движения в России, программа предвидит возможность использования партией в такой момент возбуждения умов, «чтобы ослабить веру народа в значение мирных легальных реформ», и предусматривает участие в избирательной кампании партийных кандидатов с социально-революционной программой.

Как видим, стройности и последовательности в этой программе мало, как мало их вообще в воззрениях чернопередельцев. Старая программа потерпела столь значительный урон, как признание политической борьбы и даже политического террора, но полностью сохранила все народническо-утопические настроения; готовность считаться с возможностью конституционного движения мирно уживается с ожиданием «экономической революции», движущей силой которой остаются «народные идеалы». Эволюция «Черного передела» происходила под влиянием тех же причин, что и эволюция народовольцев, приведшая к расколу на воронежском съезде. Насыщенная политической борьбой атмосфера заставляет чернопередельцев, вслед за народовольцами, признать «политику» и террор. У тех и у других — у чернопередельцев, как и у народовольцев, — признание «политики» не сопровождается переоценкой отношения политической борьбы к борьбе за социализм. И те и другие не делают дальнейшего шага вперед к пересмотру основ народничества с его верой в особые пути развития России, но пытаются признание «политики» примирить со старым, приспособить его к утопическим предрассудкам. Такое примирение, конечно, не удается, новое поверхностно связывается со старым. Народовольцы, отдав себя целиком политической борьбе в том виде, в каком они ее приняли на основе старого народничества, оторвались от работы в крестьянской массе и превращались в радикалов. Чернопередельцы, приняв политическую борьбу с меньшей решительностью и последовательностью, чем народовольцы, при фактически ничтожной работе в крестьянстве, остались обреченными на бессилие. В конце концов, и те и другие оказались у тупика, к которому были приведены общим для них предшествующим процессом разложения народничества.

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

1. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 80-Х ГОДОВ

После распада «Земли и воли» темп деятельности революционных организаций в рабочей среде значительно понизился. Народовольцы поглощены были подготовкой террористических актов и на пропаганду среди рабочих смотрели, главным образом, с такой же точки зрения. От фабричного террора мыслился естественный переход к политическому. При таких настроениях, конечно, массовая агитация не приобрела особенного значения. Тем более не привлекала она внимания после распада «Народной воли», когда усилия сосредоточились прежде всего на возрождении террористической организации. Панкратов пишет, напр., что стачки 80-х годов были в Петербурге, Москве, Ростове на Дону, «но тогда им не придавали того значения, потому что все они были почти стихийны». В действительности, однако, стачкам не придавали значения не потому, что они были в 80-х годах стихийны — стихийные они были и раньше, а потому, что не оценивали рабочего движения вообще и даже в такой мере, как это делали землевольцы.

Чернопередельцы не покидали агитации среди рабочих. Мы видели, что Плеханов при возникновении «Черного передела» призывал именно к тому, чтобы прежде всего возобновить деятельность рабочих групп. Но «Черный передел» сам уже находился на пути к разложению и не мог развить в этом отношении широкой деятельности. В Петербурге чернопередельцы приступили к изданию рабочей газеты «Зерно» (1880 г.), которая печаталась в собственной типографии. «Зерно» призывало рабочих к сплочению, советовало им последовать примеру рабочих Запада, которые «давно уже поняли, что их интересы противоположны интересам буржуазии, что борьба, которую они ведут, есть борьба одного общественного класса против другого». Одновременно работа велась чернопередельцами и в кружках, но работа эта, как и издание газеты, была вскоре разгромлена и больше не возобновлялась.

Одной из групп чернопередельцев (Ковальская, Щедрин и др.), несогласных с новой программой, составленной Аксельродом, и предпочитавшей оставаться на старых позициях, был организован в 1880 г. в Киеве «Южно-Русский рабочий союз». Программа Союза отрицала политическую борьбу и настойчиво выдвигала перед рабочими задачи фабричного террора. Однако, подходя к рабочим с такой программой, все же приходилось агитировать на почве нужд

рабочих, т. е. лить воду на мельницу пробуждения в рабочих классового сознания. Это и сказалось, когда инициаторы Союза были арестованы и руководство перешло в руки «Рабочего центра» при участии рабочих же. Рабочий центр постановил отказаться от фабричного террора и усилить дело агитации и пропаганды. После убийства Александра II прокламация Союза требовала свободы слова, сходок, рабочей печати, союзов и ассоциаций и выставляла ряд требований по охране труда рабочих (8-часового рабочего дня, воспрещения детям работать до 14 лет и т. п.). Рабочие руководители Союза, очевидно, не разделяли точки зрения отрицания политики и становились на путь политической борьбы. На этом киевском примере мы имеем еще один разительный пример перерастания рабочим движением революционного учения, пример воздействия первого на последнее. Если в Петербурге такое перерастание привело к образованию «Северного русского рабочего союза», то в Киеве оно привело к превращению «бунтарской» рабочей организации в организацию защиты политических и экономических интересов рабочих,—защиты еще недостаточно развернутой, но радикально отличавшейся от народнического ее понимания.

Такое влияние рабочего движения на революционное движение с 80-х годов могло только усилиться. К этому времени промышленный капитализм сделал несомненные и прочные успехи. С 1865 по 1890 г. количество переработанного на фабриках хлопка увеличилось почти в 5 раз, добыча угля возросла более, чем в 10 раз, выплавка чугуна повысилась в три раза, число фабрично-заводских рабочих поднялось в два раза (с 706 тыс. до 1 432 тыс. чел.). Если в 1866 г. фабрик, имевших 100 и более рабочих каждая, насчитывалось 644, то в 1890 г. число их увеличилось до 951, т. е. возросло в полтора раза, а общее число занятых в них рабочих поднялось в два раза (с 231 тыс. до 464 тыс.). Рост промышленного капитализма сказывался и в том, что на крупных фабриках сосредоточивалось все больше рабочих. Так, в 1866 г. на фабриках, имевших каждая 1 000 и более рабочих, занято было 27% всего числа рабочих крупных фабрик, а в 1890 г. их занято было 46%, т. е. концентрация производства приводила и к концентрации рабочих на крупнейших фабриках.

С другой стороны, обнищавшая деревня выбрасывала все большее число крестьян в города, на фабрики. Процесс образования рабочего класса подвигался вперед сильнее, чем раньше. Ряды фабричного пролетариата пополнялись все новым элементом, и вместе с тем быстрее пошел процесс окончательного отрыва рабочих от деревни и от земли. Разорение крестьянского хозяйства создавало в деревне излишек рабочих сил, и фабричным рабочим незачем было уходить с фабрики в деревню для полевых работ — они во все большем числе оседали в фабричных центрах, превращались в фабричных рабочих, которые, кроме фабрики и интересов наемного рабочего, никаких других интересов не знали. Этот переломный момент в процессе образования рабочего класса совпадает с затяжным промышленным кризисом 80-х годов. Рабочие массами выбрасываются из

фабрик, образуются тысячные кадры безработных, заработная плата уменьшается, усиливаются штрафы и т. д. На рабочий класс впервые обрушивается удар, какого он раньше не знал, и он стихийно переходит к массовой активной обороне. Стачки, не составлявшие и раньше редкого явления, теперь все учащаются; в столицах, как и в глухих фабричных селах, рабочие пытаются дать отпор капиталу. Стачки носят часто бурный характер, сопровождаются разгромами и поджогами фабрик и т. д., свидетельствуя этим не только о темноте рабочих, но и о стихийной силе пробуждавшегося в рабочей массе протеста.

Высшее напряжение это стачечное движение нашло в известной морозовской забастовке начала 1885 г., которая вместе с тем показала, что далеко не прошла бесплодно пропаганда народников среди рабочих. На фабрике Морозова (в Никольском, близ Орехово-Зуева, Владимирской губ.) рабочие, как и в других местах, забастовали в ответ на ухудшение условий их работы в связи с кризисом. Но здесь, в отличие от других мест, забастовкой руководили рабочие, Моисеенко и Иванов, работавшие раньше в Петербурге, участвовавшие в петербургских стачках 1878 — 1879 гг. и побывавшие в ссылке. Они не только придали забастовке организованный характер, но и расширили требования морозовских рабочих до общеклассовых требований: в Никольском рабочие впервые выставили требования законодательного регулирования взаимоотношений фабричного труда и капитала. Рабочие требовали, чтобы условия найма могли изменяться лишь «по изданному государственному» закону и чтобы штрафы налагались также только по закону. Забастовка была подавлена военной силой, рабочие были преданы суду, но все это сделало выступление морозовских рабочих еще более популярным в рабочей среде.

Морозовская стачка имела громадное значение, составив поворотный исторический момент в нашем рабочем движении. Она показала, что выступает общественная сила, которая до того накоплялась где-то в невидимой глубине. Она говорила о том, что рабочая масса не мирится больше с жестокой эксплоатацией, но активно выступает на защиту своих интересов. Она бросила свет на предшествовавшие ей стачки, в которых раньше видели одни «бунты», но которые были стихийным проявлением пробуждения рабочего класса, его первыми попытками сбросить с себя тяжелое ярмо фабричной кабалы. Она двинула дальше забастовочную волну, которая с того времени не затихала, но поднималась все выше и выше.

2. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Не случайность поэтому, что первая социал-демократическая организация — группа «Освобождение труда» возникла в начале 80-х годов. Мы могли убедиться из предыдущего изложения, что до этого времени революционное движение было движением интеллигенции. Но мы видели также, что оно и раньше не протекало без влия-

ния рабочего движения, а с течением времени все больше испытывало на себе это влияние. С самого начала влияние это шло с Запада (революции 1848 г., Парижская коммуна, Первый интернационал), но уже с начала 70-х годов революционная интеллигенция начинает замечать, что на русской земле живет и стремится к лучшей жизни не только крестьянин, но и рабочий. На рабочего сперва смотрели только как на «посредника» между революционерами и крестьянством, из него хотели сделать пропагандиста и агитатора для работы в крестьянстве. Но такая задача по необходимости приводила к агитации на почве рабочих интересов: рабочего, оказалось, можно привлечь к революционной деятельности не иначе, как пробудив его, как рабочего, имеющего свои особые интересы, связанные с работой на фабрике, с эксплоатацией его капиталом. Эти повседневные интересы рабочего — его классовые интересы, и, агитируя на почве их, народники, волей-неволей, пробуждали в рабочих классовое сознание. К этому же — также волей-неволей — приводила и пропаганда в рабочих кружках: рабочие здесь получали знания, знакомились с борьбой рабочих на Западе, и все это усваивали не совсем так, как хотелось народникам. Если в результате деятельности народников в рабочей среде образовался уже значительный слой передовых рабочих, то из этих рабочих выходили не «посредники» для деревни, а пропагандисты и агитаторы для рабочих. Если эти передовые рабочие должны были понести в крестьянство народническую пропаганду, то в действительности они несли в рабочую среду идею классового сплочения, и чем ближе они подходили с этой идеей к рабочей массе, тем больше они видели и чувствовали несоответствие с ней того мировоззрения, которое им внушали народники. Не могли не чувствовать они и несоответствия с ней, в частности, пропаганды лавристов, которые, если и начинали говорить с восторгом и некоторым пониманием о рабочем движении на Западе, то немедленно сворачивали туда же, в деревню, подальше от фабричной жизни и жизни рабочего класса. Конечно, рабочим, даже наиболее выдающимся, было трудно разорвать сцепление революционной борьбы с утопическим социализмом, но тем более замечательно, что они пытались его разорвать и не во всех отношениях безуспешно. «Северный русский рабочий союз» был такой попыткой, подорвав стройность народнического учения больше, чем что-нибудь другое, подорвав не только фактом создания рабочей организации, отдельной от «Земли и Воли», не только программой своей, отличавшейся радикально от землевольческой, но и тем, что обобщал и выражал новую стадию, достигнутую рабочим движением. Союз возник после стачек 1878 г. и окреп после стачек 1879 г., он явился в результате образования в рабочих кружках значительного слоя передовых рабочих, в нем сказалось соединение передового, социалистического отряда рабочих с движением рабочей массы. В результате именно такого соединения только и могла получиться программа Союза, заключавшая в себе элементы классовой борьбы, а это, в свою очередь, не могло не оказать влияния и на народников-революционеров. Перед ними был факт не только пробу-

ждения рабочей массы к борьбе в стачках 1878—1879 гг., но и формулировка стремлений рабочих в программе Союза. Часть народников встревожилась этой оппозицией, шедшей от рабочих, и собиралась даже создать другой союз в противовес «Северному». Плеханов поспешил поставить вопрос о пересмотре подхода к агитации среди рабочих. Несомненно, что политические тенденции программы Союза оказали также сильнейшее влияние на эволюцию народничества в смысле эволюции их к признанию политической борьбы, ибо голос рабочих должен был звучать достаточно авторитетно.

«Северный русский рабочий союз» был разгромлен — извне правительственным террором, извнутри успехом пропаганды террора народовольцами. Рабочее движение еще не было достаточно сильно, чтобы преодолеть отсталое революционное движение, но влияние его все же не прекращалось. Как только деятельность народников в рабочей среде принимала сколько-нибудь систематические и организованные формы, — как, напр., в Киеве в 1880 г., — они сталкивались с самостоятельными влияниями рабочего движения и перед ним отступали.

Не отсюда ли пошло зарождение социал-демократических воззрений в России? Таков естественный и правильный вопрос. В нашей литературе имеются мнения, что у нас в 70-х годах уже существовал «марксизм» и даже были социал-демократы. Указывают на Ткачева, который принимал точку зрения «экономического материализма», на Зибера, который принимал и популяризировал экономическую теорию Маркса и диалектический материализм Энгельса, на лавристов, некоторые из которых сами называли себя марксистами, и т. д. Но поиски истины в этом направлении должны остаться бесплодными. И Ткачев, и Зибер, и лавристы принимали отдельные, маленькие «кусочки» учения Маркса-Энгельса, не принимая его в самом существенном. Одни принимали «экономический материализм», но не распространяли его на анализ общественных отношений и общественных движений; другие принимали трудовую теорию стоимости как чисто научную доктрину; третьи утверждали, что капитализм в России развивается и будет развиваться, не делая из такого утверждения должных марксистских выводов. Все подобные «марксисты» не принимали точки зрения классовой борьбы, неразрывно связанной и с «экономическим материализмом» и с теорией трудовой стоимости Маркса и составляющей самое существенное в учении научного социализма. Если кто наиболее близко подошел к восприятию этого учения, то лишь авторы программы «Северного русского рабочего союза». Конечно, и они не восприняли его полностью — мы видели это выше при изложении программы Союза, в которой не мало противоречий. Но, с трудом пробиваясь через гущу народнических предрассудков, они принимали существо «марксизма» в той наибольшей мере, какая тогда была вообще возможна. Программа Союза заявляла, что он примыкает «по своим задачам к социал-демократической партии Запада». Нужно иметь в виду, что «социал-демократические партии Запада» тогда далеко еще не были социал-демократическими.

Образованию Союза предшествовал Готский съезд (1875 г.) германской социал-демократии, на котором лассальянцы и эйзенахцы объединились на программе, вызвавшей резкую критику Маркса. Тем более простительно русским передовым рабочим, что они одновременно подпали под влияние программы германских с.-д. и оказались не в силах порвать окончательно с народничеством. Но из всего разнообразия социалистических направлений того времени, авторы программы Союза отдали свои симпатии германской с.-д., все же более социал-демократической, чем все прочие. Поэтому они выдвинули идею политической борьбы, поэтому они приняли также идею социальной борьбы и звали русских рабочих бороться рука об руку с европейскими. «Великая социальная борьба уже началась, — писала программа, — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу». Идея международной солидарности — не страждущих вообще, а пролетариата — здесь принята вполне определенно. Союз ставил своей целью выдвинуть «рабочее сословие» и «заставить говорить о себе, о своих правах», он призывал рабочих к сознанию своей классовой силы: «Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь».

Конечно, отдельные из этих фраз могли произносить и произносили также народники. Они могли говорить и о «сосущих кровь», и о силе «рабочего народа», и о солидарности «работников» всего мира. Но в программе Союза это были не отдельные фразы, а заново складывающиеся мировоззрения. Программа выдвигала вперед рабочий класс, его интересы, его борьбу, его солидарность с рабочими Запада. Отмежевание от народничества сказывалось не только в признании политической борьбы, но и в признании особых интересов и задач рабочего класса. Если влияние Маркса здесь было (через германскую социал-демократию), то оно сказывалось в принятии точки зрения классовой борьбы и в соединении ее с рабочим движением, т. е. воспринималась часть, но самая существенная в революционном учении Маркса. Программа «Союза» далеко не была социал-демократической, но и в ней были элементы социал-демократического учения и притом в такой пропорции и качестве, в каких их тогда никто другой в России не принимал.

Влияние рабочего движения, наиболее яркого момента его стачек 1878 — 1879 гг. и «Северного рабочего союза», сказалось не сразу, но оно сказалось, когда народники, приведенные к тупику в своей работе, стали искать новых путей. Плеханов писал о времени, когда он становился социал-демократом: «Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из своего революционного опыта, освещенного ярким светом учения Маркса». Плеханов хотел этим сказать, что чернопередельцы пришли к социал-демократам не путем одного лишь усвоения теории, которая раньше

была им чужда, но и критической проверкой всего своего революционного опыта. А проверка это, при свете учения Маркса, могла дать многое. Она могла показать, что правильно было только общее положение, из которого исходило народничество: освобождение народа должно быть делом самого народа. Дальнейшей проверке подлежало выяснение именно того, кого следует разуметь под «народом». Революционный опыт приводил к выводу, что социалистические надежды на крестьянство должны быть оставлены, и тот же опыт говорил, что наиболее плодотворной была агитация и пропаганда среди рабочих. Не подлежит сомнению, что Плеханов, когда подводил итоги своему революционному опыту, прежде всего подводил его в своей деятельности среди рабочих, чтобы, при свете учения Маркса, сделать те выводы, каких он не мог сделать в 1878 г. «Каждый из них, — пишет Плеханов о себе и ближайших товарищах, эмигрировавших за границу, — принес с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в резком противоречии с теорией бунтарей. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи». Плеханов принялся за изучение социал-демократической литературы и признает, что чтение «Коммунистического манифеста» составило эпоху в его жизни. Что же показало ему знакомство с Марксом? «Теория Маркса, — пишет Плеханов, — подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян». Таким образом, на учении Маркса Плеханов стремился, прежде всего, проверить свой революционный опыт, а под эту проверку попала первее всего пропаганда среди рабочих, которая в жизни Плеханова вообще играла роль большую, чем агитация в крестьянстве. Пересмотр старых, народнических, взглядов и выработка новых, социал-демократических, шла под учетом, при свете учения Маркса, опыта воздействия на революционное учение рабочего движения, т. е. под влиянием рабочего движения, каким оно сложилось в конце 70-х и в начале 80-х гг.

Однако пересмотр старых воззрений и усвоение новых далось Плеханову не сразу. Усвоив основы марксизма, он, как и его ближайшие товарищи по «Черному переделу», не теряет надежды на возможность совместной работы с народовольцами, и в частности на совместном изданьи «Вестника Народной Воли». Скоро, впрочем, эти попытки возобновить сближение обнаружили свою несостоятельность. В письме к Лаврову (1882 г.) Плеханов пишет, что разногласия его с народовольцами «вовсе уже не так незначительны, как это может показаться». Если до сих пор разногласия не подчеркивались, то, по объяснению Плеханова, это делалось потому, что «мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольцев» на надлежащую

дорогу». Но Плеханов уже начинает сомневаться в том, чтобы такая надежда могла оправдаться. Он указывает, в частности, на разногласия свои с Кравчинским: «он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной воли». Разногласия намечались, таким образом, отчетливо: Плеханов — марксист и требует, чтобы марксистскую точку зрения приняли и те, с кем он готов вступить в соглашение. К этому времени относится первая социал-демократическая работа Плеханова «Социализм и политическая борьба», написанная им сперва для «Вестника Народной воли».

В этой первой своей работе, как и в несколько раньше написанном предисловии к переводу «Манифеста коммунистической партии», Плеханов определенно становится на социал-демократическую точку зрения и — что не менее важно — применяет эту точку зрения к анализу русской действительности и к переоценке народнических взглядов на пути социального развития России. В предисловии к «Манифесту» он указывает на то, что «рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития, понимание же это требует усвоения учения Маркса и Энгельса». С другой стороны, «Манифест», по мнению Плеханова, может предостеречь русских социалистов как от отрицательного отношения к политике, так и от забвения будущих интересов партии.

В брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов подверг уничтожающей критике понимание народниками соотношения социализма и политической борьбы, доказывая, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что революция, в том числе социалистическая, является «последним актом в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой политической». Вместе с тем, Плеханов подверг критике и остальные воззрения народничества — о характере предстоящей революции, о захвате власти и т. д. Статья Плеханова переворачивала вверх дном все программно-тактические положения народничества, и вполне естественно, что Тихомиров соглашался дать ей место в «Вестнике Народной воли» лишь с редакционным примечанием, которое должно было позволить редакции отмежеваться от Плеханова. В конце концов, переговоры о слиянии были прерваны, и каждая из сторон пошла своей дорогой. 25 сентября 1883 г. бывшие члены группы «Черного передела» объявили, что, «изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой», они образуют «новую группу «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями». В эту первую русскую социал-демократическую организацию вошли: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов.

Задача, которая стояла теперь перед группой «Освобождение

труда», заключалась не только в том, чтобы установить общие положения. Поставив целью борьбу с самодержавием и организацию русского рабочего класса в особую партию, нужно было наметить программные и тактические линии, или иначе — общие положения марксизма применить к данной российской обстановке. В этом отношении взгляды Плеханова, а за ним и всей группы, не сразу определились с должной отчетливостью и последовательностью. Мы лучше всего уясним себе это, если сравним две первых программы группы «Освобождение труда», из которых одна была составлена в 1883 г., а другая в 1885 г.

Прежде всего следует отметить, что первая программа не совсем отчетливо выдвигает ту роль, какую призван сыграть рабочий класс в деле борьбы за политическую свободу. Народнические пережитки сохранялись в ней в том отношении, что она склонна была в центре движения ставить «социалистическую интеллигенцию» и на нее возлагать особенные надежды. Указав на то, что социальная отсталость России приводит к неразвитому состоянию буржуазии, которая неспособна взять на себя инициативу борьбы с самодержавием, программа говорила: «Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты, со своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России». Таким образом, главной активной силой революционного движения программа считала социалистическую интеллигенцию; возможность участия в будущей политической жизни России должен завоевать себе не сам рабочий класс, но эту возможность должна «доставить» ему интеллигенция. Программа 1885 г. о «социалистической интеллигенции» не говорит, но вполне определенно выдвигает в качестве революционной силы рабочий класс. «В лице этого класса, — говорит программа, — народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии». Но борьба с самодержавием должна составить уже теперь задачу рабочего класса. Борьба эта «обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей русской рабочей партии, — заявляет программа. — Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей. Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему

на него нападению». Таким образом, вторая программа, в отличие от первой, в центре революционной борьбы с самодержавием ставит не «социалистическую интеллигенцию», а рабочий класс, который, через рабочие кружки, сплачивается в рабочие революционные организации.

В качестве другого народнического пережитка, первая программа сохраняла признание террора. Группа «Освобождение труда» «признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной воли» лишь по вопросу о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса», заявляла программа 1883 г. Программа 1885 г. предусматривала, что рабочие революционные организации в своей борьбе с правительством «не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы». Впоследствии Плеханов писал, что, признавая террор, он имел в виду социалистическую интеллигенцию, которая только к этому способу борьбы была склонна. Плеханов, по его словам, обращался «к тому большинству, которое свысока смотрело на «занятия с рабочими» и видело в «терроре» самый верный прием борьбы с царизмом. «Я прекрасно знал, — писал Плеханов, — что это большинство, взятое в его целом, никогда не перейдет на точку зрения пролетариата, и что поэтому если бы оно отказалось от увлечения террором, — на что рассчитывать тоже тогда было совершенно невозможно, — то оно сосредоточило бы свою деятельность на совершенно уже бесплодных попытках захватить власть». При таком их настроении нельзя было не считать «террор наиболее производительной затратой сил этой части нашей тогдашней «социалистической» партии». Из этих объяснений Плеханова, однако, видно, что, составляя программу для социал-демократической партии, он считался с предрассудками народовольческой интеллигенции и тем самым отдавал дань этим предрассудкам.

Не останавливаясь на других пережитках программы — к ним относится, между прочим, требование государственной помощи производительным ассоциациям рабочих и крестьян, требование, позаимствованное у Лассаля, — отметим, что вторая программа (1885 г.) вообще выгодно отличается от первой, как общей своей частью, дающей анализ движущих сил революции, так и некоторыми отдельными своими положениями. «Теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции, — говорится в программе. — При современном развитии международного обмена упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ». Этим провозглашается международный характер пролетарской революции. Вместе с тем программа определенно принимала точку зрения диктатуры пролетариата: «Так как освобождение рабочих должно было быть делом самих рабочих, так как интересы труда, в общем, диаметрально противоположны интересам эксплоататоров,

и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов в их борьбе».

Мы видим, таким образом, что взгляды Плеханова и группы «Освобождение труда» не сразу сложились в стройное социал-демократическое учение, и положения последнего воспринимались с некоторой постепенностью. Об этом писал и сам Плеханов в предисловии к «Нашим разногласиям» (1883 г.): «Дело в том, что ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам направление, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они могут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами». На первые свои работы Плеханов сам смотрел, как на «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений», и потому допускал, что вырабатываемая им программа заключает в себе много недостатков. Так оно и было в действительности. Плеханов не только указывал другим, но и сам усвоил сперва общий критерий, каким служило учение Маркса. Применение же этого критерия к анализу сложных общественных отношений, в особенности русских, давалось не сразу. Плеханову приходилось самому преодолевать в себе старые народнические предрассудки, и, поскольку последние еще сохранялись, постольку он считал возможным итти на уступки и сохранял надежду на соглашение с народовольцами.

Надежда эта скоро рухнула, и, освободившись от иллюзий, Плеханов в первые же годы нового периода своей деятельности дал блестящий анализ многих сторон, действительно, чрезвычайно сложных и запутанных общественных отношений в России. К началу 90-х годов Плеханов и его товарищи по группе «Освобождение труда» установили основные программные и тактические положения революционной социал-демократии. Народничество покоилось на вере в «самобытные» пути развития России, избавляющие ее от необходимости пройти через капиталистическую стадию развития и ведущие ее к социализму через крестьянскую общину. Основоположники русской социал-демократии, и среди них в первую очередь Плеханов, доказывали, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, что революционная партия, если она не желает быть мертворожденной, должна считаться с неизбежностью дальнейшего развития капитализма и возлагать свои надежды не на разлагающуюся общину, а на пролетариат, рост которого связан с ростом капиталистических отношений. Народничество не принимало точки зрения

борьбы классов, и потому пути грядущей революции рисовались ему в утопическом очертании — то крестьянского восстания, дающего торжество «народным идеалам», то захвата власти революционной партией, декретирующей социализм. Наши первые социал-демократы твердо стали на точку зрения классовой борьбы, пути революции видели в непрерывной и непримиримой борьбе самого революционного из классов — рабочего класса, которому принадлежит руководящая роль в борьбе с самодержавием, а затем в борьбе за окончательное освобождение трудящихся. Народники не были в состоянии примирить борьбу за социализм с борьбой за политическую свободу, они думали, что борьба за социализм несовместима с борьбой за свободу, так как свобода послужит только на руку буржуазии. Социал-демократия признала, что борьба за социализм не только не противоречит борьбе за политическую свободу, но, напротив, необходимо ее предполагает, так как только в свободных политических условиях и в непрерывной политической борьбе со своими классовыми врагами пролетариат может развить свою силу и сознание в такой мере, в какой это необходимо для низвержения буржуазного порядка и социалистического переустройства общества. Народовольчество, став на путь политической борьбы, выдвинуло идею захвата власти партией, диктатуру партии; Плеханов, вслед за Марксом, этой утопической идее противопоставил завоевание власти рабочим классом, диктатуру пролетариата. Народовольцы в своей политической борьбе апеллировали к «обществу», готовы были вступить на путь соглашения с либералами. Социал-демократия, правильно оценив соотношение сил в борьбе с самодержавием, готова была поддержать всякое движение против абсолютизма, но в то же время настаивала на том, что рабочий класс не должен забывать о своей основной задаче — борьбе за социализм — и потому должен сохранить самостоятельность своей классовой политики, а партия его не только не должна сливаться с другими партиями, но должна оставить за собой руководство освободительной борьбой. Народники смотрели на работу среди пролетариата как на подсобную, подчиненную работе среди крестьянства. Социал-демократия в основу своей революционной деятельности ставила пробуждение классового сознания пролетариата и его организацию. Принимая от народничества традиции кружковой пропаганды, группа «Освобождение труда», уже к концу 80-х годов выдвигает задачу массовой агитации, сплочения наличных революционных сил, создания революционных организаций, приспособленных к задачам революционной агитации и к задаче образования рабочей партии.

Этот радикальный переворот в революционных воззрениях составляет тем большую историческую заслугу Плеханова и его товарищей, что он был произведен в то время, когда над умами революционной интеллигенции еще всецело господствовало народническое учение. Проповедь наших первых социал-демократов была встречена насмешкой и злобой. Плеханов рассказывает, что, прочитав «Наши разногласия», один из видных народников принял его за

человека, продавшегося царскому правительству. И этот наивный народник, конечно, не составлял печального исключения. Революционная мысль медленно сдвигалась с мертвой точки и оставалась во власти старых предрассудков еще и тогда, когда рядом с нею расцветало и крепло новое учение. Наши первые социал-демократы не смущались этим, шли своей дорогой, бросая в упорные головы все новые и новые идеи, близкое торжество которых было обеспечено глубоким внутренним процессом социального перерождения России. И уже в это первое десятилетие своего существования социал-демократия дала рабочему классу то знамя, с которым он мог уверенно итти к победе.

3. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ 80-Х ГОДОВ

«Народная воля» умирала, и попытки воскресить ее закончились неудачей. Один из виднейших революционеров, Герман Лопатин, пытался восстановить народовольческую организацию, но сам был арестован и увлек за собою многих других. В 1887 г. группа народовольцев во главе с А. И. Ульяновым, братом В. И. Ленина, подготовляла покушение на жизнь Александра III. По свидетельству Ольминского, террористическое настроение этих лет не может быть названо иначе, как настроением отчаяния. Идея террора носилась в воздухе, смысл его резюмировался словами: «Лучше погибнуть на эшафоте, чем влачить нынешнее существование. Авось, хоть наша смерть встряхнет общество». «Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей, — писал Плеханов в 1890 г., — напоминает нам мужество древних стоиков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития эти люди не могли действовать иначе. Но вы видите в то же время, что их безвременная гибель способна лишь оттенить бессилие и дряхлость окружающего их общества, что их мужество есть мужество отчаяния».

Тщетны были и попытки сохранить цельность народовольческой идеологии. В этом отношении царил полный разброд, который свидетельствовал о том, что «Народная воля» окончательно теряет под собой почву. Выходивший после разрыва с Плехановым под редакцией Лаврова и Тихомирова «Вестник Народной воли» воскрешал идеи захвата власти, «самобытных» путей развития России и социалистической революции по инициативе революционного правительства, но в условиях распада народнического движения такая постановка вопроса вызывала возражения в среде самих же народовольцев. Образовавшаяся в конце 1883 г. группа молодых народовольцев (молодая партия «Народной воли») доказывала, что нужно вести одновременно социалистическую пропаганду и политическую борьбу, разумея под последней политический террор и подкрепляя первую фабричным и аграрным террором.

В таких условиях разброда мысли уцелела лишь одна кружковая работа среди рабочих. То там, то здесь возникают небольшие группы,

которые продолжают занятия с рабочими. Но и здесь царит какая-то трагическая немощь мысли. Уцелевшие одиночки и группы точно боятся поднять основные вопросы современности и миросозерцания, чтобы совсем не потерять под собой почвы, и крепко держатся за практическое дело, которое одно давало удовлетворение. «Мы были практики, — рассказывает Голубев, — и даже сознательно уклонялись от обсуждения программных и теоретических вопросов, не видя возможности решить такие, напр., из них, как вопрос об общине, о судьбах капитализма, об отношении к крестьянству и т. п. . . . В стремлении делать практическое дело мы доходили в отрицании партийных программ до крайности и теряли общие политические перспективы». «Вместо цельной программы, хотя бы и ошибочной, в отдельных кружках стали выдвигаться отдельные кусочки программы», передает о том же времени Ольминский.

Но все же, несмотря на разброд мысли, движение вперед совершалось. О том, как шло это движение, передает Перазич в своих воспоминаниях, относящихся к харьковским рабочим кружкам конца 80-х годов. «Члены нашего кружка, — пишет Перазич, воззрения которого тогда представляли смесь из Лаврова, Маркса и Лассаля, — не разделяли моих иллюзий насчет прочности социалистических убеждений у учащейся молодежи, моего преувеличенного представления о возможности широкого распространения среди интеллигенции того воодушевления идеями социализма, какое я знал за собой и несколькими моими товарищами. Такую же трезвость мысли проявляли они и по вопросу о роли крестьянства в революционном движении, двумя-тремя указаниями на факты опровергая мои теоретические построения. Впрочем, вопрос этот для них стоял на далекой очереди, и возникавшие иногда у нас на эту тему разговоры быстро заканчивались. Таким образом, остаток народнических взглядов в моем тогдашнем мировоззрении попросту не находил здесь той почвы для своего развития, какая имелась для них в кружках студенческого молодняка, дававших внимательную аудиторию для моего изложения этого рода мыслей. Здесь мои слушатели требовали и брали у меня лишь то, что я мог дать из того небольшого марксистского багажа, который был накоплен у меня к тому времени. Таким образом, не я на них, а они на меня оказывали воспитывающее влияние, производя на меня прямо-таки давление в сторону развития начатков моего марксизма, с жадным вниманием поглощая мою передачу марксистско-лассалевских идей».

Как видим, Перазич, удовлетворившийся смесью народничества с марксизмом, не во всем удовлетворял рабочих, которые брали у него именно то, что им нужно, и отвергали народнические предрассудки. Всякий вдумчивый и преданный делу рабочих пропагандист должен был, естественно, поддаться этому влиянию, в запросах отдельных рабочих понять запросы всего рабочего класса, выдвигаемые всеми условиями борьбы, — а поняв, пойти более решительно на пересмотр остатков своего народнического мировоззрения. Не подлежит сомнению, что такое влияние испытал на себе не один Перазич,

что не на него одного оказали рабочие кружки воспитательное воздействие. В том же Харькове группа интеллигентов выработала программу, которая ставила задачей «добиться экономической революции, которая в то же время есть и политическая революция в России», и признавала террор как «средство самозащиты и борьбы». Когда программа эта была предложена рабочим, они ее не приняли и противопоставили свою программу, которую один из авторов программы, Велецкий, излагает в таких выражениях: «Они придавали преимущественное значение экономическому перевороту перед политическим, видя экономический переворот в постепенном ряде экономических реформ, которые, улучшая в общем и в частностях народный быт, расчищали бы путь политическим реформам, к которым вообще наш народ и наше общество признавались в настоящее время не подготовленными. Пути, которыми предполагалось достижение этих целей, должны были заключаться, насколько я их понял, в постепенном, но возможно более широком, воздействии на народ, рабочих и интеллигенцию путем широкой пропаганды, устной и литературной». Точка зрения рабочих изложена Велецким довольно туманно, но, судя по тому, что рабочие отвергали также террор, видно, что в то время, как программа отдавала еще дань утопизму, рабочие требовали более длительной агитации и народнической «экономической революции» противопоставляли реальную задачу борьбы за улучшение положения наемного труда. О петербургских рабочих кружках конца 80-х годов Голубев рассказывает, что на одном из собраний центрального кружка в Петербурге рабочие в упор поставили вопрос, к чему готовить рабочих, и, не довольствуясь одной просветительной пропагандой, настаивали на организации кружков, кассы и даже на активных действиях против администрации и властей.

Уже из этих примеров видно, что в нашем рабочем классе накоплялись самостоятельные силы, которые не могли не оказать влияния на развитие революционной мысли. Распропагандированные в народнической период рабочие продолжали дело классового просветления своих товарищей, постепенно к ним присоединялись свежие силы, образуя еще тонкий, но активный слой рабочей интеллигенции. Этот передовой слой рабочих часто не ждет инициативы со стороны, но сам приступает к организации кружков, к более широкой постановке дела пропаганды и агитации. Наиболее яркий образец этого дают знакомые уже нам рабочие Моисеенко и Иванов, которые, заброшенные после ссылки в Никольское, принимаются здесь за пропаганду и руководят знаменитой морозовской стачкой. Но пример этот далеко не был единственным.

Один из ветеранов движения, рабочий Н. Д. Богданов, передает в своих воспоминаниях, что в середине 80-х годов «отдельными, уцелевшими от разгрома, рабочими велась очень осторожная и в очень ограниченных размерах пропаганда народовольческих идей». От одного из таких рабочих Богданов, которому тогда было 15 лет, получил стихотворения Некрасова, роман «Новь» Тургенева и не-

сколько нелегальных брошюр. «С этим скромным арсеналом и уже без всякой помощи со стороны, — рассказывает Богданов, — я начал осторожную пропаганду среди своих сверстников в мастерской и живущих со мною в одном из огромных домов в районе Измайловского полка». В 1886 г. Богданову удалось составить небольшой кружок для совместной покупки книг, и таким образом составилась солидная библиотека. «Наш кружок рабочей молодежи, — читаем далее в воспоминаниях Богданова, — работал как над своим самообразованием, так и над привлечением новых членов. Занимались мы одни, без руководства извне и потому без программы и без направления». Только осенью 1888 г. Богданов сталкивается с руководителями других кружков, тоже рабочими, и через них устанавливает связи со студентами, находившимися под влиянием группы «Освобождение труда». Кружок пригласил одного из этих студентов, и занятия пошли более планомерно. «С этого времени, — рассказывает Богданов, — у нас пошли систематические занятия, которые посещались очень усердно . . . Таких кружков было уже в это время несколько, но организационной связи между ними не было».

В это же время, в том же Петербурге, организуют кружки рабочие Шелгунов и Афанасьев, Норинский и Тимофеев, а затем идут тем же путем, что и Богданов, — заводят связи с революционерами-интеллигентами. «Мы знали, — пишет в своих воспоминаниях Норинский, — что сеть таких кружков раскинута во всех частях Питера, что всюду ведется работа. Представители от районов собираются периодически. Связь между районами установлена».

Во всем этом в особенности достойно внимания, что инициатива организации кружков исходит не только из среды интеллигенции, но и от самих рабочих. Конечно, и передовые рабочие отдавали еще свою дань народническим предрассудкам, но в них эти предрассудки, вообще менее прочно заложенные, разрушались быстрее, обнаруживая свою несостоятельность в повседневной практике рабочей жизни, в каждом столкновении с капиталом и правительством. Все нараставшее здоровое классовое сознание передовых слоев рабочих создавало ту благоприятную обстановку, которая ускоряла самокритику революционной мысли и облегчала переход ее от народничества к марксизму.

Наиболее известными из групп 80-х гг. были группы Благоева и Бруснева. Первая возникла в Петербурге зимою 1883 — 1884 гг. и связана с именем Благоева, болгарина по происхождению. На родине Благоев жил в обстановке национальной борьбы болгар за освобождение и, когда он приехал в Петербург учиться, в нем, по его словам, «уже кипели революционные дрожжи». Естественно, что в Петербурге Благоев примкнул к революционно-настроенной части студентов, в кругах которой происходили тогда горячие споры о дальнейшем, в связи с разгромом «Народной воли», направлении революционной деятельности. Благоев принялся за изучение Маркса и Лассаля, а затем образовалась и группа, в которую вошли рабочие и студенты, примыкавшие к чернопередельцам. Группа задалась

широкой целью положить начало рабочей партии в России, составила программу и начала издавать газету «Рабочий», назвав ее газетой «партии русской социал-демократии». Программа, составленная группою, была, однако, далеко не социал-демократической и представляла собою смесь лассальянства с народничеством. В умах благоевцев идея Лассаля о роли государства разрослась, как в своих воспоминаниях признает и Благоев, в своеобразную систему государственного социализма. Исходя из трудностей развития капитализма в России, программа находила, что именно «государственное вмешательство у нас является еще более необходимым для облегчения формирования нового общественного строя». Грядущую революцию программа представляла себе как «сочетание крестьянской революции с политическим движением рабочих и интеллигенции в центрах» — крестьянство оставалось в центре и потому, что благоевцы восприняли от народников веру, что в крестьянстве «существует взгляд на землю, как на достояние государства», т. е. те же «народные идеалы». При таком взгляде на крестьянство программа предлагала проводить среди рабочих те же идеи, что и среди крестьян, и если предлагала вместе с тем обратить особенное внимание на политическое воспитание рабочих, то лишь потому, что «они представляют для этого элемент наиболее подходящий». Программа признавала также допустимым в определенных случаях политический террор и в качестве ближайших требований выдвигала созыв земского собора «с действительным представительством от крестьян и рабочих», требовала политической свободы, государственной помощи крестьянам и рабочим для приобретения в пользование земли, фабрик и заводов и т. п.

Очевидно, программа благоевцев не давала оснований им называть себя социал-демократами. Программа их представляла собою дальнейшую эволюцию народничества, которая облегчала переход к марксизму, но такого перехода еще не делала. Насколько смутно разбирались благоевцы в программных вопросах и как неосновательны были их надежды создать рабочую партию с с.-д. программой, показывает тот факт, что они послали свою программу для отзыва и группе «Освобождение труда» и «Вестнику народной воли». Естественно, что группа «Освобождение труда» не одобрила программы, и благоевцы приняли сами программу группы. Если благоевская группа стала, в конце концов, социал-демократической, то этим она обязана воздействию на нее Плеханова.

Благоевская группа развила довольно большую работу. К концу 1884 г. была поставлена нелегальная типография и приступлено было к изданию газеты «Рабочий», была составлена библиотека, организовано около 15 кружков среди рабочих за Невской заставой, на Выборгской стороне, на Васильевском острове и т. д. Группа ставила своей целью развить дело агитации возможно шире, захватив не только рабочих и крестьян, но и другие общественные круги. «Отличительная и особенно важная для практики дела черта нашей группы, — писали благоевцы группе «Освобождение труда», — есть воз-

зрение, что следует утилизировать все наличные силы для предстоящей революции, поставить дело как можно шире, чтобы оно пустило корни в глубь общества, чтобы немыслимо было даже временное оскудение сил и средств, как это всегда бывает и будет у замкнутой в самой себе тайной партии». Однако в этом смысле группе удалось только создать организацию среди военной учащейся молодежи. Достойно внимания также, что благоевцы считали весьма важным установить постоянную связь с группой «Освобождение труда». В случае соглашения в программных воззрениях, благоевцы имели в виду подробно условиться о том участии, какое женевцы примут в делах группы. Задача эта была отчасти выполнена, и группе удалось привлечь к сотрудничеству в газете Плеханова и Аксельрода. Большего, однако, благоевцам не суждено было совершить. В начале 1885 г. Благоев был арестован и, как иностранец, выслан за границу, а в конце того же года последовал полный разгром группы.

В группу Бруснева входило несколько рабочих групп, в том числе и те, которые организованы были Богдановым и Норинским, а также интеллигенты. И эта группа приступила к выработке программы, но уже под несомненным влиянием группы «Освобождение труда»: при обыске у Бруснева была взята целая с.-д. библиотека женевского издания.

«Последователи научного коллективизма, — заявляет программа брусневцев, — мы убеждены, что социалистический идеал может целостно воплотиться в общественных формах лишь в мучительном процессе экономического развития . . . Признавая рабочий пролетариат, как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии». Принимая такое положение, группа определенно становилась на точку зрения социал-демократии, чего нельзя усмотреть в программе благоевцев. Но наряду с этим программа в значительной своей части посвящена обоснованию и защите террора. «Мы глубоко убеждены, — читаем в программе, — что, при современном соотношении общественных сил в России, политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной партии при дружном содействии всех живых сил страны». Что касается рабочего класса, то и он «идя рука об руку с демократической интеллигенцией, может и должен в ближайшем будущем бороться за свое освобождение путем политического террора». Говоря о широкой пропаганде идей социализма, программа подчеркивает, что эта пропаганда должна вестись «в связи с пропагандой идей политического террора». Таким образом, задача организации рабочего класса оказалась совершенно поглощенной террором и никаких выводов из марксистских положений в смысле признания классовой борьбы — программа не делает. И брусневская группа, со своими за-

родышами социал-демократических воззрений, не могла еще вырваться из народнического окружения.

Группа Бруснева также развила довольно широкую работу. В различных частях Петербурга было организовано до 20 рабочих кружков, в которых велись занятия; была сделана попытка выпустить рукописную газету; принимала участие група и в руководстве стачкой на фабрике Торнтон. Брусневские кружки первыми в России отпраздновали в 1891 г. день 1 мая, устроив за городом собрание, на котором четырьмя рабочими (Богдановым, Прошиным, Афанасьевым и Климановым) были произнесены речи.

Приблизительно такой характер носили и другие кружки 80-х годов: Перазича и Мельникова в Харькове, Точисского в Петербурге, Абрамовича в Киеве и др. Если мы и признаем, что по исключению отдельные кружки и лица принимали социал-демократическую позицию, то по общему правилу социал-демократические кружки 80-х гг. были детищем переходного времени. Все они находятся по пути к социал-демократии, и в этом, разумеется, большой шаг вперед по сравнению с прошлым, но до социал-демократии они еще не дошли. Характерно, что критическая мысль направляется по преимуществу в сторону «политики», признания необходимости политической борьбы. В этих вопросах старое народничество терпит окончательный крах, и здесь эволюция взглядов сказывается прежде всего и наиболее ярко. Этим направлением мысли объясняется то, что новые программы не решаются порвать с террором и с теми либо иными оговорками его принимают: в то время политическая борьба мыслилась, главным образом, в виде политического террора, и отказ от последнего казался отказом от политической борьбы. Значительно слабее обстояло дело с критикой других сторон народничества. По таким основным вопросам, как признание классовой борьбы, выяснение судеб капитализма в России, отношение к общине и к крестьянству, представления царят еще довольно смутные.

Деятельность кружков носила исключительно кружковой пропагандистский характер. Каждый кружок старался обзавестись библиотекой, снабжавшей рабочих книгами. В группах велись занятия, часто систематические, по определенной программе. Такие программы были в кружках Бруснева и Абрамовича; программа Бруснева предусматривала первоначальное обучение грамоте, а затем переходила к знакомству с начатками естествознания, истории культуры и цивилизации, политической экономии, положения рабочих и крестьян, истории общественных движений и т. д.; программа Абрамовича, подробно разработанная, давала основательные сведения по истории, политической экономии, истории и теории социализма. Среди источников по политической экономии программа рекомендовала «Капитал» Маркса с указанием глав и страниц.

За пределы пропаганды деятельность кружков выходила редко. В исключительных случаях кружки руководили стачками, еще реже прибегали к каким-либо выступлениям рабочих. По инициативе членов брусневского кружка рабочих, находившемуся при смерти

писателю Шелгунову был поднесен рабочими адрес, в котором указывалось, что благодаря таким людям, как Шелгунов, рабочие поняли, что им «нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы». На похоронах Шелгунова также приняла участие группа рабочих, возложив венок с надписью «Указателю пути к свободе и братству». Эти первые выступления произвели на рабочих сильное, бодрящее впечатление. «Эта демонстрация, — пишет в своих воспоминаниях Норинский, — лучше долгой подготовки кружковой спаяла нас, выучив многому, и в то же время еще более убедила в необходимости вести борьбу до конца».

Наконец, мы уже отметили, что брусневцы впервые организовали в 1891 г. празднование дня 1 мая; в том же году первомайское собрание было устроено в Москве.

Как ни скромна была деятельность кружков 80-х годов, значение их, разумеется, громадно. В мрачные годы реакции и общественного застоя в этих рабочих кружках по разным городам России не угасали революционные «огоньки». В каждом кружке ковалась рабочая интеллигенция, тот передовой отряд, который разносил по рабочей среде свет классового и социалистического сознания. В отличие от народнического периода, эта работа была гораздо более плодотворна, так как велась она уже на расшатанной почве народнических иллюзий, с ясным пониманием политической борьбы, с более отчетливым представлением о революционных задачах пролетариата. Накопленные в кружках силы, умножив наследство, полученное от народников, составили ту основу, на которой в ближайшем периоде упрочилось господство социал-демократии в рабочем движении.

ГОДЫ ПЕРЕЛОМА

1. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ 90-Х ГОДОВ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

«Я решительно не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии, Америке», писал в 1892 г. Энгельс известному русскому народнику Николаю —ону. И, действительно, промышленный капитализм на расчищенной предыдущим развитием почве, торжествовал в ней победу и нес с собой все те последствия, какими сопровождается рост крупного капиталистического производства в каждой стране.

Чтобы читатель мог получить представление о силе промышленного развития России в эти годы, достаточно привести следующие немногие цифры. В 1890 г. сумма капиталов, вложенных в акционерные предприятия, составляла 580 млн р.; к 1900 г. она поднялась до 1 742 млн р., т. е. возросла в три раза; иностранного капитала к концу 90-х годов было вложено в русскую промышленность на сумму до 800 млн р., причем в то время, как в 1894 г. было допущено к деятельности в России всего три иностранных акционерных общества, в 1899 г. это число поднялось до 70. Но характерно не только увеличение притока капиталов в промышленности, но и распределение их по различным отраслям производства. Если раньше капиталы направлялись, главным образом, в текстильную промышленность, то в 90-х годах они стали вливаться прежде всего в горную промышленность, т. е. в те отрасли промышленности, которые являются основными для капиталистической страны и развитие которых наиболее показательно для развития промышленного капитализма, — с 90-х годов Россия получает свое крупное горнозаводское и металлургическое производство наряду с одновременным ростом прочих отраслей промышленности. Если за предыдущие 25 лет добыча чугуна увеличилась в три раза, то теперь она во столько же раз увеличилась за одно десятилетие 90-х годов; добыча угля, давшая за предыдущее 25-летие увеличение в 10 раз, для 90-х годов дает увеличение в 15 раз; количество переработанного на текстильных фабриках хлопка возросло за десятилетие 90-х годов в 100 раз, и т. д. И опять-таки показателен не только рост производства сам по себе; этот рост есть именно рост крупного производства. Число крупных предприятий (1 000 и более рабочих в каждом) за время 1890 — 1902 гг. увеличилось на 141,5%, средних (500 — 999 рабочих) — на

97,2%, мелких (100 — 499 рабочих) — на 54,3% в то время, как для периода 1879 — 1890 гг. соответственный прирост составит: 25,5%, 10,9% и 15,5%. Это значит, что в промышленности начало все более господствовать крупное производство.

Одновременно с ростом промышленного капитализма происходил захват им все новых районов страны, образование все новых промышленных областей и центров. Для России, с ее обширной территорией и разнообразием природных богатств, это расширение промышленного капитализма имело особенное значение, так как вовлекало в преобразовательный процесс до того слабо затронутые капитализмом районы. Достаточно напомнить, что в 90-х годах расцвел Донецкий Бассейн, в степях которого, раньше пустынных и глухих, залагались крупные шахты, строились громадные заводы, возникали новые промышленные центры. К началу 900-х годов насчитывалось также 458 внегородских промышленных центров с рабочим населением свыше одного миллиона человек. О России уже нельзя было говорить, как о стране соломенных крыш и «заштатных» городов.

Быстрое промышленное развитие России приводит к ускорению и углублению процесса образования рабочего класса. По данным 90-х годов, в среднем не меньше 85 — 90% фабричных рабочих не уходят в деревню на полевые работы, т. е. в той или иной мере порывают с деревней. В общей массе наемных рабочих, таким образом, решительно преобладали порвавшие связь с землей и деревней, и образовывалось значительное ядро постоянного фабричного пролетариата. Фабрики требовали постоянного рабочего, который должен думать о фабрике и забыть о деревне, — фабричный рабочий такому требованию капитала поневоле подчинился, так как фабричная работа, а не земля становилась источником его существования. Оставаясь из года в год на фабрике, рабочий, даже сохранивший еще связь с деревней, все больше подпадал под власть новых отношений, тех, которые царили на фабрике. Вопросы заработка, штрафов, притеснений и эксплоатации — вот те вопросы, которые стали прежде всего его интересовать. Чем больше втягивался рабочий в эти новые отношения, тем тоньше становилась его связь с деревней, тем скорее он порывал с крестьянским мировоззрением и тем глубже проникался сознанием общности классовых интересов пролетариата. Обстановка эта для роста рабочего класса складывается благоприятно как на внутри-российском, так и на международном фронте. Промышленный подъем порождает ускорение пульса общественно-политической жизни России, в движение приходят различные общественные слои, наряду с рабочим классом быстрее подвигается рост и других классов. С другой стороны, пробуждение русских рабочих к активной жизни совпадает с подъемом рабочего движения на Западе. В 1889 г. оформляется международное объединение рабочих (Второй интернационал), вслед затем падает в Германии исключительный закон против социалистов, после длительного застоя повсюду на Западе поднимается волна экономической и политической борьбы рабочих, крепнут рабочие партии. Отзвуки этой борьбы доходят и до России, не

только заражая рабочих новой энергией, но и подавая им пример классовой организации.

Рост промышленного капитализма и рабочего класса в первые же годы занимающего нас теперь десятилетия привел к усилению борьбы рабочих, которого Россия раньше не знала. Борьба развертывается, конечно, не сразу, как не сразу она от оборонительной переходит в наступательную. Оживление намечается уже в первое пятилетие 90-х годов, но только со второго пятилетия активность рабочего класса определенно повышается.

Борьба выражается, конечно, в стачках, нередко еще осложняемых разгромами фабрик, фабричных лавок и т. п. В 1893 г. бастуют рабочие фабрики Хлудова (Рязанской губ.), железнодорожных мастерских в Ростове на Дону, нескольких фабрик Петербурга и Харькова; особенно выделяется летняя стачка этого года четырех ткацких фабрик в г. Шуе, Владимирской губ., когда рабочие добились сокращения рабочего дня с 13 до 12 ч. с отменой сверхурочных работ и с сохранением прежней платы. В 1895 г. происходят забастовки в Петербурге на Путиловском заводе, на фабрике Торнтона, на табачной фабрике Лаферм, на Ярославской большой мануфактуре, на нескольких фабриках в Москве, в Иваново-Вознесенске, в Тейкове и т. д.

Со второй половины 90-х годов число бастующих рабочих почти из года в год увеличивается. Так, в 1895 г., по официальным данным, бастовало 31 195 рабочих, в 1896 г. — 29 527, в 1897 г. — 59 870, в 1898 г. — 43 150, в 1899 г. — 57 498. В действительности бастовало многим больше, так как в официальные данные включены сведения о бастовавших лишь в заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, так что в расчет не принимались многие горные предприятия, железнодорожные, ремесленные заведения и т. п.

Высшего напряжения стачечная волна девяностых годов достигла весной 1896 и зимой 1897 г., когда одновременно бастовало в Петербурге до 30 — 35 тыс. текстильных рабочих. Стачка 1896 г. возникла по сравнительно мелкому поводу: петербургские фабриканты пожелали отпраздновать коронацию Николая II за счет рабочих, приостановив работу 14 мая с оплатой этого дня и «разрешив» рабочим не являться на фабрики 14 и 15 мая, но уже без оплаты этих дней. Так как на некоторых фабриках работы не производились все три дня, то рабочие потребовали уплаты и за эти дни.

Рабочие стойко держались свыше трех недель. Несмотря на широкие денежные сборы рабочими, забастовавшие долго продержаться не могли, тем более, что правительство начало применять жестокие репрессии. 18 июня стачка прекратилась. Некоторые требования рабочих были удовлетворены, другие, в их числе сокращение рабочего времени, было обещано рассмотреть. Так как последнее обещание выполнено не было, то в январе 1897 г. борьба возобновилась, рабочие ряда фабрик снова забастовали. На этот раз забеспокоились фабриканты и правительство. На некоторых фабриках было обещано с апреля сократить рабочий день, правительство также ускорило

работу по выработке закона об уменьшении продолжительности рабочего времени. Тем временем стойкость рабочих решено было сломить локаутами и полицейскими репрессиями. Отчасти цель эта была достигнута, и рабочие стачку прекратили. Но победа осталась на стороне рабочих — 2 июня 1897 г. был опубликован закон о сокращении рабочего дня до $11^1/_2$ часов в сутки.

Замечательно то, что стачки эти возникали, так сказать, самопроизвольно, без воздействия со стороны, и что рабочие проявляли не только стойкость, спокойствие и выдержку в борьбе, но и достойную удивления организованность. «Приятной неожиданностью оказалось для нас то открытие, — пишет в своих воспоминаниях участник движения того времени Б. Горев, — что к началу забастовки у рабочих, совершенно независимо от нашего «Союза», уже была какая-то самочинная организация, что у них появился зародыш боевой стачечной кассы и что самая забастовка распространилась так быстро и организованно по всему Петербургу, благодаря специальным ходокам-агитаторам, посылавшимся рабочими с одной фабрики на другую».

Стачки 1896 — 1897 гг. составили поворотный момент в истории рабочего и революционного движения России. Петербургский социал-демократический «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» имел все основания писать в первомайской прокламации 1897 г., подводя итоги прошедшему году борьбы: «Мы с гордостью можем сказать, что нам его стыдиться нечего. Этим годом начинается новая пора в жизни русского рабочего класса, этот год борьбы есть первый блеснувший луч после долгих мрачных лет каторжного труда и скотской, рабской жизни. Целый ряд почти непрерывных волнений и стачек, особенно же две огромные стачки ткачей и прядильщиков, следовавших одна за другой, распространили славу о петербургских рабочих далеко за пределы России».

2. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ 90-Х ГОДОВ

Шумное выступление рабочей массы и рост рабочего движения повели к перелому во всем революционном движении. До 80-х годов революционное движение было по преимуществу движением революционной интеллигенции. С конца 70-х годов на него начинает оказывать влияние складывающееся рабочее движение, главным образом, через формирующийся слой передовых рабочих. С 90-х годов, с выступлением рабочей массы, рабочий класс становится наиболее активным участником революционного движения, его подлинным двигателем. Общественное развитие России подвинулось значительно вперед, классовые отношения в ней обострились, классовая борьба разгоралась; на место промежуточно-классовых групп интеллигенции, принимавших раньше социализм в утопических его формах, вступал рабочий класс, теоретическим выражением движения которого мог быть только научный социализм. До 1905 г. рабочий класс

идет впереди, ведя за собою в борьбе с самодержавием мелкобуржуазную демократию, после первой революции он остается единственным активным участником борьбы со старым порядком. Вместе с тем вступление рабочего класса в борьбу наносит решительный удар народнической идеологии и дает победу социал-демократическому учению.

Рост рабочего движения в 90-х годах ближайшим образом приводит к возникновению, расширению и укреплению социал-демократических организаций, в социал-демократизме которых сомневаться уже не приходится. Некоторое время преобладающим типом организации остаются небольшие пропагандистские кружки, преемственно возникающие из кружков 80-х годов или заново образующиеся. Почти во всех крупных промышленных и университетских центрах такие кружки и группы существовали в самом начале 90-х годов. В Казани, а затем во Владимире, группы связаны с именем Федосеева, одного из первых русских социал-демократов, выдающегося талантом, знаниями и преданностью революционному делу. Невелики были связи Федосеева, но, по отзывам всех его знавших, влияние его в Поволжьи было громадно, и те, кто находились под его влиянием, разносили новое учение по другим городам. В Самаре велико было влияние Ленина, имевшего связи с федосеевским кружком в Казани еще в конце 80-х годов. В Петербурге, после разгрома брусневской группы, образовались новые: в одну вошли С. И. Радченко и его жена Л. Н. Радченко, Н. К. Крупская и др., вторую организовал Мартов (Ю. О. Цедербаум). В Киеве организатором явился Ювеналий Мельников, о котором мы упоминали выше, в Одессе выделялся Рязанов, под влиянием которого стали социал-демократами Стеклов и Цыперович, ставшие во главе местной группы, в Харькове руководил группой Липкин (Череванин) и т. д.

Кружки и группы начала 90-х годов в части своей были определенно социал-демократическими, в части — заканчивали свою эволюцию к социал-демократии, ликвидируя переходное состояние, характерное для кружков 80-х годов.

По характеру своей деятельности кружки начала 90-х годов ничем не отличались от своих предшественников: она состояла в кружковых занятиях, в пропаганде. «Большинство моих слушателей искало образования, — рассказывает один из участников киевского движения. — Моя задача сводилась к тому, чтобы заставить их сделать революционные выводы из доступного для них материала. Одним из способов было ознакомление их по иностранным корреспонденциям русских газет (по «Русским ведомостям») с западно-европейским рабочим движением. Мои знакомые были ремесленники, ювелиры, заготовщики (сапожники), кузнецы и др. — большей частью евреи. Проходились начатки естествознания, читалась статья Шелгунова «Пролетариат во Франции и Англии». Давались избранные повести и рассказы русских писателей. Читался Эркман-Шатриан — «История одного крестьянина» и статья Писарева об этом романе, давался «Спартак» Джиованниоли, «93-й год» В. Гюго, «Борьба за

право» Француза, «Углекопы» Зола. Читались «Экономические беседы» Карышева, «Капитал и труд» Свидерского, «Программа работников» Лассаля и некоторые другие его сочинения. Но центр тяжести занятий лежал в беседах, которые по возможности переходили на практические вопросы о количестве часов работы, о заработной плате, о прибыли хозяина и пр.» Приблизительно так велась работа и в кружках других городов, разнясь только своим размахом. В одних местах связи с рабочими были больше, в других — меньше, соответственно менялся состав кружков: в крупных промышленных центрах, как Петербург, кружков было больше, и связи с рабочими прочнее, так как почва здесь была подготовлена еще работой прошлых лет.

В общем, деятельность кружков и групп начала 90-х годов была прямым продолжением работы кружков 80-х годов и даже народников более раннего времени. Но она была значительно выше, так сказать, по качеству своему. Народнические кружки вырабатывали рабочую интеллигенцию и содействовали росту ее классового сознания вопреки своим предположениям; социал-демократические кружки переходного времени преисполнены были добрых намерений, но не всегда могли их выполнить, так как сами по своим воззрениям не стояли еще на высоте задач. Кружки и группы начала 90-х годов ничего другого, кроме света классового сознания, нести в рабочую массу не могли, так как именно это и составляло их главнейшую задачу.

Кружковой характер работа организаций носила до середины 90-х годов. Активное выступление рабочей массы, широкая экономическая борьба, которую они вели, поставили перед организацией задачу перехода к массовой агитации, к овладению руководством массовым движением рабочих. Кружковая пропаганда не прекращается, но в ней выдвигается задача подготовки пропагандистов и агитаторов для работы в массе. Главнейшее же внимание уделяется широкой агитации, вопросу издания листков, руководству стачками, расширению связи с предприятиями, организации в последних рабочих ячеек, как проводников влияния на массы. Эта расширяющаяся агитационная деятельность требует и переустройства самих организаций. Если до того преобладали небольшие кружки, группы и работа велась кустарным порядком, то теперь требуется слияние сил, централизация и укрупнение их в одной организации. В Петербурге такая организация составляется из группы «стариков» (Ленин, Радченко, Кржижановский и др.) и «молодых» (мартовская группа). После ареста «стариков» остатки группы во главе с Мартовым оформляют в конце декабря 1895 г. организацию, дав ей название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В Киеве в конце 1896 г. образовались группа «Рабочее дело», которая с начала 1897 г. была также переименована в «Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса». В Москве в апреле 1894 г. организуется «Московский рабочий союз», а с конца 1897 г. — «Московский союз борьбы за освобождение рабочего класса». В Николаеве, во главе с молодым Троцким, организуется в 1897 г. местная организация под названием

«Южно-Русский рабочий союз». В течение 1896 — 1897 гг. такие же организации возникают в Харькове, Екатеринославле, Иваново-Вознесенске, Ростове на Дону, Нижнем-Новгороде и во многих других городах.

Сильнейший толчок как к образованию «Союзов борьбы» и родственных им организаций, так и вообще к переходу к массовой агитации, дали петербургские стачки текстильных рабочих 1896 — 1897 гг. Эти стачки подтвердили правильность новой тактики — путем массовой агитации и в особенности руководством массовой борьбой социал-демократия не только связывалась с рабочими массами, но и приобретала на них влияние, которое давало возможность расширять агитацию. Весть о петербургских стачках быстро разнеслась по России и сильно подняла настроение всех местных групп. В Москве была выпущена прокламация с призывом поддержать петербургских рабочих, прокламация о стачке была выпущена и в Киеве, как, вероятно, и в других городах.

Переход к агитации, постепенно принимающий массовый характер, приводит также к попыткам издания местных нелегальных газет. В 1896 — 97 гг. в Петербурге выходят «Рабочий листок» и «Рабочая мысль», в Киеве — «Вперед» и «Рабочая газета» и в Николаеве «Наше дело», в 1898 г. в Петербурге «Рабочее знамя», в 1899 г. в Екатеринославе «Южный рабочий», на еврейском языке еще в 1896 г. начал регулярно выходить «Голос рабочего» («Arbeiterstimme»). К изданию газеты в Петербурге было приступлено еще в 1895 г., когда при арестах был взят весь заготовленный материал для «Рабочего дела».

В какой мере массовая агитация на почве экономических нужд рабочих сочеталась с политической агитацией? «Особенно важно установить, — писал об этом Ленин, — так часто забываемый и сравнительно малоизвестный факт, что первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности». Замечание это верно прежде всего относительно «Петербургского союза борьбы», в особенности того времени, когда во главе был сперва Ленин, потом Мартов. Первые социал-демократы этого периода действительно твердо стояли на той точке зрения, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и потому не могли уклониться в сторону переоценки экономической борьбы. Политические требования ими не заглушались, и политическая агитация не отодвигалась в неизвестное будущее. В прокламации, выпущенной, напр., Петербургским «Союзом борьбы» к 1 мая 1897 г. и составленной Лениным, указывалось, что «первое требование рабочих — политическая свобода». «Рабочие, а вместе с ними весь народ, — говорилось в прокламации, — должны получить право участия в законодательстве и

управлении государством, право свободно собираться, устраивать союзы и стачки, свободно обсуждать свои дела и иметь свободные книги и газеты (свобода печати)». Прокламация указывала, что, конечно, сразу нельзя добиться политической свободы, но каждый год 1 мая рабочие должны непременно заявлять политические требования, и правительство вынуждено будет уступить, опасаясь народного взрыва. Во второй прокламации, выпущенной в тот же день и подводившей итоги петербургским стачкам, указывалось, что день победы петербургских ткачей над фабрикантами и правительством должен слиться с днем 1 мая, «праздником борьбы с этими фабрикантами и этим правительством».

Однако настроения эти не были еще господствующими, и до правильного понимания соотношения экономической и политической борьбы дошли далеко еще не все.

5. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РС-ДРП

Образование прочных местных с.-д. организаций выдвинуло необходимость их объединения, создания партии.

Мысль об организации партии не была новой. Доклад русских социал-демократов международному социалистическому конгрессу 1896 г., составленный Плехановым и Потресовым, отмечая, что «первые, самые трудные шаги на поприще организации русского рабочего класса уже сделаны, по крайней мере, местами», писал: «Между рабочими социал-демократическими организациями, действующими в различных местностях России, пока еще нет достаточной связи, а в их действиях — иногда и надлежащего единства. Создание такой связи и такого единства — основание в России единой и нераздельной социал-демократической организации, — должно составить главную цель наших усилий в ближайшем будущем». В 1896 г. Ленин, находясь в тюрьме, составляет проект программы партии и пишет к ней обстоятельную записку, а Н. К. Крупская выезжает на юг (в Полтаву и Киев) для переговоров о подготовке съезда. Возникла мысль о съезде и в других городах — в Москве и Киеве.

Особенно много сделала для созыва съезда и образования партией киевская группа «Рабочее дело». Уже после выхода первого номера газеты «Вперед» (январь 1897 г.) возникла мысль об издании группой общерусской газеты при содействии прочих организаций. Желание двинуть это дело вперед, а также недостаток литературы и осведомления о рабочем движении в России были главными побудительными причинами, заставившими киевскую группу приступить к переговорам о созыве совещания социал-демократических организаций. Группа вступила в сношения с виленской организацией, с «Московским рабочим союзом», с «Петербургским союзом борьбы» и с Иваново-Вознесенской организацией. Однако в Киев прибыл только делегат Петербурга, к нему присоединился делегат от киевской группы «Рабочее дело» и делегат от киевской группы польских социал-

демократов, и таким образом состоялась первая конференция, вернее совещание, киевских делегатов с петербургским. Совещание постановило созвать съезд, а предварительно организовать общерусскую газету, поручив издание ее киевской группе. Постановлено было также, что все группы должны переименоваться в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

После этого совещания киевская группа «Рабочее дело» выделила особую группу «Рабочей газеты», которая приступила к изданию общерусской газеты под тем же названием и занялась подготовкой съезда. Киевляне предприняли объезд ряда городов, и на этот раз дело увенчалось успехом. К 1 марта 1898 г. в Минск приехали делегаты: киевской группы «Рабочей газеты», Киевского, Петербургского, Московского и Екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», и три делегата от «Бунда». Всего, таким образом, на съезде было представлено четыре «союза», «Бунд» и группа «Рабочей газеты».

Съезд продолжался с вечера 1 по вечер 3 марта (старого стиля) 1898 г., посвятив свои занятия, главным образом, организационным вопросам. Съезд постановил слить местные «союзы» и «Бунд» в единую организацию, дав ей название: «Российская социал-демократическая рабочая партия». По словам Эйдельмана, деятельнейшего организатора и участника съезда, местные организации опасались за свою самостоятельность при существовании центра с широкими полномочиями, и это отразилось на организационном построении партии. Наибольшая самостоятельность была предоставлена «Бунду», который был признан автономной организацией, самостоятельной в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

При обсуждении вопроса об отношении к национальным партиям, в особенности к польской социалистической партии (PPS), съезд принял общее положение — признать за каждой нацией право на самоопределение, допуская вступление партии через ЦК в сношения с другими революционными организациями. Однако значительная самостоятельность была признана и за всеми местными комитетами партии. Съезд предоставил им право: 1) выполнять постановления ЦК в той форме, какую они найдут более подходящей к местным условиям; 2) в исключительных случаях отказываться от выполнения постановлений ЦК, известив его о причине отказа, и 3) по всем остальным вопросам действовать самостоятельно, руководствуясь лишь программой партии. Таким образом, право ЦК по руководству деятельностью партии сильно ослаблялось, так как местные комитеты получили широкую возможность в той или иной мере уклоняться от такого руководства и действовать самостоятельно. Съезд руководствовался практическими соображениями — необходимостью положить начало партии и для этого пойти на уступки боязни местных комитетов за свою самостоятельность. Съезд определил далее права и обязанности ЦК, признав высшим органом партии съезд представителей местных комитетов, объявил «Союз русских социал-демократов» за границей частью партии и представительством ее за границей и

признал «Рабочую газету» официальным органом партии. Центральному комитету было поручено выпустить манифест партии, комитет же поручил составление манифеста Струве, который тогда считался социал-демократом.

Манифест указывал, что «пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей». Силу и значение рабочего движения ярко обнаружили стачки во всех концах России, в особенности петербургские забастовки 1896 — 1897 гг., на которые правительство ответило уступками. «Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих», говорилось в «Манифесте»,—«Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он т р е б о в а л, и впредь будут давать лишь то, что он п о т р е б у е т». Пролетариат прежде всего требует политической свободы, которая нужна ему, «как чистый воздух нужен для здорового дыхания», но эту свободу он может завоевать только сам. «Чем дальше на восток Европы, — читаем в «Манифесте», — тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем бо̀льшие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: создание такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма».

Объявляя об образовании «Российской социал-демократической рабочей партии», манифест заканчивался такими словами: «Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение, так и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо уверена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет

неуклонно сообразовать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии. Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!»

Таким образом, первый съезд положил начало партии и создал ее центральные органы. Сделано было именно только начало, потому что в организационном отношении права ЦК были ограничены чрезвычайным расширением «автономных» прав местных организаций, а то обстоятельство, что съезд не обсуждал ни программных, ни тактических вопросов, оставляло партию без руководящих начал в ее деятельности. Такой результат работ съезда объяснялся как новизною и трудностью самой задачи образования партии, так и тем, что инициаторы съезда стояли на точке зрения вышедшей в то время брошюры «Об агитации», которая, как мы увидим, давала возможность чрезмерного увлечения борьбой на почве экономических нужд рабочих и, стало быть, ограничения задач рабочего движения «местными» задачами. О взглядах съезда дают представления воспоминания Б. Л. Эйдельмана, написанные им еще по свежей памяти, в 1905 г. «Если съезд не выработал программы, значит ли это, что организации, объединившиеся в партию, не имели своей программы? — спрашивает Эйдельман и отвечает: — Нисколько. В самом деле, в чем заключается содержание всех социал-демократических программ? Формулируя признание конечной целью организованного рабочего движения — социализм (программа-максимум), она вслед за тем дает перечень ближайших задач партии пролетариата данной страны в данный момент (программа-минимум). А что касается методов борьбы за формулируемые программой задачи, то эти методы борьбы, тактика партии, с одной стороны, определяются основными положениями научного социализма, в формулировке которых, как и в формулировке программы-максимум, мало нужды и возможности быть оригинальными, а с другой стороны, она определяется конкретными обстоятельствами места и времени. Таким образом, чтобы сделать практический шаг, организованному рабочему движению необходимо было определить не программу-максимум — это уже было сделано, и не общие основные положения методов пролетарской политики — они уже давно были провозглашены основателями научного социализма; то, что необходимо должна была сделать группа «Рабочей газеты», как и группа основателей партии, — это формулировка ближайших задач партии в России, успешно применимых методов и приемов борьбы, видимо в 1896—1897—1898 гг. приближающих партию к формулированным ею, под непосредственную диктовку развивающегося рабочего движения, целям в России того времени». Эйдельман находит, что и эти задачи удовлетворительно были выполнены до съезда: «Рабочая газета» сформулировала ближайшую задачу рабочего движения как задачу борьбы с самодержавным правительством за политическую свободу. Что же касается вопросов тактики, то на них давала ответ брошюра «Об агитации» с ее формулой агитации на почве местных нужд и требований.

Но такой образ мыслей и был ошибочен. Участники съезда, по-

словам Эйдельмана, полагали, что программы максимум и минимум уже даны Марксом и Энгельсом, и к ним ничего прибавить нельзя. Но если бы такой вывод был правилен, ни одна из социал-демократических партий не имела бы своей программы. Между тем, каждая партия такую программу имела, и весьма ответственная задача состояла здесь в том, чтобы применить общие положения научного социализма к условиям и особенностям данной страны. С другой стороны, мы имеем убедительное доказательство того, что не все смотрели на дело так, как группа «Рабочей газеты». Как известно, Ленин, сидя в 1896 г. в тюрьме, но сохраняя связь с движением, пишет проект программы партии и обширную к ней записку и делает это несомненно в связи с планом созыва съезда. Если бы группа «Рабочей газеты» и съезд имели перед собой эту программу, они, конечно, убедились бы в том, что заняться разработкой программных вопросов — дело вовсе не бесполезное, несмотря на то, что над этим много поработали Маркс и Энгельс. Ленинский проект программы обосновывал задачи пролетариата не общими только положениями научного социализма, но анализом социально-экономического развития России, ростом капитализма, пролетаризацией кустарей и крестьян, ростом рабочего класса и обострением классовой борьбы на почве общественных отношений России. Такая программа не только объясняла рабочим, почему они должны сплотиться в самостоятельную партию, но и обосновывала такое сплочение характером социальных отношений и давала рабочему классу основанную на знании веру в торжество его дела, т. е. преследовала и вполне «практическую цель». Точно так же и в формулировке ближайших задач программа не довольствовалась общими указаниями на свержение самодержавия, но выдвигала программу-минимум, приспособленную опять-таки к русским условиям. Наряду с общими политическими требованиями (созыв земского собора, всеобщее избирательное право, свобода и т. д.) она требовала для крестьян, между прочим, возвращения излишне уплаченных за выкуп денег и возвращения отрезанных от них в 1861 г. земель. Все это имело, конечно, первостепенное значение прежде всего для политической борьбы рабочего класса.

Точно так же ошибочным было мнение, что все тактические вопросы исчерпывающе разрешены в брошюре «Об агитации». Мы увидим ниже, что как раз в это время на очереди стоял переход от массовой экономической агитации к массовой агитации политической. Между тем, по словам Эйдельмана, «руководящее правило нашей тогдашней практики, агитация на почве мелких требований и нужд, было единственным, что было принято всеми группами», и такая агитация считалась «могучим рычагом». Но подобного рода настроения уже отставали от роста рабочего движения, отставал от него и съезд, не давший ответа ни на тактические, ни на программные вопросы. Недаром Плеханов в письме в редакцию киевской «Рабочей газеты», ознакомившись с первым номером ее, рекомендовал ей всегда помнить, что всякая классовая борьба есть борьба

политическая, а Аксельрод (после ознакомления со вторым номером) писал Плеханову, что, несмотря на улучшения в газете, он все же находит «необходимым бороться против них, разумеется, очень деликатно, поскольку это возможно». Очевидно, Плеханов и Аксельрод усматривали опасность в прямолинейном применении киевлянами той тактики брошюры «Об агитации», которую принимали, по словам Эйдельмана, «все группы». В том, что они не ошибались, показал вскоре состоявшийся первый съезд и еще в большей мере — успехи «экономизма».

4. БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА

Быстрое капиталистическое развитие России не могло не повести к эволюции старого народничества. Капиталистические отношения захватывали деревню, крестьянство расслаивалось, община разрушалась, собственнические тенденции крестьянского хозяйства укреплялись. В такой обстановке трудно было прямолинейно продолжать старую линию «народных идеалов». Одни пытались ее несколько позже обновить (с результатами такого обновления мы познакомимся ниже), другие покидали народничество и переходили на точку зрения социал-демократии, третьи вообще покидали точку зрения социализма.

Для характеристики последних особенно любопытна эволюция, какую проделали некоторые старые народники. В 1891 г. Кравчинский, эмигрировавший после убийства Мезенцова за границу, опубликовал статью «Что нам нужно», в которой становился на сторону «эволюционного социализма», реформизма. «Мы предлагаем, — писал он, — прямо стать на сторону эволюционного социализма, признав свободное слово и печать и свободное голосование достаточными и, пока они гарантированы законом, единственными орудиями в будущей социальной борьбе». Это дает Кравчинскому основание сделать вывод, что «социализм не стоит и не стоял препятствием для объединения русской оппозиции». Препятствия эти возможны в политической программе, но и их можно преодолеть. Развивая свою политическую программу, Кравчинский пытается соединить конституционную монархию с демократическим строем, обеспечив свободу всем классам и партиям. «В современной России, — пишет он, — политическая свобода может осуществиться лишь в форме конституционной монархии», так как за республику пока не раздавалось голосов. «Нам дороги, — заявляет он, — с другой стороны, интересы свободы всех русских, без различия партий, и мы готовы защищать ее во имя того общего внеклассового чувства гражданской солидарности, которое существует во всех передовых странах в тем большей степени, чем они культурней». Если так, то «в вопросе политическом, составляющем у нас злобу дня, наша программа есть именно программа передовой фракции русских либералов», заявляет Кравчинский, и, устранив это последнее препятствие,

призывает к объединению оппозиции — социалистической интеллигенции с либералами.

Что это был не результат каких-либо личных переживаний Кравчинского, а общая эволюция определенного крыла народничества, показывает то обстоятельство, что близкие к этому настроения охватили и часть народников, живших в России. Как раз к этому времени возвратились из ссылки некоторые из народников и застали на родине печальную картину. «Веруя попрежнему в «народ», — рассказывает о царивших тогда настроениях Аптекман, — народники девяностых годов воздерживались, однако, от постройки каких-либо народническо-революционных программ, не пытались также делать опыта революционно-народных организаций в деревне. Трагический пример семидесятников, как memento mori, живо еще стоял перед их глазами». Вернувшиеся в родную обстановку старые революционеры, среди которых были такие выдающиеся деятели 70-х годов, как Натансон, Аптекман, Тютчев и др., пытались разбудить и расшевелить эту застывшую в апатии народническую интеллигенцию. Но на деле оказалось, что и сами они потеряли под собой почву и преемственности со старым народничеством возродить не могут. Разбираясь в собственных настроениях и в окружающей действительности, они приходили к заключению, что силы их ничтожны и потому развернуть свою революционно-народническую программу в полном ее объеме они не могут. Необходимо поэтому сосредоточить внимание на том, чего безусловно требует исторический момент,—на борьбе за политическую свободу. Когда же силы окрепнут, тогда можно будет и полностью развернуть знамя. «Поступая таким образом, — поясняет Аптекман, — мы ничуть не погрешаем против основных принципов нашего революционного народничества. Мы только не делаем второго шага, не сделав первого. Наш первый шаг, — это первый этап на длинном и трудном пути освободительного движения».

На таких настроениях летом 1893 года сложилась партия «Народного права», в которую вошли многие старые народовольцы и к которой близко стояла редакция «Русского богатства» с Михайловским во главе. Брошюра «Насущный вопрос», в которой обосновывалась программа новой партии, направила острие своей критики против правого народничества, с его идеализацией крестьянства и отказом от политической борьбы. «Пора стряхнуть с себя гнет обветшалых идей народничества, культурничества, проповеди малых дел. Пора также отрешиться от благоговейного преклонения перед мифическим «богоносительным» народом, с его какой-то никому неведомой особливой правдой, якобы отличной от общечеловеческой. Пора стать, наконец, на почву действительности. Ведь это абсурд — ожидать, что разные архаические формы народной жизни, навеявшие нам это мифическое представление о народе, скорее процветут под охраной чиновников самодержавия, чем под щитом свободных учреждений». Далее доказывалось, что социализм

и политическая свобода не только не исключают друг друга, но, напротив, неразрывно связаны; социализм усиливает стремление к политической свободе, политическая свобода — необходимое условие осуществления социализма. Однако это указание на связь социализма с политической свободой преследовало лишь цель борьбы с правым народничеством, но не вело за собой включения в программу наряду с требованиями политической свободы каких-либо социалистических стремлений. И брошюра «Насущный вопрос», и «Манифест Партии народного права» выдвигают исключительно вопросы борьбы за политическую свободу. Цель партии формулировалась в «Манифесте» таким образом: «Соединить все оппозиционные элементы страны и организовать деятельную силу, которая добилась бы при помощи всех нравственных и материальных средств, какими она располагает, уничтожения самодержавия и обеспечения каждому прав гражданина и человека». «Насущный вопрос» к этому добавлял, что причиною поражения народовольчества были не ошибки революционеров и не косность народных масс, а «холопство, отсутствие гражданского мужества и политическая незрелость тогдашнего русского общества». Задача поэтому должна состоять в том, чтобы воздействовать на это незрелое «общество».

Народоправцы, как и Кравчинский, выдвигали исключительно требование политической свободы, вокруг которого должны объединиться все оппозиционные элементы; как и Кравчинский, они успех своей программы видели в отказе от социализма; как и он, они приходили к буржуазному демократизму. Отказ программы от социализма означал на деле отказ от апелляции к тем угнетенным классам, которые должны вести борьбу, хотят или не хотят того авторы разных программ. Объединение всех оппозицинных элементов, при отказе от социализма, означало капитуляцию народнической интеллигенции перед либеральным «обществом», т. е. переход ее на точку зрения буржуазной демократии.

Такое перерождение народничества на одном его фланге шло навстречу эволюции его на другом, поскольку она нашла свое выражение в так называемом легальном народничестве. Известные народнические публицисты, В. В. (Воронцов), Николай—он, Михайловский, стояли, в общем, при всех между ними различиях, на такой же точке зрения, причем правые среди них (В. В., Кривенко) продолжали в той либо иной мере идеализировать общину, отрицать пути капиталистического развития России, настаивали на развитии «народного производства» и т. д. Рост марксизма не мог, конечно, встретить с этой стороны благосклонного приема. Напротив, легальное народничество пошло против марксизма в штыки, крупный дефект которых заключался, впрочем, в том, что они были тупыми. В качестве идеологов мелкого собственника, смотрящего не вперед, а назад, к тем временам, когда капитализм его не душил, эти народники в марксизме, в революционном учении, которое, будучи в корне враждебно капиталистическому порядку, и в противоречиях последнего ищет силы для борьбы с ним, видели учение,

оправдывающее капитализм и ему служащее. Если марксист говорил, что капитализм не может не развиваться и развивается в России и что к социализму она может притти путем дальнейшего капиталистического развития с его обостряющимися противоречиями и классовой борьбой, то, — заключали отсюда, — народники — марксисты должны содействовать развитию капитализма и служить капиталу. Кривенко писал в «Русском богатстве», что при марксистских воззрениях «нечего уже стесняться ни скупкою крестьянской земли, ни открытием лавок и кабаков, ни иною нечистоплотною деятельностью, раз она соответствует цели», т. е. росту капиталистических отношений в деревне. «Некоторые говорят, — писал Кривенко, — идут на заводы (когда, впрочем, представляются хорошие технические и конторские места), мотивируя свое поступление исключительно идеею ускорения капиталистического развития». Такими же откровениями наполнял свои статьи и Михайловский, говоря вслед за В. В. о том, что марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить «экономическую организацию, обеспечивающую трудящимся самостоятельное положение в производстве», что имеются «настоящие и не настоящие» марксисты, но все они готовы в той или иной мере послужить капиталу. Конечно, народники при этом изображали себя «друзьями народа», в противовес марксистам, которые якобы хотят «насадить» капитализм, говорили о мерах к укреплению мелкого производства, о спасении этого мелкого производства от разрушения его капитализмом, о том, что спасти его можно, и т. д. Совершенно очевидно, что такая проповедь по существу была реакционна, так как настаивала на сохранении отживавших экономических отношений, видела «прогресс» не в движении вперед, а в движении назад или, в лучшем случае, в застое. Все толки о спасении «народного производства» и общины, в условиях развивающегося капитализма, были реакционными утопиями, которые усыпляли общественную мысль и задерживали ее движение. Борьба с народничеством становилась вопросом будущности рабочего движения, потому что в затхлой атмосфере застоя мысли грозил застой и пробуждающейся рабочей мысли а привлечь к работе среди пролетариата свежие силы революционной интеллигенции нельзя было иначе, как предварительно освободив ее от влияния народнических идей. Русскому марксизму предстояло снова совершить первоначально ту работу, которую проделал Плеханов в начале своей социал-демократической деятельности. Но если Плеханов начал полемикой с народовольцами, как с родственным революционным направлением, то русские марксисты 90-х годов начали борьбу с народничеством, как с течением реакционным

На борьбу с народничеством была направлена одна из первых крупных работ Ленина — изданная на гектографе брошюра «Что такое друзья народа». Ленин доказывал в этой работе, что легальное народничество превратилось в реакционное учение. «Теории этих идеологов мещанства, — писал он, — когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны.

Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т. д., как будто бы можно было примирить и объединить. Они—реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению. Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы, и борьбы отчаянной, самих трудящихся для их освобождения». «Социалисты должны решительно и окончательно разорвать со всеми мещанскими идеями и теориями», [1] — так как полезный урок, который, по мнению Ленина, должен быть извлечен из похода «друзей народа», т. е. народников, на социал-демократов. В связи с этим Ленин подчеркивал необходимость и громадность предстоящей теоретической работы. «Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, — писал он, — когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. Теоретическая работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие». Ленин выдвигал эту теоретическую работу не в интересах отвлеченного знания. «Эта теория, — писал он, — основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата, — и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма.[2]

Задача, как она формулирована была Лениным, для разрешения своего требовала большого простора развития марксистской мысли. И как бы под напором рвущейся вперед мысли, поддаются полицейские рогатки, и марксистское учение с шумом врывается в легальную литературу, чтобы с единственно тогда еще доступной трибуны сказать новое слово и посчитаться со словами старыми. В 1894 г. вышла книга Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», блестящий памфлет, направленный против противников материалистического понимания истории.

---

[1] Собр. сочинений, т. I, изд. 3-е, стр. 182 и 183.
[2] Там же, стр. 191.

В 1896 г. появилась вторая книга Плеханова (Волгина) «Обоснование народничества в трудах г. В. В.», посвященная критике экономических воззрений народничества. С марта 1897 г. марксистам удалось завладеть журналом «Новое слово», который раньше находился в руках народников. С осени 1896 г. по марта 1897 г. марксисты руководили газетой «Самарский вестник». После закрытия «Нового слова» выходил марксистский журнал «Начало», закрытый на пятом номере.

Этот период «легальной» пропаганды марксизма продолжался недолго (собственно до 1899 г.), расцвет его приходится на 1896—1897 гг. За это время задача, поставленная Лениным теоретической работе, была в основном закончена. Марксистскому анализу была подвергнута не только экономическая действительность России в ее разнообразных проявлениях, но и вопросы философии истории, искусства, литературной критики, истории общественной мысли и т. д. Критика народничества сопровождалась положительным обоснованием марксизма, и многие вопросы, до того трактовавшиеся в легальной литературе только в народническом понимании, получили новое освещение. Можно сказать, что уже к концу 90-х годов русский марксизм преодолел препятствия для своего дальнейшего роста и настолько окреп, что стал оказывать влияние на развитие русской общественной мысли вообще.

Новое учение пользовалось чрезвычайной популярностью, победа последователям его доставалась без особого труда. Часто молодой студент, приехавший домой на летний отдых, быстро завоевывал для марксизма местную молодежь, хотя и должен был итти на бой против убеленных сединами народников. Старые кумиры низвергались, создавались новые. К марксизму льнули и годные, и негодные. Это было время, когда русская разночинная интеллигенция, по словам Плеханова, «вообразила себя готовой целиком перейти на точку зрения пролетариата», когда «все мало-мальски передовые люди объявляли себя марксистами».

Но, разумеется, мало было быть «передовым» человеком, чтобы стать на точку зрения пролетариата, тем более что далеко не все шли к марксизму для того, чтобы принять эту точку зрения. Силы, выступавшие в период «легальной» пропаганды марксизма, вовсе не были однородны. Как писал Ленин, «кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными». Или, как формулировал другой ближайший участник движения, Потресов, «к марксизму тяготела и та интеллигенция, для которой главным моментом в ее обращении к этому учению явилось желание стать на почву идущего вперед капиталистического процесса развития», т. е. та, которая склонялась не столько к точке зрения пролетариата, сколько к точке зрения буржуазной демократии европейского типа. Это правое крыло временного союза составляли собственно «легальные марксисты»: Струве, Туган-Барановский, Богучарский, Бердяев и другие. Они принимали не «всего» Маркса. Как еще много раньше,

наши буржуазные экономисты принимали учение Маркса о стоимости, отвергая Марксово учение во всем прочем, так и теперь «легальные марксисты» принимали марксистский анализ капиталистического развития России, марксистскую критику народничества, но не считали обязательным принятие прочих сторон марксизма. Хотя союз с крайними левыми и сдерживал «легальных марксистов» и даже отчасти толкал их влево, все же расхождение давало о себе знать и многими сознавалось. Против писаний Струве и др. в «Новом слове» письменно протестовала самарская группа социал-демократов (Маслов и др.), а еще раньше, в 1895 г., против Струве выступил Ленин в марксистском сборнике, сожженном цензурой.

Таким образом, «Союз» носил в себе элементы не только расхождения, но и грядущей борьбы. Со страниц легальной печати шла проповедь не только марксизма, но и псевдо-марксизма. Социал-демократия скоро начала борьбу с псевдо-марксизмом, который был в действительности и, как мы увидим, скоро сам объявил себя буржуазным демократизмом.

Почти одновременно с отмеченной нами борьбой с народничеством, социал-демократии пришлось повести борьбу и на другом фронте — с уклоном, обнаружившимся в ее же среде.

Массовое рабочее движение выдвинуло, как мы видели, задачу перехода от кружковой пропаганды к массовой агитации. Задача эта была развита в 1894 г. в брошюре «Об агитации», написанной Кремером и редактированной, по поручению виленской с.-д. группы, Мартовым. Авторы брошюры исходили из того, что проникнуться идеей политической борьбы рабочий класс не может до тех пор, пока удовлетворение необходимых его потребностей станет невозможным при существующих политических условиях. Поскольку рабочие выдвигают экономические требования, постольку они ведут борьбу, которая неизбежно ставит перед ними задачу борьбы не только с отдельными капиталистами, но с классом капиталистов и с правительством. Широко поведенная экономическая борьба подготовляет почву для политичекой агитации, которая застает рабочий класс сорганизованным самой жизнью, с сильно развитым классовым эгоизмом, с сознанием общности интересов всех трудящихся и их противоположности интересам всех других; тогда изменение политического строя есть вопрос времени. Отсюда общий вывод: «Стать действительно народной партией социал-демократия может лишь тогда, когда она программу своей деятельности построит на действительно ощущаемых рабочим классом нуждах, и для достижения своей цели — организации рабочего класса — она должна начать с агитации на почве самых насущных, наиболее рабочему классу ясных и наиболее достижимых мелких требований... Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и, в конце концов, поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной работе, рабочий

класс приступит к решению этих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом, более сознательном виде, создает почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса».

Авторы брошюры «Об агитации» были правы, когда, основываясь на опыте, главным образом, еврейского рабочего движения, раньше перешедшего на массовую экономическую борьбу, выдвигали еще в 1894 г., т. е. до петербургских стачек 1896 г., задачу массовой агитации на почве экономических нужд рабочих, и в этом смысле Ленин тогда же признавал их указания «действительно полезными». Сами авторы брошюры также не стояли на точке зрения отодвигания политической борьбы на второй план. Но постановка ими вопроса о соотношении экономической и политической борьбы открывала возможность и такого понимания, что политическая борьба становится возможной только после того, как вся масса проделала опыт обучения на экономической борьбе, что последняя должна составить особую, более или менее длительную, стадию рабочего движения, в течение которой от политической агитации нужно и воздерживаться. Эту опасность усмотрел тогда же Плеханов, который писал, что последовательные защитники взгляда брошюры «Об агитации» неизбежно должны были стать «экономистами».

Такое направление в социал-демократии, действительно, скоро оформилось. «Экономизм», как его называли, был представлен тремя течениями: петербургской группой «Рабочая мысль», женевским журналом «Рабочее дело» и кружком, группировавшимся вокруг Кусковой и Прокоповича. Все эти течения объединялись одним исходным положенеим: рабочий класс не подготовлен к политической борьбе, он должен пройти школу экономической борьбы.

«Рабочая мысль» (газета, которую издавала петербургская группа «экономистов») толковала положение, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», так что участие в рабочем движении интеллигентов не полезно, а вредно. Рабочему рабочее движение было чуждо, пока это движение было «лишь средством для успокоения больной совести кающегося интеллигента»: рабочий не знал, за что он борется и с кем борется, потому что «экономическая основа движения была затемнена стремлением не забивать политического идеала», который вносили в движение именно интеллигенты. Массовые стачки 90-х годов показали, по мнению газеты, что «рабочий сам борется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей». Рабочие, таким образом, сами постигли свой «идеал» — экономическую борьбу, и, освободившись от интеллигенции, освободились от «политического идеала». Отсюда вывод: «Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы, — вот девиз рабочего движения». Рабочие должны знать, что «борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих де-

тей», что «каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию». Ведя экономическую борьбу, рабочие должны устраивать кассы, которые должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя, во время стачек». Конечно, «и дело самообразования должно итти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы», но все же каждая стачечная касса «дороже для движения, чем сотня других организаций».

Журнал «Рабочее дело» не принимал оголенного «экономизма» «Рабочей мысли». Признать благом для рабочего движения разрыв его с революционной с.-д. интеллигенцией, отодвинуть политическую борьбу «до второго пришествия» значило поставить крест над социал-демократией. «Рабочее дело» на это пойти не могло и старалось придать «экономизму» более приличный вид, прикрыть наготу его налетом «политики». Сущность воззрений «Рабочего дела» сводилась к тому, что необходимо признать «стадии движения», предначертать «переходные ступени» социал-демократической агитации. Эти «стадии» располагались в таком порядке: 1) чисто экономическая агитация, 2) политическая агитация в непосредственной связи с экономической борьбой, сначала за ближайшие требования, а затем и 3) за всю программу, 4) политическая агитация вне прямой связи с экономической борьбой пролетариата или его ближайшими интересами вплоть до 5) агитации по поводу общественно-политических злоб дня, интересующих пролетариат, как передовой отряд всего угнетенного народа в борьбе с самодержавием. Не трудно заметить, что все эти «ступени» — те же ступени «лестницы» экономизма, несмотря на то, что политика фигурирует уже на второй ступени. Ибо как определить, в какой момент допустим переход от первой ступени ко второй и т. д. Определить это можно было бы только в том случае, если бы политическая борьба признавалась равноценной борьбе экономической или если бы и та и другая рассматривались как две стороны одной и той же классовой борьбы, которая не может не быть борьбой политической. Но самое построение «ступеней» показывало, что «экономике» придается основное, определяющее значение, и вся эта «педагогика» обещала затормозить движение на первой же ступени.

Наиболее последовательно развивало идеи «экономизма» третье течение, которое, по выражению Плеханова, хотело «превратить самого Маркса в орудие умственного порабощения пролетариата буржуазией». Кускова в своем «Credo» (1898 г.) доказывала, что на Западе марксизм «нетерпимый», т. е. революционный, уступает место марксизму «демократическому», т. е. ревизионизму, и если на Западе задача социал-демократов свелась к реформированию современного общества в демократическом направлении, то в России «слабые силы» рабочих «стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им

и не могут пускать даже слабых ростков». А в таких условиях рабочее движение в России может направиться только по другой линии — экономической борьбы. Правда, и эта линия — не линия наименьшего сопротивления, так как экономическая борьба в русских условиях «трудна, бесконечно трудна», но все же она «возможна» и даже «практикуется самими массами». И потому если есть просвет для рабочего движения в России, то это — в экономической борьбе рабочих. «Приучаясь в этой борьбе к организации, — писала Кускова, — и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности».

Что это будут за организации, Кускова отказывалась предсказывать, но в одном она твердо была убеждена: «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии есть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», и, стало быть, той формой организации, до которой дойдут рабочие путем экономической борьбы, не будет самостоятельная рабочая партия. А так как русский марксист не может не стремиться к политической свободе, а рабочие «политической деятельности» вести не могут, то «для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата, и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Иными словами говоря, при отказе рабочих от образования своей партии и при участии социал-демократов в «общеоппозиционной» деятельности, рабочий класс должен следовать за либеральной буржуазией.

При таких воззрениях «экономизма» в разных его течениях очевидны те социальные корни, которые его питали. «Рабочая мысль» выросла на почве массового экономического движения рабочих. . . Борясь не без успеха за экономические требования, рабочие могли придавать этой борьбе первенствующее значение: сокращение рабочего времени, повышение заработка было реально, обещало возможность дальнейших улучшений в условиях полицейского же гнета — стало быть, в этом направлении и должна вестись борьба. Разумеется, так смотрели не все рабочие, и смотреть так могли только более отсталые из них, в особенности новички, только пришедшие из деревни на фабрику, которых было тогда очень много, да аполитически настроенные рабочие из числа высокооплачиваемых; передовые рабочие — таких тогда было не мало — смотрели иначе и политику от экономики не отделяли. «Рабочая мысль» воспринимала настроения отсталых слоев, шла за ними, в «хвосте» их. Да и настроения этих более отсталых были временны, вызывались условиями промышленного подъема и скоро стали иными, как только обнаружилось, что подъем не прочен, а с ним не прочны и экономические завоевания. С другой стороны, потерять способность воспринимать постоянные, а не временные, интересы рабочего класса могли лишь те, кто не стал окончательно на точку зрения рабочего класса и прочно с ним не был связан. В пору повального увлечения марксизмом таких ин-

теллигентов было тоже не мало. Не переходя полностью на точку зрения рабочего класса, они оставались на точке зрения мелкобуржуазной интеллигенции, которая могла надеяться на почве экономического движения рабочих добиться политической свободы иными, нерабочими путями.

Авторы «Credo» отражали те же настроения отсталых слоев рабочих и мелкобуржуазной демократии, но с существенными дополнениями. Нужно помнить, что рабочее движение в России развивалось под влиянием рабочего движения на Западе; мы отмечали это и для 70-х и для 90-х годов. Влияние это шло и с положительной, и с отрицательной своей стороны. Как раз ко времени расцвета «экономизма» на Западе расцвел ревизионизм, реформизм. «Credo» было прямым перенесением реформизма на русскую почву, российским его отражением: говорить о «врастании социализма» в самодержавной России было бы совсем нелепо, и потому такое врастание было заменено врастанием в «демократию» через экономическую самодеятельность рабочих и поддержку либералов. «Экономизм» во всех его течениях и был реформизмом, приспособляющимся к русским условиям и опирающимся на отсталые (в сказанном выше смысле) рабочие слои и мелкобуржуазную интеллигенцию; в качестве реформизма он стремился подчинить рабочее движение мелкобуржуазному влиянию.

Естественно, что «экономизм» представлял для рабочего движения опасность большую, чем легальное народничество: последнее нападало извне, здесь опасность назревала извнутри. Борьба с «экономизмом» была поведена поэтому не менее, а более решительная. Мы упоминали, что еще в письме в редакцию «Рабочей газеты» Плеханов указывал, что не все помнят ту чрезвычайно верную мысль Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Приблизительно в то же время Аксельрод предусматривал возможность перспективы, когда рабочее движение, не выходя из тесного круга экономической борьбы, будет лишено политического характера, а в борьбе за политическую свободу пойдет за интеллигенцией. Еще раньше, в 1896 году, в послесловии к брошюре «Об агитации» Аксельрод указывал, что возможность «экономического» уклона скрывается в самой тактике агитации на почве экономических нужд рабочих. Когда «Credo» Кусковой дошло до России, оно вызвало протест со стороны двух колоний ссыльных, из которых во главе одной стоял Ленин. Протест, написанный Лениным, опровергал все основные положения, развитые в произведении Кусковой. Протест находил, что «русские социал-демократы должны объявить решительную борьбу всему кругу идей, нашедших себе выражение в «Credo». В частности, Ленин указывал, что осуществление программы «Credo» «было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения», что «авторы «Credo» делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия

уже достигла и которую она запечатлела на «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии».

Группа «Освобождение труда» сочла необходимым возобновить свою литературную деятельность и в особом извещении, подписанном Аксельродом и Плехановым, заявляла о своих задачах «выступить против воззрений, пропагандируемых русскими бернштейнианцами», борьба с которыми — «это борьба за существование социал-демократии в современной России». Русская социал-демократия, — говорилось в объявлении группы «Освобождение труда», — «произнесла бы смертный приговор и над своим кратковременным прошлым и над своим будущим, если бы она по совету мнимых друзей отказалась от преследования революционных задач революционными методами. Ради жалкой роли, которую предлагают ей эти «друзья», не стоило ей являться на свет божий, а усилия, потраченные на то, чтобы доставить ей преобладание над остатками старых революционных фракций, не только лишились бы всякого реального смысла, но и заслужили бы еще название преступления в историческом смысле».

Плеханов в статье «Еще раз социализм и политическая борьба», оспаривая «теорию стадии», доказывал, что рабочий класс растет в своем классовом сознании не одновременно во всех слоях, что рабочая масса «находится в нескольких «фазисах» сразу», передовые слои впереди, отсталые позади, что поэтому «иное дело весь рабочий класс, а иное дело социал-демократическая партия, представляющая собою лишь передовой — вначале очень малочисленный — отряд рабочего класса; если рабочий класс данной страны, взятый в целом (то есть также в большинстве своих членов), еще не созрел для перехода к политической борьбе, то из этого вовсе не следует, что «момент» такой борьбы еще не настал для партии, задавшейся целью политического воспитания рабочего класса. Для партии момент политической борьбы наступает каждый раз, когда она встречает повод для политической агитации». По мнению Плеханова, последовательный «экономист» неизбежно переходит к выводам «Credo». Ибо авторы «Credo» считают излишним существование социал-демократии как самостоятельной политической рабочей партии, но и не высказываются против политической борьбы: они хотят только, чтобы инициатива этой борьбы принадлежала не рабочим, а либеральной оппозиции, т. е. чтобы социал-демократы на деле превратились в простых демократов. А это именно и означало бы забвение классовой борьбы, сближение пролетариата с буржуазией. Или иначе, — формулирует Плеханов, — «торжество «экономического» направления привело бы к политической эксплоатации русского рабочего класса демократической и либеральной буржуазией».

Отдельные протесты и статья Плеханова были только началом борьбы с «экономизмом» и ревизионизмом. Закончила эту борьбу «Искра».

НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИИ

1. ДЕВЯТИСОТЫЕ ГОДЫ. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Промышленный подъем 90-х годов сменился в конце 1899 г. кризисом, который в общем протянулся на целое десятилетие. Однако наступление кризиса не понизило темпа рабочего движения, как этого можно было бы ожидать. Напротив, в первые годы XX в. движение приняло небывалый раньше размах, охватывало все большие массы и все больше приобретало политический характер. В этом сказался рост рабочего класса, приходивший во все большее противоречие с архаическим политическим строем. Именно в условиях промышленного кризиса, обрушившегося на рабочих после предшествующих лет успешной экономической борьбы, наиболее отчетливо встала перед рабочими задача революционной борьбы. Кризис, разумеется, во всех отношениях ухудшил положение рабочих, а борьба их за сколько-нибудь человеческие условия существования встретила град правительственных репрессий: экономические стачки рабочих преследовались, как и всякие их объединения. Разбуженная к борьбе предыдущим периодом промышленного подъема, рабочая масса поднималась и теперь на борьбу, но уже не только за экономические улучшения, но и за политическую свободу. Вместе с тем центр революционной борьбы еще больше, чем раньше, передвигается к рабочему классу. Углубляющиеся вообще противоречия промышленного роста страны и развития ее производительных сил с самодержавным порядком приводят в движение разнообразные элементы — и студенчество, и крестьянство, и либеральную буржуазию. Рабочие черпают в оживлении политической жизни революционную активность, своим выступлением толкают на выступления других и, опережая других, идут во главе революционной борьбы против старого порядка.

В 1899 году, как показано будет ниже, прокатилась волна студенческих беспорядков, которые произвели сильное впечатление и в рабочей среде. В Харькове демонстрации студентов нашли особенно живой отклик в рабочей среде. Аресты сотен демонстрантов, проводы высланных студентов захватывали рабочих, и среди тысячной толпы всегда были сотни рабочих, открыто выражавших свое сочувствие студентам.

Несомненно, в связи с общим политическим оживлением в стране принимает прежде всего новый характер празднование дня 1 мая — из рабочих собраний оно переходит на фабрики и на улицу.

Первомайские прокламации получают широкое распространение; рабочие приучаются в этот день не только бросать работу, но и выходить на улицу с демонстрацией. Почин положили рабочие Харькова, где 1 мая 1900 года забастовали все механические заводы и частично бросили работы типографские рабочие, булочники, портные, столяры и т. д. Две тысячи заводских рабочих двинулись с красными знаменами и революционными песнями на Конную площадь, в тот же день 3 000 рабочих района железнодорожных мастерских устроили собрание на Ващенковской леваде. В ответ на арест 150 товарищей, железнодорожные рабочие, при поддержке других рабочих, потребовали освобождения арестованных, объявив о продолжении забастовки,—в результате арестованные были освобождены.

Небывалое внушительное первомайское выступление харьковских рабочих (до того демонстрации имели место только в Польше) показало, что рабочее движение явно переходит из экономической стадии в политическую и что активность массы быстро нарастает. И действительно, рабочие не замедлили дать этому новое доказательство. Когда в начале 1901 года произошли студенческие волнения, рабочие не удовольствовались одним сочувствием, но и принимали активное участие в студенческих демонстрациях. В Харькове в день студенческой демонстрации рабочие паровозостроительного завода бросили работу и двинулись на защиту избиваемых казаками студентов. В Москве в день демонстрации со всех сторон по направлению к Тверской улице и Страстному бульвару стекались рабочие, примыкавшие к демонстрантам; рабочие пытались также освободить задержанных в манеже студентов и уже выломали двери, но были рассеяны казаками. В Казани, в связи со студенческими волнениями, забастовали рабочие Алафузовской фабрики и одной из типографий. В Петербурге в день, назначенный студентами для демонстрации (4 марта), правительство приняло все меры, чтобы не допустить рабочих в центр города. Некоторые заводы, как Путиловский, и целые фабричные районы были оцеплены войсками. Однако части рабочих удалось прорваться в город и примкнуть к демонстрантам. В Киеве 11 марта — в третью годовщину разгрома первой социал-демократической организации (11 марта 1898 г.), как пояснял киевский комитет РС-ДРП,—последним совместно с союзной студенческой организацией была устроена на Крещатике демонстрация, прошедшая вполне удачно. Было поднято красное знамя с надписью: «За политическую свободу». В Екатеринославе в том же году произошла демонстрация, поводом к которой послужило избиение в Харькове студентов и рабочих. На Екатерининском проспекте собралось до 500 рабочих, к которым присоединились студенты, выброшены были знамена с надписями «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социал-демократия!».

Демонстрации подавлялись правительством с неслыханной жестокостью и зверством. Рабочая масса получала хороший урок полит-

грамоты. Раз начавшись, борьба должна была продолжаться; начатая передовыми слоями рабочего класса, она должна была захватить и захватывала массу.

Как бы в ответ на зверское избиение студентов 4 марта, петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» назначил на 22 апреля 1901 года политическую демонстрацию рабочих. Правительство, с своей стороны, приняло меры и произвело массовые аресты среди интеллигенции и рабочих, а в день демонстрации заполнило Невский проспект солдатами и полицией. К назначенному часу на Невском собрались до 2 тысяч рабочих, полиция, не дававшая никому останавливаться на улице, разгоняла собравшиеся кучки — и демонстрация не удалась. Но напряженное настроение рабочих дало о себе знать все же скоро. 1 мая в Петербурге бастовал Невский завод и часть рабочих Путиловского и Обуховского заводов, забастовало несколько фабрик и на Выборгской стороне, выставив экономические требования. Самый день 1 мая прошел спокойно, но последующие дни показали, что рабочие готовы возместить неудавшуюся демонстрацию 22 апреля. Забастовавшие на Выборгской стороне рабочие двинулись 4 мая в город для демонстрации, но у Сампсониевского моста были оттеснены полицией. Рабочие попытались забаррикадироваться в двух переулках и, выбитые оттуда, продолжали защищаться в некоторых домах.

Еще более крупные размеры приняли тогда же события на Обуховском заводе. Здесь заводская администрация стала увольнять рабочих, не вышедших на работу 1 мая. Громадный завод, на котором тогда работало до 7 000 человек, стал. В числе требований забастовавших рабочих, помимо отмены сверхурочных работ и увеличения расценок, значились: внесение в табель праздников дня 1 мая, введение 8-часового рабочего дня, обратный прием уволенных рабочих и освобождение арестованных. Начальник завода, к которому рабочие относились хорошо, приняв требование рабочих, заявил, что ему нужно доложить о них военному министру, и обещал, что полиция ничего не предпримет против рабочих. А спустя два часа после его отъезда на завод прискакали казаки и конные городовые. На приказ разойтись, рабочие ответили смехом, на атаку конницы — градом камней. Полиция отступила, а затем, когда прибыли в подкрепление войска, снова перешла в наступление. Войска без предупреждения открыли стрельбу вдоль проспекта и в окна домов. Рабочие бросились врассыпную и, заняв два громадных дома картонной фабрики, превратили их в баррикады, забаррикадирован был также двор, примыкавший к этим домам и весь заводский переулок. Солдаты бросились в двери домов, карабкаясь в темноте по лестницам, но сверху рабочие бросали в них камни, стулья, поленья, обломки мебели и т. п.

Требования рабочих были удовлетворены — в 8-часовом рабочем дне было отказано, но рабочее время было уменьшено на один час, а в день 1 мая желающим было предоставлено право не работать. Но

спустя два месяца под благовидным предлогом все эти уступки были отменены, и 37 рабочих были преданы суду за участие в беспорядках, из них двое были приговорены к каторге, 8 оправданы, прочие были присуждены к тюремному заключению на срок от $1^1/_2$ года до 5 лет.

«В воздухе пахло революцией», писал летописец «обуховской обороны». И это, действительно, было так. Если в рабочих кварталах возводятся примитивные баррикады — не далеко время до решительной схватки. Пройдет еще всего четыре года — и всеобщая забастовка потрясет царский трон, а на московской Пресне баррикады будут с боем браться царскими войсками.

А пока борьба захватывает все новые слои рабочих, все новые города. Майский праздник все чаще переходит в уличные демонстрации. 1 мая 1901 года происходит крупная демонстрация в Тифлисе, в которой участвует до 3 тысяч рабочих. В 1902 году крупные первомайские демонстрации организованы были в Ростове на Дону, Баку, Саратове, Сормове.

В эти же годы рабочие продолжают откликаться на студенческие волнения. В феврале 1902 года киевские рабочие участвуют в студенческой демонстрации, в Москве присоединению рабочих к студентам-демонстрантам помешали только предупредительные меры правительства: все заводы и фабрики были оцеплены войсками. Общий подъем сказывается и в глухих местах и по таким поводам, которые свидетельствуют о значительной силе накопившегося в рабочей среде чувства протеста против самодержавного гнета. Так, на ст. Тихорецкая (Владикавказской железной дороги) судебный следователь изнасиловал девушку Золотову и затем отдал ее на поругание казакам. Золотова, не выдержав мучений, покончила с собой. В станице зверство это не осталось тайной, и 3 тысячи рабочих железнодорожных мастерских, явившись на похороны Золотовой, потребовали суда над насильниками, а затем разнесли станичное управление, избили казаков и полицию.

И участие в студенческих демонстрациях, и демонстрации в день 1 мая не могли не всколыхнуть широкие рабочие массы. Если раньше из факта экономической борьбы нужно было для рабочих делать политические выводы и ставить перед ними новые задачи, то теперь эти выводы сами возникали непосредственно в процессе борьбы, и новые задачи являлись естественным итогом всей сложившейся обстановки. Если в студенческих и первомайских демонстрациях активное участие принимали передовые слои рабочих, то теперь можно было уже ожидать выступления массы, которую на путь политической борьбы властно звал весь уклад не только рабочей, но и всей русской жизни.

Эту новую стадию движения наглядно показала прогремевшая в свое время стачка в Ростове на Дону. 4 ноября 1902 года забастовали рабочие мастерских Владикавказской железной дороги, выставив ряд экономических требований, через несколько дней к стачке присоединились рабочие нескольких других фабрик и заводов.

С первых же дней забастовки рабочие мастерских собирались

во дворе, где обсуждали положение дел. Когда на эти собрания стали стекаться рабочие других забастовавших предприятий, собрания были перенесены в громадную «балку» (овраг), расположенный вблизи рабочего предместья. Сюда Донской комитет РС-ДРП направил своих ораторов, и день за днем продолжались невиданные еще в России чисто рабочие митинги, на которых, в присутствии 20 —30 тысяч рабочих, произносились политические речи, раздавались политические лозунги. Несколько ораторов в ряде речей разъясняли рабочим значение выставленных стачечниками требований, подвергали резкой критике самодержавно-полицейский строй, выясняли сущность политической борьбы, ее необходимость для рабочих. Собрания эти, протекавшие в изумительном порядке и ничем не отличавшиеся от митингов на Западе, не могли не оставить глубокого следа в рабочих, не могли не вынести экономической борьбы на широкую дорогу политической демонстрации и протеста всего рабочего населения России. На вопросы ораторов, нужна ли политическая свобода, толпа отвечала единодушными криками: «Да!» «Боимся ли мы атамана?» — спросил один из ораторов собрание, окруженное, казаками. «Нет, не боимся!» — дружно ответила толпа. — «Стало быть, мы будем продолжать наше собрание?» — «Да, будем продолжать», единодушно ответило собрание. Рабочие окружали плотной стеной ораторов, чтобы укрыть их от ареста, заботливо выводили их и давали уйти незаметно, чтобы на следующий день снова их приветствовать. Власти сперва растерялись, а казаки стояли вдали, как бы безучастными зрителями собраний. Затем, к концу недели, попытались пустить казаков в атаку, но толпа, по команде ораторов, садилась на землю, и казаки отступали, не рискуя промчаться по сидящим людям; бывали случаи, когда атаки отбивались камнями. И только 11 ноября, когда собрания были распущены и в «балке» оставалось немного народу, казаки, в ответ на брошенный детьми камень, дали залп, которым шесть человек было убито и 12 ранено. Это подлило масла в огонь, митинги снова возобновились и продолжались еще некоторое время.

Рабочие стали на работу 23 ноября, так что стачка продолжалась, в общем, 19 дней. Ростовская стачка непосредственный отклик вызвала только в Новороссийске и в Тихорецкой, где тоже происходили митинги; наиболее наглядно ее значение сказалось в самом же Ростове, где, спустя несколько месяцев, в марте 1903 года, донской комитет организовал в центре города многотысячную политическую демонстрацию рабочих, которая прошла вполне успешно. Но пример ростовской стачки наглядно показал, что рабочее движение делает громадный шаг вперед — к массовой демонстрации, к массовому выступлению, которое ставит на очередь вооруженный отпор, а затем и вооруженное наступление на твердыню самодержавия.

После ростовской стачки «Искра» могла, в статье Плеханова, констатировать, что «ростовские события открыли собою новую эпоху, эпоху массовых демонстраций», а в статье Ленина подчеркнуть,

что вооруженное восстание есть следующий шаг после массовой демонстрации. «На собраниях такого рода, — писал Ленин о ростовских собраниях — мы, действительно, наблюдаем воочию, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный, практически-естественный следующий шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих такие ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности».

2. ВСЕОБЩИЕ ЗАБАСТОВКИ 1903 ГОДА

Встревоженное ростом массового рабочего движения, правительство пытается взять его в свои руки, внести в него разложение, убить в нем «яд социализма» насаждением в рабочей среде духа «лойяльности», веры, что и царское правительство может «защищать» рабочих. Выполнителем этого плана явился начальник московского охранного отделения Зубатов, который приступил в 1901 г. к организации в Москве, через своих подручных рабочих, легальных рабочих обществ. Пользуясь своей властью и содействием высших властей, Зубатов пытался через эти общества регулировать конфликты, побуждать фабрикантов итти на уступки в требованиях рабочих, — вообще показать рабочим, что легальные общества могут принести реальную выгоду. В Минске и Одессе Зубатову удалось сорганизовать на таких же, примерно, началах «Независимую еврейскую рабочую партию», причем здесь на удочку его попадались и доверчивые деятели в рабочей среде. План этот, разумеется, был обречен на неудачу, «Полицейскому социализму» в полицейской России путь меньше, чем где-либо, мог быть усеян розами. Это блестяще подтвердили стачки 1903 г., окончательно похоронившие зубатовскую затею, которая, воскреснув в Петербурге в 1904 г., сыграла роковую роль для самодержавия.

Ростовская стачка, предшествовавшие ей и за ней последовавшие политические демонстрации всколыхнули до глубины рабочую массу, усиливая в ней брожение и приводя в движение накоплявшиеся в ней силы. Было несомненно, что, если не сразу и не с одинаковой энергией, то постепенно начинает выступать м а с с а, а не только передовые с л о и ее, и притом выступать на защиту не только экономических своих интересов, но и политических прав. 1903 год дал в этом отношении вполне реальные плоды, составив новый поворотный момент в ходе рабочего и революционного движения.

1 июня 1903 г. в Баку началась забастовка на двух нефтяных фирмах Биби-Эйбатского промышленного района, затем к ним присоединились рабочие других фирм и железнодорожных мастерских. Требования всеми бастовавшими были выставлены экономические. К 4 июня забастовка приняла всеобщий характер, распространилась на Черный Городок. Стали конно-железная дорога, электрическая

станция, прервалось телефонное сообщение с Балаханами, забастовали типографии, так что газеты перестали выходить, не пошли товарные поезда, и железнодорожными рабочими была сделана даже попытка не пустить пассажирский поезд.

Стихийно возникшая всеобщая стачка протекала организованно и сопровождалась многочисленными и многолюдными собраниями. «С 9 часов утра непрерывная черная лента тянулась к Волчьим воротам, — рассказывает очевидец об одном из таких собраний 6 июля. — К 12 часам безлюдная котловина, окруженная холмами, кишела людьми. В 1 час дня сходка была открыта. Говорили 8 ораторов на разные темы. После первых двух ораторов на холмах появились два-три казака. Раздался крик: «Казаки, казаки!». Толпа на минуту встревожилась, но скоро опять успокоилась. . . Один за другим выступали ораторы, которые, воспользовавшись присутствием незванных гостей, прислужников поворной тирании, лежащей тяжким бременем на народе, указывали на необходимость политической борьбы против существующего режима. Масса, под влиянием восторженной и бурной речи пылкого оратора, успокаивалась и на угрожающий приказ уездного начальника «прекратить речи и разойтись» единогласно требовала «продолжения». . . Речь оратора, закончившаяся призывом к открытому выступлению на борьбу с гнусным правительством, была покрыта несмолкаемыми аплодисментами и революционными возгласами». Во время забастовки выходили прокламации на русском, грузинском, армянском и татарском языках. Попытка устроить демонстрацию не удалась, так как демонстранты были рассеяны казаками.

Отдельные предприниматели вступали в переговоры со своими рабочими, но рабочие отказывались от частных соглашений. Нефтепромышленники, рассмотрев требования рабочих, отказались их удовлетворить, так как они предъявлены в «незаконной» форме. Министерство путей сообщения приказало не делать железнодорожным рабочим никаких уступок, пока они не станут на работу. Движение конки и товарных поездов было восстановлено с помощью солдат. Вместе с тем в города было стянуто много войск, начались репрессии. Все это сломило стойкость рабочих, и забастовка пошла на убыль — 14 июня (местами и раньше) работы были возобновлены.

Бакинская забастовка распространилась и по Кавказу. В ответ на репрессии в Баку центральный комитет Кавказского союза РС-ДРП объявил всеобщую стачку протеста на всем Кавказе. Первым откликнулся Тифлис, где 14 июня началась всеобщая забастовка: стали все заводы, железнодорожные мастерские, конно-железная дорога, типографии и пр. Через 2 — 3 дня начали приступать к работам, и к 21 июня стачка прекратилась. Во все время забастовки происходили стычки рабочих с войсками. Наиболее кровавая стычка произошла на ст. Михайлово, где рабочие остановили поезд и отцепили паровоз. По рабочим был дан залп, которым было убито 10 человек и ранено 18.

В Батуме всеобщая забастовка была начата 17 июня, сопрово-

ждаясь митингами и уличной демонстрацией. Всего на Кавказе, включая Баку, в эти дни бастовало около 100 тысяч рабочих.

Одновременно с Баку начались забастовки в Одессе. Здесь действовала зубатовская «Еврейская независимая рабочая партия», пользовавшаяся некоторым влиянием в железнодорожных мастерских, где 1 июня и началась забастовка с предъявлением экономических требований. Независимцы препятствовали выступлению на сходках социал-демократов, а когда железнодорожное начальство обещало удовлетворить некоторые мелкие требования, рабочие, руководимые независимцами, прокричали начальству «ура» и стали на работу.

Независимцы ликовали, но несколько рано: они не видели близкого своего провала. Прошло несколько дней, и настроение рабочих железнодорожных мастерских изменилось, они поняли, что их околпачивали. 4 июля забастовали портовые грузчики, выставив требование сокращения рабочего дня и увеличения платы. По мере прибытия пароходов стали бросать работу моряки — кочегары, угольщики, матросы, тоже выставив экономические требования. Далее постепенно к забастовке присоединились рабочие заводов, кондуктора и кучера конки. Забастовавшие рабочие ходили с завода на завод, из мастерской в мастерскую, всюду приостанавливая работы.

Ход одесской забастовки обострился благодаря борьбе, которую социал-демократы должны были вести с независимцами. Последние старались потушить забастовку, а в лучшем случае — удержать ее в экономическом русле и помешать ее превращению в политическую. На собраниях они не давали говорить социал-демократам, вырывали красные знамена и т. д. Особенно бурная схватка произошла на одном из собраний в Рубовом саду. Независимцы пришли в большом числе, вывели ораторов социал-демократов из сада, угрожая передать их в руки полиции. Из-за одного оратора, которого схватили независимцы, произошла настоящая свалка, закончившаяся тем, что оратора, еле живого, вырвали из рук зубатовцев. Социал-демократам удалось, однако, сгруппировать в собрание до 10 тысяч рабочих и произнести несколько речей. Но тут независимцы получили помощь с той стороны, с какой они ее, конечно, и ожидали. Прибывшие казаки и пехота бросились в толпу, и началось кровавое избиение. Толпа, разбежавшись, собралась вновь и решила идти на демонстрацию в город. С развернутыми красными знаменами двинулись демонстранты, разделившись, по двум направлениям. Казакам удалось преградить доступ в город только одной части демонстрантов, другая же дошла до Екатерининской улицы, с криками: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода», разбрасывая по пути прокламации. А затем началась расправа с рабочими.

Если бакинская и одесская забастовки возникли самостоятельно, то в других городах, по преимуществу юга России, стачки начались в непосредственной связи с событиями в Баку и Одессе: забастовочная волна стала катиться не только по фабрикам и заводам отдельного города, но и по городам.

В Киеве первыми, по связи с Одессой, забастовали рабочие

железнодорожных мастерских 21 июля, выставив экономические требования. Начальник дорог пошел на мелкие уступки, но они не удовлетворили рабочих, и забастовка продолжалась. Затем к забастовке присоединился Южно-Русский машиностроительный завод, а за ним — рабочие большинства заводов, фабрик и типографий. Забастовавшие рабочие ходили по фабрикам и снимали с работ; бросили работу строительные рабочие, хлебопеки, трамвайные рабочие, пароходные мастерские и т. д. Полиция с первых же дней разгоняла собиравшихся рабочих и не остановилась перед кровавым подавлением забастовок. 23 июля железнодорожные рабочие собрались за городом, на Батыевской горе, но были оттуда отодвинуты казаками к городу. Рабочие спустились к вокзалу, и, собравшись у железнодорожного депо, преградили этим выход из него паровозов, причем многие рабочие легли на рельсы. Так как в это время должен был пойти поезд, а паровозов не было, то казаки бросились на толпу и разогнали ее, причем рабочие защищались камнями. Когда после этого толпа снова собралась, в нее, без предупреждения, раздались три залпа, которыми было убито три рабочих и ранено 20. 25 июля снова были даны залпы по толпе рабочих, собравшейся у пароходной пристани, причем и здесь были убитые и раненые. Кровавая расправа вызвала всеобщее возмущение и негодование в рабочей среде, а местный комитет назначил на 27 июля демонстрацию протеста, но осуществить ее не удалось, так как власти произвели массовые аресты и вообще приняли все меры, чтобы не допустить демонстрации. С 27 июля рабочие стали возобновлять работы.

В Николаеве забастовка началась с судостроительного завода Балтийского общества (21 июля). Забастовавшие рабочие устроили демонстративное шествие по городу, в котором приняло участие до 10 тысяч человек. Столкновение с войсками произошло в один из дней забастовки у элеватора, где несколько человек было ранено.

В Екатеринославе, по решению местного комитета партии, забастовка была объявлена на 7 августа. В этот день забастовали рабочие железнодорожных мастерских, которые, выбравшись со двора, окруженного войсками, направились к Брянскому трубопрокатному и гвоздильному заводам, рабочие которых присоединились к забастовщикам. В тот же день, когда часть рабочих собралась на Брянской площади, войска стали разгонять их, рабочие защищались камнями. В толпу было дано два залпа, которыми было 8 убито и 15 ранено. С утра этого дня забастовали типографские рабочие, которые также стали снимать других с работы. 8 августа на Чечелевской площадке состоялось собрание, на котором произносились речи; такие же собрания состоялись на Кайданах, на Амуре и в Нижнеднепровске. Однако настроение рабочих скоро стало падать, с 11 августа работы стали возобновляться, а 12-го все заводы были в ходу. Екатеринославский комитет в своем отчете, между прочим, отмечал, что забастовка не осталась без влияния и на крестьян. Рабочие по собственному почину отправились в близлежащие деревни и агитировали среди крестьян. В некоторых де-

ревнях крестьяне обещали присоединиться к рабочим, как только закончится уборка хлебов.

В несомненной связи с забастовками, прокатившимися по югу России, 9 сентября 1903 года в Москве забастовали рабочие всех типографий. Стачке предшествовали собрания представителей типографий, на которых выработаны были общие требования. В забастовке принимало участие до 15 тысяч рабочих, и закончилось она частичным успехом: принят был 10-часовой рабочий день (рабочие требовали 8 часов), повышены расценки. Из стачки этой вырос профессиональный союз типографских рабочих.

Из южных городов, кроме перечисленных, забастовки произошли еще в некоторых местах (Елисаветград, Керчь, Феодосия, Конотоп). Всего на юге бастовало не менее 300 тысяч рабочих. Стачки повсюду отличались тем, что они носили всеобщий характер, и тем, что экономическая и политическая стороны их тесно переплелись. В каждом городе забастовка охватывала все или почти все крупные предприятия, значительную часть предприятий мелких, включая такие, как хлебопекарни, булочные, трамвай, электрические станции и т. д. Рабочие в большинстве случаев выставляли по отдельным предприятиям или производствам экономические требования, но нередко бывали и случаи, когда бастовали, не предъявляя требований и поддерживая этим товарищей или присоединяясь к общим требованиям. Забастовки сразу же, без каких-либо промежуточных «стадий», принимали политический характер, что выражалось в многотысячных собраниях, стычках с войсками и полицией.

Стачки 1903 г. в большем масштабе продолжали дело ростовской забастовки 1902 г. — продолжали в том смысле, что, сочетав экономический и политический моменты, они вовлекли в борьбу широкие массы, раньше еще не затронутые политической агитацией, впервые столкнули эти массы с самодержавно-полицейским порядком и на опыте всеобщей забастовки показали рабочему классу его силы, внушили ему веру в себя, в дело его борьбы. Летом 1903 года в России впервые послышались уверенные шаги приближающейся революции. Чтобы понять это, достаточно было всмотреться в картину развертывающихся событий, в картину, радостную для одних, мрачную для других. «Своеобразен был вид больших городов во время стачки, — читаем в отчете, представленном русской делегацией Амстердамскому социалистическому конгрессу: — все магазины, конторы, пекарни, мастерские закрыты, конка и трамвай не ходят; извозчиков почти не видно; газет нет, поезда стоят на станциях, горы товаров заваливают платформы; пароходы и шхуны стоят на рейдах приморских городов без движения. Нет ни хлеба, ни мяса. Небольшое количество хлеба берут с бою. Нет ни электричества, ни газа, вечером на улицах темно, а в квартирах плохое освещение, свечами. Улицы не подметаются, нет ни разносчиков, ни носильщиков, ни даже чистильщиков сапог. Полный застой торговой и промышленной жизни в городе, но зато огромное оживление и возбуждение города в общественном отношении. Тысячные толпы рабочих ходят по улицам, устраивают

сходки, митинги, на которых социал-демократические ораторы произносят речи, демонстрации с красными знаменами в руках. Раздаются революционные песни и крики. Масса патрулей, полиции, городовых и солдат».

Россия ничего подобного раньше не знала и не могла знать, потому что только теперь в революционную борьбу вступала действительно революционная сила — рабочий класс. На забастовках 1903 года русские рабочие впервые пробовали свои силы в революционной борьбе и впервые применили тот метод — всеобщую стачку, которым они нанесли самодержавию удар в октябре 1905 года. «Искра» правильно учла события, когда из июльских дней делала вывод о реальной возможности и даже неизбежности революции в близком будущем.

3. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

«В 1861 году крестьяне способны были только на бунты», писал Ленин. «В течение десятилетий после 1861 года русские революционеры, геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия. К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства на революцию»[1].

По мере того, как в деревню проникали капиталистические отношения, разрушался патриархальный крестьянский быт, обострялись классовые отношения, крестьянство приходит в движение. К концу XIX века оно начинает развивать активность в борьбе с помещичьей эксплоатацией прежде всего. Движение было столь значительно, что на него обращал внимание местных властей один из циркуляров министерства внутренних дел в 1898 г. «Из поступающих в министерство внутренних дел сведений усматривается, — гласил циркуляр, — что в некоторых, преимущественно южных и юго-восточных губерниях, за последнее время возникает ряд крестьянских беспорядков, проявляющихся в виде систематических потрав помещичьих полей и лугов выгоном скота под караулами вооруженных палками, кольями и вилами людей, с нападением на помещичьих объездчиков и сторожей или значительных порубок в помещичьих лесах, при драках с полесовщиками. При захвате объездчиками крестьянского скота крестьяне, с целью его освобождения, нередко целыми деревнями совершают вооруженные нападения на экономии и усадьбы землевладельцев».

Уже эти отдельные, то там, то здесь происходившие беспорядки свидетельствовали о нараставшем в крестьянстве недовольстве. Но с особенной силой сказалось оно тогда, когда стало принимать более или менее массовый характер, не ограничиваясь одной деревней,

[1] Ленин, собр. соч., т. XI, ч. II, изд. 2-ое, стр. 221.

но захватывая целые районы. Такой характер носили волнения крестьян в части Харьковской и Полтавской губерний в марте 1902 года.

Беспорядки начались непосредственно на почве продовольственной нужды. Со второй половины марта крестьяне Константиноградского уезда (Полтавской губ.) стали группами просить помещиков, ссылаясь на недостаток продовольствия, выдать им хлеб и корм для скота. Когда помещики в этом отказали, крестьяне сами принялись брать хлеб; 25 марта несколько человек д. Лисичьей явились к арендатору ближайшего имения и заявили ему: «Убирайся, мы и наши отцы здесь работали, это все наше». Уходя, они грозили поджогами всем арендаторам, которые их разоряют. Действительно, в ту же ночь у арендатора совершен был поджог. Вслед за тем начались общие беспорядки. Крестьяне стали отбирать у помещиков и богатых казаков хлеб, корм для скота, сельскохозяйственный инвентарь. Некоторые были подвергнуты полному разорению и сожжены. Из Константиноградского уезда движение перебросилось в Полтавский уезд, а затем и на соседние, Валкский и Богодуховский уезды Харьковской губернии. Движение носило вначале организованный характер: в д. Лисичьей, откуда пошло движение, крестьяне не брали ничего, кроме хлеба и корма для скота, но, чем дальше распространялись беспорядки, тем более стихийный характер они принимали. Экономии часто разграблялись, в Валкском уезде был разгромлен свеклосахарный завод. Часть крестьян двинулась к г. Валки.

Беспорядки эти были подавлены со всей жестокостью, на которую было способно царское правительство. На защиту помещиков были присланы войска, и для расправы с крестьянами двинулись самолично губернаторы.

Одновременно с Харьковской и Полтавской губерниями волнения происходят и в других местах. В Воронежской губернии в некоторых уездах крестьяне требовали, чтобы помещики добровольно отдали им спорные земли, хлеб и скот, угрожая сжечь усадьбы и поделить всю землю по-своему. В Тамбовской губернии крестьяне требовали у помещиков хлеба, в некоторых местах хлеб, при отказе дать его, жгли. Из Полтавской губернии волнения перебросились в Херсонскую и Бессарабскую губернии — сюда уже доходили слухи, будто полтавские крестьяне поделили помещичьи земли.

Во всех местах волнения возникали стихийно, на почве острой нужды, и революционная агитация далеко не имела в них такого значения, какое старалось ей придать правительство. Агитация шла от самой жизни, доносилась из города. Когда в д. Максимовке крестьянин говорил колеблющимся крестьянам: «Не бойтесь, 1 мая начнется и скоро кончится, всем будет по 8 десятин на душу», — разве в этом не было своеобразное отражение в крестьянском сознании слухов о первомайских выступлениях рабочих? Именно 1 мая что-то начнется, и крестьяне получат по 8 десятин на душу, — ведь и рабочие получают «на душу» по 8 часов работы. Другой крестьянин, облачившись в пиджак и белую фуражку, называл себя «студентом»,

а когда его арестовали, крестьяне говорили: «Надо и студента освободить». Вообще по деревням ходили слухи о каких-то таинственных «студентах», — и не было ли это отражением студенческих волнений? Влияние на крестьян со стороны рабочих, вернувшихся в деревню в год промышленного кризиса, отмечали и чиновники, расследовавшие крестьянские волнения. «Толпа рабочих обратилась, за недостатком занятий на заводах, в деревню, — пишет один из чиновников, — эти недовольные событиями люди, успевшие притом там, в этой специальной заводской обстановке набраться новых идей, часто весьма вредного направления, внесли в деревню много такого, что жадным ухом крестьянами слушалось и комментировалось на свой лад». «Воровские прелестники», которыми по мнению Плеханова-народника, должны были быть рабочие в деревне, теперь, действительно, нашлись, но это были не отдельные распропагандированные рабочие, а «массовики», побывавшие в переделках, видавшие городские виды.

Нужно отметить и еще одно обстоятельство, о котором не умолчал наш чиновник, это — роль в движении отставных солдат. С сокрушением говорит чиновник в своем докладе, что часто руководителями волнений выступают люди, «носившие воинское звание». В одной из деревень отставной солдат повел толпу, вооруженную кольями, на солдат, к которым обратился со словами: «Не стреляйте в крестьян, им есть нечего, у них земли нет». «Я, унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка, знаю, что они не смеют стрелять», кричал он крестьянам.

Конечно, все это было еще только слабыми новыми штрихами в крестьянской жизни. Темноты, самой беспросветной, было хоть отбавляй. Среди крестьян ходили слухи, что «царь уехал к теще», а вместо себя оставил «управляющего», который и «разделывает панов», причем передавалась и такая подробность: «Царь спросил у синода: «Кто у вас хозяин, когда вы уезжаете»? Синод ответил: «Управляющий». «Можно мне назначить?» — «Можно». Тогда царь, по примеру синода, назначил управляющего, а сам поехал к теще. Раньше эти настроения и эти легенды господствовали безраздельно, теперь в них оказалась уже брешь. Деревня стала подпадать влиянию города, она еще держалась за царя, но уже знала о «студенте» и городском рабочем. И потому, давая оценку политической стороне крестьянских волнений 1902 года, наш чиновник мог так формулировать свои выводы: «1) Прежде всего, крестьянские массы выказывали свою готовность к организации и быстрому передвижению; 2) затем события указали, что в деревне уже нарождается тип умелых, своих собственных агитаторов». Это значит, что в крестьянстве обозначался сдвиг, опасный как для помещиков, так и для самодержавного порядка.

4. СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Студенческие волнения, происходившие еще в 50-х годах, в пореформенное время затихли, а затем, возобновившись в 80-х годах,

особенно усилились в конце 90-х годов. До последнего времени они носили по преимуществу академический характер, вращались в кругу чисто студенческих интересов (университетский устав, протест против действий отдельных профессоров, требование свободы студенческих сходок и т. п.). С начала 90-х гг. студенческие волнения начинают принимать политический характер (волнения в Московском университете в 1894 г. в связи с ходынской катастрофой во время царской коронации, когда погибли тысячи народа, в Киевском и других университетах в 1897 г. по поводу самоубийства в тюрьме студентки Ветровой). Оживление студенческого движения и политический его характер находились в несомненной связи с выступлением рабочих, с оживлением в рабочем движении и свидетельствовали о нарастании недовольства и активности в широких кругах мелкой буржуазии, из среды которой и выходило тогда громадное большинство студентов.

Первые крупные волнения произошли в петербургском университете в феврале 1899 г. в связи с воспрещением университетским начальством празднования годовщины основания университета. Студенты освистали во время торжественного акта ректора, а затем, когда при выходе студентов на улицу полиция стала избивать их, 10 февраля на сходке была объявлена забастовка. 12 февраля бастовали все высшие учебные заведения Петербурга, а через несколько дней забастовка охватила провинцию, так что всего бастовало до 25 тысяч студентов. Движение принимало явно политический характер, хотя руководящие студенческие организации и считали его «общественным», а не революционным. Правительство, впрочем, поспешило уяснить студентам смысл их выступлений. Для расследования беспорядков был назначен генерал Ванновский, который попытался применить тактику «сердечного попечения» — вступил в переговоры со студенческими делегатами, возвратил высланных студентов. Студенчество поверило и забастовку прекратило. Однако вскоре возвращенные студенты были снова арестованы, начались также исключения студентов, замешанных в движении, из университетов. Тогда 1 марта забастовка возобновилась, причем на этот раз она студенческими организациями понималась уже как протест против политического бесправия страны вообще. Правительство ответило новыми репрессиями, арестами, высылками, и 22 июля 1899 г. издало правила об отдаче в солдаты студентов за участие в беспорядках.

Мера эта не осталась пустой угрозой и осенью 1901 г. была применена к 183 студентам Киевского университета. Расправа эта вызвала ряд новых волнений, направленных на борьбу с правилами 1899 г. Движение поднимается на более высокую ступень и переходит в уличные демонстрации. Ленин писал в это время в «Искре» по поводу правил 1899 г., что «все сознательные элементы, во всех слоях народа, обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов», а во главе этого движения должны стать передовые рабочие и социал-

демократические организации. «Лучшие представители наших образованных классов, — писал Ленин, — доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и итти в ряды социалистов. И тот рабочий не достоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему,—рабочий должен придти на помощь студенту».[1]

Призывы эти не успели дойти до России, как студенчество вышло для протеста на улицу, а рабочие пошли ему на помощь. Первыми начали харьковские студенты, устроившие демонстрацию в день 19 февраля 1902 г., в которой принимало участие свыше 6 тысяч человек и к которой, как мы уже рассказывали выше, примкнули рабочие. Подобные же демонстрации произошли и в Москве, Петербурге, Киеве, Казани и других городах. Движение, сосредоточенное вокруг требования отмены правил об отдаче в солдаты, носило ярко политический характер, который был еще поддержан убийством Карповичем министра народного просвещения Боголепова и покушением Логовского на жизнь Победоносцева. Участие в демонстрациях рабочих придавало студенческому движению новую силу, толкало его дальше по пути политической борьбы.

Правительство, подавляя движение репрессиями, пыталось снова испробовать «сердечное попечение». Ванновский, назначенный министром народного просвещения, издал правила о легализации студенческих организаций в духе обычной полицейщины. 5 февраля 1902 года общая сходка Петербургского университета, отвергнув новые правила, объявила забастовку с демонстрацией; к университету присоединились прочие высшие учебные заведения Правительство ответило на это закрытием учебных завдений. 8 февраля, в день годовщины университета, студенты собрались в Народном доме, где шел спектакль и прокричали «ура» университету, после чего произошло избиение их полицией. Общее возбуждение росло и нашло себе выражение в демонстрации, устроенной 3 марта на Казанской площади. Несмотря на принятые полицией меры, студентам удалось развернуть красные знамена, направиться к католической церкви, находящейся вблизи Казанского собора. Казаки бросились врассыпную и разогнали демонстрантов, применяя по обыкновению нагайки.

Волна таких демонстраций прокатилась и по другим городам. В Киеве объявили забастовку студенты университета и политехникума. 2 февраля здесь состоялась на Крещатике большая демонстрация при участии значительного числа рабочих. Было поднято красное знамя, которое развернулось на некоторое время, пока полиция не бросилась на толпу. Произошла жестокая схватка, демонстранты защищали знамя, но оно было, в конце концов, вырвано конным полицейским, а знаменосец был тяжело ранен.

---

[1] Ленин, собр. соч., т. IV, изд. 3-е, стр. 72.

Особенно бурные формы приняло движение в Москве, где 9 февраля в университете состоялась общая сходка, которая приняла следующую резолюцию: «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзии академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований... Общеполитическая программа заставляет нас вынести наш протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих и общества готовы силой поддерживать наши требования».

Так, студенческое движение принимало все более напряженный характер политической борьбы. От сходок оно перешло к забастовке, от забастовки — к уличным демонстрациям, от академических интересов — к политической борьбе. Состоявшийся в 1903 г. студенческий съезд отверг академическую борьбу и в качестве средства борьбы выдвинул: систематическую агитацию на сходках, устройство митингов на публичных лекциях, забастовки в дни важнейших политических событий (19 февраля, 1 мая и т. д.), уличные демонстрации.

5. ВОЗРОЖДЕНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА.—СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Студенческие волнения говорили о росте революционного настроения не только в среде учащейся молодежи. Студенчество представляло собою передовой отряд тех общественных классов, из которых оно само вышло, а студенчество того времени в массе своей поставлялось буржуазными, главным образом, мелкобуржуазными элементами. Разночинец старого типа, каким мы его наблюдали раньше, теперь исчез. При неразвитых общественных отношениях, при только еще складывающейся идеологии общественных классов, разночинцу-интеллигенту, в известном смысле, принадлежала идейная гегемония, — он господствовал не только в передовой литературе, но и в революционном движении, которое, как мы знаем, долгое время было движением разночинной интеллигенции. Теперь положение стало радикально изменяться. Классовое расчленение все глубже захватывало широкие общественные слои, классовая борьба оформлялась, и каждый из общественных классов создавал свою идеологию, выдвигал свою интеллигенцию. В этом процессе общественно-классового расслоения растворился разночинец-интеллигент, этому же процессу подпало и студенчество. Чем больше разгоралась политическая борьба и чем определеннее делались ее цели, тем тоньше становятся нити, связывающие студенчество в одно целое; за общей задачей свержения самодержавия начинают отчетливо видneться те особые задачи, какие поставит себе каждый класс, и с ним каждая часть студенчества, на другой день после этого свержения. Падало влияние студенческих «союзных» советов, и повышался авторитет политических партий. Полностью процесс этот развернулся позже, когда студенчество, наряду с организациями социал-демократов

и социалистов-революционеров, знало фракции академически-черносотенные, отражавшие настроения реакционного дворянства, и фракцию партии народной свободы (кадетов), представлявшую студенческую разновидность буржуазного либерализма. Но теперь такого резкого расчленения еще не было и, распределяя свои симпатии между революционными партиями, студенчество еще более или менее сплоченно выступало в борьбе с самодержавием. Студенческое движение в общем оставалось еще неоформленным движением мелкобуржуазной интеллигенции по преимуществу.

Это движение, в связи с нарастанием крестьянского движения, ближайшим образом привело к возрождению революционного крыла народничества, которое всегда и раньше связывало свои надежды с движением интеллигенции и крестьянства. Однако это не было и не могло быть простым возвращением к народничеству 70-х годов. Экономическая эволюция России произвела столь глубокие изменения в строе ее социальных отношений, внесла в него столько нового и так много уничтожила старого, что для старых народнически-революционных утопий места не оставалось. Необходимость политической борьбы теперь уже не оспаривалась, трудно было оспаривать и значительные успехи, сделанные в России капитализмом. Народничеству, как это мы уже отчасти видели, приходилось поэтому ориентироваться в новой обстановке и к ней приспособляться. На рубеже XX века народническое учение находится в состоянии кризисного брожения, в нем борются два течения — одно, которое более последовательно идет на пересмотр своих старых позиций, и другое, которое старается сохранить основы старого. С начала второй половины 90-х годов в разных местах (Саратове, Киеве, Воронеже, Минске, Одессе и др.) образуются революционно-народнические организации, принимающие название групп и союзов «социалистов-революционеров». Группы эти остаются между собой слабо связанными и разными путями идут к разрешению программных и тактических вопросов. В августе 1897 года некоторые группы (воронежская, киевская, полтавская, харьковская, петербургская) устраивают съезд в Воронеже, наметивший основы программы, на съезде тех же групп в Полтаве программа эта была принята в ноябре 1897 г.

Программа, как она была принята на полтавском съезде, отступала от народнических воззрений и во многом принимала точку зрения социал-демократии. «Со времени освобождения крестьян, — говорилось в ней, между прочим — в экономической жизни России произошли глубокие изменения, с которыми по необходимости должна считаться всякая революционная партия.» Изменения эти программа видела в быстром развитии капитализма, в расслоении крестьянства, признавала она и усиливающееся разложение общины. Но все же сваливала в одно целое и крестьян, и рабочих, и ремесленников, и кустарей, и бессильно билась в тисках старых народнических представлений о «трудовом народе», в котором тонули всякие классовые различия. Полтавская программа была построена на компромиссе, а уклон ее в сторону социал-демократии, отражая сильное

воздействие на ее авторов рабочего движения, привел к тому, что наиболее последовательные сторонники программы переходили в ряды социал-демократов. Более близко отражал воззрения народнических кругов «Союз социалистов-революционеров», образовавшийся в Поволжьи (Саратов). Конечно, и саратовская программа не предается более утопии о возможности в России немедленной социалистической революции, а, наоборот, утверждает, что «экономический строй России не дает никаких оснований для того, чтобы надеяться на возможность непосредственного осуществления в ближайшем будущем идеала социализма». Но если полтавская программа исходила из признания быстрого капиталистического развития страны и классовой борьбы, то для саратовской программы многое в этом отношении еще остается открытым, как остается открытым и основной вопрос: «Ждет ли нас та же картина смены капиталистических фаз, какие пережил и переживает Запад, или же наше экономическое будущее не лишено некоторых особенностей, создаваемых своеобразными историческими условиями». При таком анализе экономической действительности России всякое классовое отличие промышленного пролетариата от крестьянства исчезает. «Перед нами, — пишет программа, — авангард рабочего класса — фабрично-заводской пролетариат; перед нами, далее, многомиллионная масса крестьянства, подавляющим большинством которого является земледельческий пролетариат.» Однако отсюда не следует, что программа рассчитывает на революционную борьбу рабочих и крестьянских масс. Фабричный пролетариат, по мнению программы, в союзе с социалистической интеллигенцией, является «главной опорой партии». Что касается крестьянства, то программа отводит ему важную роль только в будущем, а в настоящем не считает его главной опорой «для достижения политической свободы». Но в таком случае на кого падает вся тяжесть борьбы с самодержавием? Саратовская программа продолжает стоять в этом вопросе на точке зрения «Народной воли». Дело разрушения существующего политического строя должно вестись, отвечала программа, «лишь от имени социально-революционной партии, покоящейся на принципе заговора и связанной с окружающим населением органическими нитями массового сочувствия, а также деятельной поддержкой в форме открытого протеста и непрерывного появления отрядов новых борцов на смену уходящих». Таким образом, как и по представлению старых народовольцев, политический переворот совершает социально-революционная партия, как партия заговора, действующая лишь в атмосфере общественного сочувствия и открытого протеста сочувствующих общественных элементов. Естественно, что саратовская программа выдвигает и политический террор как средство дезорганизации правительства, пропаганды и агитации.

Эти воззрения саратовской программы получили торжество и легли в основу программно-тактических взглядов социалистов-революционеров. Программная статья «Вестника русской революции» (1902 г.), заграничного журнала партии с.-р., признает, что

«рост пролетариата и стихийная выработка в нем классовых интересов сделали значительные шаги вперед», и это дает возможность притти к тому выводу, что «сторонники революционного социализма могут работать теперь среди пролетариата при неизмеримо лучших условиях, чем то делала «Народная воля», и, организуя рабочую армию в центрах во имя демократического переворота, удовлетворять нарастающей теперь потребности политической борьбы среди трудящихся, которые не могут же примириться на исключительно «экономической» борьбе и с радостью будут итти рука об руку с революционной интеллигенцией». На этом, собственно, и кончились уроки, извлеченные социалистами-революционерами из экономической эволюции России. В дальнейшем отношение к рабочему классу строится исключительно на том, что пролетариат более восприимчив к революционной пропаганде и агитации. Как у народовольцев, так и у с.-р., рабочий стоит рядом с интеллигенцией, крестьянством, солдатами, и революционная роль каждого из них оценивается не с точки зрения положения их в классовом обществе, а с точки зрения пригодности к революционному воздействию со стороны «социалистической интеллигенции».

При таких воззрениях террору отводится, конечно, первенствующее место. «Террористическая деятельность «Народной воли», — писал «Вестник русской революции», — отвечала насущной необходимости революционной борьбы, отвечала исторической, до сих пор еще неразрешимой задаче низвержения самодержавия, отвечала, наконец, настроению всех живых сил общества». «Революционная Россия» видела в терроре оружие, поражающее врага, ободряющее друзей и потрясающее страну, признавала его и как акт самозащиты, и как средство агитации. А прокламация по поводу убийства министра внутренних дел Сипягина чуть ли не слово в слово вторила теории 70-х годов о «террористической революции»: «Против войны у самодержавия есть солдаты, против революционной организации — тайная и явная полиция, но что же спасет его от отдельных личностей или небольших кружков, беспрерывно, неизвестно даже друг от друга, готовящихся к нападению и нападающих? Никакая сила не поможет против неуловимости». Хотя социалисты-революционеры неоднократно заявляли, что террором они хотят не заменить, а только дополнить и усилить «массовую борьбу», но такому утверждению противоречило уже само обоснование и оправдание террора, преемственно воспринятое от народовольцев, которые на массовую борьбу не рассчитывали. Массовая борьба, в особенности в такое время, когда революционная организация отставала перед быстрым ростом движения, требовала прежде всего, чтобы все силы были отданы этой борьбе; дополнить и усилить массовую борьбу значило бросить в массу еще больше революционных сил. Проповедь же террора словом и делом могла только ослабить массовое движение, поскольку вселяла в массу веру в это чудодейственное средство, которое и врага разит, и друга радует, и обладает волшебным свойством шапки-невидимки.

Но наибольшую путаницу обнаружило возродившееся народничество в вопросе, в котором оно считало себя по традиции наиболее компетентным — в вопросе крестьянском. Полтавская программа говорила о расслоении крестьянства и о разложении общины, отдавая слабую дань народнической иллюзии о социалистической природе крестьянства. Позднейшие социалисты-революционеры как раз эту дань свыше всякой меры умножали. «Вестник русской революции», в цитированной нами статье, не отрицал разложения общины, но приписывал его более царской политике, чем «самопроизвольному процессу распадения» общины, так что если бы не эта политика, то и община сохранилась бы. Не отрицал «Вестник» и образования в крестьянстве группы мироедов и группы зажиточных хозяев, но утешал себя тем, что «процесс просвещения и рост сознания» вырабатывает сельскую интеллигенцию, которая, очевидно, может восполнить исчезнувший «общинный дух». Манифест «Крестьянского союза партии с.-р.» исходил из того положения, что крестьянин просвет к лучшей жизни видит в прирезке земли, что неутоленная жажда земли сплачивает крестьянство «в страстном чаянии общего коренного переворота в землевладении, общего перехода всей земли от землевладельцев к земледельцам». Признает «Манифест» и то, что крестьянство смутно представляет себе, должна ли земля перейти в руки всего народа, отдельных общин или отдельных домохозяев. Казалось бы, что от таких настроений до социализации земли еще дистанция значительного размера. Но, рассуждает «Манифест», если социалистическую идею удается уложить в мозг рабочего, мечтающего лишь о повышении заработка, то почему идеи этой нельзя втолковать крестьянину. Для социалистической пропаганды крестьянство пригодно не менее, чем рабочие, ибо, — и здесь воскресает полностью старая народническая утопия, — социалистический идеал в «зародышевой форме» уже живет в голове крестьянина и «подготовительные элементы» его «уже существуют в России». Крестьян нужно только убедить в том, что раз «большая доля территории» России принадлежит государству, то надо, чтобы «вся территория» принадлежала народу, и что раз крестьянство в большинстве случаев пользуется землей «в уравнительном распределении», то надо, чтобы такое распределение было доведено до конца. И, позабыв, что крестьянство жаждет только прирезки земли и что оно само не знает, кому принадлежать должна земля — народу, общине или частному собственнику, «Манифест» требует в качестве программы-минимум в первую очередь социализации земли и затем. . . развития в крестьянстве кооперации «для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала и для подготовления грядущего коллективного земледельческого производства». Эта программа «минимум», ставящая рядом социализацию земли и кооперацию, замечательна в особенности еще тем, что она требовала социализации земли, т. е. уничтожения частной собственности на землю, не требуя уничтожения частной собственности вообще и допуская этим, что «социализация» в деревне

*

может мирно сосуществовать с капитализмом в городе. «Если бы можно было серьезно отнестись к этой программе, — писал Ленин в «Искре», — то нам бы пришлось сказать, что, обманывая себя звуком слов, с.-р. обманывают и крестьянина. Это — обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии. Это — обман, будто, как «минимум», как нечто столь же близкое, как кооперации, можно ставить в виду «крестьянства» — социализацию земли. Всякий социалист пояснил бы нашим с.-р., что уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще, что одна передача земли в «пользование трудящимся», еще не удовлетворила бы пролетариат, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства не в состоянии уже вести хозяйство на земле, даже если бы она у них была. А снабжение этих разоренных миллионов орудиями, скотом и пр. было бы уже социализацией всех средств производства и требовало бы социалистической революции пролетариата, а не крестьянского движения против остатков крепостничества». [1]

«Социализация» земли без социализма не могла означать ничего другого, как отражения в «звуке слов» земельного голода крестьян, стремления их получить землю, всю землю, хотя бы в порядке всеобщего «черного» передела. В этом отношении социалисты-революционеры радикально отличались от народников-революционеров 70-х годов. Последние, хотя и утопически, имели в виду социализм, вплоть до упразднения государства и всякой собственности; они не выделяли «социализацию земли», потому что верили, что крестьянство, поднявшись на революцию, реализует свои «идеалы» полностью, т. е. полностью реализует социализм; их заблуждения понятны в обстановке социально-отсталой России, полного затишья и в рабочей, и в крестьянской среде. Социалисты-революционеры имели перед собой капиталистическую Россию и деревню, в которой уже не могло остаться никаких следов «идеала», если бы даже он раньше существовал, — деревню мелкособственническую; они имели перед собой обостренную классовую борьбу и пролетариат, который уже шел впереди других в революционной борьбе. Для подлинно социалистической работы подлинных социалистов теперь уже не требовалось никакой утопии. В такой обстановке «социализация земли», этот, по выражению с.-р., «единственный лозунг, с которым могут явиться социалисты в сермяжный мир угнетенных и обездоленных крестьян», была по сути социалистическим прикрытием мелкобуржуазного подхода к крестьянству, стремлением передать землю в руки крестьян, которою они распоряжались бы, конечно, не по-социалистически, — это было выражение крестьянской стихии, собственнической и мелкобуржуазной.

Настроениям мелкой буржуазии отвечал и террор. Бессильная

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. V, изд. 3-е, стр. 159.

сама по себе, как класс, мелкая буржуазия, в особенности из среды ее интеллигенции, могла выделить самоотверженных личностей, готовых отдать свою жизнь за дело свободы; отсюда вера, что дело этих личностей может если не заменить всецело, то дополнить массовую борьбу и придать ей новую силу. Достойно внимания, в частности, что террористическая деятельность социалистов-революционеров расцветала на почве уже сказавшихся террористических настроений в среде по преимуществу учащейся молодежи. Покушения Карповича на жизнь Боголепова, Лаговского — на жизнь Победоносцева были единоличными актами, предпринятыми по личному почину, а не по почину каких-либо партий. Только после этих актов социалисты-революционеры перешли от слов к делу. 2 июля 1902 г. Балмашевым был убит Сипягин, 26 июля того же года Качура стрелял в харьковского губернатора Оболенского, 6 мая 1903 г. был убит уфимский губернатор Богданович. Все эти акты были подготовлены и приведены в исполнение боевой организацией партии с.-р.

6. «СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Плеханов писал в брошюре «Социализм и политическая борьба» (1882 г.): «Если немецкая буржуазия «пришла слишком поздно», то русская запоздала еще больше, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не «слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса». Предсказание Плеханова оказалось пророчеством, с тем лишь дополнением, что русская буржуазия не дошла и до господства. С 60-х годов либеральная буржуазия не переставала мечтать об «увенчании здания» реформ, т. е. о конституции, но долгое время способной оказалась не требовать, и даже не просить, а намекать самодержцу о таком «увенчании». Адресов и петиций царю, главным образом, от земства можно насчитать не мало, но на них самодержцы, сменявшие один другого, обращали мало внимания, отвечали ограничением прав земства, а в иных случаях и репрессиями. Наиболее смелый шаг сделали, как мы упоминали, в конце 70-х годов черниговские земцы, вступившие в переговоры с землевольцами о прекращении террора, однако и в этом случае более, чем сомнительно, осмелели ли бы либералы, если бы революционеры и приняли их предложение.

К концу 90-х годов земско-оппозиционное движение усилилось. Эта оппозиция помещиков питалась мировым кризисом на хлебном рынке, находившим свое отражение в России, и политикой правительства, которое как раз в эти годы усиленно покровительствовало промышленности. Падение цен на хлеб и связанный с ним кризис сельского хозяйства помещики приписывали политике правительства, которое якобы мало заботится о землевладельческом классе. В противоположность промышленному капиталу, не обнаружив-

шему никаких признаков оппозиции, значительные помещичьи круги проявляют все большее недовольство царской политикой, а под влиянием рабочего и студенческого движения, выявлявшего недовольство широких масс, и большую смелость. Либеральные земцы устанавливают между собой связи, устраивают частные совещания во время всякого рода съездов, намечают те вопросы, которые следует поднять на земских собраниях. Однако движение это некоторое время носит еще скромный характер, осторожно обходя основные политические вопросы русской жизни.

Навстречу ему шло движение начинавшего оформляться буржуазно-демократического крыла русской интеллигенции. Неудавшаяся попытка «Народного права» вовлечь в сферу влияния демократической интеллигенции либеральные круги находит теперь более благоприятную обстановку как в росте земской оппозиции и общем политическом оживлении страны, так и в расслоении самой интеллигенции, часть которой определенно склоняется в сторону буржуазной демократии. Во главе этого нового течения становится Струве, бывший марксист, начавший издавать в 1901 г. за границей журнал «Освобождение», вокруг которого летом 1903 г. организуется «Союз освобождения», как первое политическое объединение либеральной буржуазии и буржуазно-демократической интеллигенции.

По выражению Плеханова, на долю этой интеллигенции выпала идеологическая европеизация русской передовой буржуазии, приготовление духовного оружия ее, которое соответствовало бы ее оппозиционному настроению; ревизионизмом она пыталась оплодотворить либеральную буржуазию, а так как задача эта была явно безнадежна, то, как писал Плеханов, «очень скоро «критика Маркса» сделалась просто «критикой», а просто «критика» свелась к разогреванию и переделке на новый лад старых буржуазных теорий».

Программа журнала «Освобождение» строилась на приспособлении к неоформившемуся еще земскому либерализму. В первом же номере «Освобождения» заявлялось, что оно желает выражать «исключительно бессословное общественное мнение» и объединить «те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе». Но эта задача была не менее утопична, чем попытка приспособить к нуждам буржуазии марксизм, так как не бывает таких общественных групп, которые не только не имели бы возможности, но и не вступили бы на путь классовой борьбы; исключения из такого общего правила не составляла и земская группа, от имени которой говорило «Освобождение». Поэтому и программа, которую выдвигало «Освобождение», была вовсе не «всесословной» программой, а программой умеренной либеральной буржуазии, считавшей свои интересы лучше всего защищенными лишь при осуществлении умеренно-политических требований. Программа выдвигала требование созыва «всесословного представительного собрания», причем роль учредительного собрания при выработке конституции должно было сыграть собрание представителей от земских учреждений

и городских дум больших городов, т. е. выработать конституцию и определить характер будущего «всесословного представительного собрания» должна была исключительно буржуазия, так как в ее руках находились и земские собрания, и городские думы. Программа снимала при этом с очереди ближайшие вопросы как политического устройства страны, так и социальных реформ: предполагалось, что политические вопросы возникнут при выработке конституции, что же касается социальных вопросов, то постановка их будет уместна лишь после созыва учредительного органа. Вполне конкретным в этой программе было, таким образом, лишь требование созыва представителей земских собраний и городских дум для выработки конституции, а этим в руки буржуазии отдавалось разрешение всех прочих вопросов политического и социального устройства России.

Само собой разумеется, что из «других общественных групп», привлечь которые к общей борьбе рассчитывало «Освобождение», к такой программе могли примкнуть только группы, стоявшие вправо, а не влево от умеренно-либеральной буржуазии. И действительно, «Освобождение» в числе своих сторонников считало славянофильскую группу земцев (Шипов, Стахович и др.), которые выражали настроение земского «центра», склонного к «единению с царем» в форме какого-либо совещательного органа.

Этой идиллии, представлявшей себе дело таким образом, что все обойдется без революции и судьба политического преобразования России будет находиться в руках помещичье-буржуазного либерализма, положили конец обострившаяся в стране политическая борьба рабочего класса и крестьянские волнения 1902 года. Все более тускнела надежда на то, что правительство пойдет на уступки под давлением мирной оппозиции, и вместе с тем выяснялось, что либеральные земцы отнюдь не будут единственными вершителями судеб России. Крестьянские волнения говорили о близкой для помещиков опасности взрыва аграрной революции, рабочие стачки и демонстрации свидетельствовали о вступлении в политическую борьбу пролетариата, в студенческом движении нельзя было не видеть вступления в политическую борьбу широкой массы мелкой буржуазии. В связи со всем этим начинают «леветь» и «освобожденцы», и земские «конституционалисты». Перед ними стала задача обеспечить за собою влияние в развертывающихся революционных событиях, а для этого, в изменившейся обстановке, они должны были выставить такую программу, которую приняли бы не вправо стоявшие, а стоявшие влево, т. е. прежде всего мелкобуржуазные группы. «Освобождение» поэтому отказалось выражать мнение всего земского движения и выдвигало задачу организации земцев-конституционалистов, требуя выработки такой демократической программы, которая могла бы объединить «передового дворянина с разночинцем и крестьянином». В это время «Освобождение» впервые принимает требование учредительного собрания (вместо земского собора), всеобщего избирательного права и социальных реформ, в частности допуская в известных случаях принудительное отчуждение помещи-

чьих земель. Летом 1903 г. кладется начало «Союзу освобождения», в который входят как земцы-конституционалисты, так и разные группы буржуазно-демократической интеллигенции (земские служащие, адвокаты, профессора и т. д.). Этим самым обозначался разрыв — не надолго, впрочем, — между поземельно-дворянской реакцией и земско-либеральной оппозицией, и начиналось политическое и социальное оформление либеральной буржуазии.

7. «ИСКРА» И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Мы могли убедиться, что к началу XX века характер и направление революционного движения радикально изменились. В центре и во главе этого движения стал рабочий класс, а не революционная интеллигенция, как это бывало раньше. Если и в рабочем движении революционная интеллигенция играла теперь крупную роль, внося в него революционно-социалистическое содержание, то от такого внесения получались и должные результаты, потому что научный социализм, который, по определению Энгельса, есть теоретическое выражение рабочего движения, соединялся с движением революционного класса. Вместе с тем изменилась и обстановка рабочего движения. На сцену выступили и другие классы, и новые партии. Социалисты-революционеры своим учением о полном объединении всего «трудового народа» пытались отвлечь рабочих с пути самостоятельной классовой борьбы и превратить его в сотрудника мелкой буржуазии. К тому же клонили, только в сторону либеральной буржуазии, «критики Маркса», попытки которых приспособить марксизм к нуждам буржуазии означали не что иное, как стремление притупить классовую борьбу и внушить рабочим мысль, что они многого могут добиться в союзе с буржуазией и в рамках капиталистического строя.

Все это перед социал-демократией выдвигало новые и сложные задачи. Между тем, организации были слабы, жили в условиях идейного разброда, с господством в иных местах «экономизма». Революционное рабочее движение, предъявлявшее свои запросы, снова готово было перерасти революционное учение. Предстояло поэтому прежде всего восстановить влияние в рабочем движении революционной социал-демократии, какою она сложилась в теоретической работе группы «Освобождение труда» и в практической работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в середине 90-х годов. Во главе этого движения становятся возвратившиеся из ссылки деятели петербургского «Союза борьбы», Ленин, Мартов и Потресов. План их сводился к тому, чтобы образовать ядро центральной партийной организации, которая могла бы объединять деятельность местных комитетов, обслуживая их всесторонне, для чего она должна была обладать техническими и материальными средствами, равно как опытными пропагандистами, агитаторами и организаторами. На почве этого обслуживания должно было

совершиться «завоевание» местных комитетов идеями централизма и революционно-политической борьбы.

План этот сразу же встретил довольно широкое сочувствие, так как разобщенность организаций и отсутствие руководящего центра остро чувствовались многими. В это же время, весной 1900 г., заграничным «Союзом с.-д.» подготовлялся второй съезд партии, который должен был восстановить, точнее, создать партию, так как после первого съезда партия не имела центра. Левые круги социал-демократии решили поставить на этом съезде вопрос об избрании Ленина, Мартова и Потресова в редакцию «Рабочей газеты», выпуск которой предполагалось возобновить; Ленин должен был быть на съезде делегатом от группы «Освобождение труда». Однако съезд, в виду арестов, не состоялся, и плана этого осуществить не удалось. Тогда решено было создать социал-демократическую политическую газету и с помощью ее начать дело воссоздания партии.

В декабре 1900 г. вышел первый номер газеты «Искра», программа которой была изложена в особом редакционном извещении. Редакция указывала, что в то время, как в рабочем движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать определенную физиономию и организацию, в среде практически-действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатание мысли, увлечение модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой», распространение взглядов так называемого экономического направления и в неразрывной связи с этим — стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Практический вывод отсюда: русские социал-демократы должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем социал-демократии. Но создать и упрочить партию значит, прежде всего, выработать прочное объединение, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая царит среди русских социал-демократов, закрепить это объединение партийной программой и затем создать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения. «Прежде чем объединяться, — писала далее редакция «Искры», — и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. . . Мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других».[1]

[1] Ленин, Собр. соч. т. IV, изд. 3-е, стр. 39 и 40.

В первых номерах «Искры» напечатана была статья Ленина, в которой разъяснялась организаторская роль газеты. «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор, — писал Ленин. — В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий». Эта сеть агентов, по мнению Ленина, должна создать остов организации, которая сможет охватить всю страну, провести строгое разделение труда, способную при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» вести неуклонно свою работу. «Если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, — писал Ленин, — то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им».[1]

Свои удары «Искра» направила прежде всего против «экономизма», с которым было покончено быстро, так как он изживался самым ходом рабочего движения и общественной атмосферой, все более насыщавшейся политикой и политической борьбой. Последним и наиболее сильным ударом по «экономизму» была брошюра Ленина «Что делать» (1902 г.), которая окончательно добила и так называемое экономическое направление, и кустарничество в революционной работе. Быстрой ликвидации «экономизма» содействовали также «агенты» и друзья «Искры», начавшие на местах борьбу за оздоровление партийных организаций.

Свои полемические и политические удары «Искра» направляла и в другую сторону, прежде всего в сторону русских «ревзиионистов», «критиков Маркса». При этом «Искра» боролась с ревизионизмом не только как с попыткой извратить учение Маркса и направить борьбу рабочего класса по мелкобуржуазному руслу, но и как со стремлением поставить извращенный марксизм на службу

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. IV, изд. 3-е, стр. 111—112.

буржуазии. Плеханов уже тогда установил точку зрения на этих «критиков», которую он разделял и много лет позже. «Они «критикуют» учение Маркса, — писал он в «Заре», — для того, чтобы превратить его из орудия освобождения рабочего класса, каким оно везде и неизменно было до сих пор, в орудие политической эмансипации русского «среднего сословия». И как ни жалки сами по себе теоретические результаты подобной критики, все-таки надо признать, что в известном смысле они весьма полезны для дела буржуазии». «П. Струве, — писал Плеханов в другом месте, — стоит за «социальную реформу». Мы уже знаем, что эти пресловутые реформы не идут дальше штопания буржуазной общественной «ткани». В том виде, какой придается ей в теории г. П. Струве, она не только не угрожает господству буржуазии, но, напротив, обещает поддержать его, содействуя упрочению «социального мира». И если наша крупная буржуазия до сих пор и слушать не хочет об этой «реформе», то это не мешает нашему «нео-марксизму» быть лучшим и самым передовым выражением общих социально-политических интересов буржуазного класса как целого. Теоретики нашей мелкой буржуазии видят дальше и судят лучше, чем дельцы-вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикам нашей мелкой буржуазии будет принадлежать руководящая роль в освободительном движении нашего «среднего класса». Мы нисколько не удивимся, если тот или другой из наших критиков дойдет в этом смысле до степеней весьма «известных» и станет, например, во главе наших либералов». Так в точности и случилось со Струве несколько лет спустя. Но и тогда руководимое Струве «Освобождение» давало достаточно примеров попыток затушевать классовую борьбу и подчинить рабочее движение интересам буржуазии. «Задача беспощадной критики мнимых друзей рабочего класса стоит перед нами теперь, как она стояла перед основателями научного социализма более полувека тому назад», — писал Плеханов, и «Искра» выполняла эту задачу, разоблачая попытки потянуть рабочий класс на буксире либеральной буржуазии, как и борясь против «теоретической» работы ревизионистов.

К числу «мнимых друзей» рабочего класса относились и социалисты-революционеры, которым «Искра» уделяла подобающее внимание. Особенно резкий отпор встретила проповедь террора, который на деле противопоставлялся массовой борьбе. Плеханов, напр., как это ему приходилось делать и раньше, не отрицал террора принципиально и даже допускал, что он может иметь значение вспомогательного приема. Но он доказывал, что террористическая деятельность и политическая агитация в массе могут итти рука об руку только при самых редких, совершенно исключительных условиях, и что ни одного из этих условий не было в наличности. «Мысль о «террористической» борьбе, — писал Плеханов, — возникает, можно сказать, сама собою всюду, где соотношение общественных сил еще не позволяет думать об открытом массовом восстании с оружием в руках. А где, — как у нас в настоящее время, — эта мысль уже выразилась в нескольких практических действиях, где, как

в современной России, такие действия встречают горячее сочувствие в широких слоях населения, там «терроризм» стремится сделаться господствующим приемом революционной победы, отодвинув на задний план все другое». Но в таком случае террор становится орудием вредным, потому что революционное движение может восторжествовать только как движение массовое. Карая отдельных слуг царя, террор не разрушает царизма. «Мы очень ценим самоотвержение лиц, подобных Балмашеву и Карповичу, — писал Плеханов. — Но мы стремимся к ниспровержению целой системы. Мы стоим на классовой точке зрения. А с этой точки зрения самым верным и совершенно незаменимым средством борьбы с царизмом была и остается агитация в рабочем классе для развития его политического самосознания и организация его сил для дальнейшей борьбы, все более и более упорной, все глубже и глубже проникающей, все более и более плодотворной и победоносной агитации. Только на фундаменте политического самосознания русского пролетариата может быть воздвигнуто здание русской политической свободы. Русское революционное движение восторжествует как движение рабочей массы, или совсем не восторжествует».

Общая оценка партии социалистов-революционеров была дана в резолюции Аксельрода, принятой вторым съездом партии. Резолюция указывала, что с.-р. «теоретически противодействуют социал-демократам сплотить рабочих в самостоятельную рабочую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически бесформенной массы, способной лишь служить орудием либеральной буржуазии», что свои буржуазные тенденции они преследуют под флагом социализма и потому, как буржуазно-революционная фракция, оказываются совершенно несостоятельными. Признавая деятельность с.-р. «вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против абсолютизма», резолюция безусловно осуждала всякие попытки затушевать принципиальное и политическое значение разногласий между с.-р. и с.-д. и осуждала всякие попытки их объединения, признавая возможным лишь частные соглашения в отдельных случаях борьбы с царизмом, причем условия таких соглашений подлежат контролю центрального комитета партии.

На ряду с этой критической работой, направленной к восстановлению теоретической и революционно-практической четкости учения революционной социал-демократии, шла работа «Искры» по выяснению очередных задач рабочего и революционного движения в России и связанных с ними тактических вопросов. Ближайшей задачей рабочего класса, — не переставала указывать «Искра», — является свержение самодержавия и завоевание политической свободы, в условиях которой пролетариат сможет развернуть борьбу за торжество его конечной цели. «Социал-демократия, которая не хочет оставаться таковой только по имени, не может удовлетвориться чисто тред-юнионистской политикой, — писала «Искра». — Она должна привести рабочий класс к свободной демократии, как един-

ственно верному пути к диктатуре пролетариата, которая освободит его окончательно от всякой современной капиталистической эксплоатации». «Пропагандируя республиканскую политическую программу, — писал Ленин, — мы тем самым боремся за возможность проведения тех социальных реформ, которых осуществление необходимо для прочного успеха политического переворота, долженствующего возродить нашу родину. Чем полнее и решительнее будут проведены эти реформы, тем менее возможна станет контр-революция. . . С другой стороны, наши социальные требования, предъявляемые нами к строю, должны быть формулированы так, чтобы требовать для своего осуществления, как неизбежного условия, решительного разрыва с нынешним политическим режимом».

Поставив перед собой ближайшей задачей радикальный политический переворот и не затушевывая в то же время своей конечной цели — низвержения капиталистического строя, пролетариат должен сохранить всю самостоятельность своей классовой организации и классовой политики, стремиться к тому, чтобы быть впереди всех борющихся за свободу, стоять во главе общего революционного движения и направлять его к наибольшей выгоде трудящихся масс. Отсюда — отношение ко всем не-пролетарским партиям и, в частности, к либеральной буржуазии. «Тот не социал-демократ, — писал Ленин, — кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение», что мы обязаны поэтому перед всем народом излагать и подчеркивать обще-демократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса». «Мы должны, — добавлял Ленин, — взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством нашей партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные силы».

Но восторжествовать вообще революционное движение может только как движение массовое. «Великая цель политического освобождения России, — писал Плеханов, — может быть достигнута только великим революционным движением массы. Помимо массового движения, она недостижима, и если бы нам пришлось по той или другой причине отказаться от мысли вызвать такое движение, то мы должны были бы оставить всякую надежду». «Искра» ставила поэтому перед социал-демократией задачу массовой политической агитации и превращения рабочего движения в массовое революционное движение. «Мы, сторонники революционной политической борьбы пролетариата, вправе торжествовать, — писала «Искра» по поводу участия рабочих в студенческих демонстрациях 1901 года, — российский пролетариат доказал своим близоруким друзьям, что наша точка зрения, которую мы отстаиваем, совершенно верна. Не считаясь совершенно со своими вождями, пролетариат бросился в бой, как

только увидел, что радикальная часть нашего общества серьезно решила померяться своими силами с силами правительства». Этой цели все большего расширения массовой борьбы служила и самая идея основания политической газеты, реализованная в «Искре», которая должна была служить не только организационным центром движения, но и незаменимым орудием массовой политической агитации, поднимающей самосознание рабочих, выдвигающей перед ними все новые задачи и указывающей путь и методы борьбы, как того требует изменяющаяся социально-политическая обстановка.

Свою теоретическую и программно-тактическую работу редакция «Искры» обобщала в проекте программы партии, который и был принят на втором съезде партии. Проект представлял собой стройное изложение программных положений революционной социал-демократии. Составленная в момент острой борьбы с ревизионизмом, программа, как это отмечал и Плеханов, заостряла все вопросы, на которых в особенности упражнялись «критики Маркса». Ревизионисты утверждали, что с развитием капитализма положение рабочих улучшается, классовая борьба притупляется, и открывается возможность «врастания» социализма в капиталистическое общество; они доказывали, что, благодаря развитию кредита и трестов, кризисы ослабляются и не потрясают больше, как раньше, капиталистического общества, а развитие техники, создавая много новых функций, образует новое «третье сословие», идущее на смену разоряемым мелким собственникам, так что в общем число собственников даже увеличивается. В противоположность этим взглядам ревизионистов, программа исходит из того, что положение труда с развитием капитализма не улучшается, что крупный капитал продолжает вытеснять мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев и ставя других в зависимость от капитала; что технический прогресс ведет к усиленной эксплуатации женского и детского труда и, сокращая спрос на живой труд рабочего, увеличивает зависимость наемного труда от капитала и повышает уровень эксплуатации рабочих; что кризисы, неизбежные в капиталистическом производстве, еще более ведут к увеличению зависимости труда от капитала и к ухудшению положения рабочих. Таким образом, общественное неравенство в буржуазном обществе растет, растет и недовольство трудящейся массы, обостряется классовая борьба. С другой стороны, усовершенствованная техника, концентрирует производство и обращение, а обобществлением процесса труда в капиталистических предприятиях создается материальная возможность замены капиталистического строя социалистическим, т. е. социальной революции.

Программа заключала в себе перечисление ряда ближайших задач и требований, которые должны выставить социал-демократы. Ниспровержение самодержавия и замена его самодержавием народа, выборы законодательного собрания всеобщими, равными и прямыми выборами, гарантии политических свобод и т. д. Особая часть программы-минимум была посвящена требованиям охраны труда (8-ча-

совой рабочий день, воспрещение женского труда во вредных производствах, воспрещение труда малолетних и подростков до 16 лет и т. д.). Аграрная часть программы-минимум исходила из необходимого уничтожения крепостнических пережитков, которые препятствуют прогрессу и затрудняют развитие классовой борьбы. Разработкой аграрного вопроса в особенности занимался Ленин, взгляды которого нашли свое выражение в программе. Ленин доказывал, что крестьяне страдают как от гнета капитала, так и от гнета помещиков и от остатков крепостничества. От гнета мелкое крестьянство может избавиться, только примкнув к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй. Борьба против остатков крепостничества необходима в интересах всего общественного развития страны, так как нищета, бессилие и темнота крестьян кладут на все порядки России отпечаток азиатчины. Таким образом, путь для достижения конечной цели борющегося пролетариата один и тот же в городе и деревне — классовая борьба против буржуазии. Но, кроме этой классовой борьбы, в деревне происходит еще борьба всего крестьянства против остатков крепостничества. И в этой борьбе партия рабочих должна помочь крестьянству, стараясь направить его движение против его настоящего врага. В частности, Ленин еще в 1894 г., в брошюре «Что такое друзья народа», выделил, в видах борьбы с остатками крепостничества, требование возвращения крестьянам тех земель, которые отрезаны были у них при освобождении от крепостной зависимости (отрезки). Программа, в соответствии со взглядами, которые развивал Ленин, требовала отмены всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении землей, возвращения крестьянам выкупных и оброчных платежей и конфискации с этой целью монастырских, церковных, удельных и кабинетских земель, возвращения крестьянам «отрезков» и т. д.

Сказанного о деятельности «Искры» достаточно, чтобы увидеть, какую колоссальную работу проделала она в каких-нибудь три года для укрепления и распространения учения революционной социал-демократии. Опасный уклон в сторону «экономизма» и ревизионизма, внесения в рабочее движение тред-юнионистских и мелкобуржуазных тенденций не только встретили сильный отпор, но им была противопоставлена широкая задача революционной борьбы рабочего класса в условиях предстоящего радикального политического раскрепощения страны. Деятельность «Искры» была прямым продолжением и завершением дела, начатого группой «Освобождение труда», восстановлением преемственности развития революционной мысли, нарушенного годами идейного кризиса. В истории нашего рабочего и революционного движения группа «Искры» должна быть поэтому поставлена рядом с группой «Освобождение труда».

Несмотря, однако, на боевой, революционный характер «Искры», в руководящей редакции ее не было доведенного до конца единства. Мы увидим, что в ней уже намечались разногласия по некоторым основным, принципиальным вопросам, разногласия, которые привели, в конце концов, к расколу партии.

8. ВТОРОЙ СЪЕЗД РС-ДРП

«Искра», как мы видели, должна была выполнить также организационную задачу, — собрать активные силы революционной социал-демократии и затем на основе их восстановить или, вернее, создать партию. «Искра» выполнила и эту задачу. Агитационно-организационное значение ее было громадно. Попадая на места, «Искра» будила революционную мысль, ставила перед нею новые задачи, разбивала старые предрассудки, разоблачала опасные уклоны, била врагов рабочего класса. Все чуткие элементы партии, и раньше находившиеся в состоянии брожения, быстро стали собираться вокруг своей газеты-центра и составили то ядро, вокруг которого могло быть начато создание партии. Литературную работу «Искры» дополнили ее «агенты», в большинстве наиболее персонально выдающиеся практики движения, которые начали борьбу за влияние в местных организациях, образуя ударные группы в качестве ячеек будущих партийных комитетов. Плодотворные результаты этой работы не замедлили сказаться, и один местный комитет за другим стали заявлять о своем присоединении к «Искре». Наиболее крупное значение имело присоединение в 1902 г. петербургского комитета, долгое время находившегося в руках «экономистов» разных толков, и группы «Южный рабочий», пользовавшейся большим влиянием на юге России.

Параллельно этому собиранию сил «Искрой» шли попытки объединения, исходившие, главным образом, от разных заграничных групп. В 1902 г., по инициативе заграничного «Союза с.-д.» и «Бунда», начата была подготовка к созыву партийного съезда. Конференция эта состоялась в марте 1902 г. в Белостоке в присутствии представителей заграничного «Союза», «Бунда», «Искры», «Южного рабочего» и петербургского комитета и образовала организационный комитет по созыву партийного съезда. Последовавшие затем провал и арест организационного комитета, прервали на короткое время дело созыва съезда, но уже в ноябре 1902 г. организационный комитет был восстановлен соглашением группы «Искры» с «Южным рабочим» и петербургским комитетом, который к тому времени стал «искровским». Было созвано совещание, на которое прибыли представители «Искры», «Южного рабочего», петербургского комитета, Киевского комитета и Северного союза. Таким образом, инициатива и организация съезда перешли к группе «Искра».

В извещении Организационного комитета о его образовании указывалось, что главной задачей его является «подготовка условий для созыва партийного съезда, и так как созыв съезда потребует значительного времени, то Организационный комитет до восстановления центральных органов партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.). Этим самым фактически до съезда принимались меры к созданию партийного центра, которым временно должен был быть Органи-

зационный комитет, а также ускорялось объединение вокруг искровского течения, и усиливалось влияние «Искры» как на местные комитеты, так и на состав будущего съезда. Почва для такого влияния была уже подготовлена, и в первые же месяцы Организационный комитет был признан во всех своих функциях целым рядом местных организаций.

Работа по подготовке «съезда» шла успешно, и в августе 1903 г. состоялся (сначала в Брюсселе, потом в Лондоне) второй съезд РС-ДРП. Из 27 организаций, за которыми было признано право на участие в съезде, прислали своих представителей 26 организаций. Всего на съезде присутствовало 43 делегата с решающим голосом, из них 30 — от местных организаций.

Мы уже отчасти коснулись выше работ съезда, поскольку говорили о принятых им программе и некоторых резолюциях. Остановимся здесь еще на двух вопросах, отношение к которым съезда имело крупное значение для будущего нашего революционного движения, — на организационном вопросе и на вопросе об отношении к либеральным партиям.

По последнему вопросу съезду было предложено две резолюции — Потресова и Плеханова. Резолюция Потресова, исходя из принятого программой положения, что партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, допускала временные соглашения с либеральными и либерально-демократическими течениями, при том, однако, условии, что, во-первых, эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на точку зрения российской социал-демократии, что, во-вторых, они не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание, и что, в-третьих, своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право. Резолюция Плеханова признавала, что партия должна поддерживать буржуазию, поскольку последняя является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом, и потому должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; вместе с тем резолюция ставила партии в обязанность разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность, и, в частности, рекомендовала обращать внимание рабочих на антиреволюционный и противопролетарский характер «освобожденческого» направления (Струве). Несмотря на то, что обе резолюции исходили из необходимости поддержки движения либеральной буржуазии, позиции их принципиально различны: первая резолюция выдвигает на очередь временное соглашение, вторая о соглашениях ничего не говорит и подчеркивает необходимость разоблачения ограниченности освободительного движения буржуазии, в особенности оттеняя антиреволю-

ционный и противопролетарский характер «Освобождения», т. е. того именно из буржуазных течений, временные соглашения с которым и могла только иметь в виду первая резолюция. Тем не менее, съезд принял обе резолюции.

Организационный вопрос, вопрос о том, как строить партию, в особенности остро стоял на съезде. Царившее до того «кустарничество» в работе мало кого удовлетворяло; вместе с тем очень немногие даже из «экономистов» могли рекомендовать строить партию, по необходимости нелегальную, на началах демократизма, выборности, широкого приема в партию и т. д. Еще группа «Освобождение труда» стояла на той точке зрения, что партия должна быть строго законспирирована, централизована и в основном своем ядре состоять из профессионалов-революционеров, т. е. из людей, всецело отдавшихся революционной работе и находящихся всецело в распоряжении партии. Ленин в брошюре «Что делать», направлявшей свои удары против «кустарничества», стоял на такой же позиции. «Я утверждаю, — писал он: — 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации (ибо тем легче всяким демагогам увлечь наразвитые слои массы; 3) что такая организация должна состоять, главным образом, из людей профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет выловить такую организацию, и 5) тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем».

Проект устава партии, внесенный на съезд Лениным, был построен на таких же основных началах. Партия создавалась на основе строгого централизма, причем предусматривалось два центра — центральный комитет (ЦК) и редакция центрального органа (ЦО). ЦК объединяет и направляет деятельность партии, утверждает местные комитеты и т. п.; ЦО руководит партией идейно. Совет партии, который должен был назначаться съездом из числа членов ЦК и ЦО в числе пяти лиц, имел задачей не только разрешение разногласий между ЦК и ЦО, но также возобновление состава ЦК в случае его провала, т. е. ЦО получал в определенном случае возможность влиять на состав ЦК; далее местные организации должны были подчиняться постановлениям не только ЦК, но и ЦО, как и не только в ЦК, но и в ЦО они должны были доставлять все средства для ознакомления со всею их деятельностью и со всем их личным составом.

После обсуждения съездом, проект Ленина в этих частях подвергся следующим изменениям. В состав совета входят по два пред-

ставителя от ЦК и ЦО, а пятый член избирается съездом, — таким образом исключена возможность преобладания в совете ЦК или ЦО, что допускалось проектом Ленина; исключена обязательность подчинения местных организаций постановлениям ЦО. Таким образом роль ЦО была несколько сокращена, но в основном сохранено было построение Ленина.

За всем тем оставался еще один вопрос, которому суждено было сыграть роковую роль не только на съезде. Это — вопрос о том, кого следует считать членом партии. Проект Ленина отвечал на это таким образом: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Съезд отверг эту редакцию и принял другую (Мартова), согласно которой членом партии считается «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». Различие этих редакций очевидно. По редакции Ленина член партии считается только тот, кто в ней фактически работает. Вторая редакция включала в партию также лиц, которые фактически стоят вне организации и только регулярно оказывают ей ту или иную помощь.

В этом вопросе точка зрения Ленина не восторжествовала, и принята была редакция Мартова, но в остальном устав партии был принят на основании ленинского проекта со строгим централизмом. Сторонники Ленина получили также большинство при выборах руководящих органов партии — ЦК и ЦО. В частности, сторонниками Ленина было внесено предложение о переизбрании редакции «Искры», которая признана была центральным органом партии, с уменьшением состава ее с шести до трех лиц, причем персонально из состава старой редакции в новую были предложены Ленин, Мартов и Плеханов. Поддерживая это предложение, Ленин говорил, что речь идет об организационном закреплении того влияния на ЦК, борьба за которое до тех пор составляла всю деятельность «Искры». Мартов, отказавшийся войти в новую редакцию при таких условиях, указывал, что только в своем старом составе редакция может ручаться, что права, предоставленные ей уставом, не послужат ко вреду для партии. Съезд большинством признал необходимым избрать редакцию в составе трех лиц и, когда Мартов отказался, в редакцию «Искры» были избраны Ленин и Плеханов.

Разделение съезда на большинство и меньшинство превратилось впоследствии в деление на «большевиков» и «меньшевиков». Однако, на первых порах обе стороны не допускали, что разногласия приведут к расколу. «Раньше мы расходились, — писал Ленин, — из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь о т т е н к и, из-за которых можно и д о л ж н о спорить, но нелепо и ребячеством было бы расходиться». Наличные разногласия Ленин сводил «не к программным и не к тактическим,

а лишь к организационным вопросам». Мартов, подводя итоги съезда, также утверждал, что «в рядах партии господствует единство по основным вопросам партийной программы и тактики», как и по вопросу об организации партии на началах централизма. Словом, обе стороны признавали, что, сходясь по основным программным и тактическим вопросам, они расходятся в понимании организационных задач партии.

За этими разногласиями организационного порядка скрывались, однако, серьезные расхождения по программным и тактическим вопросам. Дело в том, что наряду с искровским большинством на съезде было правое меньшинство, в которое входили рабочедельцы и право-настроенный «Бунд». Это правое крыло составляло оппозицию при обсуждении программы, но последнюю исправить в своем духе ему не удалось, так как по основным вопросам между искровцами царило единодушие и сплоченное большинство их не могло быть поколеблено. Но правым удалось дать перевес тому «оттенку» в организационном вопросе, который выражала формулировка Мартовым первого параграфа партийного устава, причем они выступили против формулировки Ленина, потому что опасались усиления в центре партии и на местах искровского течения, которое было непримиримо настроено против всяких уклонов в сторону как оппортунизма, так и «кустарничества». Расхождение на съезде делалось поэтому более серьезным, ибо показывало, что влияние правых элементов еще не устранено окончательно и что, сказавшись на организационном вопросе, оно может дать о себе знать и по вопросам более важным. Ленин поэтому в своей полемике с бывшими товарищами по редакции «Искры» указывал именно на ту опасность, которая выявилась во влиянии правого крыла съезда, в разногласиях в «оттенках» видел признаки возможного усиления в партии оппортунистического течения. Разногласия не в оттенках, а в принципах имелись также в самой редакции «Искры», и если они полностью не были вынесены на съезд, то нашли на нем некоторое свое отражение. Разногласияэти, возникшие, главным образом, при обсуждении проекта программы, представленной съезду, касались трех главнейших вопросов: отношения к крестьянству, отношения к либеральной буржуазиии понимания вопроса о гегемонии пролетариата в освободительной борьбе.

Громадное большинство русских социал-демократов того времени, находилось под сильным влиянием воззрений, господствовавших в европейской, главным образом, германской социал-демократии, рассматривало крестьянство как политически консервативную силу. Очень многие исходили при этом из того, что в грядущей буржуазной революции соотношение общественных сил не сложится благоприятно для крестьянства, и потому большой победой революции будет уже то, что покончено будет с крепостническими пережитками и в деревне получат простор как дальнейшее развитие капиталистических отношений, так и борьба классов. Из всей массы крестьянства выделялись только сельскохозяйственные наемные рабочие

(батраки), которые, как элемент пролетарский, могут итти вместе с рабочим классом, и в видах защиты интересов которого программа-минимум выдвигала ряд требований, аналогичных требованиям охраны интересов промышленных рабочих. Крестьянство в общем исключалось из числа тех сил, которым предстоит сыграть решающую во многом роль в буржуазно-демократической революции.

Ленин с такой постановкой вопроса не соглашался. В статье, написанной (но не напечатанной) еще в 1900 г., он указывал, что если на Западе роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и пережитков крепостничества, сыграна, то в России им эта роль еще не сыграна. Ленин исходил из того, что в России крестьянство еще может и должно сыграть революционную роль, что наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит ни малейшему сомнению и что поэтому рабочая партия должна оказать поддержку крестьянству, «поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и абсолютизма в частности».[1] Но поддержка крестьянства в его революционной борьбе означает для рабочего класса вовлечение крестьянства в борьбу, которую ведет рабочий класс, выставлением рабочим классом для крестьянства таких требований, которые лежали бы по пути развития революции. Еще в 1894 г. в брошюре «Что такое друзья народа» Ленин выдвинул требование возвращения крестьянам тех земель, которые были отрезаны у них помещиками при освобождении от крепостной зависимости («отрезки»). При обсуждении проекта программы Ленин отстаивал эти требования, причем разумел не только возвращение крестьянам отрезанных земель путем реформы, но и предусматривал, что где, благодаря половинчатости нашей крестьянской реформы, уцелели до сих пор крепостнические формы хозяйства при помощи отрезанных у крестьян земель, там дается право крестьянам сразу и окончательно покончить с этими остатками крепостничества даже путем экспроприации, для чего Ленин выдвигал требование учреждения крестьянских комитетов с правом экспроприации отрезанных земель. Вместе с тем, Ленин, не выдвигая требования национализации земли «для эпохи, предшествующей политической свободе», находил возможным такое требование выдвинуть «в известный революционный момент», для «эпохи революционного восстания. «Требование учредить крестьянские комитеты, — писал Ленин, — и вернуть отрезки непосредственно разжигают данную классовую борьбу в деревне. . . Наоборот, требование национализации земли отвлекает до известной степени внимание от самых рельефных проявлений и самых сильных переживаний крепостничества».[2] Таким образом, если при одних условиях требование национализации земли может заглушить классовую борьбу в деревне, то при других условиях — в «эпоху революционного восстания», —

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. II, изд. 3-е, стр. 519.

[2] Ленинский Сборник, III, стр. 352 (см. также Собр. соч. т. V, изд. 3-е, стр. 113.

когда идет борьба за уничтожение крепостнических пережитков, она может развязать эту классовую борьбу и может лежать по линии более радикального уничтожения «крепостничества».

Большинство редакции «Искры» приняло, с некоторыми исправлениями, требования возвращения отрезков, но решительно оспаривало взгляды Ленина на возможность, при определенных условиях, выдвинуть требование национализации земли. Оно исходило при этом из того что лозунг этот может быть выставлен лишь как часть общих требований социалистической революции, или, как писал Мартов: «национализацию земли мы принимаем только как непосредственный пролог к социализации всех средств производства», при всяких же других условиях она реакционна, так как усилит власть буржуазного государства. В комментариях к программе Плеханов писал, что «в революционную эпоху экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимым условием социально-политической победы революционной партии. Но, — добавлял он, — это вопрос совсем другой. Его постановка и его решение будет обусловливаться соотношением общественных сил в такую эпоху». Но ведь и возвращение крестьянам отрезков, и конфискация монастырских и т. п. земель, точно так же могли быть рассчитаны лишь на революционную эпоху, точно так же могли явиться необходимым условием победы революционной партии и решение их не могло не быть обусловлено соотношением общественных сил. Почему же Плеханов возражал против лозунга национализации земли в ближайшую, демократическую революцию? Очевидно, не только потому, что для него такая национализация могла быть только прологом к общей социализации средств производства, но и потому, что соотношение общественных сил в этой революции, по его представлениям, не могло сложиться так, чтобы национализация земли стала не реакционным орудием в руках буржуазного государства, а прогрессивным орудием в руках государства демократического. — или, иначе говоря, соотношение сил могло сложиться благоприятно для буржуазии, но неблагоприятно для крестьянства и рабочих.

Это было, конечно, недооценкой роли крестьянства в буржуазно-демократической революции, и такая недооценка была лишь другою стороною переоценки роли либеральной буржуазии. В некоторой части с.-д. стала укрепляться мысль, что в грядущей революции буржуазной демократии предстоит сыграть руководящую роль. В 1902 г. Аксельрод находил «симптоматические указания на то, что революционное движение в последнее десятилетие как будто подготовляло у нас гегемонию буржуазной демократии в борьбе с абсолютизмом». А отсюда недалеко было до признания за пролетариатом роли «толкача», призванного подталкивать буржуазию к выполнению той миссии, которая на нее возложена историей. Гегемония пролетариата в освободительной борьбе, таким образом, отпадала, как призрачной становилась и самостоятельность его в этой борьбе, которая, при признании руководящей роли буржуа-

зии, естественно, допускала соглашения с этой буржуазией. Разногласие это, недостаточно оцененное съездом (который принял две резолюции по вопросу об отношении к либеральным партиям), сыграло особенно крупную, можно сказать, даже решающую роль в дальнейшей внутри-партийной борьбе, приведшей к расколу.

Разногласия по вопросу о гегемонии пролетариата в освободительной борьбе намечались и в другой плоскости. Составленный Плехановым проект программы говорит о том, что социальную революцию совершит пролетариат, поддержанный другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплоатации. Ленин возражал против такой формулировки: «Желательно привлечь всех мелких производителей, конечно. Но мы знаем, что это — особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тесной нитью переходных ступеней, но все же особый класс. Обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только, единственно и исключительно пролетариат, — а потом уже заявлять, что пролетариат всех освобождает, всех зовет, всех приглашает. У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплоатируемой массы» не вызывали никакого народного движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, расширение». Таким образом, настаивая на более отчетливой формулировке ведущей роли пролетариата, который своей борьбой вовлекает в общую борьбу «всех трудящихся», а не просто рассчитывает на их обеспеченную поддержку, Ленин находил необходимой более четкую постановку в программе вопросов о роли пролетариата как гегемона. В программе эта роль смягчалась тем, что само собою разумелась поддержка всей эксплоатируемой массы, и недостаточно подчеркивалось, что пролетариат — один только действительно революционный класс.

Эти разногласия принципиального свойства были теми разногласиями, которые впоследствии привели к расколу партии. Но до съезда, как и на самом съезде, они не приняли еще характера острых столкновений, и потому обе стороны не придавали расхождению своему серьезного значения и были далеки от того, чтобы считать невозможной работу в одной партии. Наметившиеся разногласия обострились, когда спорные вопросы предстали не в программной постановке, а в живой действительности, в классовой борьбе, обострявшейся по мере созревания революционной ситуации и полностью обострившейся в ходе первой революции.

ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. ОБЩИЙ ХОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Забастовочным движением 1903 года и вторым съездом заканчивается длительный период революционного движения, который, по отношению к следующему периоду, можно назвать в известном смысле подготовительным, периодом созревания тех революционных сил, которым предстояло нанести удар старому порядку. 1904 год начался русско-японской войной, показавшей нарастание социально-экономических противоречий старого порядка и открывшей собой новый период — собственно революции, когда за первым штурмом самодержавия в 1905 г., после некоторого перерыва и как его продолжение, последовали Февральская и Октябрьская революции 1917 года.

Рассмотренный нами период, — с середины 90-х годов — был, таким образом, периодом предреволюционным. Быстрый, особенно с этого времени, рост капиталистических отношений приходил в непримиримое противоречие с архаической его «надстройкой», с самодержавно-полицейским порядком. Наряду с поземельным дворянством вырастала промышленная буржуазия, предъявлявшая свои претензии на место за «пиршеским столом» и фактически обладавшая достаточной материальной силой, чтобы такое место занять. Не мирилась больше с бесправным положением и мелкая буржуазия в лице ее интеллигентной части и в особенности студенчества, всегда и в других странах выступавшего застрельщиком, «буржуазно-национального освобождения». Но самым значительным итогом предшествовавшего развития был быстрый рост рабочего класса, превращение рабочей массы в класс, который сознает свои интересы и готов активно защищать их как на экономическом, так и на политическом фронте. На протяжении немногих лет — одного десятилетия — рабочий класс настолько окреп, что в росте своей активности и организованности перегнал и промышленную буржуазию и мелкобуржуазную демократию, наиболее деятельно выступившую в политической борьбе. Тишь да гладь самодержавно-дворянской России с загнанным в глубь недовольством крестьянской массы отошла в прошлое. Задымились трубы и застучали машины там, где крестьянский плуг бороздил землю; села превращались в фабричные и заводские районы, города — в промышленные центры; страна пересекалась железнодорожными путями, трудящиеся массы перебрасывались из одного места в другое для «выварки» в фабричном котле; росли богатство и нищета, накопление капитала и экспроприация средств

производства мелких производителей; смелое слово раздавалось все чаще, несмотря на тиски цензуры; покой даже провинциальных городов все чаще нарушался революционной песней рабочих демонстраций и красными знаменами, этими призраками грядущей революции; оппозиционный лепет буржуазии заглушался манифестациями и политическими стачками, яркий образец которых дали летние стачки 1903 г. на юге. А подгнивший колосс стоял еще и, обреченный на смерть, давил все живое.

Это сплетение противоречий не только должно было, но и могло быть разрешено. Материальные силы капиталистической России были уже достаточно велики, чтобы опрокинуть самодержавно-дворянскую клику. И если, в противоположность путям, пройденным Западом, буржуазия в классовом своем оформлении не была уже в силах поспеть за веком и взять на себя гегемонию в буржуазной революции, то таким гегемоном выступал рабочий класс, накопивший в себе и силу, и организованность, и революционную активность, шедший и до 1905 г. фактически во главе революционного движения и несший на себе всю тяжесть революционной борьбы.

Достаточно было толчка, сотрясения, чтобы накопившиеся противоречия выступили наружу и разрешились в революционном столкновении враждебных сил. Таким сотрясением послужила русско-японская война, обнажившая язвы старого порядка, с каждым днем все ярче разоблачавшая гниль самодержавия, затеявшего военную авантюру и ставшего преградой всякому развитию страны. Недовольство мелкобуржуазных слоев выразилось уже вскоре после начала войны в усилении политического террора: 3 июня 1904 г. был убит финляндский генерал-губернатор Бобриков, а 15 июня с.-р. Сазонов убил верного слугу самодержавия и самого яркого представителя реакционной системы, министра внутренних дел Плеве. Под влиянием беспрерывных поражений на военном фронте и растущего недовольства в стране царское правительство стало заигрывать с буржуазией, объявило эру «весны», эпоху реформ; либеральная буржуазия и радикальствующая интеллигенция, получив дозволение, стали открыто выражать свое оппозиционное настроение, начались банкеты, на которых произносились речи о необходимости конституционного порядка, состоялся (в ноябре 1904 г.) земский съезд, на котором высказаны были такие же пожелания. Другой рукой правительство в то же время пыталось обезвредить рабочее движение от революционной «язвы», взять его в свои руки, двинув для развращения его священника Гапона, который принялся в Петербурге за организацию рабочих обществ по зубатовскому рецепту. Выступление рабочей массы расстроило все эти планы и «весенней» и гапоновской эры, перетасовало иначе соотношение общественных классов, определившее ход и исход первой революции.

Достойна изумления та сила массовых выступлений и самоорганизации, которые обнаружили рабочие, сила, которую едва ли кто тогда предвидел и которая явилась, конечно, как в результате предшествовавшего движения, так и под воздействием общего революцион-

ного положения в стране. Мы видели, как летом 1903 г. широко развивалось рабочее движение, принимавшее все черты революционной борьбы, и как движение это перебрасывалось осенью того же года в Москву. Русско-японская война могла по началу прервать это движение только на короткое время. Война обострила промышленный кризис, вызвала рост безработицы, падение заработной платы при возвышении товарных цен. Если в предшествовашие годы кризис, преломляясь через общую политическую обстановку в стране, быстро переводил движение в русло политической борьбы, то еще сильнее он должен был действовать в том же направлении в условиях общего недовольства и возбуждения, вызванных войной. Стачечное движение, хотя и пало в 1904 г., но не прекращалось; то там, то здесь возобновлялись и попытки демонстраций (Рига, Батум, Екатеринослав, Тифлис). Первым более ярким проявлением возрождавшегося массового движения была стачка бакинских рабочих, выступивших теперь, как и в 1903 г., впереди других. Стачки начались 13 декабря 1904 г. предъявлением экономических требований и скоро приняли всеобщий характер (по официальным сведениям бастовало около 18 тыс. рабочих, в действительности — до 30 тыс.); стачки эти продолжались до 30 декабря, сопровождались митингами, столкновениями с войсками, а под конец и поджогами нефтяных вышек. Бакинская стачка, как это бывало и раньше (в 1903 г.) и позже (в 1914 г.) не могла не поднять настроения рабочих в прочих районах. По крайней мере, в Петербурге в начале января местная группа ЦК РС-ДРП обратилась к рабочим с прокламацией, в которой призывала их последовать примеру бакинцев. «Только что мы были свидетелями упорной и стойкой борьбы бакинских товарищей, — говорилось в этой прокламации. — Они единодушно встали, чтоб отстаивать право на человеческую жизнь, чтоб хотя немного стряхнуть с своих плеч бремя всяческого угнетения. И каждое из выставленных ими требований выстрадано ими, за каждым — море крови и пота». Прокламация предлагала рабочим бросить работы и выставить требования 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и т. п., и также требовать созыва Учредительного собрания.

В такой обстановке попытка Гапона удержать движение петербургских рабочих в зубатовских рамках легальных обществ не только обречена была на неудачу, но и должна была лить воду на мельницу революции. Сам Гапон, под напором общей сгущавшейся атмосферы, собирался влить рабочее движение в либеральное русло и еще в ноябре 1904 г. (если не раньше, как имеются об этом сведения) готовил от имени рабочих петицию с умеренными требованиями. Однако и такому плану в том виде, в каком его предлагал Гапон, не суждено было осуществиться. На Путиловском заводе были уволены четыре рабочих, члена гапоновского общества, и такого незначительного (а по тому времени обычного) повода оказалось достаточным, чтобы сразу забастовали десятки тысяч рабочих. 3 января забастовали путиловцы, 4 января бастовали уже, по официальным данным, 15 тыс. рабочих, 5-го и 6-го до 26 тыс., 7-го, и 8-го — 125 тыс. Едва ли

можно сомневаться в том, что забастовка столь грандиозного размаха не входила в расчеты ни Гапона, ни гапоновских обществ. Если гапоновцы призывали рабочих бастовать, то еще с большим усердием они обивали пороги всяческого начальства, чтобы скорее добиться каких-либо уступок и успокоить разбушевавшуюся массу. Состоявшееся 2 января — накануне забастовки Путиловского завода — собрание одного из отделов гапоновского общества предполагало действовать «без шума» и попытаться еще раз вступить в переговоры с директором завода. Наиболее вероятным будет поэтому предположение, что и самая мысль о хождении к царю с петицией была пропагандирована Гапоном с целью удержать движение в рамках возможной легальности, причем опирался он в этом отношении на более отсталые слои рабочих. Но стихийно возникшие до 9 января забастовки, охватившие свыше 100 тыс. рабочих, в массе своей не имевших отношения к гапоновским обществам, показывают, что настроения рабочих крепли независимо от гапоновской агитации и, в конце концов, увлекли за собою и Гапона, сделали и его игрушкой в руках того «духа», который он сам вызвал, движимый совсем другого рода побуждениями.

Источник движения 9 января мы должны видеть, таким образом, в росте самой рабочей массы, обозначившемся еще в предшествующие годы рабочей борьбы и теперь ускоренном общей революционной обстановкой в стране. Только в такой обстановке мысль пойти к царю с прошением могла охватить широкие массы, поднять их на борьбу, а расстрел в день кровавого воскресенья мог стать истоком революции, приведшим рабочих от петиции к октябрьской всеобщей забастовке и вооруженным восстаниям.

Сила накопившейся в рабочей массе активности сказалась уже в том отклике, который нашел в самых широких рабочих слоях расстрел 9 января. На протяжении января и февраля не осталось положительно ни одного промышленного района и ни одной профессиональной группы рабочих, которые не были бы втянуты в движение. Рабочие протестовали против расстрела забастовками, оказывали поддержку и высказывали сочувствие петербургским товарищам, но вместе с тем и сразу повели широкую наступательную экономическую борьбу. Это было, конечно, острое пробуждение классового сознания миллионов рабочих, непримиримое с тем бесправным и тяжелым положением, в котором находились эти миллионы, переходившее в волю покончить со старым и завоевать право на лучшую жизнь. Экономическая борьба перерастала в широкую классовую борьбу, которая, будучи всегда политической, теперь в революционной обстановке быстро переходила в самые острые формы революционной борьбы.

Общее представление о развитии движения на протяжении 1905 г. дают следующие данные о распределении участников экономических и политических стачек по третям года (см. верхн. табл. на стр. 206).

Нужно иметь в виду, что эти данные относятся только к тем предприятиям, которые были подчинены надзору фабричной инспекции, и не относятся к горным заводам и рудникам, к казенным заводам,

УЧАСТНИКИ СТАЧЕК 1905 г.

	Первая треть		Вторая треть		Третья треть		Всего за год	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Экономич. . .	436 839	47,7	284 687	44,8	298 795	27,7	1 020 471	35,6
Политич. . .	477 969	52,3	350 196	55,2	1 016 482	77,3	1 844 674	64,4
Итого. .	914 808	100,0	634 883	100,0	1 315 277	100,0	2 865 145	100,0

к железным дорогам и к мелким предприятиям ремесленного типа. Так как в 1905 г. бастовали рабочие всех групп, то общие итоги должны быть во много раз увеличены. Но, оставаясь в пределах официальной статистики стачек, можно все же получить общую картину роста движения. Уже в первой трети 1905 г. бастовало около миллиона рабочих, во второй трети число бастовавших несколько понизилось, а в последней трети достигло максимума, далеко перевалив за миллион. В первые две трети развиваются почти равномерно экономические и политические стачки, в конце года борьба принимает решительно политический характер. Иначе говоря, в первый период революции экономический и политический мотивы движения тесно сплетаются, чтобы достигнуть высшего революционного напряжения в момент высшего революционного подъема.

Эти моменты высшего подъема пали на октябрь (всеобщая забастовка) и декабрь (вооруженные восстания). Для дальнейшего времени движение представляется в таком виде:

УЧАСТНИКИ СТАЧЕК 1906 и 1907 гг.

	Первая треть		Вторая треть		Третья треть		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
	1906							
Экономич. . .	139 775	28,5	253 692	54,3	52 000	34,4	445 467	40,1
Политич. . .	350 808	71,5	213 292	45,7	98 840	65,6	662 940	59,9
Итого. .	490 583	100,0	466 984	100,0	150 841	100,0	1 108 407	100,0
	1907							
Экономич. . .	54 144	22,9	72 588	25,2	44 629	20,6	171 361	23,1
Политич. . .	181 930	77,1	215 307	74,8	171 476	79,4	568 713	76,9
Итого. .	236 074	100,0	287 895	100,0	216 105	100,0	740 074	100,0

По сравнению с 1905 г. стачечная волна значительно пала: в 1906 г. наполовину, в 1907 г. до одной трети. Но напряженность политической борьбы остается еще значительной, причем наиболее высоко она держится в первой трети 1906 г. и на протяжении почти всего 1907 г. В первом случае усиление политических стачек совпадает со временем первой Гос. думы, во втором — второй Гос. думы и процессом ее социал-демократической фракции (ноябрь 1907 г.).

Рост революционной активности рабочих может быть наглядно выражен в данных об участниках активно-политических (демонстративно-политических) стачек, т. е. в росте того передового отряда, который выступал впереди массы в качестве ее авангарда. В 1905 г. участники таких стачек составили свыше одного миллиона рабочих (т. е. почти половину всего числа бастовавших), что, впрочем, не так показательно, потому что в активное движение тогда были втянуты самые широкие рабочие слои. Более показательны данные 1906 и 1907 гг., когда движение несколько отстоялось и тем более ярко могла сказаться роль активного ядра: в 1906 г. число участников активно-политических стачек дошло до 515 тыс. или около 47% всего числа бастовавших, в 1907 г. — до 522 тыс. или около 70% всех бастовавших. Это значит, что не только значительно само по себе было активное ядро, но и все больше повышалась его роль в движении, придавая всему ему все более напряженный политический характер.

Не менее показательно вовлечение в борьбу наиболее отсталых групп рабочих, тех, которые до того принимали в движении слабое участие. Если мы возьмем, например, группу рабочих по обработке минеральных веществ (стекло, фарфор, глина, цемент) или по обработке животных продуктов, то увидим, что из общего состава первой группы бастовало в 1895—1904 гг. 8%, в 1905 г. 58% и в 1906 г. 20%, во второй группе бастовало в 1895—1904 гг. 2,9%, в 1905 г. 185,1%, в 1906 г. 59,1%. Если эти наиболее отсталые слои рабочих так значительно повысили свое участие в движении, то и прочие группы рабочих вливались в него еще более широким потоком. Текстильные рабочие, давшие из своего состава в 1895—1904 гг. 42,1% бастовавших, повысили последний в 1905 г. до 186,9% и в 1906 г. до 89%; металлисты при 16,5% бастовавших своего состава в 1895—1904 гг. дали в 1905 г. 297,6% и в 1906 г. 82,7%, и т. д.

Все это свидетельствует о том, что годы революции подняли на борьбу самые широкие слои рабочих, что борьба эта, естественно, носила политический, революционный характер и что рос и в своей численности и в активности своей передовой отряд рабочих.

Нам незачем здесь, конечно, излагать в подробностях ход первой революции — он достаточно известен широким кругам читателей. Мы останавливались до сих пор и остановимся далее поэтому лишь на некоторых моментах революции, имевших значение для дальнейшего развития революционной борьбы.

9 января, как известно, сразу нашло самый широкий отклик в рабочей массе по всей России и послужило непосредственным

толчком к стачечному движению еще невиданного размаха. По официальным данным, в январе и феврале бастовало свыше 700 тыс. рабочих, но в действительности их бастовало многим больше, и во всяком случае не меньше одного миллиона. В этой же первой стадии движения экономический и политический фактор тесно сплелись: политический мотив служил стимулом к экономической борьбе. Поэтому и формы даже экономического движения не укладывались в обычные рамки предъявления требований и переговоров с предпринимателями. В громадном большинстве случаев экономические стачки носили коллективный характер, затрагивая не одно, а ряд однородных предприятий; стачки сопровождались собраниями, митингами, легко воспринимая политические лозунги и вливаясь в общее русло политического движения. С другой стороны, бросая работу в виде политического протеста, рабочие переходили и на экономическую борьбу, предъявляя экономические требовани, причем и эти последние в обстановке общего революционного подъема не ограничивались требованиями повышения заработной платы, отмены штрафов и т. п., но поднимались до требования 8-часового рабочего дня, признания выборного представительства рабочих и т. п.

Чем более ширилось движение, чем больше втягивались в него массы, чем теснее сплетались в нем экономический и политический моменты, тем более борьба принимала характер классового боя. Разрозненные политические выступления концентрировались в борьбе против старого порядка, экономическая борьба, встречая сопротивление капитала, принимала все более обостренный характер, вызывая в жизни новые методы борьбы и новые формы организации. В Лодзи, например, в июне забастовал ряд фабрик, стачки перешли в митинги и демонстрации; 5 июня демонстранты подверглись обстрелу со стороны войск, в следующие дни состоялись похороны убитых рабочих, причем процессия развернулась на полверсты и собрала десятки тысяч рабочих. После похорон демонстранты снова были обстреляны войсками, причем опять оказалось много убитых и раненых. Тогда лодзинские рабочие ответили всеобщей забастовкой, и в городе все замерло, остановился трамвай, закрылись магазины; рабочие устраивали баррикады, происходили стычки с войсками, причем в общем раненых и убитых насчитывалось до 2 тыс. человек. Несмотря на громадные жертвы, движение это продолжалось 12 дней и было поддержано в Варшаве, в Сосновицах и Ченстохове. 12 мая началась забастовка текстильных рабочих, которая вскоре охватила рабочих Шуи, Тейкова, Иваново-Вознесенска; бастовало до 100 тыс. рабочих, предъявивших ряд экономических требований. В Иваново-Вознесенске рабочие в числе 35—40 тыс. собрались на митинги около р. Талки и здесь для руководства стачкой избрали Совет рабочих депутатов в числе 110 человек; стачка протекала свободно до 3 июня, когда власти попытались положить конец этой свободе: объявлено было о запрещении собраний, а когда рабочие все же собрались, на них ринулись казаки, оставив на месте немало убитых и раненых. Рабочие все же держались, сходились на

небольших собраниях, поддерживали друг друга, пока могли; когда же иссякли все средства и наступил голод, начались разгромы мучных лавок; собрания снова были разрешены, и стачки, продолжавшиеся свыше месяца, закончились частичным удовлетворением требований рабочих. В июле же произошла стачка текстильных рабочих в Костроме, где также движением руководило избранное рабочими «Собрание депутатов». Бастовали, разумеется, и рабочие всех прочих районов и производств, причем повсюду движение захватывало одновременно десятки тысяч рабочих. Так, в июле возникла всеобщая стачка в Горловском районе (Донбассе), захватившая и заводских и рудничных рабочих, и т. д.

Как видим, стачечное движение принимало всеобщий характер не только в том смысле, что в каждом отдельном случае одновременно бастовали массы рабочих, но и в том, что борьба ширилась, переходя из одного промышленного района в другой, захватывая их все. В таких условиях, с обострением политического положения в стране и быстрым ростом классовой солидарности пролетариата, немного было нужно для того, чтобы движение перешло во всеобщую стачку высшего порядка, т. е. в стачку, одновременно охватывающую всю рабочую массу страны. Элементы октябрьской всеобщей стачки имелись поэтому уже до октября, и только таким непрестанным развитием движения в ширь и в глубь можно объяснить, что сравнительно незначительный повод поднял на борьбу всю рабочую массу. Если в январе увольнение четырех путиловских рабочих послужило искрой, от которой возгорелось пламя экономической и политической борьбы, то теперь достаточно было одной искры, чтобы непотухавшее пламя разбушевалось в пожар.

В сентябре поднималась новая волна стачечного движения. 24 сентября в Москве бастовало до 50 типографий, что вызвало отклик в Петербурге, где 2 ноября также забастовали типографии; в то же время в Москве возникла стачка пекарей, и в Петербурге бастовало несколько крупных заводов. В эти дни (20 сентября) собрался в Петербурге съезд железнодорожных рабочих и служащих по пересмотру пенсионного устава. В раскаленной обстановке дело не могло, конечно, ограничиться этим уставом; съезд раздвинул рамки своих работ, выставил ряд экономических требований и принял политическую резолюцию о созыве Учредительного собрания, политических свободах и т. п. В связи с этим разнесся слух об аресте делегатов съезда, и это оказалось достаточным для того, чтобы в Москве на Московско-Казанской дороге забастовали машинисты. Забастовка немедленно распространилась и в течение ближайших дней (7—10 октября) охватила весь московский железнодорожный узел. 12 октября в Москве бросили работу почта и телеграф, а затем и все фабрики и заводы. В тот же день остановился петербургский железнодорожный узел, а на следующий день забастовка стала всеобщей и в Петербурге. Одна за другой замирали железнодорожные линии по всей стране, приостановилась почтово-телеграфная служба, стали фабрики и заводы, торговые и ремесленные заведения, конторы и банки, некоторые

учреждения и учебные заведения. Жизнь в стране замерла. Ко всеобщей забастовке никто не призывал, да и не успел бы призвать — с такой быстротой она распространялась. Призыв, так сказать, сам катился по стране — от железнодорожного узла к железнодорожному узлу, от одной почтово-телеграфной конторы к другой, от фабрики к фабрике, от города к городу.

Царское правительство оказалось в осаде, плотно обложенным неприятельской армией. Оно лишилось всей «службы связи», не могло найти вокруг себя ни одной активной силы. Штрейкбрехеры из буржуазии, — такие, конечно, нашлись, — не были в состоянии организовать доставки почты даже в Петербурге, за армию боялись, боялись и вооружения добровольцев. В докладе своем царю Витте 12 октября 1905 г. писал, что «вследствие недостатка войск оказывается невозможным привести забастовавшие железные дороги на военное положение», а совет министров вынужден был отклонить проект о формировании дружин и ополчения, так как — таково было мнение совета, — «1) нельзя рассчитывать на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан, — что войско может даже явиться опасным, 2) если дружинникам и ополченцам платить более, нежели чинам армии, то это может возбудить армию». И, действительно, если бы в дни всеобщей стачки правительство двинуло против миллионов бастовавших войска или ополченцев, это могло бы перевести движение в высшую форму — братания с войсками и вооруженных восстаний. Позже, когда всеобщая забастовка окончилась, силы у правительства нашлись — переброшены были войска из Дальнего Востока, вооружены были черносотенные банды, но пока такой силы не было, и надо было уступить.

Такой уступкой был манифест 17 октября. Но уже через несколько дней, как только пошли железные дороги и стали возобновлять работу фабрики и заводы, правительство попыталось перейти в наступление. Начались черносотенные погромы, возобновились репрессии, завершившиеся арестом Петербургского совета рабочих депутатов; широкие круги буржуазии готовы были примириться на манифесте 17 октября. Перед стеною контр-революции пролетариат собирает свои силы, чтобы еще раз наиболее решительно ударить по старому порядку. Движение переходит в полосу вооруженных восстаний. Первыми у баррикад становятся московские рабочие; в рабочих кварталах «первопрестольной» столицы происходят форменные сражения вооруженных рабочих с отборными войсками, присланными из Петербурга; артиллерийскими частями восстание было подавлено. Одновременно восстания произошли и в ряде других мест. В Ростове баррикады были сооружены в рабочей (Темерницкой) части города; 15 и 16 декабря в решительных боях, с применением артиллерийского огня, восстание было подавлено. В Нижнем-Новгороде артиллерией были обстреляны баррикады и вокзалы. В Екатеринославе столкновения с войсками происходили в рабочих кварталах, отряды перебросились в Донбасс, где по линии Екатерининской ж. д. в Горлов-

ском районе восстание охватило ряд рудников и было подавлено только с прибытием войск, действовавших по всем правилам войны. Более или менее удачные восстания имели место в Новороссийске, Пятигорске, Харькове, Сормове, Вятке, Мотовилихе; в Сибири (Чита, Красноярск) к восстанию присоединились некоторые части войск, в Прибалтийских губерниях и на Кавказе восстаниями захватывались деревни.

Несмотря на свою значительность, вооруженные восстания были разрознены, распылены, не имели направляющего центра, не могли поэтому, вылиться в одну лавину, перед которой дрогнули бы войска. Правительство собрало свои силы и одно за другим подавило эти отдельные восстания карательными экспедициями, залившими кровью пламя революции.

Таковы этапы революции в 1905 г. На каждом из них рабочий класс выступал в качестве не только самой деятельной революционной силы, но и был той силой, которая единственно двигала революцию по восходящей линии: революция шла по этой линии только до тех пор, пока пролетариат сохранял революционную активность, и в меру этой активности.

Рабочие были наиболее активной революционной силой и в первый, исходный период революции (9 января и ближайшее к нему время), но не были в это время единственной силой. Внешняя форма первого выступления рабочих (хождение к царю с петицией) подавала еще оппозиционной буржуазии надежду на то, что рабочее движение не разойдется с «общенациональным» движением, т. е. что впереди останется она, буржуазия, а за нею, в качестве устрашающего для самодержавия аргумента, пойдут рабочие. Однако уже ближайшее развитие движения опрокинуло эти надежды буржуазии: рабочие не остались на путях петиций, но повели широким фронтом и экономическую, и политическую борьбу, заражая своим примером и крестьянство и передовые элементы армии (восстание «Потемкина»). Единый революционный фронт, слабо выявлявшийся в начале революции, дает глубокие трещины. Если крупная, цензовая буржуазия раскололась еще на первом земском съезде (ноябрь 1904 г.) на сторонников конституционного порядка и противников его, то в дальнейшем наметился все больший отход от революции самых широких буржуазных кругов. Булыгинскую, законосовещательную, бесправную Думу готова была признать не только крупная буржуазия, но и широкие буржуазно-демократические слои. Рабочий класс далеко не собирался однако ставить точку над революцией, октябрьской всеобщей забастовкой похоронил булыгинские проекты и вырвал у самодержавия манифест 17 октября. Перед буржуазией снова замерцала надежда, что каштаны из огня уже вытащены руками рабочих и можно успокоиться на самодержавии, подновленном конституционными обещаниями царя; в эти дни московские промышленники, например, заявляют, что лучшей мерой «успокоения умов» является дарование конституции и предоставление рабочим возможности свободно обсуждать свои нужды. Но на этот раз надежды испарились

еще скорее. Петербургский пролетариат организует Совет рабочих депутатов, который противостоит правительству Витте, вводит революционным порядком 8-часовой рабочий день, в явочном порядке реализует свободы, возвещенные, но не осуществленные правительством, протестует стачками против продолжающегося режима бесправия. Буржуазии это дальнейшее развитие революции, требование созыва Учредительного собрания и демократической республики, естественно, представлялось как «безумие», и на сторону врагов революции открыто переходят не только промышленники, пытающиеся дезорганизовать рабочих локаутами, но и либерально-буржуазные элементы. Именно к этому времени — времени октябрьско-ноябрьских забастовок относятся первые переговоры либеральной буржуазии, в том числе, так называемой кадетской партии, с царским правительством об образовании «кабинета общественных деятелей», т. е. о соглашении буржуазии с самодержавием; именно в эти дни лидер кадетской партии Милюков, как он сам об этом рассказывает, убеждал Витте образовать деловое министерство из «приличных людей» (т. е. бюрократов) и опубликовать «дарованную» царем конституцию: «вас будут бранить за такой образ действий, — успокаивал Милюков Витте, — но потом успокоятся и все войдет в норму». Преодолевая сопротивление правительства и буржуазии, пролетариат идет на самодержавие вторым, более решительным штурмом — рядом вооруженных восстаний, — но, не получая поддержки от крестьянства (и армии, в которой были те же крестьяне), был вынужден отступить.

Таким образом, если революция развивалась по восходящей линии (от января до декабря), захватывая все более широкие массы и более остро ставя те задачи, которые она объективно должна была разрешить, то развитие это шло вопреки буржуазии, которая по мере подъема революции переходила в лагерь контр-революции, и определялась только силами одного рабочего класса. В последующем ниспадающем ходе революции эта роль пролетариата сказалась не менее ярко.

Государственные думы — первая и вторая — очень мало отражали настроение страны. Избирательный закон давал возможность организоваться буржуазии, но крестьянские депутаты процеживались через систему многостепенных выборов, а рабочие были заперты в своей курии. И в первой и во второй Думе наиболее сильна была либеральная буржуазия, которая смотрела на Думу как на драгоценный сосуд, с которым нужно обращаться со всею осторожностью. Основная тактическая линия либеральной буржуазии заключалась в «бережении» Думы, а так как Дума по существу была бесправной, то и тактика сводилась к «бережению» бесправной Думы, что означало приспособление к правительственной политике, соглашение с правительством, т. е., в конце концов, укрепление контр-революции. Когда в ответ на роспуск первой Думы кадеты погорячились и опубликовали так называемое выборгское воззвание с призывом не платить податей и не давать солдат для армии, то они скоро

успокоились и признали этот акт политически нецелесообразным, т. е. отказались даже от пассивного — об активном и речи не было — сопротивлении натиску контр-революции.

Еще ярче эта тактика приспособления сказалась во второй Думе, когда, при еще более определившемся реакционном курсе правительства, кадеты старательно занимались законодательной работой. Этот «лойяльный» пыл не остыл даже и тогда, когда правительство пошло на прямую провокацию с целью облегчить себе путь к государственному перевороту. Оно направило в с.-д. военную организацию двух провокаторов, с ведома и содействия которых были завязаны сношения с с.-д. фракцией Думы, составлен наказ и посланы во фракцию делегаты-солдаты; не успели солдаты вручить депутатам наказ, как нагрянули жандармы и «заговор» был готов. Правительство потребовало от Думы выдачи депутатов для суда над ними. Дума, оттягивая решение, продолжала «законодательствовать», пока сама не была разогнана, а депутаты арестованы, преданы суду и осуждены.

Не покидал поля битвы в это время только рабочий класс. Мы видели, что бастовало в 1906 г. свыше миллиона рабочих и в 1907 г. — 740 тыс., что участники политических стачек составили в 1906 г. 59,9% и в 1907 г. 76,9% всего числа бастовавших, что число участников активно-политических стачек равнялось в 1906 г. 47% и в 1907 г. 70% всего числа участников забастовок. Это значит, что рабочий класс отступал с боем, постепенно суживая плацдарм борьбы. Перелом в движении к резкому его упадку сказался во второй половине 1907 г. Из 171 361 бастовавших по экономическим поводам за весь 1907 г. на первую его половину приходится 104 300, из 568 713 участников политических стачек — 364 766, т. е. подавляющая часть и тех и других падает на первую половину года. В это время рабочие удерживают политическую активность на значительной высоте. 9 января 1907 г. в Петербурге бастовало до 40 тыс. рабочих. 1 мая — 120 тыс., первомайские забастовки имели место и во многих других городах; в марте иваново-вознесенские рабочие бастовали в виде протеста против ареста товарищей; в апреле была всеобщая забастовка в Баку в связи со стачкой моряков, в июле — в Грозном в знак протеста против расстрела рабочих. Политическая активность поддерживала и экономическую борьбу на столь же значительной высоте, несмотря на условия промышленного кризиса. Наиболее показательна в этом смысле была стачка текстильных рабочих в Костромской и Владимирской губерниях, охватившая до 65 тыс. рабочих; бастовали также моряки торгового флота в Баку, московские печатники, петербургские булочники и т. д.

2. СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

В ходе революции 1905 г. рабочий класс не только проявил революционную активность, какой в прошлом не знала история ни одной страны, но и создал классовую организацию, которая также не знала примера в прошлом — Советы рабочих депутатов.

*

Не подлежит сомнению, что Советы возникли на почве стачечной борьбы и для этой борьбы. В предшествовавших стадиях движения рабочие также создавали особые организации — советы делегатов, стачечные комитеты и комиссии и т. п., которые должны были руководить стачками. Теперь сказалось то же стремление. Вот что говорилось, например, в первой прокламации Петербургского совета: «Мы, депутаты разных петербургских фабрик и заводов, обсудив положение, призываем всех рабочих поддержать великое дело борьбы за свободу, за счастье народа и присоединиться к всероссийской забастовке. Еще одно усилие — и с народа падут цепи векового рабства. Но для этого усилия рабочий класс должен крепко сплотить свои ряды, должен выступить как единая организованная сила. Нельзя допустить, чтобы забастовки то вспыхивали, то потухали по отдельным фабрикам и заводам. Поэтому мы постановили объединить руководство движением в руках Общего рабочего комитета. Мы предлагаем каждому заводу, каждой фабрике и профессии избрать депутатов по одному на каждые 500 человек. Собрание депутатов фабрики или завода составит фабричный или заводский комитет. Собрание депутатов всех фабрик и заводов составит Общий рабочий комитет Петербурга. Этот комитет, объединив наше движение, придаст ему организованность, единство, силу во время забастовки и укажет, когда прекратить ее». Таким образом, в каждом предприятии должен был быть свой заводский комитет и представители всех комитетов должны были составить Общий комитет для руководства забастовкой. И во второй своей листовке с отчетом о двух первых заседаниях «Общий рабочий комитет г. Петербурга» снова подтверждает, что он объединяет и организует стачку; выступает в качестве представителя петербургских рабочих во всех случаях, когда такое выступление требуется обстоятельствами, и вообще является выражением воли пролетариата Петербурга». Общий рабочий комитет — или Совет рабочих депутатов, как потом он назвал себя, — возник, стало быть, на почве всеобщей забастовки и для руководства ею, — чтобы забастовка шла организованно, а не стихийно, то вспыхивая, то потухая. На такой же почве, как мы упоминали, возникли советы депутатов в Иваново-Вознесенске и Костроме, так возник Совет депутатов типо-литографских рабочих в Москве во время сентябрьской стачки, так возникли и другие, менее значительные депутатские организации в других местах.

Образование Петербургского совета отличалось от образования прочих, возникавших до октября 1905 г., не тем, что он возник в столице или объединил большое число рабочих, а тем, что он образовался на почве забастовки не местного значения, для защиты, так сказать, не частных интересов данной бастующей массы, но на почве всеобщей, всероссийской забастовки, как высшей формы общереволюционной борьбы. Иваново-Вознесенский совет летом 1905 г. принял для себя и для бастующих такие директивы: «1) избранному Совету рабочих депутатов руководить стачкой, 2) никаких сепаратных действий и переговоров не допускать, 3) всем стачечникам вести себя

скромно и организованно, 4) к работе приступить только по решению Совета рабочих депутатов». В данном случае Совет руководит стачкой данной массы рабочих, ведет переговоры с предпринимателями, постановляет, когда стачку окончить, — в этом отношении иваново-вознесенский совет ближе всего примыкает к тем стачечным организациям, которые возникли до 1905 г. и в таком множестве и разнообразии в этом году. Петербургский совет возник совсем в другой обстановке. Октябрьская всеобщая стачка в Петербурге, как и повсюду, была политической стачкой, орудием революционной борьбы, и «руководство» ею далеко выходило за пределы руководства стачкой, хотя бы и столь значительной, какой была иваново-вознесенская. Поэтому Петербургский рабочий общий комитет в первом же своем заседании постановил, что он создается «для руководства экономическою и политическою борьбою пролетариата в настоящий момент». Но задача не могла быть ограничена и этим. Борьба шла не только политическая, но и революционная, направленная к свержению старой власти. Российский пролетариат тогда за власть не боролся, но в ходе революционной борьбы он властью становился. Источником этой возможной власти была его сила, столь внушительно показанная в дни всеобщей забастовки, когда по воле рабочих приостановилась вся жизнь страны. Опираясь на эту силу, Совет рабочих депутатов мог диктовать волю пролетариата тем, кто обладал еще действительной властью. Это хорошо понимала тогда реакционная печать, которая писала о «правительстве» Совета и противопоставляла его правительству Витте. Если бы Совет был только стачечным комитетом, он задачей своей ставил бы организацию стачки; если бы он был каким-нибудь органом революционного самоуправления пролетариата, он проявлял бы свою инициативу в направлении самоорганизации рабочего класса. Только в качестве выраставшего в борьбе органа революционной власти, Совет мог диктовать свою волю другим, вне его стоящим, в том числе правительству. Витте в своих воспоминаниях задним числом пишет, что не придавал Совету «особого значения», ибо Совет и «не имел такого значения». Однако совет министров, обсуждавший вопрос об аресте председателя Совета рабочих депутатов Носаря еще 4 ноября, арестовал его только 26 ноября, а по свидетельству Морского, состоявшего при Витте литератором, осторожность диктовалась опасением, что арест Совета рабочих депутатов может возродить в Петербурге «пережитки Парижской коммуны 1871 г.» Правительством, — опасение повторения Коммуны было высказано в заседании совета министров фабричным инспектором Литвиновым-Фалинским и возымело значительное влияние на тактику Витте, — правительством, таким образом, допускалась возможность захвата рабочими власти в Петербурге, и, следовательно, сам Совет рабочих депутатов расценивался, как имевший «особое» значение именно в качестве претендента на такую власть. Только в таком своем качестве Совет ввел революционным порядком 8-часовой рабочий день, отменил фактически цензуру, а в последние дни своего существования издал «финансовый манифест», в котором

не только призывал не вносить никаких казенных податей, требовать заработную плату золотом и брать вклады из сберегательных касс, но и объявлял не подлежащими оплате государственные займы, заключенные царским правительством, «когда оно явно и активно вело войну со всем народом».

Петербургский совет состоял из рабочих, в нем не было представителей от крестьян и солдат. Под конец своего существования Совет поставил в порядок дня привлечение в свой состав представителей крестьянского союза или образование «высшего центрального всероссийского учреждения», т. е. Совета рабочих и крестьянских депутатов, но предположению этому не суждено было осуществиться. Не заключал в себе Совет, конечно, и представителей буржуазных партий. Это был классовый орган, орган, созданный рабочим классом в процессе борьбы, поставленный на службу делу борьбы, отразивший развитие революции и роль в последней пролетариата. Возник он в качестве стачечного комитета и таким бы остался, если бы дело шло просто о руководстве стачкой. Но обстановка революции и роль в ней пролетариата, как гегемона, поставила Совет впереди, как орган революции, превращала его в орган революционной власти, который не стал (хотя и становился) властью потому, что революция потерпела поражение, и при благоприятном дальнейшем течении революции мог бы стать властью рабочих и крестьян.

Все остальные Советы возникли в октябре-ноябре под влиянием Петербургского и Московского советов и носили такой же характер. Они руководят забастовками и вооруженными восстаниями, проявляют революционную власть в зависимости от размаха, который революция принимала на местах, и от того, кто стоял во главе движения, меньшевики или большевики. Так, Новороссийский совет организовал боевые дружины и городскую милицию, разоружив городовых, назначил своего губернатора, начальника гарнизона, приступил к организации революционного суда. В Красноярске к Совету перешли функции городской думы и старой власти, с организацией отделов охраны порядка, труда и здоровья и т. п. Николаевский совет имел свою милицию, организовал помощь безработным и т. д.

По имеющимся сведениям Советы образованы были, помимо Петербурга и Москвы, в Ростове, Одессе, Николаеве, Киеве, Екатеринославе, Саратове, Самаре, Костроме, Твери, Вятке, Екатеринбурге, Таганроге, Смоленске, Красноярске, Иркутске, Чите, Либаве, Ревеле, Белостоке, Мариуполе, Новороссийске, Баку, Орехово-Зуеве, Юзовке, Кременчуге, Мытищах, на уральских заводах Надеждинском и Воткинском. Организация столь значительного числа Советов и в столь разнообразных местах, образование их почти во всех промышленных центрах могло явиться, разумеется, лишь в результате необъятно глубокого сдвига в массах, количественного и качественного роста их авангарда, проявленного самой массой стремления к классовой организации, которая служила бы задачам дальней-

шего развития революции, — в результате творчества класса, боровшегося в момент высшего подъема революции, по выражению Ленина, «посредством революционной власти».

3. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ДВИЖЕНИЕ В АРМИИ

Борьба рабочих не могла не оказать своего воздействия на крестьянское движение и на армию. Деревня не могла не знать о том, что делается в городе — о массовых забастовках, и должна была получить в этом стимул к тому, чтобы самой подняться на борьбу с помещичьим гнетом. Воздействие это разносилось по деревне и рабочими, связанными многими нитями с крестьянством.

Донесения губернаторов о крестьянских волнениях переполнены сообщениями и рассуждениями на тему о том, что «зараза» идет из города и заносится в деревню рабочими. «Крестьянство, — писал курский губернатор, — силою вещей начало выделять из своей среды значительное число отправляющихся на заработки, преимущественно на заводы и фабрики: на заработки шел элемент с подорвавшимся уже хозяйством. Этот элемент, попавший в новую среду, приносил с собой в деревню все отрицательные условия фабричной и заводской жизни. Частые волнения на заводах, волнения в городах, сопровождавшиеся погромами, не могли не оказать своего деморализующего влияния на возвращающихся домой рабочих из крестьян, в отдельных случаях являвшихся настолько распропагандированными, что уже сами становились организаторами на месте революционных очагов». «Происхождение повсеместной в России забастовки фабричных и других рабочих, — писал полтавский губернатор, — а главное, их результаты, т. е. удовлетворение если не всех, то большинства требований забастовщиков, вселили в народе убеждение, что забастовка является могущественным и действительным орудием в борьбе с предпринимателем-хозяином, что забастовкою можно добиться почти всего». «Распространению разных тревожных слухов много способствуют разные появляющиеся бродячие личности, рабочие, оставшиеся без работы, и высланные из столиц поднадзорные личности», — доносил ярославский губернатор. «В моем распоряжении, — писал тверской губернатор, — имеется ряд указаний на то, что возвратившиеся из столиц и высланные с фабрик и заводов на места приписки рабочие являются среди крестьянского населения элементом недовольным и малонадежным в отношении соблюдения спокойствия и порядка», и т. д.

Особенно заметно такого рода влияние должно было сказаться в текстильных районах, где, с одной стороны, много фабрик расположено по деревням, а с другой, наиболее крепка и непосредственна была связь рабочих с деревней. Владимирский губернатор отмечал, что главным центром аграрного движения в Юрьевском и Покровском уездах является Кольчугинский завод, а в Меленковском уезде — Гусевская Нечаево-Мальцевская фабрика. «Очень много ра-

бочих, — сообщал земский начальник Ковровского уезда владимирскому губернатору, — в ковровских железнодорожных мастерских и на фабриках Треумова, Дербеневых, Ремизова, Кочеткова и Швецова из крестьян вверенного мне участка, и эти рабочие в большинстве случаев, пользуясь близостью расстояния, вечером с работы ходят ночевать домой». А в результате таких ночевок — «многие рабочие из крестьян, обещая разные будущие льготы, вербуют своих односельчан, а последние, как известно, крайне доверчиво относятся к рассказам и учениям своих однодеревенцев». В д. Попышеве толпа крестьян, «подстрекаемая рабочими фабрик Кондратьевых в с. Ваче, заставила сельского старосту раздать обратно собранные им повинности, а в самом с. Ваче рабочие тех же фабрик устроили демонстрацию, продолжавшуюся два часа. В Московской губернии рабочие фабрики Попова (в с. Ивановском) устроили в чайной при фабрике собрание совместно с крестьянами, на котором произносились политические речи. В Рязанской губернии губернатор отмечает участие в крестьянском движении рабочих, вернувшихся с фабрик, и, в частности, сельской молодежи, пришедшей из Москвы с заработков. Повидимому, не меньшую роль играли горнорабочие, возвращавшиеся в родные села; тот же рязанский губернатор писал, что «беспорядки, возникавшие в селе Секарине, нужно отнести к дурному влиянию рабочих из крестьян села Секарино же, пришедших из донецких каменноугольных копей». Аналогичные сообщения об агитации рабочих и вообще о влиянии возвращавшихся в деревню рабочих имеется во многих других донесениях губернаторов.

Такое влияние, вообще говоря, не заключало в себе ничего нового. Мы видели, что во время крестьянских волнений 1902 г. отмечалось такое же воздействие города на деревню, рабочих на крестьян. Теперь, в годы революции, такое воздействие сказывалось более сильно и приняло более широкие размеры. Все же эту сторону движения не следует преувеличивать. Аграрное движение 1905—1906 гг. не было, разумеется, вызвано агитацией попавших в деревню рабочих или рабочих, с деревней связанных, — причинами своими оно уходило далеко в крестьянское прошлое, в экспроприацию крестьянских земель и эксплоатацию крестьянства крупными землевладельцами. Революция в городе пробудила деревню, показала ей возможность борьбы, открыла шлюзы, через которые широким потоком хлынуло движение, — крестьянство последовало за рабочими недостаточно решительно, не так, чтобы мог установиться их общий боевой фронт, но все же последовало.

Формы крестьянского движения также наметились в прошлом и теперь лишь уточнились соответственно характеру различных сельскохозяйственных районов. Там, где крестьянское хозяйство носило по преимуществу продовольственный характер, чаще всего практиковался увоз помещичьего хлеба и сена, потравы лугов: крестьяне брали прежде всего то, что им первее всего было нужно. Вот, например, одна из многочисленных картин в изображении орловского губернатора: «Началась открытая возка хлеба мимо самой усадьбы; когда

земледелец Беэр и семья управляющего встали, то мимо них открыто весь день возили хлеб, причем старики, проходя мимо, отворачивались или закрывали лицо руками, а молодежь нагло смотрела в глаза Беэру; так продолжалось до 2 часов дня 9 июля (1906 г.), и за это время крестьяне успели свезти всю рожь и овес у Беэра. Затем собран был сход, после которого поехали за пшеницей и к 7 часам вечера также всю свезли». Когда прибывший чиновник собрал сход, потребовал, чтобы крестьяне возвратили взятый хлеб, «бабы вдруг неожиданно подняли прежний вой, толкали вперед детей, становились на колени, били себя в грудь и кричали: «есть нечего, а он нажился; не крали, а всем миром решили взять хлеб, чтобы с голоду не сдохнуть; возьми, бери нас всех, бей нас, убивай нас и детей убивай».

В районах господства кабальных отношений и кабально-крепостнической аренды земель крестьянами у помещиков наибольшее распространение получили разгромы и поджоги помещичьих имений. Всего осенью 1905 г. было разгромлено, по самым скромным расчетам, до 2 тыс. помещичьих усадеб, в том числе в Саратовской губ. до 275, в Тамбовской до 130, в Курской 127 и т. д. «В Саратовской губернии, — говорит в своем отчете один из царских ревизоров, — пострадали от беспорядка более 300 экономий, причем в Балашовском уезде есть местности, где уничтожены все усадьбы. Осмотр произведенных погромов производит ужасное впечатление. Крестьяне жгли и уничтожали все с поразительной жестокостью, в усадьбах не осталось камня на камне, расхищалось все: хлеб, запасы, обстановка, домашняя утварь, скот, железо с крыш, словом, все, что можно было унести, остальное же предавалось пламени. Из похищенного многое выбрасывалось в реки, пруды, зарывалось в овраги, чтобы скрыть следы преступления, а скот иногда умышленно калечился. «Таким основательным разгромом крестьяне как бы хотели сравнять усадьбы с землей, в надежде, что помещики больше не возвратятся на свои места. Захват помещичьих земель и их распашки имели место сравнительно редко; чаще крестьяне в приговорах, одновременно с разгромами имений, предусматривали передачу помещичьих земель в пользование мира, но до осуществления таких предложений дело в большинстве случаев не доходило — ко времени реализации их шла уже правительственная ликвидация аграрных волнений. В районах капиталистического сельского хозяйства наиболее распространенной формой была забастовка сельскохозяйственных рабочих, к которым по характеру примыкали забастовки с целью добиться сдачи помещиками земель в аренду на более доступных крестьянам условиях.

Различные слои крестьянства принимали в движении разное участие. Основную массу «аграрников» составляли середняки и бедняки. Правда, некоторые губернаторы (черниговский) отмечали, что «в беспорядках и грабежах наиболее активными участниками оказывались самые зажиточные крестьяне-собственники, имеющие 100 и более десятин земли». Однако, во-первых, как мы сейчас увидим, это указание на преобладающее участие кулаков имеет свой

особый смысл, а, во-вторых, в большинстве случаев и губернаторы, противопоставляя малоземельных крестьян земельным, разумели под последними преимущественно середняков и подчеркивали, что полтавские, например, казаки, «никогда не знавшие крепостной зависимости, частные собственники», оказывали движению «прямое противодействие». Более достоверные указания дает анкета Вольно-экономического общества. Относительно средне-волжских губерний анкета констатирует, что «везде главная роль в движении принадлежала бедным и средним слоям в деревне», что «богатые крестьяне, имевшие купчую землю, или крупные арендаторы держали себя «как помещики», и случалось, что бедняки поступали с ними как «с помещиками». В центральных земледельческих губерниях «зажиточные крестьяне», в особенности же имеющие купчую землю, как не страдающие от малоземелья, относились к аграрному движению отрицательно». В западных губерниях в движении в большинстве случаев участвовали «бедные и среднезажиточные крестьяне». На правобережной Украине обыкновенно в движении принимали участие «почти все слои деревни», но «более зажиточные относились к движению с некоторым скептицизмом, а иногда и враждебно»; на левобережной Украине «участие в движении принимали, главным образом, бедняки и средние крестьяне. Такие же сообщения имеются и о других районах, причем всюду отмечается враждебное отношение к движению крестьян-богатеев, имеющих купчую землю, т. е. явно кулацкого элемента деревни; о том же говорил делегат Владимирской губернии на учредительном съезде Крестьянского союза: «богатеи и кулаки вообще стараются подавить в самом зародыше движение». Это не значит, конечно, что кулаки вообще не принимали участия в движении. Такое участие их отмечается в порубках леса и в разгроме помещичьих имений, т. е. в тех случаях, когда кулакам представлялась возможность поживиться, причем в качестве многолошадных они действовали более энергично, чем середняки и бедняки. Но если в разной мере и в разной форме все слои деревни принимали участие в движении, сводя каждый свои счеты с помещиками, то все это еще не создавало «единства фронта». Из центрального земледельческого района имеются сведения «о несогласиях и борьбе, возникших на почве экономической дифференциации и различного отношения к движению разных слоев крестьянства». В Саратовской губернии, «в деревнях, где уже выделился слой богатых крестьян, богатые на сходах не участвовали, но и без них составлялось требуемое число голосов», а некоторые сельские сходы, находившиеся под влиянием кулаков, угрожали участникам движения удалением из общества. Крестьяне-богатеи, кулаки, вообще, ближе стояли к помещику и начальству и были сторонниками «порядка»; «богатые» крестьяне, — констатируется для средне-волжских губерний, — желали «сохранения порядка», а бедные, которых богатые называли «аграрниками», употребляли все средства для того, чтобы освободиться от гнета крупных собственников; во многих местах деревня разбилась на два враждебных лагеря: «красную» и

«черную» сотни, постоянно враждующие между собою, — черную сотню составляли, конечно, кулаки. В Черкасском уезде «богачи-кулаки обратились в шпионов, выдающих полиции бунтовщиков»; в Могилевском уезде устраивали суды над зажиточными за «их принадлежность к помещичьей партии», в Чигиринском уезде «бедняки и молодежь ответили богачам поджогами», и т. д. Таким образом, расслоение крестьянства, как этого и следовало ожидать, сказалось и в аграрном движении, которое в наиболее острых своих стадиях начинало принимать характер острой классовой борьбы в среде крестьянства.

Общее развитие аграрного движения находилось в прямой связи с общим ходом революции и с борьбою рабочих, в особенности. Так, в первой трети 1905 г. были охвачены движением 85 уездов (17% всего числа уездов), во второй трети — 104 уезда (21%), в третьей 261 уезд (52%), в 1906 г. в первой трети 120 уездов (24%), во второй—250 (50%) и в третьей — 72 (14%); за весь 1907 г. — 74 уезда. Максимальный подъем падает, стало быть, на месяцы всеобщей забастовки и вооруженных восстаний 1905 г. и на лето 1906 г., т. е. на время Первой думы. Перелом в движении наступил осенью 1906 г., а до того оно шло по линии восходящей: в первые две трети 1905 г. оно охватило 189 уездов, в соответствующие трети 1906 г. 370 уездов, т. е. в два раза больше. Этой линии подъема движения соответствовала и эволюция его форм. В начале движения преобладала приговорная форма, т. е. составление приговоров с изложением земельных и правовых нужд крестьянства; максимального напряжения крестьянская борьба достигла осенью 1905 г., приняв форму разгрома помещичьих имений; последние практиковались и летом 1906 г., когда наибольшее распространение получили также сельскохозяйственные забастовки: летом 1905 г. они были отмечены в 45 уездах, осенью — в 58 уездах, а летом 1906 г. — в 157 уездах. Этот, так сказать, количественный и качественный рост крестьянского движения, происходивший под влиянием рабочего движения, с ростом последнего, однако, не совпадал: крестьянство, раскачавшись осенью 1905 г., продолжало напряженно и в более организованных формах борьбу в 1906 г., когда рабочее движение шло уже по линии упадка и периоды высшего своего подъема имело позади. Ни в дни октябрьской всеобщей забастовки, ни в дни декабрьских вооруженных восстаний рабочий класс решительной поддержки от крестьянства не получил, так как разрозненные и стихийные разгромы помещичьих имений были еще далеки от крестьянских восстаний, когда оба потока — рабочий и крестьянский — могли бы слиться в один, сметающий старый порядок.

Несмотря на значительные размеры, крестьянское движение 1905—1906 гг. находилось еще в начальной стадии по отношению к тому размаху, какой оно должно было получить для дальнейшего развития революции, как и само крестьянство оставалось неорганизованным. Летом 1905 г. образовался Всероссийский крестьянский союз (учредительное собрание его состоялось 31 июля и 1 ав-

густа 1905 г.), насчитывавший к концу года представителей от 27 губерний. Но, во-первых, Союз был вскоре разгромлен, а во-вторых, руководимый социалистами-революционерами, он не оказался на высоте тех задач, которые пред ним стояли. Высказавшись за отмену частной собственности на землю и за «переход всей земли в общую собственность всего народа», Союз не намечал сколько-нибудь отчетливо тех путей, каким крестьянство может добиться удовлетворения своих требований. На съезде (в ноябре 1905 г.) Союз выдвинул идею «общей земледельческой забастовки», угрожая, что он «откажет владельцам хозяйств всех наименований в рабочей силе и тем закроет их». Но «закрыть» все собственнические хозяйства, применяющие наемный труд, — задача более чем трудная и для организации во много раз более могущественной, чем Союз; осенью 1905 г., когда Союз принимал эту резолюцию, крестьянство прибегало не к забастовкам, а к разгромам помещичьих имений, как к первичной форме восстаний. Сосредоточивая свое внимание на беспредметной по условиям времени и места идее всеобщей крестьянской стачки, Союз обходил, однако, вопрос о крестьянском восстании, отражая преобладавшее в его среде стремление получить землю «мирно». В принятой общей резолюции Союз ограничился предвидением, что «неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась». Так как трудно было ожидать, что народные требования, не подкрепленные силой, будут удовлетворены, то тем настоятельнее было дать ответ на «всеобщее народное восстание», которое «неизбежно» должно было наступить. Однако в специальной резолюции по поводу восстаний и волнений крестьян Союз перелагал вину за них «на преступное правительство», требовал вывода войск из мест волнений и амнистии для пострадавших за аграрные беспорядки и посылал «братский привет» восставшим крестьянам. Организация и руководство восстанием, таким образом, выпадали из перспективы, а рассуждения о вине правительства придавали как бы крестьянскому волнению вынужденный характер, не вытекающий из всей социально-экономической обстановки. Если члены Союза на местах и принимали деятельное участие в крестьянском движении, то последнее в целом не получило ни руководства, ни организации, а крестьянство боролось «собственными средствами».

Движение в армии отразило на себе влияние рабочего и крестьянского движения. Если подсчитать наиболее крупные волнения в армии, то окажется, что на первые десять месяцев 1905 г. их приходится 13, на ноябрь 34 и на декабрь 16; в 1906 г. на первые пять месяцев 6, на июнь 13 и на июль 10. Таким образом, максимального подъема движение достигло в ноябре и декабре 1905 г., т. е. при максимальном подъеме борьбы рабочих, и летом 1906 г., в месяцы следующего подъема и рабочего и крестьянского движения. Более внимательный анализ движения в армии показывает, однако, что влияние, исходившее от рабочего движения, было многим сильнее,

чем от крестьянского. Наиболее крупные, подлинно революционные выступления имели место почти исключительно во флоте, среди матросов, которые вербовались из рабочих или из более развитых крестьян и которые поэтому живо откликались на борьбу рабочих. Уже летом 1905 г. произошло известное восстание на броненосце «Потемкин», в октябре — восстание матросов в Кронштадте, захватившее и солдат, и во Владивостоке, в ноябре — в Севастополе во главе с лейтенантом Шмидтом, в июне 1906 г. — снова восстание в Кронштадте и в Свеаборге. Движение в армии далеко не принимало такого характера, а из армейских частей революционные восстания имели место, главным образом, среди артиллеристов, саперов (Киев, в ноябре 1905 г.), минеров (Свеаборг), т. е. среди технических частей, комплектовавшихся по преимуществу из рабочих. Пехотные части, в своем крестьянском составе, дали менее всего выступлений и наименее яркого характера: волнения происходили в частях, подлежащих демобилизации на Дальнем Востоке, либо происходили на почве более мелких солдатских нужд. Пехота и казаки составили ту силу, с помощью которой правительство подавляло революцию. Если, таким образом, борьба рабочих нашла отклик и поддержку в родственных (по классовому происхождению) частях флота и армии, то крестьянское движение такого отклика и поддержки не получило. Объясняется это, конечно, различием напряжения рабочего и крестьянского движения. В частности, недовольство крестьян не достигло еще такой силы, чтобы передаться в армию и направить крестьян-солдат на вооруженную борьбу со старым порядком. Борьба рабочих, напротив, оказалась достаточной в силе, чтобы переброситься в родственные армейско-флотские ряды, которые во многих случаях выступили решительно на поддержку рабочих и революции. Крестьянство не поддержало решительно рабочих — и совсем не поддержала их крестьянская армия. В феврале-марте 1917 г. обстоятельства, как известно, сложились совсем иначе. Восстание петроградских рабочих со всей решительностью было поддержано петроградским гарнизоном и армией на фронте, и поддержка эта была поддержкой вооруженных крестьян, отражавших накопившуюся в самом крестьянстве решимость покончить со старым режимом. Рабочие в 1917 г. победили при поддержке крестьян и потерпели поражение в 1905 г., потому что не получили от крестьян должной поддержки.

4. В РЯДАХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Революция, поставив ряд основных вопросов, не могла не привести к дальнейшему и все более глубокому расхождению двух фракций социал-демократической партии. Мы видели, что еще до второго съезда расхождения обозначились не только по организационным вопросам, но и по программно-тактическим, причем последнего рода разногласия сосредоточивались, главным образом, на аграрном вопросе, т. е. на вопросе об отношении к крестьянству, и на отношении

к буржуазии. По этой же линии расхождение углублялось и теперь, простираясь на самые основы понимания характера революции и тактики в ней рабочего класса.

И меньшевики, и большевики смотрели на происходившую революцию, как на буржуазно-демократическую, но выводы из такого признания делали разные. «Революция, которую начало собой 9 января, остается тою же, какою мы ее считали до 9 января: социальной революцией буржуазии», писал Мартов в начале 1905 г. Отсюда меньшевизмом делался вывод, что власть должна перейти в руки буржуазии и что задача пролетариата в ходе революции должна заключаться в том, чтобы «толкать» буржуазию вперед, и самому, в процессе революционной борьбы, сорганизоваться для успешности как этой борьбы, так и борьбы за социализм в будущем. «Наши тактические задачи, — писал Мартов, — попрежнему все определяются поэтому задачей — использовать эту буржуазную революцию в интересах будущей социалистической революции пролетариата, т. е. прежде всего в интересах классового сплочения пролетариата, в интересах образования и укрепления его классовой партии».

Первое применение эта тактическая линия получила осенью 1904 г., когда в земских собраниях и на банкетах стали выдвигаться конституционные требования. «Искра», находившаяся тогда в руках меньшевиков, выдвинула план так называемой земской кампании, обратившись к членам партии с соответствующим письмом. Центральная задача этой кампании формулировалась так: «воодушевить передовые слои пролетариата страстным, интенсивным стремлением оказать, в насущных интересах своего класса, непосредственное влияние на ход и направление ликвидации самодержавного строя, путем внушительного организованного воздействия на буржуазную оппозицию». Для реализации такого воздействия рекомендовались «многолюдные манифестации рабочих, приуроченные к тому, когда земские собрания будут обсуждать адреса, петиции, ходатайства, словом, когда в них вообще, в той или иной форме, будет поднят вопрос об обращении к правительству с просьбой о пожаловании какой-нибудь конституции или хоть «подобия таковой», причем «часть демонстрантов проникает в залу заседания с тем, чтобы в подходящий момент, через посредство специально уполномоченного на то оратора, попросить у собрания позволения прочитать ему заявление рабочих; в случае отказа в этом, оратор громко заявляет протест против нежелания собрания, говорящего от имени народа, услышать голос подлинных представителей этого народа». План считал «роковой ошибкой», если бы при этом поставлено было целью «энергическими мерами устрашения теперь же заставить земства или другие органы буржуазной оппозиции дать, под влиянием паники, формальное обещание предъявить наши требования правительству», и противопоставлял этому задачу «придать ей (буржуазии) побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми выступит руководимый социал-демократией пролетариат». В частности, чтобы появление демонстрантов «не вызвало в земцах

панического страха, под влиянием которого они способны были бы броситься под позорную защиту полицейских и казаков», рекомендовалось «заранее предупредить либеральных гласных о готовящейся манифестации и ее истинной цели».

Таким образом, при «основной идее» этого плана, как ее впоследствии формулировал Мартов, «усилить начавшееся движение буржуазных и мелкобуржуазных слоев общества так, чтобы в процессе его поддержки пролетариат выявил себя на общественной арене как самостоятельная политическая сила, и организовался как таковая», — в центре движения ставилась буржуазия: ей нужно было «придать побольше храбрости», и, очевидно, в меру проявленной ею храбрости ожидались самые успехи движения. Такая постановка вопроса вполне соответствовала резолюции, принятой вторым съездом по вопросу об отношении к либеральной буржуазии, резолюции, которая, как мы видели, преувеличивала возможную роль буржуазии в грядущей революции и допускала «временные соглашения» с либеральной и либерально-демократической буржуазией. План земской кампании также выдвигал вперед буржуазию. Мартов писал впоследствии, что по своему историческому содержанию «революционное движение буржуазии» должно стать «исходным пунктом подлинной национальной революции». Между тем, вопреки такому мнению, исходным пунктом революции в действительности оказалось 9 января, массовое выступление пролетариата, а «подлинной национальной» (т. е. охватывающей трудящиеся массы, которые составляют подлинную «нацию») революция могла стать только под руководством пролетариата. План «Искры» вместе с тем осуществлял по существу и «соглашение» с оппозиционной буржуазией: на почве манифестаций должен был создаться единый фронт, который в реальной действительности мог осуществиться, конечно, не под пролетарскими лозунгами, а, в лучшем случае, под лозунгами компромиссными.

В дальнейшем, по мере развития событий, в связи с 9 января и последовавшими за ним массовым экономическим и политическим движениями, «Искра» выставила лозунг «развязывания революции», т. е. расширения частных движений и охвата ими все больших масс на ряду с лозунгом «революционного самоуправления», который рекомендовал массам осуществление революционным порядком свободы вплоть до захвата власти на местах («самочинное» самоуправление). Из идеи так понимаемого развертывания революции исходили меньшевики и в тактике, которую они намечали по отношению к Булыгинской думе. «Искра» отрицала как пассивный (отказ от выборов) бойкот этой думы, так и активный (с разгоном избирательных собраний) бойкот ее, выдвигая план самочинных выборов, в процессе которых масса должна была не только организоваться, но и создать свои революционные органы. План «Искры» намечал, с одной стороны, давление на буржуазию с целью заставить ее принять лозунг созыва Учредительного собрания, с другой стороны — организацию самочинных, «всенародных» выборов с избранием народных выборщиков,

которые должны составить органы местного «революционного самоуправления», и, в случае удачи, «самочинно» собраться во всероссийскую «народную» Думу; органы эти должны были стать руководителями всенародного восстания и созвать Учредительное собрание. Аксельрод попутно с таким планом пропагандировал мысль о всероссийском рабочем съезде, который должен был быть подготовлен участием рабочих в «самочинной» выборной кампании и который превратил бы с.-д. из «интеллигентской» партии в массовую рабочую. В последующем и Советы рабочих депутатов расценивались меньшевиками, как органы «революционного самоуправления» (Мартов писал о петербургском совете, что это воплощение нашей идеи «революционного самоуправления»). Идея «развертывания революции» и «революционного самоуправления» была положена меньшевиками и в основу их отношения к выборам в первую Госуд. думу; бойкот ими рекомендовался только на последней стадии выборов (т. е. при избрании депутатов на губернских собраниях выборщиков), но рекомендовалось участие в избрании выборщиков, которые, отказываясь от дальнейших выборов депутатов, должны были заявлять о требовании созыва Учредительного собрания, а при благоприятных условиях, в качестве выборных органов, сыграть роль Советов.

Уязвимым пунктом такого рода тактики, по признанию Мартова, было то, что, «доверяясь стихии революционного развития», она «вызывала сомнения относительно того расточения народных сил в частных движениях, которое в их (меньшевиков) представлениях должно было парализоваться процессом организации «самочинного самоуправления», на практике, однако, сильно отстававшего от процесса разрушения старых общественных устоев, благодаря именно слабому развитию в массах навыков общественной самодеятельности». Иначе говоря, тактика «развертывания революции» расточала в стихии революции народные силы, а это расточение нисколько не вознаграждалось «революционным самоуправлением». Очевидно, уязвимое место, вскрывавшее безжизненность всей тактической схемы, могло быть исправлено только тем, что расточаемые народные силы должны быть организованы, собраны воедино и поставлены под руководство какого-нибудь центра, т. е. пролетариата и его партии. «Искра» отрицала, однако, и этот выход, все по тем же соображениям, что революция — буржуазная, и что, стало быть, активно выступают не один пролетариат, проникнутый социал-демократизмом, но и широкие массы, которых нельзя объединить партийными знаменами. «Необходимость для социал-демократии, — пишет Мартов, — отказаться от официального руководства общенародным движением подсказывалась интересами развития самого движения, как такового, объективно-историческое содержание которого носит не пролетарски-классовый, не социалистический, а только буржуазно-демократический характер». А отсюда делался вывод, что «непосредственное практическое руководство» массами не может быть задачей партии, которая «должна сохранить за собой лишь возможность политического влияния на массы и политического руководства их вы-

ступлениями». Противопоставление «политического руководства» «непосредственному практическому» не вносило ясности в постановку вопроса, но приводило к противоречию с идеей гегемонии пролетариата в революции. Ибо гегемония пролетариата предполагает, конечно, «политическое влияние» на массы и «политическое руководство их выступлениями», но именно поэтому вместе с тем предполагает фактическое руководство демократическими массами, без которого сама гегемония лишается смысла, а пролетариат перестает быть руководителем революционной борьбы масс.

Это противоречие еще более основательно вскрылось при постановке вопроса об отношении к революционному временному правительству, которое могло быть образовано при благоприятном развитии революции. «Решительная победа революции над царизмом, — гласила резолюция, принятая конференцией меньшевиков (в апреле 1905 г.), — может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным движением народа, организовать Всенародное учредительное собрание». Идея революционного временного правительства, таким образом, меньшевиками признавалась. Но возникал вопрос, орудием какого (или каких) классов может быть такое правительство и допустимо ли в нем участие социал-демократии. «Искра» на последний вопрос отвечала отрицательно, исходя из того, что в буржуазной революции и временная революционная власть будет принадлежать буржуазии. «Партия классовой борьбы пролетариата, — писал Мартов, — российская социал-демократия остается партией революционной оппозиции по отношению ко всем политическим режимам, выражающим собою организацию классового господства буржуазии над пролетариатом», а так как временное правительство, рожденное буржуазной революцией, может быть только выражением господства буржуазии, то социал-демократия не должна входить в него и должна остаться партией революционной оппозиции. Мартов доказывал, что социал-демократия может быть рычагом развития буржуазной революции лишь в качестве революционной оппозиции, но, став «правящей партией», она свяжет себе руки в организации классовой борьбы пролетариата и тем самым уменьшит силу своего влияния на ход революции. Задача завоевания власти может стоять перед пролетариатом только в том случае, если он овладевает государством, как класс, в результате борьбы со всем буржуазным обществом, т. е. в случае социалистической революции; для того, чтобы признать такое участие, нужно отказаться от понимания революции как буржуазной, но если даже иметь в перспективе завоевание власти, то и для подготовки к этому лучший путь — «путь развития буржуазной революции снизу давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». В соответствии с таким взглядом, конференция меньшевиков высказалась против участия с.-д. во временном правительстве, независимо от того, кто будет в этом правительстве, либеральная

буржуазия или мелкобуржуазная демократия, представляющие крестьянство.

Таким образом, с.-д. на всем протяжении революции должна остаться партией революционной оппозиции. «Искра» при этом не ставила вопроса, каким путем, как не при фактическом руководстве рабочего класса, мелкобуржуазная демократия может оказаться у власти. Но если пролетариат, отказываясь от роли гегемона, довольствуется политическим влиянием и руководством, а либеральная буржуазия либо буржуазная демократия получает фактическое руководство, то и у власти окажется именно эта буржуазия. Аргументация «Искры» устраняла пролетариат от гегемонии и передавала последнюю буржуазии.

Большевики также исходили из понимания революции, как буржуазной. «Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции,— писал Ленин. — Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, — сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии как класса... Даже полный успех крестьянского восстания, даже перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («черный передел» или что-нибудь в этом роде) нисколько не уничтожит капитализма, а, напротив, даст толчок к развитию и ускорит классовое распадение самого крестьянства».[1] Однако это не означает, что пролетариат не заинтересован в буржуазной революции. Напротив. «Марксизм учит пролетария, — писал Ленин, — не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный, пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе».[2] Или, как писал Ленин в другой статье: «Объективно исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы означаем для краткости словом республика); перед этой же задачей стоит весь народ, т. е. вся масса мелкой буржуазии и крестьянства; без этого переворота немыслимо сколько-нибудь широкое развитие самостоятельной классовой организации для социалистического переворота».[3]

[1] Ленин собр. соч., т. VIII, изд. 3-е, стр. 55—56.
[2] Там же, стр. 58—59.
[3] Там же т. VII, изд. 3-е, стр. 198.

Но не означает ли понятие буржуазной революции, что совершить ее может только буржуазия? Такой взгляд, по мнению Ленина, был бы «карикатурой на марксизм». Буржуазия не является движущей силой русской революции. Движущими силами революции могут быть только пролетариат и крестьянство, которые более, чем буржуазия, страдают от остатков крепостничества и поэтому заинтересованы в уничтожении помещичьего гнета. Буржуазная революция может закончиться по-разному: «1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом», или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее «непоследовательными» и наиболее «своекорыстными» элементами буржуазии».[1] Тот либо иной исход находится в зависимости, конечно, от того, какие классы победят в революции, в интересах каких классов разрешены будут поставленные революцией задачи. Силой, способной одержать «решительную» победу над царизмом, не может быть крупная буржуазия, которая такой победы не хочет и в такой победе не заинтересована. «Силой, способной одержать «решительную» победу над царизмом, — доказывал Ленин, — может быть только народ, т. е. пролетариат и крестьянство, если брать основные крупные силы... «Решительная победа революции над царизмом» есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».[2] С другой стороны, «если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделавшись куцой конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно свергнуто, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отстоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства!»[3] Но, — добавлял Ленин, — такая решительная победа над царизмом «нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции».[4]

О том, как представлял себе Ленин ход так понимаемой буржуазно-демократической революции, наглядно свидетельствует сохранившийся конспект одной ненаписанной статьи (летом 1905 г.): «Разбит царизм в С.-Петербурге. Самодержавное правительство свергнуто, — разбито, но не добито, не убито, не уничтожено, не вырвано с корнем. Временное революционное правительство апеллирует к народу. Самодеятельность рабочих и крестьян. Полная свобода. На-

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. VIII, изд. 3-е. стр. 61.
[2] Там же, стр. 62.
[3] Там же, т. VII, стр. 199.
[4] Там же, стр. 62 и 63.

род сам устраивает свой быт. Программа правительства = полные республиканские свободы, крестьянские комитеты для полного преобразования аграрных отношений. Программа социал-демократической партии сама по себе. Социал-демократы во временном правительстве = делегаты, приказчики социал-демократической партии.

Далее — учредительное собрание. Если народ поднялся, он сам (хотя бы и не сразу) может оказаться в большинстве (крестьяне и рабочие). Ergo, революционная диктатура пролетариата и крестьянства. Бешеное сопротивление темных сил. Гражданская война в полном разгаре — уничтожение царизма. Организация пролетариата растет, пропаганда и агитация социал-демократии увеличивается в десятки тысяч раз: все правительственные типографии, etc., etc...

Крестьянство само взяло в руки все аграрные отношения, всю землю. Тогда проходит национализация. Громадный рост производительных сил — вся деревенская интеллигенция, все технические знания бросаются на подъем сельскохозяйственного производства, избавление от пут (культурники, народники, etc.). Гигантское развитие капиталистического прогресса.

Война: из рук в руки переходит крепость. Либо буржуазия свергает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда...?»[1]

Таким образом, Ленин представлял себе буржуазно-демократическую революцию в виде длительного процесса, в гражданской войне вырывающего с корнем царизм и уничтожающего его социальные корни (крупное землевладение), с одной стороны, и революционно преобразующего общественные отношения, с другой. На очищенной от крепостнически-феодальных остатков почве происходит «гигантский рост производительных сил», на базе национализации земли — «гигантское развитие капиталистического производства». Революция, таким образом, не выходит из рамок буржуазных общественно-экономических отношений, но она доходит «до конца», с максимальным решением всех основных задач в интересах народа, т. е. рабочих и крестьян. Такая победа пролетариата и крестьянства «зажигает Европу» — рабочую, конечно, Европу, которая ставит в порядок дня социалистическую революцию, т. е. в конечном счете буржуазно-демократическая революция перерастает, переходит в пролетарскую.

В связи с таким пониманием характера революции Ленин ставил вопрос о двух объективно возможных линиях развития русской революции (1905 г.): «прусской», когда в результате революции сохраняется помещичье хозяйство, которое медленно превращается в капиталистическое, и «американской», когда революция ломает старое помещичье хозяйство, разрушает все остатки крепостничества, когда экспроприированные помещичьи земли переходят к крестьянам и

---

[1] Ленинский сборник, V, стр. 446—447 (см. также Собр. соч., т. VII, изд. 3-е, стр. 330—331).

основой окончательного перехода к капитализму становится свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства. Ленин отдавал предпочтение «американскому» пути. «Прусский» путь означает «сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки»; отсюда — преобладающая роль либерально-монархического буржуа и помещика, быстрый переход на их сторону зажиточного крестьянства, понижение крестьянской массы, не только экспроприируемой в громадных размерах, но закабаляемой к тому же теми или иными кадетскими выкупами, забиваемой и отупляемой господством реакции». «Американский» путь означает: «разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки»; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контр-революционной буржуазии, наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы; — отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства». [1] «Гигантское развитие капиталистического производства», о котором Ленин говорил в приведенном выше конспекте, предполагало «американский» путь, экспроприацию крупного землевладения, свободное развитие крестьянского хозяйства, национализацию земли, т. е. доведение буржуазной революции «до конца», до того предела, когда она, при благоприятных прочих условиях перерастает в социалистическую.

Этим самым Ленин еще раз подчеркивал и особое значение аграрного вопроса в России, и роль крестьянства в революции. Аграрный вопрос, по мнению Ленина, «есть в России национальный вопрос буржуазного развития», т. е. от того, как будет разрешен революцией аграрный вопрос — по-русски, или по-американски, зависит путь буржуазного развития России: «национальным вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития является именно аграрный (даже уже: крестьянский) вопрос». [2] Отсюда еще одна линия в расхождении Ленина с меньшевиками о роли крестьянства и народнических партий. Не считая народников социалистами, Ленин видел в них идеологов «мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского» (требование «социализации» земли объективно означало экспроприацию крупного землевладения и переход земель в руки крестьянства), и обвинял меньшевиков в том, что они считают крестьянское движение реакционным (так как оно приводит к уничтожению крупного землевладения, как основы капиталистического развития сельского хозяйства), а кадетов более прогрессивными, чем трудовиков.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. III, изд. 3-е, стр. 12 — 13.
[2] Там же, т. XX, ч. I, стр. 315.

Как видим, Ленин разрешал вопрос о путях буржуазно-демократической революции совсем не так, как решала его «Искра». Он не предполагал, что буржуазная революция при всяких исторических обстоятельствах должна привести к власти буржуазию и укрепить ее господство, и что поэтому пролетариат должен оставаться партией революционной оппозиции по отношению ко всякому революционному правительству. Он не только допускал, но и считал необходимым самое активное участие в этой революции пролетариата, который совместно с крестьянством только и может довести до конца буржуазную демократическую революцию — в одном случае «отстоять» завоевания ее, в другом — довести ее до такого предела, который послужит толчком к рабочей революции на Западе. Поэтому Ленин решал положительно вопрос об участии с.-д. во временном правительстве, отвергал поддержку либо «толкание» буржуазии, выдвигал, в развитие идеи гегемонии пролетариата, диктатуру его и крестьянства, методу «развязывания революции» противопоставлял пути вооруженного восстания.

Таковы две, столь расходившиеся, тактики, отражавшие глубину расхождений двух частей партии. Организационные разногласия, породившие раскол на втором съезде, разрослись до коренных разногласий по основным программным и тактическим вопросам.

ГОДЫ РЕАКЦИИ

1. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая революция закончилась поражением пролетариата и привела к компромиссу между монархией и буржуазией. Тем не менее, она прорыла глубокую пропасть между дореволюционной и пореволюционной Россией, придав вместе с тем совершенно иной характер революционному движению после 1905 — 1907 гг.

Мы видели на предыдущих страницах, что до девяностых годов прошлого века революционное движение было движением ограниченных кругов демократической и социалистически настроенной интеллигенции. Только со вступлением в борьбу рабочих (с 90-х годов) движение впервые принимает массовый характер. Первый период рабочего движения (примерно, до конца 90-х годов) носил по преимуществу экономический характер, но и в таком своем качестве пробуждал не только более широкие слои демократической интеллигенции (студенческое движение), но и некоторые слои либеральной буржуазии. На следующем своем этапе (до 1903 г.), быстро сменившем первый, рабочее движение принимает революционный характер (демонстрации, ростовская стачка и стачки лета 1903 г.), еще более решительно подталкивая на борьбу мелкодемократическую и либеральную буржуазию. Но мы видели также, что движение буржуазной демократии и либеральной буржуазии многим отставало от рабочего, и тем менее можно говорить об едином фронте борьбы этих классов против самодержавия. Напротив, социал-демократия, руководившая рабочим движением, не отказываясь от поддержки всякого оппозиционного движения, держала рабочее движение в русле классовой самостоятельности, противопоставленной движению буржуазии. На протяжении недолгого времени эти классы вместе били по самодержавию, идя врозь.

Революция 1905 — 1907 гг. внесла глубокие изменения в соотношение классов. Либеральная буржуазия, которой не суждено было стать движущей силой буржуазной революции, уже сравнительно скоро, как мы видели, вступила на путь соглашения с монархией и, стало быть, заняла позицию, враждебную революции. Мелкобуржуазная демократия, как элемент промежуточный, идет за пролетариатом, пока он борется за общедемократические политические требования и пока революция движется по восходящей линии: высшего подъема движение мелкобуржуазной интеллигенции достигает осенью 1905 г., когда студенчество открывает двери университе-

тов для общенародных митингов, а разнообразные слои интеллигенции объединяются в «Союз союзов» и принимают активное участие во всеобщей забастовке. Дальнейшая борьба пролетариата отбрасывает и эти слои от революции: они покидают революционные пути и переходят на оппозиционную борьбу в печати, в Гос. думе и т. п. «То, что до революции, — писал Ленин в 1908 г., — называлось либеральным и либерально-народническим «обществом» или «просвещенной» частью и представительницей «нации» вообще, широкая масса зажиточной, дворянской, интеллигентской «оппозиции», которая казалась чем-то целым, однородным, пропитывающим земства, университеты, всю «порядочную» печать и т. д., и т. д., — все это проявило себя в революции, как идеологи и сторонники буржуазии, все это заняло очевидную теперь для всех контр-революционную позицию по отношению к массовой борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства».[1] Для всех этих слоев дело шло теперь об «увенчании здания», заложенного 17 октября 1905 г., о реализации обещанных свобод, об «ответственном министерстве» и т. п. — о реформах, которые можно получить от монарха без борьбы, доводящей до «решительной» победы над царизмом. Быть может, наиболее ярким свидетельством этого может служить глубокий упадок после 1905 г. студенческого движения, этого политического барометра, который на «детях» отражал настроения буржуазных «отцов». До 1905 г., когда революционную борьбу можно было принять за «общенациональную» борьбу, студенческие волнения почти не прекращаются, принимая подчас бурные формы совместных выступлений с рабочими. После 1905 г. студенческие волнения становятся редкими, эпизодическими, пока совсем не замирают. Характерно, что чуть ли не одна из последних более крупных их вспышек, не связанных с академической жизнью, относится к 1910 г. и связана со смертью Толстого и протестом его против казней и репрессий и с самоубийством Сазонова в тюрьме, но рабочее движение последующих годов, более могучее, чем движение до 1905 г., вызывает в студенчестве слабый отклик, либо совсем его не вызывает. В общем же раньше столь широкое политическое движение студенчества вырождается в чисто академическое движение, оторванное от революционной борьбы рабочих, но органически сплетенное с движением буржуазии: студенческое движение направляется по преимуществу против правительственной политики разгрома университетской автономии.

Совсем иными вышли из революции рабочий класс и крестьянство. Революция не только всколыхнула, но бросила в борьбу самые широкие массы рабочих. Самые отсталые слои их, раньше принимавшие слабое участие в движении, либо в нем совсем не участвовавшие, поднялись на борьбу за насущные, жизненные, экономические свои интересы, за право на человеческую жизнь, и, пробужденные в своем классовом сознании, быстро проходили курс обучения политической,

[1] Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. I, изд. 2-е, стр. 155.

революционной борьбе. Более сознательные слои рабочих еще быстрее вырастали в своем сознании, активности, воле бороться за социальное освобождение рабочего класса. Борьба давала непосредственные результаты — экономические завоевания, фактическую свободу выступлений, явное колебание трона самодержца, победное развитие революции. Рабочий класс впервые овладевал своим движением, становился водителем его — движение принимало формы массового организованного движения как в стачках, так и в высших проявлениях организованности, — в профсоюзах и Советах рабочих депутатов. Вместе с тем, движение поднималось до подлинно революционной борьбы — всеобщей стачки и вооруженных восстаний, и, поднимаясь, обострялось в классовой борьбе, выявляя силы, располагавшиеся по ту сторону революции: промышленников, выставивших против рабочих локауты, либеральную буржуазию, искавшую компромисса со старой властью, а затем и мелкобуржуазную демократию, отходившую от путей дальнейшего развития революции. Все это должно было оставить и в годы поражения глубокий след в сознании не только всего рабочего класса, но и каждого в отдельности сколько-нибудь мыслящего рабочего, должно было коренным образом перестроить весь круг представлений, всю психологию массы, не убить, а усилить в ней волю к борьбе, не притупить, а обострить классовое сознание, не поставить точку над революцией, но мечтать о 1905 годе, как о годе, раскрывшем широкие перспективы освобождения от всяческого гнета. «Миллионы населения, — писал Ленин об итогах революции, — приобрели практический о п ы т в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственно-революционной борьбы, вплоть до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжения их усадеб, открытого вооруженного восстания. Тот, кто был уже революционером или сознательным рабочим до революции, не сразу может представить себе во всем его громадном значении этот факт, который внес самую коренную перемену в целый ряд прежних представлений о ходе развития политического кризиса, о темпе этого развития, о диалектике практически творимой массами истории. Учет этого опыта м а с с а м и — невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства».[1]

Крестьянство также в 1905 г. впервые (если не считать волнений в крепостное время) поднялось на массовую борьбу, впервые классовая борьба в деревне (между помещиками и крестьянами) приняла столь острые формы, как и впервые крестьянство так близко подошло к завладению помещичьей землей. Само отсталое, консервативное в своих настроениях, крестьянство не могло не почерпнуть из этого опыта полезных уроков, уясняющих ему отношение и к помещику и к царю. Правда, правительство, подавив борьбу рабочих жестокими репрессиями, предприняло для ликвидации крестьянских движений, помимо репрессий, аграрную реформу, проведенную в спешном по-

---

[1] Л е н и н, Собр. соч., т. XI, ч. I, изд. 2-е, стр. 155 и 156.

рядке Столыпиным уже в ноябре 1906 г. Реформа эта, предоставляя крестьянам право выдела из общины и выхода «на отруба», ставила ставку на собственнические инстинкты крестьянина, суля ему возможность и выхода из общины, и приобретения земли через крестьянский банк, и достижение высшего идеала мелкого собственника — поселение на своем «хуторе». Но это была вместе с тем «ставка на сильного», на имущего крестьянина, а бедняков и значительную часть середняков она обрекала на дальнейшее обнищание, так как земли они не получали, приобрести земли не могли и должны были попадать в еще большую кабалу к помещикам и кулакам. В итоге, столыпинская реформа могла только на время дезорганизовать, но не потушить крестьянское движение.

Если объективные задачи буржуазно-демократической революции не были разрешены, и этим самым не была завершена революция, если основные причины, вызвавшие революцию, продолжали действовать и в этом смысле делали неизбежным продолжение революции, то отношение классов к возможной революции складывалось теперь не так, как до 1905 г. Буржуазия не только не желала новой революции, но боялась ее пуще всего; пролетариат и крестьянство не только не имели оснований бояться революции, но имели все основания ее желать, так как в их интересах ни одна из объективных задач революции не была разрешена и в малейшей степени. При ином соотношении общественных классов и революционное движение приобретало иной характер и смысл, существо которых было заложено в ходе революции 1905 г. Революционные возможности (т. е. дальнейшее развитие революции от «обновленного» 17 октября строя к упразднению монархии и к демократической республике) сосредоточивалось, так сказать, на одном полюсе — в рабочем классе и крестьянстве, от их пробуждения и активности зависел исход борьбы, а так как крестьянство само по себе самостоятельной революционной роли играть не могло, то и революционные возможности объективно связывались с активностью рабочего класса. Вместе с тем изменялся характер и гегемонии пролетариата. Если до 1905 г. и на некотором протяжении этого года рабочий класс мог быть и был гегемоном в борьбе всего «народа», не исключая его буржуазных элементов, то теперь он мог развивать революционную борьбу только вопреки буржуазии и при гегемонии над крестьянством, на поддержку которого он мог рассчитывать. Революционное движение десятилетия 1907 — 1916 гг. было поэтому прежде всего рабочим движением. Активно возобновил и продолжал борьбу с самодержавием исключительно рабочий класс.

2. РАЗНОГЛАСИЯ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Победа контр-революции сказалась не только в массовых репрессиях, подавлении печати, разгроме политических организаций, массовых ссылках и арестах и т. п., но и в реакции общественных настроений, вносившей разложение в самые разнообразные общественные

слои. Очень и очень многие, шедшие за революцией, от нее отходили и бросались в другую для них крайность. Одни принимались за «богостроительство», другие — за пересмотр «вех», пройденных освободительным движением, третьи культивировали в литературе и жизни порнографию и т. д.

Реакция внесла развал и в ряды с.-д. партии. Если революция увеличивала популярность партии и привлекла к ней много случайных элементов, с социализмом имевших мало общего, то теперь все эти попутчики «самоопределялись» и от партии отходили. С другой стороны, упадочные настроения нашли свое отражение и в самой партии, сказавшись по-разному в меньшевистской и большевистской частях ее.

Среди меньшевиков получило преобладание так называемое ликвидаторство, которое, быть может, правильней было бы назвать легализмом. Последний исходил из того понимания характера революции, которого меньшевизм придерживался и раньше. Аксельрод, например, в 1910 г. доказывал, что рабочее движение, и вместе с ним с.-д., находится в «переходном фазисе развития»: «переходным переживаемый ею (партией) в последние годы исторический момент является в том смысле, что он разделяет собой две эпохи в развитии рабочего движения в России, из которых одна отошла или, по крайней мере, отходит в вечность, а другая, еще не наступила, но, так сказать, лишь готовится к жизни. Меньшевистское течение стремится ликвидировать господство тех организационных и тактических приемов, методов и навыков, которые оставила в наследство умирающая, — чтобы не сказать — умершая уже, — эпоха партийного развития и которые совершенно несовместимы с новыми усложнившимися условиями и потребностями движения». Таким образом, по мнению Аксельрода, «в последние годы», т. е. после 1905 г., наступила новая эпоха в развитии рабочего движения, как наступила и новая эпоха партийного развития, требующая ликвидации всего старого партийного строительства — организационных и тактических методов. Почему же наступила новая эпоха в развитии рабочего движения? Очевидно, потому, что революция внесла в условия борьбы рабочих такие изменения, которые требуют для рабочего движения новых организационных рамок и новых методов. «Мне кажется, — писал Мартов Аксельроду по поводу изменения избирательного закона после разгона Второй думы, — что совершившийся переворот, в конце концов, выгоден для революции, так как устраняет много двусмысленности и возвращает нацию к тому исходному пункту революции, когда она противостояла формально кучке привилегированных, как совокупности всех общественно-прогрессивных классов. Но это возвращение совершается при условиях, когда громадные массы обогащены опытом двух дум и до известной степени вышли из состояния бесформенности. Думаю, что этот результат является блестящим оправданием тех революционных перспектив, которые мы рисовали в нашей предсъездовской платформе; далее, наших предсказаний о том, что к.-д. еще

«полевеют» и, наконец, нашей тактики в Думе... Я придаю большое революционное значение тем, хотя бы и парламентским, конфликтам, которые развиваются между бюрократией и крупной буржуазией». Мысли эти, составлявшие основу меньшевистских воззрений, истоком своим имели представление, что буржуазная революция окончена, а в дальнейшем буржуазии предстоит только укрепиться на завоеванных позициях и утвердить свое господство в борьбе против поземельного дворянства.

Аналогичные мысли высказал Мартов тогда же (летом 1907 г.) в напечатанной в органе германской с.-д. «Neue Zeit» статье, причем добавлял, что «июльский переворот открывает перед русским пролетариатом новую эпоху борьбы в условиях более благоприятных, чем условия, в которых он боролся с октябрьских дней 1905 г.». В чем же эти более благоприятные условия? Ответ давался в соответствии с теми «революционными перспективами», о которых писал Мартов. «Общественный кризис (т. е. революция), — формулировал эти перспективы Мартов, — является по историческому содержанию буржуазным, может увенчаться победой над старым порядком лишь при условии, что сформируется и в центре движения станет буржуазная демократия... Политическая мобилизация буржуазной демократии еще впереди, она будет отныне совершаться в связи с Думой, и, пока она еще впереди, буржуазному либерализму предстоит играть прогрессивную роль». Одним из итогов пореволюционного периода и является то, что буржуазная демократия, если не сформировалась еще, то формируется, и если еще не стала, то станет в центре движения. Меньшевики строили революционные перспективы на том, что именно столкновение промышленной буржуазии с поземельным дворянством и послужит источником новой борьбы рабочих, протекающей в новых условиях. Дан доказывал (в начале 1908 г.), что в порядке дня России стоит возникновение буржуазного либерализма, либерализма крупной буржуазии в противоположность аграрному, земскому либерализму. Чем дальше, тем все более остро встает дилемма: либо возвращение к докапиталистическому строю, либо освобождение буржуазного общества, а такая дилемма делает неизбежным переход буржуазии в оппозицию. Появление на политической сцене буржуазного либерализма приведет к новой группировке сил и создаст новые условия для политической борьбы: переход крупной буржуазии в оппозицию необходимо приведет к оживлению движения мелкобуржуазной демократии и к ослаблению наступления буржуазии на пролетариат. А этого будет достаточно, чтобы снова возродилось политическое движение пролетариата и с ним — движение города и деревни.

Таким образом, перспективы строились на тех же основаниях, что и оценка первой революции. Если революция могла победить при том лишь условии, что «в центре движения» станет буржуазная демократия, то и возродиться она может лишь при тех же условиях. В центре ставилось поэтому движение буржуазии, конфликты ее с самодержавно-дворянским порядком, а поскольку собирание и

развитие либеральной оппозиции приурочивалось к Думе, постольку выступали на первый план именно «парламентские конфликты» и вместе с ними «конституционная» Россия, в условиях которой заново возрождается движение буржуазии.

Отсюда не так далеко было до того, что и рабочий класс должен ориентироваться в этой обстановке на новые условия борьбы, что и для последней наступает новая эпоха, отличная от прежней. «Борьба за легальность, — писал Дан в начале 1910 г., — или иначе, борьба за полноправие рабочего класса во всех сферах организации и борьбы, экономической, культурной и политической, выдвигается всей исторической обстановкой, как одна из основных революционных задач борьбы рабочего класса в современной России». Другими словами говоря, рабочий класс — такова его основная революционная задача — должен завоевать для себя те же права легальной борьбы, которыми обладали в «обновленной России» господствующие классы. Этим признавалось, что за такие права не только стоит бороться, но и что их можно «частично» завоевать, и даже что они могут послужить основанием для борьбы против всего самодержавного порядка. Отсюда выставление частичных лозунгов, все расширяемая борьба за частичные права, противопоставляемая «неурезанным лозунгам», т. е. борьбе за ниспровержение старого порядка.

«Ликвидаторство» в собственном смысле, т. е. то, что Аксельрод называл ликвидацией устаревших организационных и тактических приемов с.-д. партии, происхождения более старого и теперь получило лишь свое крайнее выражение. Еще в конце 1904 г., в связи с «земской кампанией», тот же Аксельрод, как мы видели, выдвинул план созыва — в порядке революционной самодеятельности масс — рабочего съезда. Аксельрод исходил при этом из излюбленной его идеи, что с.-д. партия — партия по преимуществу интеллигентская, что радикальная интеллигенция, которая создала партию, построила ее организацию и определила характер ее деятельности, лишается своего значения, не может более руководить движением, и что поэтому должна быть построена «широкая», рабочая партия, которой руководить будет сама масса. Сперва эта мысль — образование массовой рабочей партии не путем вовлечения масс в партию в процессе их борьбы, а путем «самоопределения» рабочей массы на учредительном рабочем съезде — лишь сопутствовала идее «революционного самоуправления», как она понималась в начале революции, а затем приобрела самодовлеющее значение цельного плана радикального переустройства партии. В одном из писем Плеханову Аксельрод (в конце 1906 г.) так рисовал свой план: «Мой план таков: первая стадия — сильное и все более распространяющееся брожение среди рабочих в пользу съезда, обсуждение всестороннее и на все лады в рабочих кружках, клубах и мастерских вопроса о пользе съезда, об его задачах и способах его подготовки... Вторая стадия: литературная и организованная устная пропаганда в широких кругах социал-демократических и вообще более или менее сознательных рабочих. Третья стадия: организованное давление снизу на партий-

ные центры (путем резолюций, писем, требований и т. п.), заставляющее ЦК присоединиться и стать во главе движения или принять в нем активное участие». Что же должно было получиться в результате такого съезда? «Представьте себе, — писал Аксельрод в брошюре «Народная дума и рабочий съезд», — что агитация за рабочий съезд увенчалась полным успехом. Всевозможные рабочие организации, начиная от профессиональных и кончая кружками самообразования, клубами, советами рабочих уполномоченных, выборщиков и т. д. приняли самое живое, горячее, активное участие в его подготовке и созыве... Рабочие массы, проникнутые сознанием необходимости сплотиться в классовую политическую организацию, выберут на съезд делегатами, конечно, таких лиц, которые проявят пред ними ясное понимание задач съезда, как этапа на пути образования такой организации, и способность отстаивать эти задачи. Если же большинство членов съезда будет состоять из таких делегатов, то ведь он будет социал-демократическим. И в этом случае может произойти, действительно, нечто ужасное — с точки зрения охранителей «старины». Съезд, в составе которого будет, конечно, не мало испытанных членов партии (который и подготовлен будет при ее же энергичном содействии) возьмет да и объявит себя учредительным собранием сознательного русского пролетариата, призванного взять на себя ликвидацию старого партийного строя». Таким образом, Аксельрод мыслил построить социал-демократическую партию на базе беспартийной («более или менее сознательных рабочих»), т. е. не социал-демократической массы, как и допускал возможность осуществления самой идеи съезда в условиях явно побеждавшей реакции. Из сочетания этих двух, одинаково беспочвенных, оснований должна была родиться на смену нелегальной «широкая» и, очевидно, легальная рабочая партия.

Не трудно заметить, что идея ликвидаторства являлась логическим доведением до конца идеи легализма, а последняя, в свою очередь, столь же логически вытекала из признания, что буржуазная революция необходимо предполагает движущую силу в лице буржуазии, которую пролетариат «толкает» к победе, как и конфликты которой с самодержавием он использует для завоевания «полноправия». Широкая рабочая партия, приходящая на смену старой, должна была послужить завершением и основанием для ориентировки рабочего класса в новых условиях, на новом этапе буржуазной революции. Также не трудно понять, что эта идея меньшевизма воспроизводила реформизм, все больше проникавший и в теорию и в практику европейской социал-демократии. По поводу «земской кампании» 1904 г. Мартов писал, что «по существу эта идея воспроизводила тот классический образец политически-самостоятельного выступления пролетариата, каким было в 60-х гг. в Германии организованное Лассалем движение во время разгара борьбы между абсолютизмом и либеральной буржуазией». Как Лассаль стремился на путях политической самодеятельности рабочих вырвать их из-под влияния либеральной буржуазии, превратить их в самостоятельную

политическую силу, так и в ходе «земской кампании» русские рабочие должны были сорганизоваться на путях «революционного самоуправления». Бесспорно, идея рабочего съезда также была навеяна опытом Лассаля, его «всеобщим рабочим союзом». Но воспроизведение тактики Лассаля, примененной им в общественных отношениях Германии, как они сложились после революции 1848 г., даже независимо от вопроса, в какой мере она была правильной и для своего времени, было своего рода историческим атавизмом.

Еще большее влияние на идеологию меньшевизма оказывала практика европейской, и главным образом, германской социал-демократии, которая, в условиях расцвета капитализма, вела деятельную борьбу за организацию рабочих масс, за расширение прав, за их «полноправие», имела широкие рабочие партии, легальную печать, профсоюзы и т. д. «Прусский» образец подсказывал мысль, что он не исключает повторения в условиях «обновленной» России, с ее Столыпиным-Бисмарком, с объединенным дворянством — аграриями, с объединенным капиталом — крупной буржуазией. Но и такое перенесение было атавизмом, как в том смысле, что Россия после 1905 г. вовсе не воспроизводила прусского образца ни в целом, ни в частностях, не разрешив противоречий, которые породили революцию, даже в той степени, в какой они были разрешены в Германии после 1848 г., так и потому, что в европейской социал-демократии, в том числе и в наиболее крепкой идеологически германской, практика парламентаризма и легализма, все больше сворачивавшая на путь явного реформизма, уже изживала себя, приводя рабочее движение к тупику и завершившись в годы войны глубоким кризисом всего Второго интернационала. Русский реформизм, не поспев за Западом, опаздывал и для России.

В среде большевиков выделилась в это время «левая» группировка, в которой, по словам Ленина, «сошлись вместе и те «махисты», которые в платформу свою внесли борьбу с марксизмом (под вывеской защиты «пролетарской философии»), и «ультиматисты», эти стыдливые отзовисты, и различного типа «социал-демократы дней свободы», увлеченные «яркостью» лозунгов, затвердившие их, но не понявшие основ марксизма». «Отзовисты» (названные так потому, что, разделяя точку зрения бойкота Думы, настаивали на отозвании депутатов из Думы) исходили из того, что первый этап революции закончен и Россия идет навстречу новому революционному подъему, а потому «социал-демократия, как партия последовательно-революционная, должна на первом плане поставить вне-думскую работу и работу для доведения революции до полной победы и для этой цели организацию пролетариата и широкие массы крестьянства», что «партия может пользоваться лишь теми формами организационного и агитационного действия, которые не затушевывают и не ослабляют революционной борьбы», а так как думская с.-д. фракция «не может расширить во всей широте и полности» революционные требования, то депутатов и следует отозвать из Думы, посвятив все силы организации и подготовке рабочих и крестьян к «открытой революционной борьбе».

«Ультиматисты», исходя в общем из тех же оснований, не доводили до конца требований отзовистов, но предлагали поставить перед с.-д. фракцией Думы «ультиматум»: безусловно подчиняться партии и ЦК и действовать не только в Думе, но и вне Думы (заняться «внедумской работой»); свои требования ультиматисты подкрепляли, как и отзовисты, пропагандой лозунга бойкота думских выборов.

Ленин отвергал как все эти «левые» уклоны, так и, конечно, трактование меньшевиками «текущего момента» в эпоху спада революции и господства реакции. «Обзор итогов революции и условий переживаемого момента показывает ясно, что объективные задачи революции не решены, — писал Ленин в 1908 г. — Сдвиг в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общей политики как в Думе, так и при помощи Думы, только обостряет и расширяет противоречие между черносотенным самодержавием и господством «дикого помещика», с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны — с другой. Полицейско-кулацкий поход на деревенскую массу обостряет борьбу внутри ее и делает эту борьбу политически сознательной, приближает, так сказать, борьбу с самодержавием к обыденным и насущным вопросам каждой деревни. Отстаивание революционно-демократических требований в аграрном вопросе (конфискация всех помещичьих земель) особенно необходимо в такой момент со стороны социал-демократии. Черносотенная октябрьская Дума, показывая наглядно и на опыте, с какой «конституцией» может «примириться» самодержавие, и не решая ни единого вопроса даже в самых узких пределах обеспечения нужд экономического развития страны, превращает борьбу «за конституцию» в революционную борьбу *против самодержавия*; частные конфликты отдельных фракций буржуазии между собою и с правительством при данных условиях ведут именно к приближению такой борьбы. Обнищание деревни, депрессия в промышленности, общее сознание безвыходности данного политического положения и безнадежности пресловутого «мирно-конституционного» пути порождают новые и новые элементы революционного кризиса».[1] «Буржуазная революция у нас не закончена, — писал Ленин в другой статье, в 1911 г. — Самодержавие *пытается* по-новому решить завещанные ею и навязываемые всем объективным ходом экономического развития задачи, *но оно не может их решить*. Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию, ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками, — все эти «крайние» меры, все эти... «последние» усилия царизма на *последней* оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными... Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он назревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. I, изд. 2-ое, стр. 165.

по-новому, не так, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно. Задачи пролетариата вытекают из такого положения с полнейшей, неуклонной определенностью. Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе всех трудящихся и эксплоатируемых против угнетателей и эксплоататоров». [1]

Таким образом, Ленин исходил из того, что буржуазная революция не закончена, потому что не разрешены объективно поставленные перед нею задачи. Если Аксельрод и Мартов полагали, что движущей силой буржуазной революции была и остается буржуазия, буржуазная оппозиция, то Ленин, напротив, утверждал, что все буржуазные партии заняли «контр-революционную позицию по отношению к массовой борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства», т. е. по отношению и к демократической реформе и тем более — демократической революции. Один из итогов первой революции Ленин видел в том, что царизм (монархия) делает еще один шаг по направлению к превращению в буржуазную монархию, пытается приспособиться к буржуазному развитию, что усиливало еще больше общий противодемократический фронт. Новое в пореволюционной обстановке заключалось в том, что при ином соотношении классов обострялись не только старые противоречия между самодержавием и потребностями общественно-экономического развития страны, но и противоречия между господствующими классами, с одной стороны, и пролетариатом и крестьянством, с другой. Все это, при неразрешенных революцией буржуазно-демократических задачах, делало неизбежным новый революционный взрыв, в котором пролетариат, как и раньше, должен быть гегемоном «в борьбе всего народа за полный демократический переворот».

В соответствии с такой позицией складывалась и тактика большевиков. Они не отрицали необходимости использования «легальных возможностей», но допускали это лишь в виде дополнения, расширения той работы, какую вела в подпольи партия — «крепкие нелегальные организации» должны были быть окружены «разветвленной сетью всевозможных легальных обществ». «Партия должна, — говорилось в резолюции парижской партийной конференции 1908 г., — обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс». Вместе с тем, большевики, в противоположность «отзовистам» и «ультиматистам», выдвигали, как сказано в резолюции той же конференции, «использование Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации». Соответственно оценке перспектив революции в центре оставались борьба против самодержавия

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. II, изд. 2-ое, стр. 348—349.

и подготовка масс к революции. «Старое самодержавие попрежнему остается главным врагом, попрежнему повторяется неизбежность революционного кризиса, к которому снова идет Россия» — писал Ленин в 1911 г. по поводу избирательной кампании в IV Думу. «Старые революционные задачи, старые, испытанные методы революционной массовой борьбы — вот что отстаивает наша партия в эпоху распада и развала». «Суть» и «жизненный нерв» избирательной платформы, по мнению Ленина — «за революцию», и в качестве лозунгов избирательной кампании выдвигались: 1) республика, 2) конфискация всей помещичьей земли, 3) 8-часовой рабочий день, — лозунги, которые, как писал Ленин, должны «ставить вопрос во всей его широте, чтобы указывать цель победоносному, а не останавливающемуся на полпути (как в 1905 г.) движению, давать лозунг, способный вызвать энтузиазм в массе исстрадавшихся от русской жизни, изболевших от позора быть русским, стремящихся к действительно свободной, действительно обновленной России». [1]

Таким образом, разногласия между двумя частями партии становились все более глубокими. Они вращались, как и раньше, вокруг вопроса о понимании путей революции, а в связи с ним — оценки роли буржуазии и крестьянства и гегемонии пролетариата в ходе буржуазной революции. Теперь в годы реакции, в обстановке, благоприятствующей распаду и приспособлению к упадочным настроениям, при новой и еще более ошибочной переоценке меньшевиками роли буржуазии, и легальной, в условиях квази-конституционной России, работы, разногласия обострялись и охватывали все основные программные и тактические вопросы. В сущности, это были уже не две фракции одной партии, а две разные партии.

3. СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

В состоянии наиболее глубокого развала находилась партия социалистов-революционеров. В 1905 г., с подъемом революции, она собрала вокруг себя широкие круги разных слоев демократической интеллигенции, играла видную роль в студенческом движении, в Крестьянском союзе, развивала террористическую деятельность (убийство в феврале 1905 г. Каляевым великого князя Сергея Александровича), принимала участие в вооруженных восстаниях (восстание в Свеаборге). Как и следовало ожидать для партии, не опиравшейся на массы и выражавшей интересы мелкобуржуазной демократии, с.-р. стали скатываться вниз, когда революция, достигнув высшего подъема, начала спадать. Уже на партийном съезде, созванном в конце декабря 1905 г., обнаружились явные признаки развала партии. От нее откололись правые элементы, народные социалисты, представлявшие своего рода легалистов в эсеровской среде, а, с другой стороны, появилась оппозиция в лице макси-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. II, изд. 2-ое, стр. 390, 392, 393, 394 — 395

малистов, которые настаивали на немедленной социализации не только земли, но и фабрик и заводов, опасаясь, что всякое промедление в этом отношении будет подобно смерти, ибо тогда социализация земли будет осуществлена лишь при социализме, а не до социализма, теперь же. Большинство партии продолжало стоять на утопической оценке путей революции. Съезд подтвердил, что в аграрном вопросе партия стремится опереться «на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности на распространенное среди него убеждение, что земля ничья и право на пользование ею дает лишь труд», почему и провозглашалась партией социализация земли. Однако время активного пробуждения крестьянства и массового его выступления не замедлило показать, что «социалистический дух» в крестьянстве не более силен, чем он был в 70-х гг., в период «хождения в народ». Поскольку крестьяне получили возможность выявить свои действительные стремления, они пошли не за с.-р., а за трудовиками, сложившимся в результате выборов в Первую и во Вторую думы, как с трудовиками фактически шли и с.-р. А трудовики внесли, например, во Вторую думу земельный проект, в котором требовали образования общенародного земельного фонда из казенных, монастырских и т. п. земель, если они превышают трудовую норму, т. е. проект, занимающий серединное место между либерально-буржуазным «частичным принудительным отчуждением» помещичьей земли и национализацией земли. Крестьяне и к социализации с.-р. отнеслись довольно равнодушно, но твердо проявили свои притязания на помещичьи и казенные земли, выступили против самодержавного и помещичьего гнета, а в этом было выявлено чаяние не «социалистического», а демократического крестьянства. Но этим самым с.-р., не будучи и раньше массовой партией, теряли в крестьянстве социальную базу, на которую они хотели опереться. Чтобы получить эту базу, с.-р. должны были бы сами превратиться в трудовиков, отбросив социалистическую фразеологию и став явными выразителями мелкобуржуазной идеологии.

Случилось это многим позднее, а пока, в условиях, так сказать, социальной пустоты, еще громче зазвучала старая фраза. Столыпинскую аграрную реформу с.-р. оценили с точки зрения все тех же «общинных традиций» и социализации земли. «Всякий успех правительства в этом направлении (т. е. в направлении столыпинской реформы), — говорилось в резолюции Совета партии в 1908 г., — наносит серьезный удар делу революции и создает препятствия для проведения в жизнь аграрной программы нашей партии». Поэтому Совет партии, спасая общину, рекомендует «усовершенствование общинных распорядков в духе принципов, положенных в основу нашего аграрного законопроекта», т. е. в духе «социализации земли», исходя, очевидно, из того, что в условиях столыпинщины и в порядке усовершенствования переделов можно перестраивать земельные отношения в духе социализации! Не более глубоко посмотрел на дело и Совет партии в 1909 г., когда в противовес аграрной политике

*

правительства выдвигал «упорное отстаивание непримиримых лозунгов»: «земли не покупать», «не арендовать» и т. п.; в случае безнадежности реализации этих лозунгов, предлагал принимать меры, которые «наилучшим образом сохраняли бы солидарность трудового крестьянства, не давали бы ему раскалываться на враждующие группы и в то же время были бы в наибольшем согласии с принципами нашей программы (например, покупка земли обществами в общинную собственность, аренды обществами и т. п.)» — продвижение в направлении социализации путем столь скромной меры, как общинная покупка и аренда земель, здесь сочеталось с наивной верой в возможность приостановить «непримиримыми лозунгами» как проведение в жизнь столыпинской реформы, так и расслоение крестьянства, этой реформой в сильной степени ускоренное.

С другой стороны, несмотря на разоблачение провокаторства Азефа, занимавшего высокие посты в партии (член ЦК и руководитель Боевой организации) и одновременно состоявшего уже десяток лет на службе у департамента полиции, несмотря на крайнее разложение, внесенное этим разоблачением в партию и, в особенности, в ее террористическую деятельность, несмотря на богатый опыт революции, показавшей, что только борьба масс, а не террористическая борьба отдельных личностей может свалить самодержавие, с.-р. с новой силой начинают проповедывать террор. На состоявшейся в апреле 1909 г. заграничной конференции было признано, что «в настоящий момент торжества контр-революции и свирепых правительственных репрессий, сдавленное недовольство масс, не находящее себе выхода в открытых выступлениях, с особою силою выдвигает на очередь задачу борьбы революционного меньшинства с оружием в руках», т. е. террором, а состоявшийся вскоре Совет партии высказался за возобновление террора. Лидер с.-р. Чернов заявил при этом в Совете, что «непосредственная задача, стоящая сейчас перед нами, — это вопрос о восстановлении боевой организации», и далее выдвигал необходимость повышения «техники» террористических актов. «Наши способы ведения террористической борьбы, — говорил Чернов, — должны стоять на высоте современной военной технологии... Восстановить террористическую борьбу — это значит, между прочим, произвести ряд новых технических изысканий, иметь для этого специальную техническую группу (или группы), стремиться утилизировать последние слова науки для прикладных задач нашей партии. Террор будет террором в действительном смысле этого слова только тогда, когда он будет революционным применением наивысшего для данного момента технического знания».

Столь настойчивое выдвижение террора, в обстановке упадка движения и развала в самой партии с.-р. было, конечно, лишь подтверждением слабости и развала партии, а призвание науки в помощь террору было лишь крайним выражением революционной фразы. Боевая деятельность партии отходила в прошлое, не было больше пафоса в борьбе, объекты террора намечались помельче, а террористических актов и совсем почти не было. Последним круп-

ным актом было убийство Петровым начальника петербургского охранного отделения Карпова (в декабре 1909 г., Петров чтобы заручиться доверием, давал охранному отделению некоторые сведения). Убийство Столыпина (в сентябре 1911 г.) было делом рук анархиста Богрова, служившего в охранке, и было совершено им для реабилитации.

4. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Время реакции должно было наиболее тягостно сказаться на рабочем движении. Падение энергии, естественное в результате трех лет напряженной борьбы и поражения революции, промышленный кризис, который тянулся с начала девятисотых годов и теперь обострился, репрессии, разгромившие партийные и профессиональные организации, наступление капитала, общее ослабление пульса политической жизни в стране, — все это не могло не привести к резкому падению рабочего движения вообще и стачечного в частности. Для того, чтобы вести борьбу даже на экономическом фронте, рабочим приходилось преодолевать ряд препятствий, а для этого у них не было ни сил, ни организаций, ни должного руководства. Особенно упорное противодействие в своей борьбе рабочие встречали со стороны предпринимателей, которые, объединившись в союзы, сами перешли в наступление, восстановили старые порядки на фабриках и заводах, отнимали у рабочих одно за другим все их завоевания лет революции. «Черные списки» рабочих, рассчитанных за неугодные фабриканту выступления и бойкотируемых всеми прочими предпринимателями, локауты, снижение заработной платы, повышение рабочего дня, восстановление штрафов, упразднение всех выборных органов рабочих, отказ вступить в какие-либо сношения с профсоюзами, — все это было пущено капиталом в дело, чтобы окончательно разгромить движение рабочих.

Если в 1907 г. бастовало свыше 740 тыс. рабочих, то в 1908 г. число участников стачек упало до 176 101, в 1909 г. — до 64 166, в 1910 г. — до 46 623 рабочих. Таковы общие итоги воздействия времени реакции на рабочее движение. Распределение общего числа бастовавших по экономическим и политическим поводам представляется для этого времени в таком виде:

	1907 абс.	%	1908 абс.	%	1909 абс.	%	1910 абс.	%
участники экономич. стачек	171 361	23,1	81 202	46,1	55 773	86,9	42 846	91,8
» политич. стачек	568 713	76,9	94 899	53,9	8 393	13,1	3 808	8,2

Как видим, резко пало не только число бастовавших, но и соотношение между участниками экономических и политических стачек. В 1907 г. громадное большинство бастует по политическим поводам, в 1908 г., при общем снижении стачечной волны, удерживается еще некоторое равновесие между экономической и политической борьбой, в 1909 и 1910 гг., с дальнейшим падением волны, решительное

преобладание получают экономические стачки, а политические сходят почти совершенно на-нет. Если ограниченные круги рабочих еще сохраняют силу для борьбы, то почти исключительно для экономической, массовое же политическое движение, поскольку оно выражается в стачках, совершенно замирает. Даже петербургские рабочие не ознаменовали, как это они делали раньше и позже, забастовками день 9 января ни в 1908, ни в 1909, ни в 1910 гг. 1 мая 1908 г. в Петербурге бастовало немногим свыше 10 тыс. рабочих, а 1 мая 1909 и 1910 гг. забастовок совсем не было. «С поникшей головой встречали мы, рабочие России, наш первомайский праздник в последние четыре черные года, — говорилось в одной из майских прокламаций 1912 г., — не было радостных песен борьбы, не было ликующего красного знамени, не было забастовок, митингов, демонстраций. Правительство душило. Фабриканты и заводчики отнимали все завоеванное в годы революции. В стране было всеобщее уныние». Экономическая борьба, сильно упавшая в эти годы, также потускнела. Рабочие вынуждены были вести оборонительную борьбу, в большинстве случаев проигрывая и ее.

Самое существенное для этого времени — крайнее падение массового движения. Это не значит, что движение совсем замерло. Жизнь сказывалась в сохранившихся партийных и профессиональных организациях, да в немногих органах профессиональной печати. «Деятельность союзов все развивается, — писали из Москвы «Социал-демократу» в конце 1909 г., — несмотря на то, что профессиональных работников, которые могли бы отдать себя общественной работе, почти нет . . . А работа все же растет, союзы все же крепнут, значение их все растет, влияние их расширяется». «Работа только не бросается в глаза, — говорилось в другом сообщении из Москвы, — для постороннего наблюдателя она не видна, так как почти нет внешних проявлений ее, но внутри союзов работа идет попрежнему». В начале 1908 г. из Петербурга сообщалось «Пролетарию»: «Организация (партийная, большевистская) повела усиленную агитацию в пользу идеи профессионального объединения. Вместе с тем решено не ограничиваться только тем, что призывать записываться в профессиональный союз, а самим партийным ячейкам на деле вмешиваться в экономическую борьбу и от имени партии по возможности помогать ей». В профсоюзах, при общем упадке их членов, собирались наиболее активные слои рабочих, которые, благодаря этому, не распылялись окончательно и могли, по мере возможности, поддерживать дух живой движения. При отходе попутчиков-интеллигентов, активная роль в партийных организациях также переходит к рабочим. «Все дело взяли в свои руки рабочие, — писали из Петербурга «Пролетарию» в 1908 г. о партийной (большевистской) организации. — Вновь избранный Петербургский комитет состоит почти весь из рабочих. Главную тяжесть работы в районах несут на себе рабочие». Ленин в это время также отмечал переход активной роли в партийных организациях к рабочим. Таким образом, в годы реакции закладывался и профсоюзный, и партийный рабочий актив, а это и само по себе

было большим достижением и делало более прочным влияние на рабочее движение профессиональных и политических организаций.

Эта жизнь, бившаяся в подполье и в легальных организациях, придушенных торжествовавшей полицейщиной, нашла внешнее выражение в нескольких легальных съездах — женском, фабрично-заводских врачей, кооперативном, ремесленном, по борьбе с алкоголизмом. Съезды эти созывались, конечно, не рабочими организациями, но последние принимали в них участие. Отношение меньшевиков и большевиков к такому участию было, конечно, различное. Если для первых «организованное участие рабочих в общественных съездах есть тоже одна из форм борьбы за право коалиции, за признание союзов правомерным представительством рабочих» («Наша заря»), то для вторых оно должно показать рабочим, что «борьба за открытое и вполне свободное существование боевых рабочих организаций может быть только частью борьбы рабочего класса за низвержение современной монархии, за создание свободных условий для развития классовой борьбы, за революцию» («Социал-демократ»). Участие в легальных «общественных» съездах давало, во всяком случае, рабочим возможность выступать на более широкой арене, заявить о своих требованиях, воздействовать на более широкую массу. Вот, например, какие итоги подводил «Социал-демократ» (в 1910 г.) участию рабочих в съезде по борьбе с алкоголизмом: «История антиалкогольного съезда только еще раз показывает, насколько неправы те товарищи, которые рекомендуют нам пренебречь такими выступлениями. Несмотря на нападение правительства, передовые рабочие и на этот раз сделали многое для организации рабочего класса. При столь неблагоприятных условиях партия наша все же проявила значительную инициативу. С.-д. депутаты приложили усилия к тому, чтобы помочь рабочим выступить на открытой арене возможно более сплоченно и выдержанно. Некоторые из наших местных организаций также сделали, что могли, для организации антиалкогольной кампании. Кроме Петербурга, Москвы и Баку, вопрос об антиалкогольном съезде обсуждался еще, как нам пишут, в Московской окружной организации и в некоторых южных партийных организациях... При будущих открытых съездах нам предстоит еще затратить гораздо больше усилий, проявить гораздо более серьезную инициативу, добиться представительства рабочих в действительно всероссийском масштабе. Рабочие России решили уже не одну не менее трудную задачу. Никакие репрессии не должны заставить нас и в дальнейшем отказаться от использования открытой общественной арены».

При общем упадке движения революционная работа в годы реакции заключалась в борьбе с идеологическими шатаниями, в собирании сил рабочего класса, в организации его передового отряда в партийных и профессиональных ячейках, в попытках, где возможно, прорвать фронт реакции и продвинуться на более широкое поле борьбы. Плоды этой борьбы сказались в ближайшее время, с первыми же проявлениями возрождавшегося массового движения рабочих.

ПРЕДВОЕННЫЙ ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЯ

1. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

С конца 1909 г. промышленный кризис начинает сменяться оживлением, которое, усиливаясь в 1910 г., переходит в 1911 г. в полосу промышленного подъема, продолжавшегося почти для всех отраслей производства до начала мировой войны.

Промышленный подъем сам по себе должен был благоприятно отразиться на рабочем движении, заново его перестроить. К тому же он происходил теперь в новой обстановке, создавая новые условия и для рабочего движения. В итоге предшествовавшего развития русский капитализм после первой революции вступил в новую стадию финансового монополистического капитализма. Еще в годы кризиса начала XX века стали в большом числе возникать промышленные синдикаты, объединявшие отдельные предприятия с целью монопольного овладения рынком. После революции синдикаты эти увеличились в числе и окрепли, а, с другой стороны, крупнейшие банки приобрели столь сильное значение, что стали распорядителями целых отраслей промышленности. Все основные, как и многие другие, отрасли производства монополизировались в предпринимательских организациях и банках на 75 — 80% и более. Такой монополистический характер капитализма придал промышленному подъему 1911 — 1914 гг. более быстрый темп и содействовал дальнейшей концентрации производства, с сосредоточением в крупных предприятиях все больших масс рабочих. Если, например, в металлообрабатывающей промышленности в крупных предприятиях (с числом рабочих свыше 1000 в каждом) в 1910 г. было занято 33,3% всех рабочих этой отрасли промышленности, то в 1914 г. их было уже 50,1%, в текстильной промышленности в 1910 г. 61,6% и в 1914 г. 67,2%. С другой стороны, на почве монополистического роста капитала создаются боевые предпринимательские организации, имеющие специальной целью борьбу с рабочим движением. Если такого рода предпринимательские тенденции не были новы и место имели также раньше, то лишь теперь, с монополистической централизацией капитала, с объединением его в целях монополизации производства и рынка, получалась материальная база для капитализма в целях объединенной борьбы его с рабочим движением. Именно после 1905 г. укрепляются старые и создаются новые боевые организации объединенного капитала (петербургское общество фабрикантов и заводчиков, общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района). Большим мас-

сам рабочих, сосредоточенных в крупных предприятиях, противостоял объединенный фронт капитала, а это само по себе, не говоря уже о политической обстановке, должно было придать новую остроту борьбе рабочих, выявляя в ярких формах ее напряженный классовый характер.

Подъем промышленности не замедлил привести к подъему рабочего движения: в 1911 г. бастует уже 105 тыс. рабочих, в два раза больше, чем в 1909 г. Пользуясь оживлением в промышленности, рабочие возобновляют экономическую борьбу — участники экономических стачек составили в 1911 г. 967 730 чел., т. е. 92,1% всего числа бастовавших. Но экономическая борьба, как это было и раньше, в условиях русской действительности послужила и на этот раз базой для борьбы политической. Это наметилось уже в 1910 г., хотя на первых порах и в слабой степени.

Осенью 1910 г. студенческие демонстрации по поводу смерти Толстого нашли отклик в рабочей среде. Некоторые петербургские заводы откликнулись однодневными и полудневными забастовками, другие послали семье Толстого телеграммы, третьи подали в Думу заявления об отмене смертной казни. 1 мая в 1911 г. пришлось на воскресенье, и потому забастовок не было, но на некоторых заводах в Петербурге состоялись митинги; 1 мая по новому стилю (18 апреля) забастовки имели место в Варшаве, Киеве и некоторых других городах. Осенью 1911 г. политические выступления петербургских рабочих дали дальнейшее оживление. В октябре в Петербурге состоялись демонстративные похороны рабочего, убитого при взрыве на заводе, в ноябре рабочие на митингах поддержали с.-д. фракцию, внесшую в Думу запрос по делу с.-д. фракции Второй думы, такие же митинги состоялись в Киеве, в Риге, в Донбассе.

Как видим, политическая активность рабочих возродилась — на почве экономической борьбы нарастало политическое движение. Это свидетельствовало прежде всего о том, что активность рабочих не подавлена годами реакции, что 1905 год оставил в них по себе прочный след, что при первой же возможности, — а такую возможность давал начинавшийся промышленный подъем, — они возобновят борьбу. И это подтвердилось еще более ярко в ближайшее же время. Одного толчка — расстрела ленских рабочих — было достаточно, чтобы снова поднялось широкое движение — экономическое и политическое, — которое, нарастая, продолжалось до дня начала мировой войны.

Нам незачем здесь рассказывать о ленском расстреле — о нем достаточно, конечно, осведомлены читатели. Напомним лишь, что на чисто экономическую забастовку 6 тыс. рабочих Ленских золотых приисков правительство 4 апреля 1912 г. ответило расстрелом безоружной толпы: по официальным данным, 170 было убито и умерло от ран и 372 ранено. Расстрел этот произвел на рабочую массу всей России впечатление не меньшее, чем расстрел 9 января 1905 г. в Петербурге. 4 апреля произошли кровавые расправы на Лене, а уже 9 апреля на нее откликнулись забастовкой протеста рабочие Нико-

лаева и Киева, 10-го — Харькова и Екатеринослава, 14-го — Петербурга, 19-го — Москвы и т. д. В течение короткого времени движение захватило самые широкие массы, так что на протяжении апреля в «ленских» забастовках участвовало не менее 500 тыс. рабочих. Это были исключительно забастовки протеста, не сопровождавшиеся предъявлением каких-либо экономических требований. Рабочие выражали не только сочувствие пострадавшим ленским товарищам, но и протест против самодержавно-полицейского строя, порождением которого был ленский расстрел. Забастовки сопровождались принятием резолюций протеста, а в некоторых местах и демонстрациями. 15 апреля произошла демонстрация в Петербурге. 25 апреля — в Москве.

Ленские забастовки неопровержимо говорили о том, что рабочие не растеряли веры в борьбу, что в них крепки революционные традиции 1905 года, что запас активности в них достаточно велик, чтобы стихийно, при первых же благоприятных условиях, прорваться наружу. Если бы это было не так, могли ли бы подняться сразу, в порядке почти стихийном, полмиллиона рабочих? Если б это было не так, могли ли бы эти полмиллиона подняться с целью исключительно политического протеста? «Ленские» забастовки сразу и бесповоротно похоронили пассивность времени реакции. 1 мая 1912 г., в противоположность предшествовавшим годам, было отмечено во многих городах многочисленными стачками: в Петербурге бастовали в этот день 100 тыс. рабочих (по официальным данным, в действительности больше), в Москве до 40 тыс., в Риге свыше 20 тыс., в Харькове 10 тыс., и т. д., — всего, по самым скромным подсчетам, бастовало свыше 300 тыс. рабочих. А дальше политические выступления рабочих не прекращаются ни в 1912 г., ни в последующие годы. Если в 1911 г. по предприятиям, подчиненным надзору фабричной инспекции, участники экономических стачек составили 92,1% всего числа бастовавших, а участники политических стачек — 7,9%, то в 1912 г., отношение получилось обратное: первые составили 24,3%, вторые — 75,7%. Самым характерным для политических стачек 1912 г. (как и последующих годов) является чрезвычайная чуткость рабочих, готовых откликаться — не резолюцией только, а стачкой — на всякое проявление политического гнета, активно выступающих против самодержавного порядка по всяким, так сказать, частным поводам. В октябре, например, 1912 г. в Петербурге в течение 10 дней продолжались забастовки в связи с отменой выборов от рабочих в Госуд. думу, причем бастовали в общем до 70 тыс. рабочих; в том же октябре в течение нескольких дней бастовали до 60 тыс. рабочих, протестуя против смертного приговора, вынесенного матросам военно-морским судом в Севастополе; аналогичные стачки протеста происходили в Москве, Николаеве, Риге и других городах, охватив в общем до 250 тыс. рабочих; в ноябре петербургские рабочие снова бастовали по поводу приведения в исполнение смертного приговора над матросами, а в декабре (55 тыс.) в связи с запросом в Думе о преследовании профсоюзов.

Политическая активность рабочих содействовала, в свою очередь, росту экономической борьбы, так что в общем стачечное движение принимало широкий массовый характер. Распределяя число участников политических стачек и экономических стачек (в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции) в 1911 — 1914 гг., получим такие данные:

	1911	%	1912	%	1913	%	1914	%
участники экономич. стачек	96 730	92,1	175 678	24,2	323 724	36,4	278,347	20,8
» политич. »	8 380	7,9	549 813	75,8	563 372	63,6	1 059 111	79,2
Всего	105 110	100,0	725 491	100,0	887 096	100,0	1 337 458	100,0

Если мы обратим пока внимание на данные об участниках экономических стачек, то сможем констатировать значительный рост экономической борьбы, в особенности по сравнению с 1908 г., когда по экономическим поводам бастовали 81 202 рабочих, или с 1909 г., когда их бастовало 55 773, или с 1910 г., когда бастовали 42 746 рабочих. Но данные 1912 — 1914 гг., выдерживают сравнение и с 1907 г., когда бастовали по экономическим поводам 171 361 рабочих; уже 1912 г. — а 1913 и 1914 гг. и подавно — обогнал в этом отношении 1907 г. Экономическая борьба, захватывая широкие массы, снова принимает те же черты, что и в 1905 — 1907 гг.

Забастовки носят часто коллективный характер с одновременной приостановкой работ во многих предприятиях, и в громадном большинстве случаев являются наступательными: число участников наступательных стачек составило в 1911 г. 52,6%, в 1912 г. — 59,9%, в 1913 г. — 77,9% и в 1914 г. — 70,9%. Вместе с тем, усилилось и упорство борьбы: на каждого участника экономической стачки приходилось стачечных дней в 1911 г. 8,1, в 1912 г. — 10,6, в 1913 г. — 9,7 и в 1914 г. — 14,3. В этом отношении 1912 — 1914 гг. даже превзошли 1905 г., когда таких стачечных дней на рабочего приходилось 8,4, 1906 г., когда их приходилось 9,1, и 1907 г. с 9,5 дня. Бесспорно, что в массовом характере экономической борьбы, в ее упорстве и наступательном характере сказывалась прежде всего политическая активность рабочих, как и политическая борьба находила для себя благоприятную почву в разраставшемся экономическом движении.

Обращаясь к политическим стачкам, которые должны нас более всего интересовать, мы здесь наблюдаем еще больший рост их. 1912 и 1913 гг. уже догоняют по числу участников политических стачек 1907 г., когда их насчитывалось 568 713, а 1914 г. перегнал 1906 г., когда таких участников было 662 940. Если же принять во внимание, что данные 1914 г. относятся не ко всему этому году, а только к $6^1/_2$ его месяцам (так как в июле началась мировая война, прекратившая стачечное движение), то окажется, что по числу участников политических стачек 1914 г. (т. е. первая половина его) перегнал и 1905 г., когда за весь год таких участников было 1 844 674 (т. е. за полгода, примерно, 900 тыс.).

Массовое политическое движение рабочих, выражавшееся в стачках, с 1912 г. захватывало все большее число рабочих и принимало все более активные формы. Так, в 1913 г., в день 9 января (годовщина расстрела рабочих 1905 г.) и бастовали до 150 тыс., в том числе в Петербурге до 60 тыс.; столько же по всей России и в Петербурге бастовало 4 апреля (годовщина ленского расстрела). 1 мая 1913 г. бастовали по России до 400 тыс. рабочих, в Петербурге, по официальным данным, 100 тыс. (по данным рабочих газет — до 250 тыс.), в Москве до 50 тыс., в Харькове 15 тыс. Эти, так сказать, ударные выступления сопровождались в 1913 г. и политическими выступлениями по частным поводам. В июне в Петербурге бастовали до 40 тыс. рабочих в связи с судебным процессом матросов Балтийского флота, которым угрожала смертная казнь, всего по России по этому поводу бастовали до 63 тыс. рабочих. В начале июля в Петербурге свыше 25 тыс. бастовали по поводу преследования рабочей печати; в сентябре в Петербурге происходили забастовки сочувствия стачке московских печатников, в связи с протестом против дела еврея Бейлиса, которого судили за то, что он якобы убил христианскую девочку из ритуальных целей, и др.

В 1914 г. 9 января по России бастовали, по подсчетам рабочих газет, до 300 тыс. рабочих, в Петербурге, по официальным данным, 110 тыс., в Москве 50 тыс., в Риге 75% всех рабочих, и т. д. В Петербурге в этот день происходило несколько демонстраций с пением революционных песен. 1 мая в Петербурге, по официальным данным, бастовали 175 тыс. (по подсчетам рабочих газет 250 тыс.), в московском районе до 70 тыс., на Кавказе 86 тыс., в Риге 75 тыс., в Харькове 10 тыс., и т. д.

В промежутке между январем и маем, в марте, в Петербурге происходят политические стачки по разным поводам (годовщина суда над матросами, в связи с преследованиями рабочей печати и профсоюзов); особенно значительные были из них стачки в связи с запросом с.-д. фракции о ленском расстреле; 13 марта по этому поводу бастовали свыше 50 тыс. рабочих, причем в некоторых районах происходили демонстрации. Еще более крупные забастовки произошли в Петербурге по поводу отравления работниц на заводе «Треугольник», вызванного употреблением при производстве вредной мази; с 17 по 20 марта бастовали свыше 150 тыс. рабочих. Во все эти дни в различных частях города происходили демонстрации и столкновения с полицией. «Вся Выборгская сторона заполнена конной и пешей полицией, — писал «Путь правды». — С Чугунного переулка движется густая толпа демонстрантов — это забастовал в знак протеста против отравлений «Минный завод» (б. Парвиайнен) в количестве 1 000 человек. Дружно сомкнувшись в ряды, идут с пением к Б. Сампсониевскому проспекту, где их встречает наряд конной и пешей полиции. Весь Б. Сампсониевский проспект густо заполнен рабочими. Здесь уже рабочие завода Новый Лесснер, Старый Лесснер, нобелевцы, оба завода б. Парвиайнен и еще масса рабочих других фабрик и заводов. Между рабочими происходит оживленный раз-

говор о последних событиях. Идут расспросы: где бастуют, были ли демонстрации. Со всех концов отвечают утвердительно. Полиция работает усердно: рабочие оттесняются все дальше и дальше от Б. Сампсониевского проспекта, обратно на проспект рабочих не пускают». То же самое происходило и в других рабочих окраинах. За Нарвской заставой 15 тысяч рабочих Путиловского завода, бросив работу, направились к другим заводам, которые к ним присоединились: огромная толпа демонстративно шествовала по улицам, пока подоспевшая полиция не рассеяла ее. На Петербургской стороне толпа рабочих с пением революционных песен направилась к Зелениной улице, где в столкновении с городовыми ранены были двое рабочих.

Общество фабрикантов и заводчиков ответило на эти забастовки локаутом, объявленным 25 марта. Закрыты были 26 крупнейших предприятий: заводы Путиловский, Балтийский, Невский судостроительный и др., рассчитаны были до 70 тыс. рабочих. 24 марта закрыт был союз металлистов.

Массовые отравления вызвали ряд забастовок и в провинции. В Москве, по официальным данным, бастовали свыше 5 тыс. рабочих, в Риге — свыше 30 тыс., в Ростове на Дону — 9 предприятий, в Киеве — 4 и т. д.

Годовщина Лены (4 апреля) в 1914 г. особо не была отмечена забастовками, так как рабочие бастовали в марте в связи с обсуждением в Госуд. думе запроса о ленских событиях. Но в этот день были сделаны попытки демонстраций. «Невский проспект и прилегающие к нему улицы, — читаем в «Пути правды», — вместо обычно гуляющей, вернее, праздношатающейся публики, запружены массой рабочих и студентов. На Невском идет усиленная фильтровка гуляющих, прохожих направляют в боковые улицы, некоторых отправляют в участок. Оттиснутые с Невского, рабочие и студенты группируются по улицам, прилегающим к Невскому. На Итальянской улице в 12 часов образуется толпа рабочих и студентов в несколько сот человек, которая на Фонтанке соединяется еще с толпой, оттиснутой с Невского. Человек 700 с пением двигаются по Садовой улице. Около Инженерного замка в мирно шествующую демонстрацию врывается отряд конных жандармов, рассеивает в разные стороны демонстрантов». В это же время другая толпа двинулась по Садовой улице к Марсову полю, третья с пением шла к Каменноостровскому проспекту. Полиция и здесь рассеяла демонстрантов.

Крупные забастовки на политической почве произошли в Петербурге 18 — 25 апреля по поводу исключения из Госуд. думы на 15 заседаний 21 депутата фракций социал-демократической и трудовиков. Всего, по официальным данным, в эти дни бастовали свыше 40 тыс. рабочих. Промышленники с первых же дней стачки применили локаут, объявив о закрытии предприятий до 2 мая. Мера эта, однако, не помогла: стачка продолжалась. Тогда, 25 апреля, локаут был распространен еще на 16 предприятий. Всего локауту было подвергнуто на этот раз свыше 25 тыс. рабочих.

Локауты не только не приостанавливали движения, но внесли в него новую остроту. Мы видели только что, как откликнулись петербургские рабочие на день 1 мая. В том же мае они еще раз показали большую политическую активность, забастовав в числе свыше 100 тыс. в день суда над несколькими рабочими Обуховского завода, преданными суду за то, что они не пожелали стать на работу во время одной из стачек.

Политическая активность рабочих на протяжении 1912 — 1914 гг. была показана, таким образом, достаточно внушительно и ярко. Чем же она вызывалась, и что она доказывала? Мы еще коснемся агитации политических партий, сыгравших видную роль в рабочем движении, но, очевидно, как бы энергично ни велась агитация, она может привести к должным результатам в том лишь случае, если падает на благоприятную почву, если на настроение рабочих и движение их действуют какие-либо объективные факты, если для политической борьбы их имеются причины в общей социально-экономической обстановке. С этой точки зрения чрезвычайный подъем массового политического движения свидетельствовал прежде всего о том, что именно в рабочем классе сохранились и накопились революционные возможности, определяемые назреванием революционного процесса в стране. «Громадный перевес русских стачек над стачками европейских, наиболее передовых стран доказывает вовсе не особые качества или особые способности рабочих России, — писал Ленин в 1912 г., — а лишь *особые* условия современной России, — в смысле наличности и революционного положения, и нарастания непосредственно революционного кризиса».[1] Основные причины, вызвавшие революцию 1905 г., продолжали действовать и теперь; в условиях «обновленной» России рабочий класс отнюдь не чувствовал себя лучше, чем раньше; усилия правительства предупредить взрыв в рабочей среде неисчислимыми репрессиями, душившими рабочую печать и профсоюзы, наступление, в помощь правительству, объединенных промышленников, применявших в борьбе с рабочими локауты, которые обрекали рабочих на голод, — все это поднимало рабочих на активную борьбу. Политический (точнее говоря, революционный) кризис выражался не в «парламентских» кризисах, не в оппозиции думских либеральных партий, не в думских «комбинациях», а в этих политических стачках, отражавших напряженность классовой борьбы, в этих выступлениях рабочей массы, не только бросавшей вызов самодержавию, не только готовой вступить с ним в борьбу, но и в такую борьбу вступившей. Если революционный кризис назревал в самых глубинах социальных противоречий «обновленной» страны, то и показателем и двигателем его была революционная активность рабочих. Ни один общественный класс либо слой, кроме рабочего класса, активно не вступал в борьбу со старым порядком. От иерихонских труб думской оппозиции стены самодержавия даже не дрогнули, а в ответ на них правительство готовило новый пере-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. II, изд. 2-ое, стр. 154.

ворот с дальнейшим ограничением прав Думы. Тем менее они имели основание дрогнуть перед оппозиционной печатью, которую правительство укрощало репрессиями и против которой готовило новый каторжный закон. Единственной силой, с которой правительство никак не могло справиться, был рабочий класс; несмотря на непрекращавшиеся репрессии, стачечное политическое движение не только не ослабевало, но из года в год продолжало нарастать.

Наиболее разительным свидетельством роста революционной активности рабочей массы могут служить данные об участниках активно-политических (демонстративно-политических) стачек, т. е. стачек, не сопровождавшихся экономическими требованиями и носивших исключительно политический характер. В 1912 г. число участников таких стачек доходило до 550 тыс. (или 75% всего числа бастовавших), в 1913 г. — до 495 тыс. (58%) и в 1914 г. — до 985 тыс. (около 63%). Если мы сравним эти данные с соответствующими данными для 1905—1907 гг. (в 1905 г. 1 050 тыс. или 36%, в 1906 г. 515 тыс. или 46%, в 1907 г. 521 тыс. или 74%), то можем притти к заключению, что в 1912 число участников активно-политических стачек и абсолютно превышало число их в 1906 и 1907 гг., в 1913 г. только немногим отставало от этих лет, а в 1914 г. далеко обогнало не только 1906 и 1907 гг., но и 1905 г., если принять во внимание, что данные 1914 г. относятся только к первому полугодию. Участники активно-политических стачек — это передовой отряд, авангард рабочего класса. Рост его показывал рост рабочей массы, выделявшей такой авангард, а его активность говорила об обострении революционного кризиса, разрешение которого, при благоприятных условиях, могло наступить скорее, чем тогда многим казалось.

То, что положение складывалось именно так, показали июньские дни 1914 г. в Петербурге. Ближайшим поводом к ним послужила стачка бакинских рабочих, продолжавшаяся около месяца и вызвавшая по отношению к рабочим ряд репрессий. Вести об этой стачке разносились по рабочей России, доходили до нее и вести о бакинских репрессиях: о массовом выселении рабочих из промысловых квартир, о разгоне собраний, об избиениях рабочих полицией, о предполагавшейся высылке рабочих из города. Все это, естественно, призывало к протесту, и, как всегда, первыми и наиболее активно откликнулись петербургские рабочие.

По фабрикам и заводам стали собирать деньги в пользу бакинцев, и 1 июля по заводам организована была одночасовая стачка-молния: за час до окончания работ рабочие, оставив мастерские, устраивали митинги, на которых выносили резолюции об отчислении в помощь бакинцам дневного заработка. 1 июля бастовали 5 тыс. рабочих, столько же 2 июля, а 3 июля — до 12 тыс.

Вечером 3 июля состоялся митинг на Путиловском заводе. Говорили о поддержке бакинских рабочих. Подоспевшая полиция попыталась произвести аресты, но рабочие начали протестовать. А в ответ на это со стороны полиции даны были выстрелы. Один из рабочих крикнул: «на баррикады». Толпа бросилась на вышку близ марте-

новской мастерской и стала оттуда бросать в полицейских камни. Одновременно полицией дан был второй залп. Выстрелы произвели опустошительное действие: 2 рабочих были убиты, 50 ранены. Правительство отрицало, что на Путиловском заводе при этом столкновении были убитые и раненые, но очевидец сообщал в «Путь правды» о двух трупах, которые лежали в покойницкой больницы, а пострадавших в «бою» видел депутат Бадаев в участке.

Весть об этой расправе немедленно, конечно, дошла до фабрик и заводов, и на следующий день, 4 июля, бастовали, по официальным данным, свыше 70 тыс. рабочих на 152 предприятиях. Петербургский комитет с.-д. партии (большевиков) выпустил прокламацию, в которой призывал рабочих к трехдневной забастовке протеста. «Пьяная полицейская орда, напавшая на путиловцев, лишь исполнила волю царского правительства, — говорилось в прокламации. — Стихийным возмущением ответил рабочий класс Петербурга на эту попытку повторить кровавую Лену на передовых рабочих. Мы должны показать шайке угнетателей народа, что рабочий класс готов дать им отпор, что он не позволит ей устраивать кровавые погромы... Пусть крик протеста и возмущения прокатится по всему Петербургу, по всей России! Поддерживая героически начатую стачку протеста, мы зовем вас, товарищи, трехдневной забастовкой показать свою волю, свою сплоченность, свое негодование против всего режима царской монархии». Прокламация также призывала рабочих пройти в понедельник 7 июля по улицам Петербурга в «мирной процессии со своими знаменами и песнями».

Рабочая масса широко отозвалась на этот призыв. Если 5 июля бастовали, по официальным сведениям, 48 450 рабочих, а по подсчетам газет — 68 тыс., то 7 июля (6 июля было воскресенье) бастовали, по официальным данным, 110 тыс., а по газетным сведениям — до 190 тыс. Еще до этого, с первого дня массовой стачки (4 июля), рабочие вышли на улицу и в столкновениях с полицией оказывали последней сопротивление. 4 июля рабочие завода Сименс и Шуккерт, Артур Коппель и Зигель, собравшись толпой численностью до 3 тыс. человек, направились с пением революционных песен к Вагоностроительному заводу, соединившись с которым двинулись к фабрике «Скороход». Здесь полиция пыталась рассеять рабочих, но в нее полетели камни. Тогда один из полицейских выстрелом из револьвера ранил рабочего, но толпу это не остановило, и она направилась к Путиловской ветке, где при столкновении с полицией снова бросали камни. Выстрелами со стороны полиции здесь были ранены 4 рабочих. У фабрики Эриксона толпа рабочих также засыпала полицию камнями.

7 июля в различных местах Петербурга рабочие выходили на улицу с демонстрациями, как к этому призывала прокламация партийного комитета. Рабочие завода Лесснер, уходя с работ, выкинули красное знамя, после чего к ним присоединился завод Эриксона; подоспевший наряд полиции был осыпан камнями. Рабочие завода Айваз, выйдя во двор, подняли красное знамя, а затем направились на улицу; под давлением полиции рабочие разделились на два от-

ряда, из которых один двинулся на Выборгское шоссе, где остановил трамвайное движение. Попытки демонстрации и остановки трамваев происходили в этот день и в других частях города. Рабочие завода «Старый Лесснер» остановили трамвайное движение на Боткинской улице (Выборгская сторона); остановлены были также трамваи на Финляндском проспекте, на Сердобольской улице, на Ньюштадтской улице, на Безбородкинском проспекте. На Лиговской улице рабочими был обезоружен городовой, а револьвер и шашка его унесены. Общей демонстрации в этот день помешали систематические набеги полиции.

Стачка должна была закончиться 7 июля, так как приведенная выше прокламация, вышедшая к 5 июля, призывала к трехдневной забастовке. Однако стачка не приостановилась, и движение разрасталось дальше. 8 июля бастовали, по официальным данным, 78 тыс., а по газетным сведениям — до 150 тыс. И в этот день приостанавливалось движение трамвая и не прекращались столкновения с полицией. В Нейшлотском переулке толпа рабочих в 2 тыс. человек пыталась остановить трамвайный вагон, а на набег полиции ответила камнями. На Межевой и Боткинской улицах рабочие остановили вагон трамвая, удалили публику, а вагон опрокинули. Опрокинуты были трамваи также на Финляндском проспекте, на Сампсониевском мосту. На Забалканском проспекте и по Обводному каналу рабочие сгоняли вагоновожатых и кондукторов, останавливая движение. Рабочие завода Лангезипен и Тильман, выйдя с песнями и красным знаменем на Петербургское шоссе, остановили трамвайное движение, а вагоны опрокинули. 8 июля были закрыты все рабочие газеты, так что с 9 июля ни одна из них больше не выходила.

9 июля стачка продолжалась в столь же широких размерах — бастовали, по официальным сведениям, 117 тыс. рабочих на 259 предприятиях. Продолжались и демонстрации, но прибавилось и кое-что новое. Еще 8 июля рабочие стали закрывать пивные и торговые заведения — теперь они стали к этому прибегать все чаще. На Полюстровской набережной были ими закрыты казенные винные лавки, продававшие водку, пивные и трактиры с продажей спиртных напитков; на Малом проспекте и Гаванской улице (Васильевский остров) закрывались торговые заведения. Закрыты были пивные и торговые заведения на Дворянских улицах, в селе Смоленском, в районе Обуховского завода, в Нарвском районе. Столкновения с полицией принимают более острый характер, и дело доходит до сооружения баррикад. Шедшую по Б. Ружейной ул. с красным знаменем толпу рабочих встретил отряд полиции, который пытался остановить демонстрантов. Тогда из толпы посыпались в полицию камни, и затем раздались два-три выстрела; отстреливаясь, полиция должна была отступить: пристав успел скрыться на извозчике, а городовые забрались в подвал дома, где укрылись под соломой; в столкновении этом тяжело пострадал городовой, отвезенный в больницу. По Приморской дороге, недалеко от Петербурга, рабочие повалили телефонный столб, бросили его на рельсы и водрузили на нем красный флаг; шедший

из Петербурга поезд остановился, и рабочие заставили машиниста повернуть обратно, то же повторилось и с поездом, шедшим в Петербург, — он также был отправлен обратно.

На Большом проспекте Васильевского острова вечером толпа рабочих, остановив возы с бочками, соорудила из этих бочек баррикаду. Ночью бочки были подожжены, в полицию летели камни, бутылки и другие предметы; полиция ответила выстрелами. Сооружены баррикады были также и на Выборгской стороне — на углу Б. Сампсониевского проспекта и переулков Батенного, Флюгова и Муринского, на углу Парголовской улицы и Муринского переулка и на углу Сердобольской улицы и Языкова переулка. Сделаны были также попытки загородить набережную Черной речки. Вечером большая толпа рабочих свалила телеграфные столбы и протянула проволоку, забаррикадировав Б. Сампсониевский проспект. Здесь в полицию сделаны были выстрелы, а казаки дали пять залпов. Войска стреляли и в других местах. Всего в этот день, по официальным данным, среди рабочих было 5 убитых и 8 раненых.

Выборгская сторона носила в этот день все следы пронесшейся революционной бури. «К 11 часам вечера Сампсониевский проспект будто вымер, — писала газета «Новое время». — Фонари не горят. Все магазины и лавки закрыты ставнями, сквозь которые просвечивает слабый свет. В домах — полная тьма, ни одного освещенного окна. Мостовая разрыта. По всему проспекту набросаны булыжники... В самом же начале Сампсониевского проспекта, по середине улицы, валяются вырванные «с корнем» фонарные столбы. Рядом с ними спиленные и срубленные топором телеграфные столбы. Сампсониевский проспект носит следы уличного побоища. Улица пустынна. Ни одного живого человека. Нет даже обычных постовых городовых, и у ворот не стоят дворники. Лишь изредка по проспекту проходит наряд городовых с винтовками, человек в 8 — 10. Впереди их околоточный с револьвером в руках. На противоположной стороне другой отряд ведет группу арестованных рабочих... На Сампсониевской набережной — баррикады, сложенные из трех рядов небольших ящиков из-под пива. Кругом осколки разбитых бутылок, целая пивная лужа. Очевидно, жертвой забастовщиков стали возчики пива. У них арестовали пиво и наскоро соорудили эту баррикаду. Тут же рядом валялось много мешков с мукой. В дело пошли, кроме ящиков, еще кирпичи с соседних барок, стоящих рядом у набережной».

10 июля движение продолжалось. В этот день, по официальным данным, бастовали 111 тыс. рабочих на 203 предприятиях, в том числе 30 типографий. В районе Гавани рабочие остановили трамвайное движение. На Московском шоссе 1 000 рабочих, выкинув красное знамя, шли с революционными песнями; на шоссе были положены бревна, благодаря чему движение было прекращено. Рабочие Александровского механического завода в с. Смоленском направились с красным знаменем и песнями к вагонным мастерским Николаевской железной дороги; рабочие двинулись по Московской улице, где были рассеяны полицией. На Безбородкинском проспекте (Выборг-

ская сторона) рабочие, подпилив телеграфный столб, начали строить баррикаду. В различных частях города и в этот день продолжались столкновения с полицией.

Таким образом, стачка продолжалась еще четыре дня (7 — 10 июля), сверх трех дней, назначенных Петербургским комитетом партии. 10 июля вышла прокламация комитета, приглашавшая рабочих стачку прекратить. «Товарищи, — говорилось в прокламации, — Петербургский комитет призвал вас к стачкам и демонстрациям. Вы единодушно откликнулись на его призыв. Мы зовем вас теперь временно приостановить движение протеста так же организованно, как оно началось. Пусть славная стачка — демонстрация петербургского пролетариата — послужит новым толчком для пробуждения рабочих провинций, для укрепления партийных организаций. Вы показали, как сильно будет движение пролетариата в тот момент, когда он решит дать окончательный бой дворянской и царской монархии. Надо готовиться к этому решительному бою. Надо строить и укреплять организации. Надо усилить пропаганду и агитацию в провинции, которая еще слишком отстала. Надо разбудить крестьян и нести свет революции в крестьянское войско. И только тогда мы дадим решительный бой царизму, когда сами найдем момент подходящим, когда соберем свои организации. Правительство хочет раздавить нас в кровавом бою, когда пролетариат России еще недостаточно подготовлен. Не позволим же ему это сделать. Закончим временно стачку-демонстрацию, будем готовиться к решительному бою».

9 июля петербургское общество фабрикантов и заводчиков решило предприятия закрыть и объявить локаут. 10 июля на многих заводах вывешены были объявления, предупреждавшие рабочих о том, что в виду самовольного прекращения ими работ предприятия закрываются на неопределенное время. Рабочие 11 июля нашли заводы закрытыми, и в этот день бастовали еще, по официальным данным, 111 тыс., а по газетным сведениям — 133 тыс. Столкновений с полицией стало меньше, но они продолжались. У лесопильного завода Семенова рабочие осыпали полицию градом камней и произвели два выстрела. Конные городовые, в свою очередь, открыли по рабочим огонь, но толпа, не взирая на это, стремилась окружить полицейский отряд, забрасывая его камнями; чтобы преградить полиции отступление, рабочие остановили проезжавшие возы с бревнами, отпрягли лошадей, а из бревен и телег соорудили баррикаду, загородившую всю Благовещенскую улицу. Рабочие отступили только тогда, когда на помощь полиции прибыло подкрепление. При столкновении на Московском шоссе войска дали залп, которым убиты были двое рабочих и трое ранены.

Локаут коснулся 75 предприятий с общим числом до 80 тыс. человек. Закрыты были все крупнейшие металлические заводы и текстильные фабрики. Часть предприятий (с 50 тыс. рабочих) возобновила работы 14 июля, но большая часть их продолжала быть закрытой: бастовавшие к работам не приступили. 16 июля была объявлена частичная мобилизация, что означало фактическое вступле-

*

ние России в войну. На следующий день работы повсюду возобновились — война сделала свое дело.

Мы остановились более подробно на этих днях борьбы петербургских рабочих, потому что значение и смысл их как-то растворились в ужасах мировой войны. А между тем дни эти были глубоко знаменательны. Начавшись, в обстановке становившегося все более напряженным движения, с поддержки бакинских рабочих, перейдя в протест против расправы с путиловцами, стачки вылились в борьбу с правительством; беспрерывные в течение нескольких дней демонстрации, столкновения с полицией и войсками, сооружение баррикад, — все это говорило о том, что рабочее движение уже не укладывается в рамки не только экономической борьбы, но и политической демонстрации. Оно поднималось на высшую ступень, искало новых путей и, вылившись в бурные формы частичных атак, вплотную подходило к своему девятому валу. Правда, пока это было только выступление петербургского пролетариата. Широкая экономическая борьба рабочих во всех промышленных районах не перешла в политическую борьбу столь отчетливого характера, какой приняла борьба петербургских рабочих. Но не подлежит сомнению, что, как было и раньше и позже, выступление петербургского пролетариата послужило бы могучим фактором, ускоряющим выступление всего рабочего класса. Условия, этому благоприятствовавшие, были налицо. В Баку — всеобщая забастовка, в Москве — в связи с петербургскими стачками с 5 по 15 июля происходит ряд забастовок протеста, в которых принимали участие до 60 тысяч рабочих. В Московско-Владимирском текстильном районе бастовали в июне и июле, захватывая одновременно десятки предприятий, до 95 тыс. рабочих. В Донбассе в первую половину 1914 г. бастовали до 17 тыс. рабочих, — почти в 6 раз больше, чем в 1912 г.; начальник екатеринославского жандармского управления сообщил департаменту полиции в июле 1914 г. о настроениях рабочих Александровского завода, что среди них «наблюдается живой интерес к протекающим в данное время в Империи забастовкам рабочих и усиленное чтение газет, помещающих отчеты об этих забастовках». О настроениях уральских рабочих пермский губернатор сообщал, что «рабочие совершенно неожиданно для заводской администрации прекращают работы, уходят с завода без объяснения причин, а уже потом предъявляют требования об увеличении заработной платы и вообще улучшении их положения»; весной и летом 1914 г. на Урале бастовал ряд заводов. Петербургские рабочие в июльские дни не выступили изолированно, движение охватило в той либо иной мере все промышленные районы, — петербургские рабочие шли только впереди других. Борьба в Петербурге, со своей стороны, начала находить отклик в провинции. Помимо Москвы, в виде поддержки петербургских рабочих, происходили частичные забастовки в Харькове, Киеве, Ростове на Дону, Одессе, Херсоне, Воронеже, Туле, Риге, Варшаве, Николаеве, Самаре. Движение это не могло разрастись, так как оно начало распространяться к концу первой половины июля, когда война положила ему конец.

Бесплодно было бы, конечно, гадать, что было бы, если бы мировая война не разразилась. Но совершенно очевидно, что рабочее движение летом 1914 г. переходило в новый этап, на высшую ступень, в такую стадию революционной борьбы, когда революционный взрыв, при благоприятном стечении прочих обстоятельств, становится неизбежным. Если анализ итогов первой революции позволял предположить, что революционные возможности в России сосредоточиваются, прежде всего в рабочем классе, то рабочим движением 1912 — 1914 гг. такое предположение было вполне оправдано.

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В каком же идеологическом и общественном окружении находился рабочий класс?

О правительстве говорить не приходится: оно продолжало, нисколько не ослабляя, свою политику репрессий. Продолжалось закрытие профсоюзов и рабочих газет, преследовались стачки, причем как раз в эти годы правительство готовило новый закон, который приравнивал политические стачки к государственным преступлениям, повышая для участников таких стачек соответственно уголовную кару. Промышленники не уступали правительству в своей системе борьбы с рабочим движением. Мы видели, что на стачки рабочих, в особенности политические, они отвечали локаутами. Петербургское общество фабрикантов и заводчиков в начале 1914 г. постановило в виде общей меры за один день забастовки закрывать предприятия на две недели, а в случае повторения забастовки закрывать фабрики и заводы на один месяц. Таким образом, за каждый день стачки рабочие обрекались на две недели голода, в случае же повторения стачки должны были оставаться без работы целый месяц. Дальше итти в использовании локаута, в качестве репрессивной меры, кажется, некуда, а совершенствуя систему локаутов, промышленники занимали активную контр-революционную позицию, направляли свои усилия к тому, чтобы придушить рабочее движение, в особенности политическое, так как против него и были направлены локауты.

Либеральная буржуазия продолжала в Гос. думе «парламентскую» работу и оппозиционную по отношению к правительству тактику. Совещание кадетской партии в 1913 г., признавая необходимой «для осуществления очередной деловой деятельности Гос. думы» тактику «объединенной деятельности всем фронтом оппозиции», выдвигало, в качестве требований, обеспечивающих «усиление Гос. думы как законодательного и политического фактора», «демократизацию избирательного закона, коренную реформу Гос. совета и ответственность министерства», причем находило своевременным «возбудить вопрос о применении более активных тактических мер парламентской борьбы». Либеральная буржуазия готовилась, таким образом, «увенчать здание реформ» «демократизацией» избиратель-

ного закона (умалчивая о всеобщем избирательном праве) сохранением реформированного Гос. совета и ответственным министерством: «демократизации» в порядке реформ должно было подвергнуться самодержавие. Что касается более активных мер парламентской борьбы, то они мыслились в виде использования бюджетных прав Думы, а на практике выражались в столь, например, грозном виде, как отказ в кредите... на путевые издержки слушателей Восторговских (миссионерских) курсов. В марте 1914 г., непосредственно после бурных забастовок в связи с отравлением работниц на «Треугольнике», конференция кадетов признала, что «требование страны, обращенное к оппозиции, заключается в том, чтобы оппозиция своим более определенным образом действий способствовала окончательному выяснению положения», и выдвинула лозунг «изоляции» правительства. Если на таком повороте буржуазии отражалось политическое оживление вне Думы, и в первую очередь рабочее движение, то перспектива дальнейшего развития движения, и в особенности революции, совсем не улыбалась буржуазии. Напротив, в кадетской партии как раз в эти годы усилилось правое крыло, которое очередной задачей ставило «оздоровление власти» (самодержавной) путем привлечения к ней «средних элементов страны», путем создания для власти опоры «в средних слоях» — в землевладельцах и буржуазии, т. е. открыто ставило вопрос о соглашении буржуазии с монархией (Струве). Но, в сущности, и вся кадетская партия стояла на такой же точке зрения «оздоровления власти». В дальнейшем это полностью сказалось в образовании так называемого прогрессивного блока, в объединении кадетов с октябристами с соответственным отказом от собственной программы и с принятием умеренной платформы, существо которой заключалось именно в «оздоровлении власти». Естественно, что к возможности революции либеральная буржуазия относилась вполне отрицательно. «Никто, конечно, не желает великих потрясений (т. е. революции), — писал, например, Милюков, — и всякий из нас предпочел бы действенно стремиться в иному исходу». Готовность «действенно» стремиться к нереволюционному исходу предполагала, очевидно, также борьбу, при подходящих условиях, с революцией, в особенности с «изолированным» выступлением рабочих. На мартовской конференции к.-д. 1914 г. Милюков напомнил «об опасности повторения увлечений 1905—1906 гг., разбивших на части единое (до 17 октября) оппозиционное движение». «Мы полагаем, напротив, — говорил Милюков, — что, как в 1905 году, изменение может быть достигнуто только совместными усилиями всех прогрессивных сил русского общества. Из опыта 1905 — 1906 гг. мы извлекаем вывод, что одиночные действия партий пролетариата могут быть даже опасны и вредны общему делу освобождения России». Так, либеральная буржуазия колебалась между усилением оппозиции и опасением повторения «опыта 1905 — 1906 гг.», когда выступление пролетариата может быть опасным и вредным. Фактически, однако, буржуазия поворачивала вправо: в 1914 г. кадетская партия признала необходимой «систематическую поддержку октябризма

в конституционных вопросах», т. е. вступила на путь «действенного» искания какого-нибудь выхода с целью предупредить исход революционный.

Таким образом, все группировки буржуазии (о группировках, стоявших правее кадетов, особо говорить не приходится) занимали позицию, враждебную революционной борьбе рабочих. А в таком случае эта борьба рабочих, если и могла «толкать» буржуазию, то в сторону от революции, к соглашению с правостоящими группами для того, чтобы найти иной исход, нереволюционный. Так оно впоследствии и случилось.

Среди с.-р. определился дальнейший развал. Особенно показателен был их идейный разброд, говоривший о крушении народничества, как когда-то цельного учения. Столыпинская реформа, поставившая на карту существование общины, и без того разлагавшейся, должна была особенно остро поставить перед с.-р. вопрос о крестьянском общинном землевладении, на котором базировались их социалистические построения. Как быть с неподлежащим сомнению фактом разрушения, исчезновения общины? Ответ давался самый разнообразный. Одни, как, например, Суханов, наиболее склонный тогда к «ревизии» народничества, высказывались за признание неотчуждаемости общинной земли, т. е. фактически за прикрепление общинников-крестьян к земельному наделу, и на этой основе проектировали усовершенствование общинного землевладения (рациональное землеустройство, устранение чересполосицы и т. п.). Другие ставили в порядке дня «аграрную политику», советовали опуститься «с небес на землю», вмешаться в то переустройство жизни, которое совершалось в крестьянстве. Так, один из видных с.-р., Огановский, указывая, что в крестьянском хозяйстве происходит «аграрный переворот» — интенсификация его, противопоставил столыпинскому «землеустройству» «истинное землеустройство», которое должно устранить препятствия к интенсификации хозяйства и которое доступно и общинному землевладению, при полной реорганизации его системы переделов земли. Задача эта, по мнению Огановского, могла быть разрешена на почве столыпинской реформы, «небольшими поселками на сверстанной земле»: в таких поселках «возможно сохранение общинного начала», а реформированный передельный механизм в такой новой общине должен устранить возможность новой чересполосицы и вознаградить крестьян при обмене земли за улучшения, внесенные ими в свои участки. Огановский предлагал и ряд других мер к поднятию производительности крестьянского хозяйства (надельные и вненадельные аренды, расселение и переселение, мелиорацию и т. д.), но, очевидно, все они по существу имели в виду крестьянина-собственника, хотя и облекались в «общинные» формы, как и выдел из общины на поселки фактически признавал общину сходящей со сцены. О таких и аналогичных проектах Суханов правильно писал, что ими «принцип общинного землевладения был выдан головой — если не каждому отдельному домохозяину, то каждому отдельному сходу, фактически бессильному отстоять обще-

ственную собственность в случае претензии небольшой группы домохозяев». Такой же приговор, хотя и смягченный, произносит и историк эсеровской партии (Е. Сельский), отмечая «некоторые колебания в защите общины от насильственного ее разрушения тогда, когда земельный закон вошел в свою силу и общинное землевладение затрещало: тогда первоначальные искания средств сопротивления стали заменяться как бы примирением с фактом и исканием положительного на развалинах общины».

Официально-партийная точка зрения давала еще большие отклонения от традиций народничества. Она состояла в том, что разрушение общины не приносит с собой ничего, что могло бы заставить пересмотреть эсеровскую программу, ибо программа эта покоится «не на самом факте общинного землевладения, а на том комплексе идей, чувств и навыков, на всей той психологии, которая воспитана в крестьянстве всей предыдущей историей и всей практикой общинного землевладения». В развитие этих мыслей лидер с.-р. Чернов писал: «Община для нас важна, но в самой общине для нас всего важнее живущая в ней уравнительная тенденция, благодаря которой осуществляется право на землю... Иными словами, как ни важна для борьбы за нашу программу наличность среди нашего крестьянства форм общинной собственности, но форма эта — вовсе не единственная опора нашей программы... Не мертвые, общинные формы и не переживший их «традиционный» общинный дух нам важен, а аграрно-социалистическое сознание. И если где-нибудь мертвые общинные формы даже падут, разрушенные внешней силой или подкошенные собственной ограниченностью и тяжелым историческим наследием, наросшим на них, то в самом процессе их распада создастся духовное брожение, из которого вырабатывается аграрно-социалистическое сознание». Другие эти же мысли высказывали более просто: «Народные массы — в особенности массы деревенские, — писал Бунаков в 1914 г., — медленно и трудно расстаются со старыми порядками, привычными, понятными, даже в том случае, если последние устарели и отжили свой век. И с большой преданностью и большим воодушевлением держатся за них, если они полны жизни, движения и творческой способности приспособления к новому. Последнее и происходит теперь в русской деревне. Разрушается земельный строй, созданный веками, полный жизненных сил и способный перейти к высшим формам хозяйственной жизни... Все прогрессивные черты психологии и идеологии крестьянских масс — взгляд на землю и земельную собственность, элементы коллективизма и эгалитаризма — должны проявиться в творческом порыве, охватывая теперь деревню, в новых формах строящейся крестьянской жизни». «Я нисколько не опасаюсь того, — писал тогда же Огановский, — что вместе с общиной отомрут наши принципы, потому что они связаны с будущим, а не с прошедшим, крепко связаны с счастьем, а не с бедой трудящегося человечества».

Таким образом, получалось, что при общине — превосходно, а без общины — тоже недурно: «аграрно-социалистическое сознание»

может вырабатываться в крестьянстве на базе общины, но может вырабатываться и на базе разрушения общины, — «общинная» психология будет крепка и в том даже случае, когда она «отжила свой век», «принципы», до того прочно связанные именно с общиной, не отомрут просто потому, что они спаяны со «счастьем трудящегося человечества».

Эта растерянность мысли перед фактом разрушения общины неоспоримо свидетельствовала о совершенном вырождении утопического социализма и превращала его в мелкобуржуазную утопию, приспособленную на деле к интересам мелкого собственника. «Выдача головой» принципа общинного землевладения была фактически капитуляцией перед стремлением крестьянина — общинника по форме и собственника по всей психологии — выделиться из общины, капитуляцией, вернее отражавшей настроения крестьянства, чем идеализация общины или планы признания неотчуждаемости общинной земли. Такой же капитуляцией было и утверждение, будто программа с.-р. покоится не на факте общинного землевладения, а на психологии общинной, которая может сохраниться и без общины, при исключительном господстве частной собственности. Народничество — и старое, и новое — всегда исходило именно из факта общинного землевладения и из «психологии», неразрывно с этим «фактом» связанной, так что примирение с тем, что «факт» исчезает, не могло означать ничего другого, как примирение и с новой «психологией» мелкого собственника, покончившего с общиной, какими бы фразами это примирение ни прикрывалось. Но если община из программных построений исчезает, то что же остается от «социалистического крестьянства»? Наиболее последовательные из «ревизионистов» народничества не могли, конечно, успокоиться на том, что с исчезновением общины сохранится общинный «дух» крестьянства, и делали из этого положения такой вывод: «Трудовое крестьянство,— писал Суханов, — не есть класс социалистический по своей природе, т. е. организация крестьянства и крестьянское движение, направленное к защите крестьянских классовых интересов, не есть движение, реализующее общественный идеал коллективизма. С этим классом социалистическая партия не может слиться и не может связывать свою судьбу. Она может потерять его по дороге, ибо трудовое крестьянство, по своей природе, может быть не только другом, но и врагом социализма». Но если так, тогда что же остается социалистического в народничестве, которое «связало свою судьбу» с крестьянством?

Более чуткие из с.-р. сделали из этого и другой вывод, покидая не только точку зрения народничества, но и эсеровскую партию, и переходя в ряды социал-демократии. Партия в целом, однако, такого вывода сделать не могла, потому что, отражая и раньше настроения мелкобуржуазного крестьянства, она приспособлялась к отражению их и в новой для крестьянства обстановке. Кризис идеологии, живо захвативший отдельные партийные группы, прикрывался фразами социалистического благополучия, вроде крепости

крестьянской «психологии». Прикрывался он и боевой по виду, но пассивной по существу, тактикой. Мы видели, что террор прокламировался с прежней страстностью, хотя почвы для него уже не было. Такая же судьба постигла и бойкот выборов в Гос. думу. Несмотря на радикальное изменение общественной обстановки, официально-партийные круги эсеров продолжали стоять в 1912 г. на точке зрения бойкота выборов, как и в 1905 г. Анкета, предпринятая ЦК среди партийных организаций, выяснила, что большинство последних против участия в выборах, но за использование их «для указания путей революционной борьбы, для развития перспектив прямого политического действия, для организации масс для этого действия и для этой борьбы». Никакого такого использования выборов, конечно, не получилось, так как крестьянские массы вовсе не предпочитали «прямое революционное действие» участию в выборах. Несмотря на революционную формулировку, такая точка зрения, отражая оторванность с.-р. от массового движения, означала на деле также капитуляцию — на этот раз перед трудовиками, как правым народническим крылом. В итоге идейного разброда и капитуляции перед разрешением основных программных и тактических проблем совершен был еще один шаг к превращению в партию мелкобуржуазной демократии, которая в рабочем классе никаким успехом пользоваться не могла.

3. КРЕСТЬЯНСТВО

Столыпинская земельная реформа не внесла, конечно, «успокоения» в деревню. Правительство делало «ставку на сильного» крестьянина, хотело поощрением выдела из общины, создать «крепких» мелких собственников, которые стали бы опорою «порядка» в стране. Но ставка на «сильного» не могла не затронуть самым ближайшим образом интересов «слабого». Крестьянам предоставлялось переходить на личную земельную собственность «выходом из общины» да покупкой земли, но и то и другое не было по силам беднейшим крестьянам и значительной части середняков. Напротив, благодаря столыпинскому земельному закону, эти слои крестьянства попадали в новую зависимость от более зажиточных крестьян, которые всяческим давлением добивались раздела общинных земель, который был им выгоден. Поэтому наиболее активно стремились к выделу, с одной стороны, более зажиточные слои деревни, с другой — те крестьяне, которые все равно теряли связь с землей. Зажиточные стремились к захвату общинной земли, к закреплению за собой надельных излишков; пользуясь своей экономической силой и столыпинским законом, они ставили в необходимость выделиться и тех крестьян, которым выдел был невыгоден. Под давлением такой необходимости выделились и малоимущие хозяйства, а выделившись, прельщались покупкой земли через крестьянский банк, накопляли недоимки, так как не были в состоянии оплатить долг банку, лишались купленной земли, продавали свои земельные наделы. Для гро-

мадного большинства крестьян столыпинская реформа означала насильственное обезземеление в пользу кулаков, не принесла ему ничего, кроме нового разорения, и поэтому не устранила остроты для крестьянства земельного вопроса, не уничтожила той основной движущей силы, которая подняла в 1905 г. крестьянство на борьбу за землю. Вместе с тем, несмотря на глубокие изменения в строе крестьянской жизни, происшедшие под влиянием роста частной крестьянской земельной собственности, процесс радикального преобразования деревни не был еще доведен до конца. Оставалось еще крупное дворянское землевладение с господством дворян-помещиков, с земским начальником, со всей политикой правительства, старавшейся удержать власть дворянства над крестьянами; далеко не исчезли окончательно кабальные формы зависимости крестьянского хозяйства от помещичьего, нужда в аренде помещичьей земли, столкновения из-за потрав, наем к помещику на работы и т. д.; к этим старым формам экономического гнета присоединились новые — растущая сила кулака, захват им общинной земли, необходимость продажи ему надела.

Правительство, со своей стороны, не оставалось равнодушным к тому, как происходил выход из общины. Оно поощряло к выходу зажиточных крестьян, давало им всякого рода льготы и не отступало перед тем, чтобы силою заставить общинников пойти на раздел, когда они последнему сопротивлялись. А это, в связи с активностью зажиточного крестьянства, должно было обострить положение в деревне.

Так, в с. Арнаутовке Херсонской губ. в мае 1910 г. произошло столкновение между кулаками и обездоленными крестьянами. Кулаки не только скупили у бедняков землю чуть ли не по 25 р. за десятину, но и составили мирской приговор об отводе им лучших земель, пустив в дело мертвые голоса общинников, уже давно покинувших село. Беднота заволновалась, стала противиться разделу, но приехал губернатор, арестовал восемь «зачинщиков», и дело закончилось к удовлетворению кулаков. В одной из деревень Псковской губ. часть крестьян, не желавших выдела, оказала сопротивление землемеру в его работе, а на другой день в помощь землемеру подоспели урядник со стражниками, и крестьяне больше не сопротивлялись. В с. Лыково Могилевской губ. четверо богатых крестьян пожелали выйти из общины: общество, ссылаясь на малоземелье, протестовало, землемеров встретила толпа с палками и кольями. На следующий день прибыли стражники, под охраной которых землемер произвел выдел. В одном из сел Киевской губ. крестьяне, противясь выделу, уничтожили чертежи и планы; становой пристав доносил начальству, что при усмирении крестьян стрелять нельзя было, потому что в селе и толпе «сильное брожение». Но в других местах не было остановки и за расстрелами. В с. Болотовке Тамбовской губ. 60 домохозяев из общего числа 480 пожелали выделиться; большинство сопротивлялось этому, а на худой конец просило отложить нарезку земли до уборки урожая. Когда и эта просьба не была услышана, крестьяне

заявили, что не допустят до нарезки, прекратили толпой доступ к спорной земле. Исправник приказал стражникам дать залп — 6 человек были убиты на месте и 15 ранено. В д. Большая Атмень Казанской губ. при таких же обстоятельствах было убито 6 человек и ранено 10 и т. д.

Для крестьянской бедноты все эти бесчисленные столкновения служили хорошим уроком классовой борьбы, тем более, что они развертывались вокруг земли, а в этой борьбе правительство, во всеоружии своей власти, становилось на сторону кулаков. Наряду с этим обострялись и отношения между общинниками и выделившимися домохозяевами. «Общинники, — сообщают, например, из Казанской губ., — к лицам, укрепившим наделы в личную собственность, относятся с презрением, потому что каждый из них укрепил по одному наделу умерших душ, которыми до этого пользовалось общество. «Собственников называли ироническими кличками: «помещик», «барин» и т. п., задевая их всячески на улицах и базарах. В Казанском уезде укрепляющихся считают за самых последних людей и бойкотируют их при выборах на волостные должности». В Царевококшайском уезде, «общинники наносят собственникам частые побои», в другом уезде две трети из укрепившихся «получили побои», в третьем выделенцев «очень ненавидят, даже сулят красного петуха». «Как я первый укрепился, — сознавался один из выделившихся, — то за это было у меня много озорства; по ночам нельзя было ходить по деревне, били два раза, хотели облить керосином и зажечь». Из Воронежской губ. сообщали: «Крестьянам, выходящим на отруба, если бы кто пожелал выйти, грозят не пропустить через свои поля и таким образом как бы замкнуть на участке. . . Домохозяев, укрепившихся чересполосно, на сход уже не пускали». И такие сообщения в изобилии поступали из многих мест. «Закружались между собой судами из-за земли», писали из Пензенской губ. «Раздоров у обществ с выходами много», сообщали из Нижегородской губ. Отношения до того обострялись, что порою кулаки боялись получать надельные земли, не без основания опасаясь, что наделы эти у них отберут обратно. «Думают, что это нарочно, а потому покупать такую землю боятся», сообщали из Симбирской губ. «Боятся, говорят, что это долго не может просуществовать, что сыновья продавцов отнимут», писали из Саратовской губ. и т. д.

Так обострялась классовая борьба в деревне. К борьбе с помещиками присоединилась борьба между беднейшим крестьянством и кулаками на почве выделов. Неудовлетворенная нужда в земле большинства крестьян, растущая политическая активность на почве землеустроительной расправы правительства, обострение борьбы между беднотой и кулачеством — такова обстановка, которая создалась в результате столыпинской реформы. Она совсем не обещала скорого «успокоения» деревни. Силы, боровшиеся за землю, только перестроились, но сама борьба не становилась менее обостренной, и полностью сохранилась почва для нового массового взрыва крестьянского движения.

Процесс этот радикально расходился с народнической оценкой столыпинской реформы. Если крестьяне (не все, а часть их) противилась выходу из общины, то действовали они не по «общинному духу» своему, а под давлением малоземелья, из-за опасения совсем лишиться земли. С.-р. попрежнему смотрели на крестьянство, как на единое целое, — в действительности же столыпинская реформа обострила и классовое расслоение деревни, и классовую борьбу в ней. Вместе с тем, и крестьянское движение приобретало новые черты. Если в 1905 году, при общем фронте крестьянства против помещиков, отчетливо намечалась и сказывалась борьба в среде самого крестьянства, то теперь этого рода борьба получила все шансы усилиться за счет общего фронта. Округлившие свои участки кулаки, выделившиеся более крепкие «хуторяне» и прочие элементы крестьянства, выигравшие на столыпинской реформе, были сторонниками создавшегося земельного порядка, и если, со своей стороны, с аппетитом смотрели на помещичьи земли, то совсем не имели оснований быть сторонниками «уравнительного» землепользования, и, напротив, имели все основания относиться враждебно к земельному голоду бедняцких и середняцких крестьян, как и эти последние достаточно обнаруживали свое враждебное отношение к баловням столыпинщины. Все это создавало почву для крестьянского движения, с обострением борьбы внутри крестьянства. Движение это в предвоенные годы не приняло, однако, еще широких размеров, в частности и потому, что рабочее движение, со своей стороны, не приняло еще таких размеров и форм, которые могли бы оказать влияние на движение крестьянской массы. «Смычки» между этими двигателями, обеспечивающей успех революции, еще не было, но элементы ее были уже налицо.

4. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАСКОЛ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Наибольшее значение для дела революционной борьбы рабочих имели, конечно, тактика и вообще внутреннее положение в социал-демократической партии. В этом отношении разногласия между большевиками и меньшевиками, с подъемом рабочего движения обострясь еще в большей мере, привели обе части партии к окончательному расколу.

В оценке «текущего момента», третьеиюньского режима и связанных с ним революционных перспектив меньшевики продолжали стоять на старой позиции, исходя из своего понимания буржуазной революции. Оспаривая мнение Ленина, что в итоге 1905 г. монархия сделала еще шаг «на пути превращения в буржуазную монархию», Мартов доказывал, что такое превращение — дело будущего, что пока сделан шаг назад к разделу власти между абсолютизмом и землевладельческим дворянством и что этим созданы лишь благоприятные условия для мобилизации и организации тех социальных сил, которых исторической миссией является работать над созданием «буржуазной монархии». По мнению Мартова, решающая роль в

смене самодержавно-дворянского порядка принадлежала борьбе в среде имущих классов, буржуазии против дворянства. «Чем в более широких размерах, — писал Мартов, — будет происходить политическое соприкосновение и столкновение противоречивых интересов среди имущих классов, принимая характер классовой борьбы в общенациональных рамках, тем более рельефно будет выступать непригодность нынешнего режима для обслуживания интересов экономического и культурного развития, для руководства имущими классами в борьбе на международной арене, тем внутренне неустойчивее будет становиться весь режим, тем настойчивее будут стремления буржуазного класса к превращению его в режим действительного буржуазного конституционализма и тем, с другой стороны, неизбежнее и опаснее станут покушения справа на устранение этого неустойчивого и внутренне-противоречивого режима в целях возврата к формам чистого абсолютизма». Таким образом, как и раньше в построениях меньшевизма, в центре остается буржуазия, причем борьба ее направлена к превращению мнимого конституционализма в действительный буржуазный конституционализм, а исходным моментом борьбы буржуазии — парламентская борьба, «парламентские конфликты». Какова же роль пролетариата? Отвечая на этот вопрос, Мартов исходил из того, что борьба рабочего класса заставила «третьеиюньскую контр-революцию предоставить пролетариату некоторые жалкие крохи политических прав, минимальную и непрочную возможность открытой организации». Отсюда — «непосредственной ближайшей задачей рабочего класса является использование этих крох для организации своих сил на возможно широком базисе, для принятия организованного участия в борьбе общественных сил, порождаемой противоречиями современного режима». Выступая в качестве самостоятельной политической силы, оказывая давление на другие борющиеся силы в интересах продвижения влево «равнодействующей политического развития», пролетариат этим самым, по мнению Мартова, обеспечит «себе и преследуемым им целям наиболее благоприятное соотношение сил, наиболее благоприятную обстановку в момент общего кризиса нынешнего режима».

Роль пролетариата остается, стало быть, в 1912 г. такою же, какой была до 1905 года: он сохраняет свою самостоятельность и воздействием на другие борющиеся силы двигает их «влево», чтобы создать для себя наиболее благоприятную обстановку в момент революции. Наличность революционной ситуации в России меньшевики отрицали и наступление ее допускали в будущем, в результате обострения конфликта между буржуазией и дворянством. А до того рабочий класс должен организованно принять участие «в борьбе общественных сил, порождаемых противоречиями современного режима», т. е. буржуазии и дворянства, передвигать борьбу буржуазии влево, а для организации своих сил использовать легальные возможности, «жалкие крохи политических прав».

Отсюда — уже отмеченная выше пропаганда борьбы за «частичные лозунги» — свободу коалиции, печати и т. п., вплоть до выста-

вления при избирательной кампании в выборах в IV Гос. думу лозунгов всеобщего, равного и прямого избирательного права, «полновластного народного представительства» и «неограниченной свободы организаций и слова». Отсюда — задача, как ее в 1912 г. формулировал Аксельрод, «европеизировать, т. е. коренным образом изменить характер русской социал-демократии, как он сложился в дореволюционную и далее развивался в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии». Отсюда — пропаганда старой идеи рабочего съезда и в эти годы, когда Мартов в одном из своих писем петербургским товарищам выдвигал план агитации, которая подготовила бы «почву для созыва широкой конференции, рабочего съезда или какого-нибудь легального съезда».

Отсюда, и это, быть может, имело наибольшее значение, и, во всяком случае, приводило к наиболее острому столкновению взглядов, совершенная недооценка смысла и характера подъема стачечного движения рабочих. Орган меньшевиков «Луч» писал в 1912 г., что от частого употребления стачки, как орудие борьбы, могут притупиться и они вообще могут потерять свое общественно-политическое значение. «Петербургские рабочие подошли к этой грани, — писала газета. — Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт. Этот азарт свидетельствует только о том, что массы неспособны к систематическому действию, что они готовы до поры до времени нести тяжелые последствия репрессии, что они неспособны к постоянным каждодневным усилиям». «Чтобы бастовать, не нужно ничего, кроме минутного воодушевления, — писала «Наша заря» в 1913 г. — Бросил работу — забастовал, а там — авось победим. А если нет, завтра опять на работу: есть, мол, нечего. Нет, не таков путь борьбы. От голых лозунгов не падут стены Иерихона. Для того, чтобы научиться побеждать, надо прежде всего преодолеть синдикалистский метод борьбы: «не посмотрев в святцы, бух в колокол» — бастовать лишь для того, чтобы бастовать». И еще в 1914 г., после забастовок в связи с отравлением на заводе «Треугольник» «Наша заря», говоря о «крушении правдизма» (большевизма), писала, что «рабочие массы инстинктивно почувствовали всю нецелесообразность чрезмерного обострения положения в данный момент и всю опасность изолированного выступления рабочих», — не предусмотрев, что и апрель, и май, и в особенности июль 1914 г. дадут новые и еще более яркие доказательства не разочарования рабочих в борьбе, а готовности их бороться дальше.

Разумеется, в рабочем движении 1912 — 1914 гг. не было никакого «стачечного азарта», никакой «стачечной гимнастики». Сама же «Наша заря» по поводу мартовских стачек 1914 г. писала, что целым рядом событий (отравление работниц, убийство рабочего на демонстрации, закрытие союза металлистов, предпасхальный «карательный» локаут) рабочая масса была доведена до «белого каления». Что же ей можно было рекомендовать? Укреплять профсоюзы? Протестовать резолюциями? Давать материал для запросов с.-д. фракции

в Думе? Но профсоюзы закрывались правительством как раз тогда, когда пытались организовать стачки; запросы клались под сукно, а на резолюции и тем менее обращалось внимание. Стачки вызывались не «азартом», не агитацией, а просто ростом рабочей массы, для которой внешние условия ее существования становились нестерпимыми; активность, проявлявшаяся массой, была отражением обострения противоречий третьеиюньского режима, назревания революционного кризиса, готовности рабочего класса поднять знамя борьбы, опущенное после 1905 года. Рабочая партия должна была учесть эти изменения в настроении рабочих, поставить их в основу оценки положения в стране и своей тактики, которая, организуя движение, придала бы ему большую силу. Разговоры же о «стачечном азарте», о том, что «бросил работу — забастовал, а там — авось победим», о разочаровании рабочих и т. п. нисколько, конечно, не организуя движение, вносили в него разложение, как такое же разложение вносило противопоставление легальных возможностей подпольной организации, экономических стачек — политическим, требование, чтобы экономическая борьба не осложнялась политическим моментом, и т. д.

Позиция большевиков, закрепленная на парижской конференции 1908 г., в основном осталась неизменной и для времени, о котором у нас идет речь. Пражская (январь 1912 г.) конференция, подтвердив резолюцию парижской конференции о третьеиюньском режиме, гласила: «В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910 — 1911 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д., — все это есть проявление нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июля. Конференция, исходя из всех этих данных, подтверждает те стоящие перед партией задачи, которые подробно указаны в резолюции декабрьской 1908 года конференции, особо указывая, что задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается попрежнему задачей демократического переворота в России». Особое внимание конференция обращала на: «1) то, что на очереди дня как и раньше, стоит прежде всего длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата; 2) на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РС-ДРП, использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата, и единственно могущей руководить все учащающимися политическими его выступлениями; 3) на необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии. Республиканская пропаганда против царской монархии должна быть особо выдвинута, между прочим, и в противовес широко ведущейся пропаганде укорочения лозунгов и ограничения работы рамками существующей

«легальности». В развитие последнего положения конференция выдвинула главными лозунгами в избирательной кампании в IV Гос. думу: 1) демократическую республику, 2) 8-часовой рабочий день и 3) конфискацию всей помещичьей земли.

В противоположность меньшевикам, Ленин утверждал, что Россия переживает революционное состояние и что никакого иного разрешения противоречий, кроме революции, быть не может. «Россия переживает революционное состояние, — писал Ленин в 1913 г., — потому, что угнетение громаднейшего большинства населения, не только пролетариата, но и девяти десятых мелких производителей, особенно крестьян, обострилось в максимальной степени, причем этот обостренный гнет, голодовки, нищета, бесправие, надругательство над народом находится в вопиющем несоответствии и с тем состоянием производительных сил России, и с степенью сознательности и требовательности масс, пробужденных 1905 годом, с положением дел во всех соседних, не только европейских, а азиатских странах . . . Политический кризис общенационального масштаба в России налицо, и притом это — кризис такой, который касается именно основ государственного устройства, а вовсе не каких-либо частностей его, касается фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа. И сколько бы ни болтали наши либералы и ликвидаторы фраз на тему о том, что «у нас есть, слава богу, конституция», и что на очереди дня те или иные политические реформы (тесной связи первого положения со вторым не понимают только очень недалекие люди), сколько бы ни лилось этой реформаторской водицы, — а дело остается в том положении, что ни единый ликвидатор и ни единый либерал не может указать никакого реформаторского выхода из положения. И состояние масс населения в России, и обострение их положения новой аграрной политикой (за которую, как за последнее спасение, должны были схватиться крепостники-помещики), и международные условия, и характер создавшегося у нас общеполитического кризиса — вот та сумма объективных условий, которые делают положение России революционным вследствие невозможности решить задачи буржуазного переворота на данном пути и данными (правительству и эксплоататорским классом) средствами».[1]

С этой точки зрения, Ленин подходил и к оценке стачечного движения. «Факт массовых, перекидывающихся из района в район забастовок, — писал Ленин в июне 1912 г., — громадный рост их, быстрота распространения, смелость рабочих, учащение митингов и революционных речей, требование отменить штраф за празднование первого мая, знакомое нам по первой русской революции сочетание политической и экономической стачки, — все это с очевидностью указывает на истинный характер движения, состоящий в революционном подъеме масс».[2] «Ни угнетение низов,

[1] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 155—156.
[2] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. I, стр. 186.

ни кризис верхов не создадут еще революции, — они создадут лишь гниение страны, если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания, — писал Ленин в июле 1913 г. — Эту роль действительно передового, действительно поднимающего массы на революцию, действительно способного спасти Россию от гниения, класса и играет промышленный пролетариат. Эту задачу он и осуществляет своими революционными стачками». [1]

Революционный характер стачечного движения был отмечен и партийным совещанием (большевиков) в Кракове в декабре 1912 г. «Особенного внимания заслуживает характер стачечной борьбы 1912 г., — говорит одна из резолюций совещания. — Рабочие выставляют в ряде случаев экономические и политические требования одновременно, полоса экономических стачек сменяется полосою политических и обратно. Борьба с капиталистами за отнятые контрреволюцией завоевания 1905 года и растущая дороговизна жизни поднимают новые и новые слои рабочих, ставя перед ними политические вопросы в самой острой форме. Все эти виды соединения и переплетения экономической и политической борьбы являются условием и залогом мощи движения, создавая массовую революционную стачку . . . Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеиюньской политики царизма. Эта политика не смогла удовлетворить даже самую угодливую крупную буржуазию. А положение масс народа стало еще более бесправным, особенно для угнетенных национальностей, крестьянство же снова доведено до голодовки миллионов и миллионов. При таких условиях революционные массовые стачки представляют исключительную важность еще и потому, что они являются одним из самых действительных средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства, пробуждения его политической самодеятельности, вовлечения его в возможно более дружные, одновременные и широкие революционные выступления». В связи с таким пониманием стачечного движения январская конференция 1912 г. находила необходимым «самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве экономической борьбой» рабочих, а декабрьское совещание того же года выдвигало «всестороннюю поддержку революционных массовых стачек, а также развитие и организацию всякого вида революционных выступлений масс».

Как видим, разногласия между большевиками и меньшевиками углубились до последней степени, сказываясь в расхождении по всем основным тактическим вопросам. Январская конференция (1912 г.) (большевиков) сделала из такого положения организационный вывод, признав, что ликвидаторы «окончательно поставили себя вне партии». Такие же выводы сделала конференция мень-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 156.

шевиков в августе 1912 г., создав свой центр (организационный комитет). Формальный раскол партии стал, таким образом, фактом. Между двумя частями когда-то единой партии оставалась только одна связь — в с.-д. фракции Гос. думы. Но так как разногласия, естественно, обострялись и во фракции, то формальный раскол в этой последней оставался лишь делом времени. 29 октября 1913 г. «шестерка» депутатов-большевиков объявила об образовании самостоятельной фракции, и, таким образом, была порвана последняя связь, а раскол оформлен до конца.

Что касается рабочего движения, то влияние в нем все больше переходило к большевикам, которые имели и то преимущество, что сохранили свой партийный центр, партийную и подпольные организации, в то время как меньшевизм организационно приходил в состояние разложения: в одном из писем своих (август 1912 г.), говоря об избирательной кампании, Мартов писал, что в сущности она для меньшевиков потеряна «в смысле возможности в ходе ее выбиться из тисков кружкового бессильного существования». Не лучше сложились обстоятельства для меньшевиков и в легальных формах деятельности. После 1905 г. не прекращали своего существования самые разнообразные легальные рабочие общества — профсоюзы, кооперативы, просветительные общества. Но наибольшее значение имели легальные рабочие газеты («Звезда», «Правда» и последующие названия у большевиков, «Луч» и последующие названия у меньшевиков), которые, несмотря на непрекращающиеся репрессии, выходили с 1911 по 1914 г., освещали рабочую жизнь, переносили в массу споры по основным вопросам, разделявшим меньшевиков и большевиков, поднимая ее политическое сознание и активность, организуя вокруг газет передовые слои рабочих, а через них и более широкие массы. Большевики и здесь, опираясь на нелегальные организации и связь последних с рабочими, получили возможность «использовать» легальные рамки работы в более широкой степени. Вот как характеризовал, например, Мартов в июле 1912 г. положение рабочих газет в одном из своих писем: «Наша газета гибнет, не встречая активной поддержки ни моральной, ни материальной за пределами нескольких кружков. Сопоставление денег, собранных (для передачи в думскую фракцию) в пользу голодающих и ленцев через нашу газету и через «Звезду» наводит на убийственные размышления. Через «Звезду» собраны суммы в десять раз большие. Значит, читатель «Звезды» не только ее «почитывает» или употребляет на цыгарки, но и помогает ей сборами на фабриках и т. д., и наш читатель, наверное, вычитывает из газеты то, что ему нужно для его индивидуальной деятельности в рабочей среде — и о газете не думает . . . Прямо поразительно, что после двух лет создания в Москве «Возрождения» и «Дела жизни» с отъездом их редакции, в Москве не осталось никаких организационных опор для серьезной поддержки газеты и других меньшевистских начинаний».

В «тисках кружкового бессильного существования» меньшевизм

*

мог, конечно, только терять свое влияние и через газеты, и через легальные организации. Для такого положения наиболее характерна потеря меньшевиками руководящей роли в профдвижении как раз в годы подъема общего рабочего движения. Не говоря об отдельных более мелких союзах, в 1913 г. большевики одержали верх при выборах в правление петербургского союза металлистов, что, при руководящей роли металлистов в рабочем движении, было равносильно удару по всей линии профсоюзной работы меньшевиков. Таким же успехом для большевиков закончились и выборы от рабочих в Страховой совет (в начале 1914 г. по закону о страховании рабочих), что равносильно было их преобладающему влиянию на страховое рабочее движение. Закрепление влияния в легальных организациях, при сочетании деятельности в них с работой в нелегальной партийной организации, фактически передавало в руки большевиков руководство массовым рабочим движением в тех, разумеется, размерах, какие допускались условиями того времени, при чрезвычайно разросшемся движении и при непрочности существования, в условиях беспрерывных репрессий и легальных, и нелегальных организаций.

Г Л А В А   Т Р И Н А Д Ц А Т А Я

ГОДЫ ВОЙНЫ

1. МИРОВАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Мировая катастрофа, принявшая неслыханные размеры мировой бойни, привела к глубокому кризису международного рабочего движения. Партии Второго интернационала, предусматривавшие не только возможность, но и неизбежность мировой войны, признавшие на трех съездах (в Штутгарте, Копенгагене и Базеле) необходимость борьбы с войной, в громадном большинстве своем войну приняли, заняли «патриотическую» позицию, стали каждая на точку зрения защиты своей страны и тем привели к развалу Интернационала и к разложению рабочего движения. Фактически победа осталась за реформизмом, который и раньше проникал во всю деятельность социал-демократии, органически сплетая всю ее деятельность с буржуазной государственностью, борьба с которой на словах превращалась на деле в ее укрепление. Левое крыло в Интернационале было немногочисленно, а центр бережно хранил традицию ортодоксальной фразы, сам поддаваясь напору ревизионизма. И, когда настал час решения, выбора пути — направо или налево, — здание Интернационала развалилось, и сам Интернационал был признан Каутским инструментом, годным лишь для мирного времени.

Развал этот нашел широкое отражение в России. Значительная часть меньшевиков и с.-р. стали на точку зрения обороны, защиты отечества. Все оттенки оборонческих мнений сходились на том, что Антанта являет собой в войне «демократию», а Германия — реакцию, что поражение России приведет к порабощению ее Германией, к задержке ее экономического развития, что рабочий класс должен поэтому принять участие в предотвращении разгрома страны, в деле ее защиты. Плеханов доказывал, что Россия ведет «национальную войну», которая «грозит ухудшением условий существования всей русской «нации», т. е. всей нашей трудящейся массе». «Наша революционная обязанность заключается в том, — писал Плеханов, — чтобы всеми доступными нам способами выяснять нашей трудящейся массе вообще и нашему пролетариату в частности, что царизм, так много вредящий России во всех других отношениях, страшно ослабляет ее способность дать надлежащий отпор политике германских империалистов». Плеханов доказывал, что Россия ведет не только «национальную», но и «справедливую» войну: «мы нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается

нападению, или, другими словами, если она ведет необходимую, справедливую войну». Авторы оборонческого сборника «Самозащита» пытались обосновать патриотизм марксизмом, утверждая, что патриотизм является необходимой предпосылкой интернационализма, что последний мыслим лишь как «вершина, венчающая целую гору гражданских переживаний в национально-государственном масштабе». Отсюда было совсем близко до проповеди «национального единения», «гражданского мира», так что если царизм мешает обороне, то и его «свергнуть» нужно с осторожностью, чтобы не ослабить обороноспособности страны.

Когда промышленники организовали военно-промышленные комитеты для содействия войне, оборонцы призывали рабочих принять участие в этих комитетах. В декларации рабочей группы Центрального (Петроградского) военно-промышленного комитета заявлялось, что, «оставаясь на своей международной позиции, сознательные рабочие России не могут быть безразличными к нынешнему положению страны: кровно более, чем имущие классы, рабочий класс заинтересован в спасении страны от разгрома и гибели». Декларация вместе с тем заявляла, что считает «очередной задачей рабочего класса, всей демократии и всех искренних сторонников спасения страны — борьбу за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, за немедленное осуществление всех гражданских свобод» и т. п. Очевидно, что такой лозунг оставался совершенно непримиримым с основной линией оборончества, так как борьба за учредительное собрание могла быть только революционной борьбой, могла внести такое потрясение страны, какого оборонцы, в целях именно обороны, должны были избегать. Более, чем эти левые фразы, соответствовало оборонческой позиции выставление старого меньшевистского требования о созыве всероссийского рабочего съезда и старая формулировка отношения меньшевиков к буржуазии — указание, что, «ведя решительную борьбу за указанные требования, рабочие будут поддерживать всякий действительный шаг буржуазных кругов по пути раскрепощения страны». Впрочем, и это последнее заявление плохо мирилось с характеристикой, какую декларация давала буржуазии: «предпринимательские организации, объединенные Центральным военно-промышленным комитетом, — читаем в декларации, — все время войны только прикрывались флагом обороны, а на деле питали завоевательные планы, стремились к захвату проливов и Константинополя, к отторжению Галиции и т. п.». «Раскрепощение страны», которое к тому же буржуазия мыслила вовсе не через созыв Учредительного собрания, а соглашением с монархией, она прежде всего и использовала бы для реализации своих завоевательных планов, так что поддержка рабочим классом буржуазии была бы на деле поддержкой этих ее планов. Положение это было вполне оправдано в ходе Февральской революции, когда рабочий класс с первых же месяцев повел борьбу с завоевательными планами буржуазии и когда вообще оказалось, что «раскрепощение

страны» — одно для буржуазии и совсем другое для рабочего класса.

Деятельность рабочих групп покоилась на «гражданском мире». В особенности это сказалось на отрицательном отношении к стачечному движению, как к вредному для дела обороны. На совещании областных военно-промышленных комитетов в мае 1916 г. группа высказалась отрицательно о забастовках, противопоставив им примирительные камеры. Историк рабочих групп (Маевский) так характеризовал отношение их к стачечной борьбе рабочих: «Единственная форма движения, которую с помощью большевиков и тянувшихся за ними полубольшевиков издавна усвоили некоторые круги петроградских рабочих, — стачкизм, по мнению группы и ее сторонников, для данного времени в условиях войны, остро поставившей перед страной задачу самозащиты, представлял собою форму движения наименее активную и наименее действительную».

Другая часть меньшевиков (Аксельрод, Мартов и др., как и примыкавший к ним Троцкий), не принимая точки зрения обороны отстаивали лозунг прекращения войны и заключения мира. Некоторые из них (Троцкий в большей мере, Мартов — в меньшей) считали, что в порядок дня поставлена задача завоевания власти пролетариатом, борьба за социализм. Мартов писал, например, в одном из писем: «Вне постановки на непосредственную очередь дня проблемы завоевания политической власти пролетариатом наша политическая мысль вынуждена биться в тисках реформистских проблем». Интернационалисты, решительно высказываясь против лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую и против «пораженчества», были по сути дела стыдливыми оборонцами. Выступая против Ленина и его проповеди беспощадной борьбы с оборонцами, они под предлогом защиты «единства партии» отказывались порвать с русскими оборонцами и этим поддерживали позицию последних. Интернационалисты принимали вместе с большевиками участие в конференциях (в Циммервальде и Кинтале) левого крыла Второго Интернационала. Течения эти не были влиятельны, так как находили мало сторонников в России.

Ленин, и вслед за ним большевики, отвергая «национальный», оборонительный характер войны и оборону, отвергал вместе с тем и голый лозунг мира. Войну он расценивал как империалистическую, указывал, что именно эту войну социалисты предсказывали и к борьбе с ней призывали. В тезисах («7 пунктов»), составленных в августе 1914 г. и пересланных в Россию, Ленин писал: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран... стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариат всех стран, натравить наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны».[1] В частности,

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, изд. 3-е, стр. 447.

полемизируя с оборонцами по вопросу о русском «патриотизме», о «чувстве национальной гордости», Ленин решительно отвергал мысль о пагубных последствиях поражения для России. «И мы, великорусские рабочие, — писал Ленин, — полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего общества, т. е. худших врагов нашей родины; нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^9/_{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $^9/_{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами». [1] Такое же положение устанавливалось в упомянутых тезисах: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великороссов над другими национальностями и для укрепления реакции и варварского правительства царской монархии». [2]

Однако Ленин не принимал голого лозунга поражения, как и не принимал голого лозунга борьбы за мир. Он доказывал, что международный социализм, если пожелает остаться верным им же провозглашенным принципам, должен повести активную борьбу не только для того, чтобы положить конец войне, но и для того, чтобы империалистическую войну превратить в гражданскую войну, в исходный момент для борьбы за социализм. «Оппортунисты, — говорилось в манифесте о войне ЦК РС-ДРП, составленном в самом начале войны, — сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленной проповедью гражданской войны и социальной революции».[3] «Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны, — писал Ленин. — Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен штутгарт-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 82.
[2] Там же, стр. 46.
[3] Там же, стр. 64.

ской и базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну».[1] «Война наших дней есть народная война, — продолжал Ленин. — Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы . . . Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций». [2] Таким образом, не просто поражение царизма в войне, не «мир во что бы то ни стало», не «мир без аннексий и контрибуций», а превращение войны в гражданскую войну, в революцию, которая одновременно кладет конец и войне, и буржуазному порядку. Поэтому упомянутые тезисы в качестве лозунга с.-д. выдвигали: «всесторонняя, распространяющаяся на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран». [3]

Свое понимание войны и связанной с ней тактики Ленин изложил в конце 1915 г. в особых тезисах (11 пунктов). Важнейшей задачей революционной с.-д. тезисы считают развитие начавшегося стачечного движения рабочих под лозунгами демократической республики, конфискации помещичьей земли, 8-часового рабочего дня, прекращения войны и «призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны», «за союз международного пролетариата для социалистической революции». Лозунг Учредительного собрания, как самостоятельный лозунг, неверен, так как его может принять (как это было в 1905 г.) и буржуазия, толкуя его в смысле Учредительного собрания, созванного царем; правильнее поэтому лозунг «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьих земель и 8-часов. рабочий день), предполагающий победу революции и революционное происхождение Учредительного собрания. «Социальным содержанием ближайшей революции в России, — читаем дальше в тезисах, — может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством . . . Задача пролетариата

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. XVIII, стр. 70.
[2] Там же, стр. 70—71.
[3] Там же, стр. 46.

России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России; для первой задачи сотрудник — мелкобуржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран». Участие с.-д. во временно-революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией тезисы считают допустимым, но не с революционерами-шовинистами, оборонцами, борьбу с которыми Ленин считал одной из главных задач. В заключение тезисы ставили вопрос, что сделала бы партия пролетариата, если бы к ней перешла власть во время войны, и отвечали: «Мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам».[1] Обобщая эти выводы, Ленин писал в ноябре 1915 г. в «Социал-демократе»: «Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то-есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «не пролетарских народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодального «империализма» (-царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельскими рабочими, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы».[2]

Как видим, война провела еще более глубокую борозду между большевиками и меньшевиками, причем углубление разногласий на этот раз отражало общий развал Второго интернационала, расколовшегося на реформистское большинство в каждой партии, на немногочисленную оппозицию восторжествовавшему реформизму (часть участников циммервальдской и кинтальской конференций — Гримм, Ледебур, русские меньшевики-интернационалисты и т. д.) и на революционное крыло, позднее оформившееся в Коминтерне.

Взгляды большевиков в начале войны не получили в России

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 311 — 313.
[2] Там же, стр. 318.

широкого распространения. 4 ноября 1914 г. пять депутатов большевиков (вместе с членом ЦК Каменевым) были арестованы на совещании при обсуждении тезисов (в 7 пунктах) Ленина, преданы суду и в феврале 1916 г. осуждены на ссылку в Сибирь. Это нанесло удар большевистским организациям, так как фракция, находившаяся в тесной связи с ЦК, играла крупную роль в движении, кроме того, организации вообще были сильно ослаблены арестами. Заграничная литература первое время почти совсем не притекала в Россию, и только позже восстановлена была связь с заграничным центром. Поэтому в начале войны лишь в Петрограде удалось восстановить организацию, в Москве же и в провинции имелись отдельные группы, не связанные между собой и с заграничным центром. Оживление в партийной деятельности началось, примерно, с 1916 г., и с этого же времени стало усиливаться влияние большевиков путем восстановления как партийных организаций, так и связей с профсоюзами. Что касается меньшевиков, в особенности оборонцев, то поле деятельности их было шире: они сохранили легальную печать, и в их руках были рабочие группы военно-промышленных комитетов, которые развили свою деятельность, главным образом, в направлении организации бирж труда, примирительных камер и всякого рода продовольственных организаций. Влияние групп в некоторых рабочих слоях, однако, неизменно падало. Биржи труда, примирительные камеры, продовольственные организации не приносили рабочим никакого облегчения. Отрицательное отношение групп к стачкам совершенно расходилось с настроением рабочих масс, которые именно путем стачек надеялись добиваться и на деле добивались увеличения своего заработка. Проповедь «гражданского мира» находилась в таком же противоречии со всем политическим положением в стране — с господством распутиновщины, военщины, с народно-хозяйственным развалом и политическим гнетом, которые рабочая масса испытывала на себе сильнее всего. Ряд профсоюзов не только в Петербурге, но и в провинции, занимают враждебную по отношению к рабочим группам позицию, отказываются от сношений с ними. Большевики вели все время борьбу с группами, меньшевики-интернационалисты также требовали (в Петрограде) роспуска групп и выхода их из военно-промышленных комитетов. В итоге рабочее движение возобновилось и росло мимо групп.

2. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Война могла воздействовать на рабочее движение разлагающим образом. Мобилизации вырывали из рабочей среды многочисленные кадры, по преимуществу наиболее активного молодняка; выбывавших из строя заменяли на предприятиях свеже притекавшие из деревни рабочие, еще новички в рабочей борьбе; репрессиями разгромлены были профсоюзы и партийные организации; темп политической жизни страны вначале — в первый год войны —

замер почти окончательно, а «патриотическая» проповедь отравляла сознание рабочих и убивала в них волю к борьбе. Где недостаточно было всего этого, там с успехом действовали военный режим на предприятиях, система отсрочек по призыву в армию для военнообязанных, прикреплявшая рабочих к заводам и угрожавшая за каждое выступление отправкой на фронт, в окопы.

Можно было думать, что действие всех этих условий, в их совокупности, придушит рабочее движение окончательно. На это твердо рассчитывали и правительство, и буржуазия. «В каких-нибудь два-три дня трудовая армия России мобилизовалась около своих рабочих станков. Более быстрой и более поучительной мобилизации мы не знаем», писали в своем органе московские фабриканты в начале войны. Министр внутренних дел Маклаков, донося о ничтожном числе бастовавших 9 января 1915 г., писал: «Ничтожное по сравнению с предшествовавшими годами число бастовавших 9 сего января наглядно доказывает, насколько разумнее и спокойнее относятся рабочие к волновавшим их прежде событиям, и свидетельствует с несомненностью, что, в связи с общим воодушевлением народа вследствие войны, фабрично-заводские мастеровые перестали подчиняться слепо прежнему вредному влиянию социалистических агитаторов». Ликование было, однако, преждевременно. Если условия войны по началу действовали разлагающе на рабочее движение, то с дальнейшим их усложнением они, напротив, его усилили и подняли до небывалой высоты, с которой оно, обрушившись на старый порядок, его окончательно разрушило.

Благотворным, с точки зрения правительства и буржуазии, действие войны было только в первые ее месяцы. Если в довоенные месяцы 1914 г. бастовало 1 327 895 рабочих, то в военные месяцы этого года их бастовало 9 561, — в таком колоссальном падении числа бастовавших сказалось разрушительное влияние войны. Но уже с 1915 г., в особенности со второй его половины, стачечное движение снова ширится. Общие данные о числе бастовавших в 1915 и 1916 гг., по сравнению с двумя предшествовавшими годами, приведены в следующей таблице:

ЧИСЛО УЧАСТНИКОВ СТАЧЕК

Годы	Экономич.	Политич.	Всего
1913	323 690	563 372	887 062
1914	278 347	1 059 111	1 337 458
1915	383 358	156 170	539 528
1916	646 785	310 290	957 075

Как видим, в 1915 г., и в особенности в 1916 г., стачечное движение снова поднялось на большую высоту. Число бастовавших в 1915 г. не на очень много отстает от 1913 г., а число бастовавших в 1916 г. — от 1914 г., доходя до миллиона. В частности, число участников экономических стачек уже в 1915 г. перегнало и 1913 и 1914 гг. В общем, число участников экономических стачек в годы войны превышает число участников стачек политических: если в

1913 г. первые составляли 36,4% всего числа бастовавших и в 1914 г.— 20,8%, то в 1915 г. — 71,0% и в 1916 г. — 67,5%.

Экономическая борьба рабочих принимает значительные размеры уже в начале 1915 г. Если в военные месяцы (август-декабрь) 1914 г. бастовали всего 9 561 рабочих, то в первую треть 1915 г. их бастовало по экономическим поводам 66 334, а во вторую треть — 172 574. В этом сказалось уже не отрицательное, а положительное воздействие войны на рабочее движение. Как раз с 1915 г. начинает постепенно обостряться продовольственное положение страны, а со второй половины этого года Россия вступила в полосу все усиливавшегося продовольственного кризиса. Цены не только на продукты потребления, но и на все товары сильно возрастали, жизнь дорожала, заработка не хватало на удовлетворение самых необходимых потребностей, — рабочие стали бастовать с целью добиться более высокой платы. В дальнейшем, с обострением продовольственного кризиса, обостряется и экономическая борьба, захватывая все большее число рабочих: в первой трети 1916 г. по экономическим поводам бастовало до 280 тыс. рабочих, во второй трети — до 220 тыс.

Было бы, однако, ошибочным, если бы на основании преобладания экономических стачек мы свели борьбу рабочих в годы войны на одну «экономику», к борьбе «за пятачок». Экономическая борьба в эти годы носила особый характер и далеко не была обычной борьбой на экономическом фронте. Вздорожание жизни, нараставшее в катастрофическом темпе, было порождением войны и отражением глубокого народно-хозяйственного и продовольственного кризиса в стране; предъявляя к фабриканту требования о повышении платы, рабочие по необходимости видели и все, что находится за пределами фабрики, сталкивались вплотную и со всей политикой царизма, разлагавшей страну, и с войной, страну добивавшей; заработная плата, увеличенная сегодня, уже завтра отставала от дороговизны, и борьбу нужно было возобновлять, чтобы потом снова убедиться в необходимости ее продолжать и в невозможности преодолеть продовольственный кризис без преодоления войны и царского гнета. Экономическая борьба, таким образом, далеко выходила за пределы чистой, так сказать, «экономики» и по сути дела была борьбой политической. С другой стороны, в «патриотическом» окружении, под хор патриотов и оборонцев всякой окраски, проповедывавших пагубность стачки для дела обороны страны, на виду военной диктатуры, передавшей власть над предприятиями военщине и угрожавшей за стачку отправкой в окопы, бастовать даже по экономическим поводам было не так легко и просто. Для того, чтобы забастовать, нужно было преодолеть все эти внешние и внутренние преграды, осилить гипноз военной обстановки, освободиться от «патриотических» фраз и чувств, оторвать себя от окружения, которое требовало покорности судьбе и смирения во славу империалистической войны. Экономическая борьба требовала, таким образом, классовой, политической активности и была выражением не только стремления рабочей массы поднять уровень своей жизни, но и политической

активности этой массы. Поэтому если и в прошлом рабочего движения экономические стачки служили базой, на которой развивалась политическая борьба в сплетении с борьбой экономической, то теперь такое сплетение было еще более тесным, и экономическая борьба сразу же и в самом существе своем становилась фактором политического пробуждения и выступления рабочей массы.

В качестве иллюстрации мы приведем здесь один пример — борьбу рабочих Путиловского завода. Вопрос о повышении расценок поднимался путиловцами много раз в 1915 г., особенно настойчиво — весной и летом этого года. Заводоуправление шло на частичные уступки, которые, однако, мало удовлетворяли рабочих, 4 февраля 1916 г. забастовали 230 рабочих электрического цеха (всего на заводе работало в это время свыше 21 тыс. рабочих), предъявив экономические требования. Со стороны заводоуправления последовал не только отказ, но и расчет всех рабочих мастерской. Последняя мера привела к тому, что 5 февраля бастовали уже 6 тыс. рабочих, а вечером того же дня начальник военного округа Туманов объявил о закрытии завода и об отправке военнообязанных в распоряжение военных властей.

9 февраля на Путиловском заводе начался новый прием рабочих, причем 120 человек оказались уволенными. 9 и 10 февраля работы на заводе возобновились, но 10-го часть рабочих предъявила требования: 1) освобождения арестованных, 2) возвращения на работу 120 уволенных и 3) отмены призыва военнообязанных. Заводоуправление обещало удовлетворить два последних требования, отклонив первое, как не входящее в его компетенцию. Рабочие работ не прекращали, но в ближайшие дни часть их (свыше 3 тыс. человек) предъявила экономические требования, дав заводоуправлению срок для ответа до 17 февраля. Частичные уступки не удовлетворили рабочих, и 17 — 18 февраля забастовали четыре отделения завода. 22 февраля рабочими шрапнельного отделения было предъявлено требование освобождения арестованных, в тот же день в нескольких мастерских на тачках были вывезены мастеровые, а в шрапнельной мастерской вывезли на тачке одного из помощников директора завода. В тот же день, 22 февраля, опубликовано было объявление Туманова о закрытии ново-снарядного, ново-механического, башенного и вагонного отделений, «за прекращением работ, в течение трех дней», и пушечной мастерской и шрапнельного отделения — «за насилия». 23 февраля был вывезен на тачке начальник кузнечной мастерской, а начальнику котельной мастерской был причинен «ушиб». 23 же февраля, в одном объявлении Туманов извещал о закрытии всего завода, в другом — о призыве военнообязанных, причем в первую очередь призывались ратники сроков службы 1915 и 1916 гг., из прочих — родившиеся в 1895 и 1896 гг., т. е. рабочая молодежь. Принята была и более решительная мера: 29 февраля, по постановлению председателя особого совещания по обороне Поливанова, Путиловский завод был передан в казну. Среди рабочих вся эта система репрессий, примененных к путилов-

цам, вызвала сильнейшее возбуждение. Уже с 9 февраля на заводе «Новый Лесснер» собралась сходка, на которой обсуждался вопрос о забастовке, с целью поддержать путиловцев. 29 февраля такие же митинги состоялись на некоторых заводах и в тот же день забастовали ночные смены заводов «Новый Лесснер» (1 800 рабочих) и минного (1 500 рабочих). 1 марта забастовали около 37 тыс. рабочих на 28 предприятиях.

Эти стачки рабочих Путиловского завода типичны для всего экономического стачечного движения того времени. Путиловские рабочие бастовали много раз, предъявляя разного рода экономические требования. Заводоуправление и власти, делая некоторые уступки, которые не могли, однако, ни в какой мере «успокоить» рабочих, пускают в дело репрессивные меры. Рабочие неизбежно наталкиваются на этот аппарат репрессий — и стачка, начавшаяся с десятков рабочих, охватывает тысячи, требования повышения расценок усложняются требованиями освобождения арестованных и возвращения на работу уволенных. Дальше — больше. Завод закрывается, передается в казенное управление, военнообязанные отправляются на фронт. От экономической забастовки до окопов — такова непрерывная цепь, связывавшая экономическую борьбу рабочих с основными вопросами войны. Другой цепью — забастовкой поддержки и сочувствия на прочих предприятиях — эта экономическая борьба связывалась со всем политическим положением в стране, становилась и по форме борьбой политической.

На широкой базе экономического движения должно было развиться столь же широкое политическое движение. Как и раньше, вопрос сводился и теперь к тому, складывается ли и как быстро складывается революционная ситуация в стране, оборвалась ли эта ситуация под влиянием войны в июле 1914 г. или под влиянием той же войны она снова сложилась и при том законченно, цельно.

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

1. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

«Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации?» — ставил Ленин в годы войны вопрос и отвечал: «Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство: тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому, 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению». Однако и этих объективных условий недостаточно для созревания революционной ситуации. «Не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».[1]

Назревала ли революционная ситуация в России в годы войны? Как обстояло дело с перечисленными Лениным факторами, эту ситуацию создающими?

Нужда и бедствия угнетенных классов обострились не только выше обычного, но и свыше всякой меры. О рабочих много говорить не приходится. Толки о том, будто в годы войны заработная плата поднялась, ни на чем не основаны. Поднималась плата в рублях, потому что рубль падал в цене, но действительная, реальная заработная плата понизилась в 1916 г. по сравнению с 1913 г. почти на 4 рубля в месяц. Это в среднем, конечно, если брать всю массу рабочих, а для большинства она либо понижалась еще более, либо осталась на старом, низком уровне. На крупнейших шахтах

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 244 и 245.

Донбасса половина рабочих в 1916 г. получали до 1 р. 50 к. в день, когда на эти деньги с трудом можно было просуществовать впроголодь. Анкета, произведенная в Москве в 1915 г., показала, что если до войны 84,4% металлистов ели мясо каждый день, то в год войны таких счастливцев было уже 67,4%. В Пермской губернии на заводах потребление мяса рабочими сократилось в 2 — 3 раза и снизилось до 0,08 фунта в день. И т. д. Рабочие, получавшие высокую заработную плату, составляли ничтожную горсть в рабочей массе, которая в громадном большинстве своем остро нуждалась в самом насущном, не располагала сколько-нибудь достаточными средствами для удовлетворения в самом необходимом. На этой почве неудержимо росло недовольство войной и породившим ее старым порядком. Начальник петроградского охранного отделения писал, например, в июле 1915 г. в одном из своих докладов: «Повышенность настроений в широких массах рабочих имеет в основе своей исключительно недовольство все увеличивающейся дороговизной предметов первой необходимости и теми ненормальностями труда и существования, какие создались для низов столичного населения в последнее время». А в октябре 1916 г. начальник московской охранки писал: «Можно с уверенностью сказать, что подобного раздражения и озлобления массы мы еще не знали. В сравнении с настроением данного момента, настроение 1905 — 1906 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным. Если в дальнейшем нам не удастся радикально победить все периодически остро вспыхивающие продовольственные «кризисы» и не удастся если не понизить, то, во всяком случае, предупредить дальнейший рост дороговизны, никакое патриотическое чувство не выдержит, и Москва легко может явить картину чисто стихийных беспорядков». И таковы были настроения рабочих не только в Петрограде и Москве. Мы убедимся в этом еще из дальнейшего изложения.

Но ничуть не меньше были нужды и бедствия крестьянства. Оно, правда, осталось при земле и, казалось, не должно было испытывать хотя бы продовольственной нужды. Но и этого не было. Из 18 млн человек, мобилизованных на войну, громадное большинство их приходилось на крестьян, хозяйства которых лишились самой ценной рабочей силы, оставшись при стариках и женщинах; конские мобилизации, реквизиции продовольствия еще больше ослабляли крестьянские хозяйства. В итоге, посевная площадь сокращалась, и если богатые крестьяне наживались на дороговизне хлеба, то бедное крестьянство вынуждено было само с трудом покупать хлеб. Товаров же, при общем товарном голоде в годы войны, в деревню совсем не попадало. К осени 1916 г. стан колес стоил 100 р. вместо 15 р. мирного времени, телега 140 — 150 р. вместо 25 р., деревянная лопата — 75 к. вместо 20 к., пуд веревок — 14 р. вместо 4 р. 50 к. и т. д. Деревня ничего не могла купить лишь потому, что товаров совсем не было, либо потому, что цена на них возросла неимоверно (в 1916 г., например, цены на суконные и шерстяные товары повысились, по сравнению с 1914 г., на 100 — 130%, на кожевен-

ные товары — до 150 — 170%, на металлические изделия — на 300 — 400%).

Для довольства крестьян было, очевидно, оснований мало. Миллионы погибших на войне, неисчислимые лишения других миллионов-фронтовиков, еще не погибших, но обреченных на гибель, развал хозяйства, лишение рабочей силы и скота, полная отрезанность от рынка товаров точно таможенной стеной другого государства, — что нужно было еще, чтобы нестерпимыми стали нужды и бедствия? И настроения крестьянства дают грозную трещину.

«Вот берут, берут, берут солдат, а толку нет, ни мира, ни победы», говорят крестьяне в Курской губернии. «Когда же, наконец, кончится война, когда перестанут брать из семейств последних работников», толкуют казанские крестьяне. «Пора отказаться от новых призывов парней и старых мужиков, все равно правительство всех не перевешает, а немцы сумеют всех перебить или перекалечить», говорят во владимирской деревне. Жандармы, собиравшие все сведения о подслушанных разговорах, о различных проявлениях крестьянских настроений, в своих донесениях все чаще рисуют картину враждебного отношения крестьян к войне и правительству. «Войну считают наказанием божьим, потому что народ истребляется, а конца ей не видно, и призывы в войска еще продолжаются», доносят жандармы из Казанской губернии. «В крестьянской среде слышатся жалобы на призывы в войска, на реквизиции скота, раздаются речи о невозможности победить немцев, о целесообразности сдачи в плен», — таков отзыв начальника владимирского жандармского управления. Из Херсона начальник жандармского управления писал: «После того, как точно определились наши неудачи на войне, а также после резкого выпада в Гос. думе со стороны ее членов против высших чинов центральной правительственной власти, в населении, особенно крестьянском, стало замечаться враждебное отношение к высшей власти в России вообще, причем тогда же распространялись усиленно слухи о царящей везде государственной измене, огромных податях и пр.». Из Екатеринослава доносили департаменту полиции: «Восторженные газетные статьи о выносливости солдат, их доблести и подвигах, а также рассказы возвращающихся домой раненых солдат — сделали и делают свое дело; военнопленные, отпущенные на крестьянские работы, расселенные по деревням, тоже способствуют привитию крестьянству новых идей и взглядов на войну». В одной из сводных своих записок департамент полиции писал: «Теперь в деревне уж не верят в успех войны; по словам страховых агентов, учителей, торговцев и проч. представителей деревенской «интеллигенции», все ждут не дождутся, когда же, наконец, окончится эта проклятая война». В другой записке департамента говорится: «В деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1905 — 1907 гг. Повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраиваются ячейки разных организаций . . . Таким образом, крестьянство, не-

сомненно, окажется весьма действительным участником нового и неизбежного движения».

Более определенно и, главное, более активно все эти настроения складывались в армии, основную массу которой составляли крестьяне. Между деревней и армией поддерживалась непрерывная связь. Письма с фронта сообщали деревне о настроениях и жизни солдат, письма из деревни передавали о положении тыла. И те и другие вести были одинаково беспросветны. На фронте солдат кормили плохо, еще хуже одевали, гнали в бой без вооружения, поражение следовало за поражением, бесплодная смерть за смертью. В тылу — полное расстройство, продовольственный развал, товарный голод. «Еще более острое чувство вызывал в армии, — писал генерал Рузский в одном из своих докладов, приукрашивавших настроения в армии, — доходящий до нее голос населения, горько жалующегося на потрясающую и неоправдываемую обстоятельствами дороговизну, полное расстройство экономической жизни страны и беззастенчивую эксплуатацию». Генерал ожидал, что «тяжелый кризис внутренней жизни страны» дезорганизует армию. Но ждать нечего было, потому что дезорганизация была налицо. Солдаты неохотно шли в бой, дисциплина падала, учащались побеги, росло общее недовольство, громко выражался ропот. «Я еще не встречал ни на фронте, ни в лазарете, ни в запасных полках солдат, горящих желанием биться с врагом, — говорилось в письме с фронта, адресованном в Гос. думу и перехваченном жандармами. — Все устали — все жаждут мира . . . Солдат стал просыпаться, начинает видеть ненужность войны, сознавать, что его обманули вы и присные вам, которым выгодна война». А департамент полиции вынужден был писать: «Армия и в тылу, и в особенности на фронте полна элементами, из которых одни способны стать активной силой восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий, но при достаточной организованности первых едва ли в армии найдутся в достаточном количестве элементы, способные стать активной контр-революционной силой правительства. Вооруженный народ, стоящий теперь в окопах и в тылу, пропитан насквозь массою революционных элементов сознательных крестьян и рабочих, к которым надо прибавить еще десяток тысяч солдат угнетенных национальностей».

К этому надо добавить жажду земли, которая, конечно, в крестьянстве нисколько не ослабела. Больше того — крестьяне именно в связи с войной ожидали земельной «прирезки», о которой деревня не переставала говорить, полная разными слухами. Настроения эти отражали даже крестьянские депутаты Гос. думы, принадлежавшие к правым партиям. «Земельная реформа необходима, господа, там (т. е. на фронте) теперь борются за нее», говорил один из крестьян-депутатов в Думе. «На это мы теперь имеем право и свою судьбу с честью отстаиваем на поле брани», говорил другой. «Крестьяне еще не забыли слов, сказанных самодержцем, что им будет дана прирезка земли там, где существует теснота земельная. Где

*

этой тесноты нет? Она повсеместно за последние 10 лет усилилась. Дайте же им эту земельную прирезку; они этого особенно ждут, сильнее, чем всего другого», говорил третий. О широко распространенной среди крестьян уверенности в прирезке земли после войны доносили и жандармские управления разных губерний. «Крестьяне убеждены, что за все невзгоды за время войны они будут наделены землей», писал начальник симбирского жандармского управления. «Никогда не замирающее стремление крестьян к земле с началом войны не только не ослабело, но, наоборот, усилилось, — писал начальник екатеринославского жандармского управления. — Во всех толках крестьян о войне сейчас красной нитью проходит одна надежда — надежда на то, что по окончании войны участники ее щедро будут награждены землей. В этом отношении в массе циркулируют самые разнообразные слухи, и нельзя не отметить, что слухи эти находят полную веру в рядах армии». Слухи, достаточно наивные, говорили то о том, что крестьянам отдадут земли, конфискованные правительством у немцев, то о том, что им отдадут вообще все завоеванные земли, то о том, что именно для крестьянской «прирезки» завоевывается Галиция. В этой наивности для правительства и помещиков было, впрочем, мало приятного. Острая потребность в земле, возрастающая в связи с войной уверенность, что земля должна быть и будет, на почве общего недовольства войной, поднимали революционное настроение в крестьянстве и в особенности в армии, среди крестьян в солдатских шинелях.

«Нужда и бедствия угнетенных классов», таким образом, обострялись в степени, совершенно достаточной для созревания революционной ситуации.

Как обстояло дело с другим фактором — с «кризисом верхов», с «неспособностью для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство»?

Самые широкие слои буржуазии имели все основания стать в оппозицию правительству. Война приносила одни неудачи: поражения на фронте осложнялись полным развалом тыла, страны. Но вести войну, на завоевательных целях которой буржуазия строила планы «великой», империалистической России, она могла только вместе с властью, на основах гражданского с ней мира. Такой мир и был установлен с самого начала войны, а это приковало буржуазию к царской колеснице: протестуя против политики правительства, разоблачая распутиновщину, требуя министерства «общественного доверия» и этими разоблачениями содействуя, против собственной воли, революционизированию страны, буржуазия в то же время, в страхе перед революцией, прогнившую монархию поддерживает.

В самом начале войны Милюков говорил в Гос. думе: «В этой борьбе (т. е. в войне), мы все заодно, мы не ставим условий и требований: мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника» (т. е. Германию). «Гражданский мир» этого и требовал. Отказаться от всяких претензий к распутинскому монарху, предоставить ему свободу действий, — все это было, действительно, положено

на весы «борьбы». Было сделано и другое: так называемый «прогрессивный блок», в котором либеральная буржуазия (кадеты и прогрессисты) объединялись с октябристами и даже с правыми (националистами), был шагом к тому, чтобы предложить царизму свои услуги по организации власти. Царское правительство, однако, совсем не желало разделить своей власти ни с кем, даже с думскими помещиками: войною, «гражданским миром» оно хотело, наоборот, воспользоваться для того, чтобы укрепить самодержавие, укротить Думу и дать полное торжество распутинской политике. Но правительство вело страну к полному развалу и неизбежному разгрому в войне. Как быть? Снять с весов положенную на них «просто» волю одолеть Германию? Но тогда на победу останется еще меньше шансов. Вступить в борьбу с правительством? Но, как тогда говорили, «во время переправы не перепрягают лошадей»: поколеблется власть — поколеблются и шансы войны. А главное — борьба буржуазии усилит революционные настроения в стране. Общебуржуазный противореволюционный блок теперь принял совершенно отчетливые очертания. «Большинство ее (т. е. Думы), — пишет Родзянко, — объединившееся в прогрессивный блок, боролось именно с революционным течением. Умеренные элементы в Гос. думе более всего боялись, что накопленное в стране недовольство может легко вылиться в крайне нежелательные формы». «Для меня, — говорил Гучков, лидер октябристов, — были не безразличны те формы, в которых происходил разрыв (с правительством), и те формы, в которые облекалась новая власть. Я имел в виду этот переход от старого строя к новому произвести с возможным смягчением». О том же говорил и Милюков: «Против идеи достигнуть этой цели (общественного министерства) революционным путем парламентское большинство (т. е. в том числе кадеты) боролись до самого конца». Но тогда какими же путями достигнуть смены власти? Думских речей правительство не боялось, да и Думу собирало редко. «Лойяльного» выхода, очевидно, не было. Наиболее смелые задумали дворцовый переворот — арестовать царя и заставить его пойти на уступки, или отправить царицу насильно в Англию, но и на это смелых людей нашлось не много: быть может, подумали, что такого рода сенсация, как арест царя или похищение царицы, послужит на пользу революции. Избрали мишень подоступнее — главного царского советника, прелюбодея Распутина. Но и его убил царский отпрыск, а не кадет или октябрист, да и убийство это делу не помогло: без Распутина стало не легче, чем с Распутиным.

Так беспомощно топтались на одном месте господствующие классы. Страна вплотную подходила к тупику. Приостановить крушение господствующие классы были не в состоянии, они не были в силах взять власть, даже в условиях крайнего падения царского престижа. Прикованные к монархии страхом перед поражением в войне и революцией, — и революцией больше, чем поражением, — они обрекали себя на бессилие, демонстрировали невозможность не только «сохранить в неизменном виде свое господство», но и вообще гос-

подство сохранить. Это был «кризис верхов», угрожавший «гниением страны».

Перспективы революции сводились к третьему фактору: имеется ли революционный класс, способный на революционные действия, достаточно сильный для того, чтобы сломить старую власть? Выступление рабочего класса, подготовленного всем предшествующим своим развитием и всем прошлым революционного движения к роли «могильщика» старых порядков, решило дело.

2. К РЕВОЛЮЦИИ

Мы уже отметили, что экономическая борьба, которую вели рабочие в годы войны, была полна политическим содержанием и по существу была борьбой политической. Тем сильнее она должна была воздействовать на рабочее движение в смысле превращения его в политическую, революционную борьбу.

Политическая активность рабочих назревала постепенно, несмотря на то, что с самого же начала они услышали призывы к активной борьбе за мир. В Петербурге, Москве и ряде других городов большевистскими организациями были выпущены прокламации в первые же дни войны. «Возьмите управление государством в свои руки и, вместо строя тиранов, водрузите на месте красное знамя труда», — говорилось, например, в прокламации петербургского комитета. — Организуясь в политические партии, запасайтесь оружием: время не ждет. Долой войну! Долой кровавое самодержавие! Да здравствует Учредительное собрание, могущее дать крестьянам всю землю, а рабочему люду право бороться за лучший мир, за социализм! . .» Руководящий коллектив московской организации в прокламации писал: «В ответ на призыв объединиться вокруг существующей власти, мы говорим: Долой самодержавие! Да здравствует вооруженный народ! Да здравствует демократическая республика!» Бакинская прокламация «Война — войне» заканчивалась лозунгами: «Долой войну! Долой войну, во что бы то ни стало! Долой войну во имя существования наших жен и детей! . . Долой войну, лишающую нас мирного труда! Долой войну во имя международного протеста народных масс! Через голову правительства русский рабочий народ протягивает руку своим немецким и австрийским братьям-трудящимся и сливается с ними в одном лозунге: Долой войну! Да здравствует братство народов!» Такими же лозунгами закончилась прокламация группы екатеринославских большевиков. Киевский комитет писал: «Нам говорят, что эта война является защитой свободы и независимости наших братьев-сербов. Не верьте этому, товарищи . . . Это ищут рынка для промышленников, это стараются сохранить земли за помещиками, не желая дать их крестьянам и обрекая их на нищету и голод. Это стараются держать рабочих в тех невыносимых условиях, в каких они живут сейчас». Прокламация кончалась лозунгом: «Долой самодержавие насиль-

ников! Долой войну!» Самарский комитет призывал рабочих развивать свои силы «к предстоящей борьбе за прекращение войны, за свержение самодержавия, за демократическую республику». Областной комитет кавказских организаций обращался к солдатам: «Вас вооружили.. Обратите оружие против врагов народа и завоюйте землю крестьянству и волю всему народу. Обратите войну в борьбу за освобождение народа». Харьковский комитет писал солдатам: «Пусть русский солдат знает, что, одев шинель и положив ружье на плечи, он остается все тем же крестьянином и рабочим. Пусть он чутко прислушивается к голосу, идущему из своей страны. Близко то время, когда он должен наставить свои ружья на того, кто посылает его. Истерзанный, измученный народ должен громко сказать: Довольно крови, довольно издеваться над нами! Долой кровавую бойню-войну!» Черниговская организация возглашала: «Мы не хотим быть пушечным мясом для капиталистов и прислуживающих им правительств. Долой войну!» Таким же возгласом заключалась прокламация уральской группы с.-д. и т. д.

Мы привели эти выдержки из прокламаций, относящихся к военным месяцам 1914 г., чтобы показать, во-первых, что повсюду, даже в глухой провинции, раздавались призывы к борьбе с войной, и что, во-вторых, эти призывы в первые же месяцы войны доходили до рабочих. Но они не вызвали сразу активности в рабочей среде. Слишком оглушителен был удар, нанесенный сознанию рабочих мировой войной, чтобы они могли сразу очнуться. Но призывы доходили все же и до рабочих, и до солдат, и оказали свое действие позже, когда действительность все больше вскрывала и характер войны, и развал страны, и гниение на корню старого порядка.

Первым и наиболее ярким политическим выступлением рабочих были иваново-вознесенские события августа 1915 г., возникшие на почве предшествовавшей им продовольственной забастовки. 10 августа в Иваново-Вознесенске забастовали 25 182 рабочих в 32 предприятиях, причем, по свидетельству фабричной инспекции, «мотивом забастовок выставлялся протест против войны». По словам «Социал-демократа», забастовкой руководили большевики и сопровождалась она демонстрациями с красными знаменами, революционными песнями, лозунгами «Долой войну и правительства», «Всеобщая амнистия». Запрос, внесенный социал-демократической фракцией в Думу, излагал течение забастовки, закончившейся расстрелом мирной толпы, в таком виде: «10 августа, объявив общую забастовку, рабочие Иваново-Вознесенска целый день обсуждали создавшееся тяжелое положение, около же $7^1/_2$ час. вечера многотысячная, но совершенно безоружная толпа рабочих пришла на площадь к городской управе. Здесь двигавшаяся масса была встречена залпом, последовавшим без всяких предупреждений... Упали убитые и раненые. Толпа бросилась бежать, вдогонку новые выстрелы — новые жертвы». Эта расправа нашла отклик в Петрограде, где 16 — 20 августа бастовали в виде протеста до 18 тыс. рабочих.

Отклик этот показал, что настроение петроградских рабочих

поднималось. И это оправдалось в ближайшие же дни, когда массовые аресты среди рабочих вызвали сильное возбуждение, искавшее выхода в протесте. Большевики в прокламации призвали рабочих к трехдневной забастовке протеста против правительства. В ответ на это рабочие Путиловского завода на митинге 1 сентября постановили забастовать с завтрашнего дня на три дня. 2 сентября такие же митинги состоялись на других заводах. 3 сентября с утра бастовало уже до 40 тыс. рабочих, 4 сентября — до 60 тыс. Всего, по официальным данным, бастовало свыше 62 тыс. рабочих, а по данным «Социал-демократа» — до 150 тыс. Забастовки эти нашли отклик и в Москве, где бастовало до 30 тыс. рабочих. О настроении среди рабочих свидетельствует отзыв петроградского градоначальника, который, объясняя аресты, предшествовавшие забастовке, указывал, что лозунгами арестованных рабочих «являлась необходимость использовать войну как средство для ниспровержения существующего государственного строя», и что «наряду с этим революционные рабочие организации выставляли нередко и требования скорейшего заключения мира». Таким образом, настроения как передовых, революционно-организованных рабочих, так и более широкой массы говорили о том, что наступает перелом в движении рабочих, что от широкой экономической борьбы они снова переходят к борьбе политической. Радикально изменились настроения не только петроградских рабочих. В октябре 1915 г. начальник екатеринославского охранного отделения писал, например, в своем докладе: «В начале войны настроение рабочих масс было патриотическим и приподнятым; оно продолжало оставаться таковым до того времени, когда последствия войны в тылу и так же, как дороговизна жизни, недостача некоторых продовольственных продуктов и т. п. результаты экономической депрессии не коснулись этих слоев весьма существенно»; с этого времени в рабочей массе весьма заметно начинает чувствоваться отрицательное отношение к войне, «массы тяготеют к тому, как скорее закончить войну: нельзя было говорить о мире до начала текущего года ни на одной из больших массовок — ораторов снимали, их освистывали, а минувшим летом и осенью на происходивших массовках с участием серого элемента фабрик и заводов вопрос о мире не встречал уже к себе резко отрицательного отношения». Такими настроения были, конечно, повсюду. Выявлением их и были массовые экономические забастовки, заполненные политическим содержанием. Роль выразителя общерабочих настроений и авангарда всей рабочей массы и на этот раз, как всегда раньше, принадлежала петроградским рабочим.

Сентябрьские забастовки в Петрограде получили свое продолжение. Нарастая постепенно, питаемая продовольственным развалом, военными поражениями, вакханалией распутинского правительства, активность рабочих все поднимается и возвращается к методам борьбы июльских дней 1914 г., прерванных войной.

Если после 9 января 1915 г. Маклаков докладывал царю, что рабочие «перестали подчиняться слепо прежнему вредному влиянию

социалистических агитаторов», то после 9 января 1916 г. об этом уже никто не смел говорить. В выпущенной к этому дню прокламации Петербургский комитет большевиков призывал рабочих: «В тяжелый кошмарный год кровавой войны нам, рабочим, особенно важно продемонстрировать наше отношение ко всей лживой и предательской политике правительства и однодневной стачкой выразить протест-осуждение кучке палачей, ведущих страну на путь катастроф и конечной гибели. В день 9 января, традиционный праздник, русский пролетариат еще раз подчеркнет его международную солидарность и сквозь грохот пушечных канонад мощно воскликнет: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Призыв этот нашел должный отклик: 9 января бастовало, по официальным данным, до 70 тыс. рабочих — на 10 тыс. больше, чем в 1913 г. Забастовке предшествовали митинги по заводам, а на Выборгской стороне была сделана и попытка уличных демонстраций. Так, рабочие завода «Новый Лесснер» двинулись толпой с пением «Марсельезы» и двумя красными знаменами по Б. Сампсониевскому проспекту. Как раз в это время проезжал военный автомобиль, шофер которого направил мотор на взвод жандармов и свалил одного из жандармов вместе с лошадью; рабочие приветствовали автомобиль криками «ура», на что солдаты, находившиеся в автомобиле, ответили такими же криками и умчались. Другая толпа рабочих собралась у клиники Вилье, чтобы двинуться к Б. Сампсониевскому проспекту, но была рассеяна полицией, вечером к клинике направлялись рабочие завода Нобеля, но также не были допущены. 7 тысяч рабочих Механического завода двинулись к Финляндскому вокзалу, чтобы соединиться здесь с рабочими других заводов; демонстративное шествие с небольшими красными знаменами устроили и рабочие завода Айваз. За время войны теперь впервые на улицах появляются красные знамена, и раздаются революционные песни.

День 4 апреля — ленских расстрелов — хотя и слабо, но все же отмечается в 1916 г. в Петрограде, где, по сведениям фабричной инспекции, бастовали 8 тыс. рабочих. 1 мая 1916 г. пришлось на воскресенье, и потому день этот в Петрограде не был отмечен стачками. К этому дню распространена была прокламация Петербургского комитета, в которой говорилось: «Год прошел не даром, за протекшие месяцы пролетариат России вел напряженную, стойкую борьбу против наступающего капитала, против царской власти и поддерживающих ее сил. Эта неравная борьба в атмосфере всеобщего одичания и разгула зверских националистических страстей была неслыханно трудна и потребовала множество жертв. Но из каждой стачки с царизмом пролетариат выходил еще более закаленным, и все новые и новые борцы становились на месте ушедших. И недалек уже день, когда решительным ударом рабочий класс вырвет власть из рук зарвавшегося царизма и положит предел преступной войне».

За лето, к осени 1916 г., развал страны стал принимать все более грозный характер. Продовольственный кризис обострялся, предприятия работали с перебоями из-за недостатка сырья и топлива.

Недовольство росло, учащались стачки, в том числе в Петрограде. В середине октября Петербургский комитет большевиков обратился к рабочим с прокламацией по поводу продовольственного кризиса. Прокламация доказывала, что, «только объявив решительную войну войне, только остановив бушующий мировой пожар, человечество спасет себя от надвигающегося голода, нищеты и вырождения». «Пора народным массам взять инициативу в свои руки, — писал Комитет, — довольно терпеть и молчать. И пролетариат России должен немедленно подать свой голос и повести за собою все живые и демократические элементы страны . . . Враг каждого народа находится в его собственной среде, и только беспощадной борьбой против него народные массы могут спастись от обнищания и вырождения и добиться лучшего будущего». Прокламация не призывала непосредственно к забастовке, но говорила вообще о борьбе, — однако и этот общий призыв падал на раскаленную почву. По заводам начались митинги, вслед за которыми рабочие объявляли забастовки.

17 октября забастовал минный завод (5 тыс. рабочих), и рабочие с песнями пошли по домам. В тот же день забастовали 5 тыс. рабочих завода «Новый Лесснер». Лесснеровцы, выйдя на улицу, двинулись мимо казарм расположенного вблизи завода 181-го пехотного полка, тут же оказалась и полиция. Когда полиция приблизилась к казармам, солдаты стали бросать в нее камнями, а затем опрокинули вагон трамвая; рабочие в свою очередь бросили камни, причем командир полка получил ушиб в ногу. Для усмирения солдат был прислан Московский полк, рабочие были рассеяны.

В ближайшие же дни стачечная волна широко разливается. По данным фабричной инспекции, 17 октября бастовали 20 300 рабочих, 18 октября — 41 703, 19 октября — 66 625. На четвертый день — 20 октября — бастовали 14 624 рабочих, а 21 октября работы повсюду возобновились. Градоначальник отмечал в эти дни неоднократные попытки рабочих «собраться в толпу и петь песни».

Эта легкая возбудимость масс, десятками тысяч бросивших работу по собственному почину, говорила о том, что восстанавливалась преемственность с прерванным в июльские дни 1914 года движением, что рабочий класс снова, но в обстановке другой и более благоприятной, обрел в себе силу для революционной борьбы. И это подтвердилось еще раз в ближайшие дни. Столкновение солдат 181-го пехотного полка с полицией породило слухи о предании солдат военному суду, и это вызвало тревогу в рабочих кругах. В те же дни предстоял суд над матросами Балтийского флота, которым угрожала каторга за участие в военной организации с.-д. партии. Петроградская организация большевиков в связи с этим призвала рабочих к стачке протеста. 26 октября рабочие снова начали бросать работу, прежде всего на Выборгской стороне; в этот день забастовало 17 тысяч; в этот же день 5 тыс. рабочих Минного завода организовали демонстративные похороны двух рабочих, погибших от ожога на заводе. 27 октября число бастующих составило 46 122, 28 октября — 61 902 и 29 октября — 57 460 рабочих. Таковы официальные данные,

по частным же сведениям бастовало до 130 тыс. рабочих. Как и в дни предшествовавших стачек, полицейские отчеты отмечали попытки демонстраций, а у Трубочного завода 28 октября при столкновении с полицией из толпы рабочих раздался выстрел. В эти дни бастовал и ряд типографий.

Число бастовавших держалось все эти дни на высоком уровне, несмотря на то, что к подавлению движения были приняты решительные меры. 27 октября военной властью было закрыто 15 предприятий с 42 тыс. рабочих. Всего в обеих октябрьских стачках, продолжавшихся в общей сложности 10 дней, участвовало, по данным фабричной инспекции, 138 076 рабочих. Число это само по себе уже приближалось к числу бастовавших в июльские дни 1914 года. Если первой стачке предшествовали митинги, на которых говорилось также о дороговизне, то вторая забастовка была вызвана протестом против суда над матросами. По существу она была первым за время войны открытым революционным выступлением рабочих против старого порядка.

Непосредственным продолжением этого выступления был день 9 января 1917 года. Революционное настроение рабочих к этому времени настолько определилось, что оно стало ясным и для власть имущих. Доклад петроградского охранного отделения от 5 января сообщает, что «настроение столицы носит исключительно тревожный характер . . . все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и другой стороны». «Единственный выход из настроений столичного пролетариата — это возможность в любую минуту забастовки и всевозможных эксцессов, — пишет начальник того же охранного отделения в другом докладе в эти же дни. — Идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой была и в 1905 г.». Охранный осведомитель министра внутренних дел Протопопова характеризует в начале января момент, «как период, подготовительный к открытому выступлению объединенных революционеров».

Еще более оценить настроение рабочих могли революционные организации. 7 и 9 января Петроградский межрайонный комитет большевиков и меньшевиков-интернационалистов и особая «инициативная группа» меньшевиков-интернационалистов распространили прокламации с лозунгами к 9 января: «Долой войну, да здравствует мир, учредительное собрание, демократическая республика!» Сдвиг в рабочей массе был столь значителен, что ему поддалась и рабочая группа военно-промышленного комитета, по мысли которой стачки в день 9 января должны были подкрепить борьбу Гос. думы за смену власти.

Уже по числу бастовавших этот день нисколько не напоминал соответствующие дни предыдущих лет. Рабочая группа военно-промышленного комитета насчитала в этот день до 200 тыс. бастовавших, подсчеты партийных организаций говорили о 300 тыс. участниках стачек, и даже по официальным данным бастовавших насчитывалось 137 500 рабочих в 114 предприятиях. В Выборгском

и Невском районах бастовали все предприятия, большинство предприятий бастовало и в прочих районах, бастовали и типографии, так что на следующий день некоторые газеты не вышли. Хотя партийные организации не призывали рабочих на улицу, все же в различных частях города, в особенности на Выборгской стороне, происходили демонстрации.

Внушительно прошел день 9 января и в Москве, которая всегда значительно отставала в этом отношении от Петрограда. По данным охранного отделения, в Москве бастовали 32 тыс. рабочих в 51 предприятии. На многих заводах рабочие выходили на улицу с пением революционных песен. Днем на Театральной площади собралась толпа в тысячу человек, появились красные знамена, раздалось пение «Марсельезы». Демонстранты были рассеяны полицией. Из провинциальных городов происходили частичные забастовки в этот день в Ростове, Екатеринославе, Новочеркасске, Харькове (паровозостроительный завод, несколько типографий и др.).

Как видим, революционный кризис назревал чрезвычайно быстро. Предвестником его были петроградские сентябрьские стачки 1915 года. Через год — в октябре 1916 г. — мы имеем уже первый удар, предупреждающий о революции, и за ним второй — 9 января 1917 года. Октябрьские и январские стачки не были просто стачками политического протеста. Нужно перенести себя в тогдашнюю обстановку, восстановить картину военных поражений, развала тыла, продовольственного кризиса, разгула распутиновщины, бессильного топтания на месте буржуазной оппозиции, чтобы увидеть, что через «трещину», которую создавал «кризис политики господствующего класса», как писал Ленин, прорывалось «недовольство и возмущение угнетенных классов», что это была уже начавшаяся революция, движущей силой которой был петроградский пролетариат, отражавший в своей активности активность всего рабочего класса, который, разбросанный по городам и весям, повсюду громко (хотя и не в такой форме, как петроградский авангард) выражал то же недовольство и возмущение, что такое же недовольство и возмущение нарастало в армии и в крестьянстве, придавая рабочему классу новую силу. В эти годы на сцену выступила та сила, которая революционную ситуацию превращает в революцию: революционный класс, способный развить столь сильно революционное массовое действие, чтобы сломить старую власть. Если по размаху и форме своей октябрьские и январские стачки напоминали июльские дни 1914 г., то по всей обстановке своей они решительно отличались не только от последних, но и от массовых выступлений 1905 года. В июле 1914 г. правительство могло располагать еще достаточной силой, чтобы разбить движение, в 1905 г. оно эти силы еще могло в критическую минуту собрать. Теперь такой силы в его распоряжении не было. Рабочих «разгоняли», в рабочих стреляли, но это делали отдельные, отборные части казаков, а чаще всего — полиция. Солдат в дело не пускали, а когда пустили, то роковым образом на этом обожглись. Отдельные, но многочисленные случаи

сочувствия солдатской массы рабочей борьбе показывали, что рабочий класс не одинок, что спайка с крестьянами в солдатских шинелях уже имеется, что в борьбу вступают не одна, а две силы, перед которыми никто и ничто не будет в состоянии устоять. Именно это создавало благоприятную, «революционную ситуацию», переходившую в победоносную революцию: не будь этого, была бы «спайка» буржуазии с монархом во имя спасения порядка для «победы», «спайка», которая еще раз спасла бы монархию.

После 9 января 1917 г. политический узел затягивался все туже. Распутин убит (в декабре 1916 г.), но распутинская политика осталась. Дума распущена, готовится окончательный его разгон. Война, требуя бесчисленных и бесплодных жертв, все более разваливает страну. Рабочие снова и снова и еще более грозно бастуют.

Общее напряженное положение и все растущее недовольство рабочей массы отражается и на рабочей группе военно-промышленного комитета. Она решает призвать рабочих к демонстрации 14 февраля, в день возобновления занятий Гос. думы. С какой целью? «Момент борьбы пришел, — читаем в воззвании группы. — Страшно было бы упустить его . . . Имущие классы почувствовали, наконец, что только всенародное движение, и прежде всего активное выступление рабочего класса, способно совершить то дело, которое не могут довести до конца они сами. Именно нынешнее столкновение буржуазного общества с властью создает наиболее благоприятный момент для активного вмешательства рабочего класса . . . Теперь уже недостаточна забастовка, товарищи . . . Наш протест, наши требования должны быть вынесены на улицу . . . Пусть же сотни тысяч рабочих со всех концов города, район за районом, завод за заводом в полном порядке, не нарушая спокойствия жителей, никого не задевая и не обижая, не вызывая полицию на насилия, двинутся все к одному центру: к Гос. думе».

Рабочая группа имела, таким образом, в виду поддержку рабочими борьбы Думы с правительством и даже утверждала, будто буржуазия почувствовала необходимость такого активного выступления рабочих. Последнее утверждение решительно расходилось, конечно, с действительностью: Милюков, как бы в опровержение этого заявления, опубликовал в газетах письмо, в котором убеждал рабочих «не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными». Оно и понятно: после предшествующих стачек буржуазия не имела оснований желать их повторения, ибо, как мы видели, пуще всего боялась революции, к которой такого рода выступления вели. Но для рабочей группы демонстрация должна была иметь характер поддержки буржуазии, «активного вмешательства» рабочих в ее пользу. Однако, так или иначе, на демонстрацию звала и рабочая группа, а в глазах рабочих это должно было служить доказательством, что «на улицу» зовут, и о том, что «теперь уже недостаточны забастовки», говорят и самые умеренные из тех, кто имел отношение к рабочему движению.

Готовилась к выступлениям и большевистская организация. Сперва она предполагала призвать рабочих к демонстрации 10 — 12 февраля, — в годовщину осуждения депутатов-большевиков, — но так как эти дни приходились на масленицу, то выступление было перенесено на 14 февраля, но с лозунгами против Думы и правительства и с призывом к демонстрации не у Думы, а на Невском. На призывы рабочие откликнулись забастовкой, но не демонстрировали ни у Думы, ни на Невском. «С утра 14 февраля, — читаем в донесении градоначальника, — прекратили работы рабочие в в числе 60 225 человек, после обеденного перерыва число забастовавших увеличилось еще на 23 939 человек, и, таким образом, всего в течение дня забастовали 84 164 рабочих в 52 предприятиях; большинство рабочих спокойно разошлись по домам. Попытки собираться толпами для производства демонстрации наблюдались лишь в трех местах: у Александровского моста и Нижегородской улицы, вблизи Александровского механического завода на проспекте села Михаила Архангела и на Петергофском проспекте между Елизаветинской улицей и Огородным переулком; сборища рабочих в этих местах были численностью в 150 — 200 человек; энергичными мерами конной и пешей полиции демонстранты были немедленно рассеяны, причем на Петергофском проспекте были задержаны мужчина и женщина, назвавшиеся служащими Путиловского завода, которые несли флаг с надписями: «Долой войну», «Да здравствует демократическая республика», «Долой изменническое правительство, да здравствует вторая российская революция». Кроме того, вблизи здания Гос. думы стремившаяся собраться на тротуаре публика в числа до 400 человек была рассеяна, причем за неисполнение требований полиции были при этом задержаны 4 рабочих». По данным градоначальника, 15 февраля бастовали еще 19 тыс. рабочих, 16 февраля работы повсюду были возобновлены.

Петроградская забастовка нашла отклик и в Москве, где 14 февраля бастовало свыше 12 тыс. рабочих. На Покровке была сделана попытка демонстрации, а в Симонове толпа в несколько сот человек двинулась к Кожевникам со знаменами и возгласами: «Хлеба», «Долой войну».

Хотя забастовка 14 февраля и не вылилась в демонстрацию, а рабочие не обнаружили единства настроения, но этот день, при всей его внешней относительной незначительности, послужил поворотным моментом и был третьим ударом, предупреждающим о революции. После 14 февраля стачки уже не прекращались, повторяясь по отдельным предприятиям изо дня в день, разрастаясь в напряженную борьбу за хлеб, а за ним — за волю и за мир. И когда требования забастовавших 18 февраля рабочих лафетной мастерской Путиловского завода не только не были удовлетворены, но в виду поддержки их другими рабочими завод был закрыт и 30 тыс. рабочих были выброшены на улицу, это сыграло роль капли, переполнившей чашу. Путиловцы образовали стачечный комитет и обратились ко всем рабочим за поддержкой. В эти же дни обострился в

столице продовольственный кризис, хлеб исчезал, рабочие длинными очередями стояли у хлебопекарен, но большинство уходило без хлеба; в столовых и чайных хлеба также не было. Приближался «женский день» (23 февраля), к которому партийные организации подготовляли выступления. На фабриках происходили митинги работниц. Был выпущен листок с лозунгами: «Долой самодержавие», «Да здравствует революция», «Да здравствует временное революционное правительство», «Долой войну». Лозунги «На улицу», «На Невский» были даны всем ходом событий.

Плотину прорвало сразу, с силою, какая возможна только в массовом движении, в котором сотни тысяч спаяны общей нуждой, «бедствием, общим чувством ненависти к угнетателям, общей мыслью положить конец нужде и гнету. 23 февраля с утра забастовали $87^1/_2$ тыс. рабочих на 50 предприятиях; рабочие высыпали на улицу, демонстрировали в рабочих кварталах, прорвались и на Невский. 24 февраля бастовало $158^1/_2$ тыс. на 131 предприятии, демонстрации снова происходят по всему городу, впервые войска обнаруживают явное сочувствие восставшим. 25 февраля забастовка стала всеобщей; в разных частях города происходят столкновения с полицией и снова — отдельные случаи «братания» с войсками.

В эти дни буржуазия в лице думского большинства пыталась еще спасти положение и подавить революцию. 24 февраля в заседании Гос. думы Родзянко говорил о «волнениях» в городе, как «о крайне нежелательных и недопустимых в тяжелое время, нами переживаемое». А за кулисами тот же Родзянко от имени думского президиума вел переговор с великим князем Михаилом Романовым о том, чтобы тот объявил себя диктатором, собрал вокруг себя «еще непоколебленные части петроградского гарнизона» и заставил Николая «даровать ответственное министерство». Милюков, с своей стороны, убеждал Михаила, что «вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу». Два класса стояли друг против друга, но еще не вполне открыто: один скрывался за великокняжеской диктатурой.

Тем временем движение разгоралось. 26 февраля — в воскресный день — центральные улицы заполнялись рабочими, повсюду происходили митинги; в этот же день одна из рот Павловского полка отказалась усмирять рабочих, и это послужило сигналом к тому, что на следующий день, 27 февраля, восстание охватило Волынский, Преображенский и Литовский полки, и затем и весь петроградский гарнизон. Крестьяне в шинелях сказали свое слово, рабочие вооружились, — и со старым порядком было покончено.

Рабочий класс, в качестве гегемона в революционной борьбе, увлек за собой крестьянство и в союзе с ним дал победу революции — венчал столетие борьбы, «революционного движения», потребовавшего стольких жертв и страданий не только лучших одиночек, но и всей массы трудящихся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

